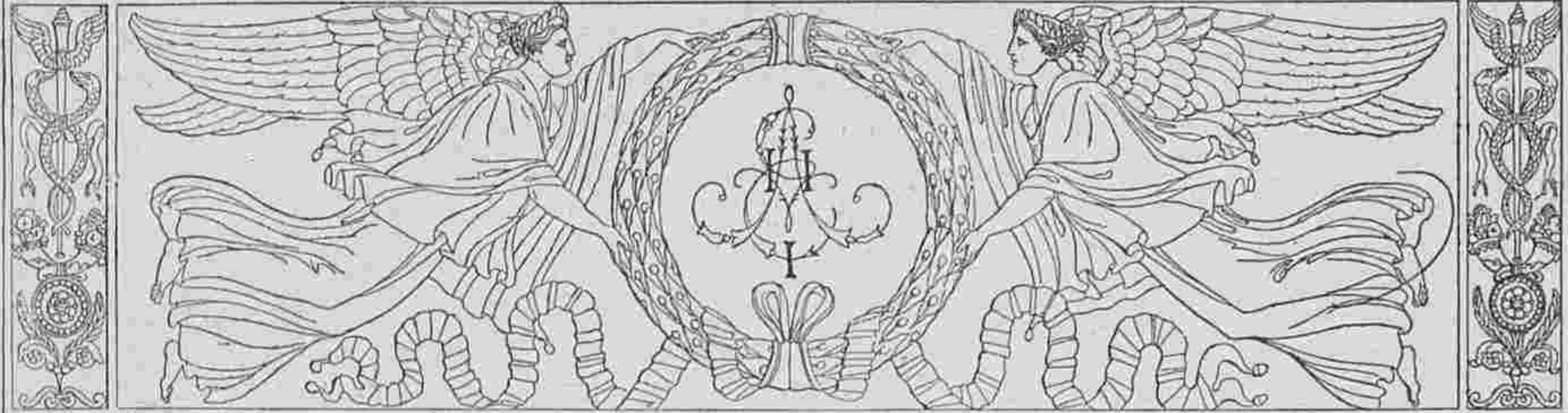

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

1/2 1267

1267

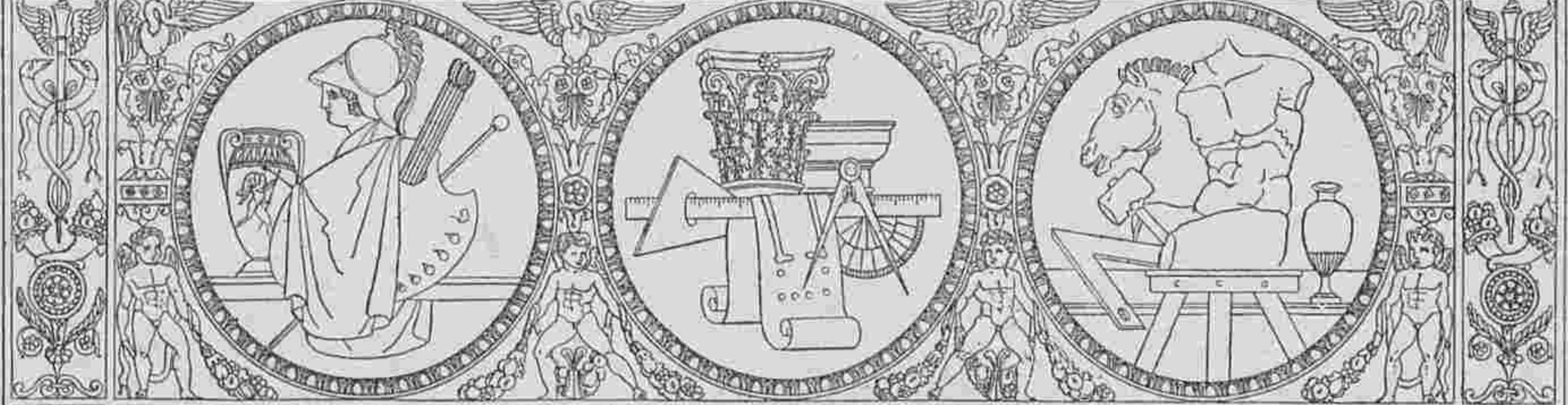
МОСКОВСКІЙ КЛАССИЦИЗМЪ

АРХИТЕКТУРА
ВЪ · МОСКВѢ · ВО · ВРЕМЯ
ЕКАТЕРИНЫ ІІ
И
АЛЕКСАНДРА ІІ

397
11
6.7 + 12

1000

МІРЪ ИСКУССТВА

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫИ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. Н. БЕНУА.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТЕКСТЪ.

	СТР.		СТР.
А. Б. Историческая выставка предметовъ искусства. СПб. 1904.	77	Николаевъ, П. Средневѣковая поэзія въ миниатюрахъ. (Заставка по рис. Е. Лансере, виньетки изъ нѣмецкихъ книгъ XV в.).	121
Билибинъ, И. Народное творчество русскаго Сѣвера.	302	Успенскій, А. Патриаршая ризница въ Москвѣ.	237
Веніаминовъ, Б. С. Архангельское. Очеркъ.	31	Өоминъ, И. Московскій классицизмъ.	187
Ивановъ, А. Логъ и Зигфридъ	128		

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

	СТР.		СТР.
Аргуновъ, Н. И. [1771—1829 (?)]. Портреты братьевъ Варгинныхъ	44	Кипренскій, О. (1783—1836). Портретъ К. Н. Альбрехтъ	45
Архангельское, село, имѣніе кн. Юсуновыхъ Московск. губ.	1—30	Колло, Марія. Екатерина II. Терракот. медальонъ	17
Архитектура, въ Москвѣ, въ эпоху Екатерины II и Александра I	144—186	Лансере, Е. Титулблатъ	85
Бакстъ, Л. Титулблатъ	1	Заставка	121
Бенуа, А. Версаль	48	Миниатюры, 53 снимка съ миниатюръ XIII—XVI в.в.	85—120
Билибинъ, И. Титулблатъ	265	Патриаршая ризница въ Москвѣ.	201—236
Заставка	303	Рашетъ, (?) Бронзовая статуя Екатерины II.	30
Боровиковскій, В. (1757—1825) Портретъ г-жи Арсеньевой	43	Ризница, Патриаршая, въ Москвѣ.	201—236
Мужской портретъ	44	Ротари, гр. (1707—1762). Головка	7
Врубель, М. Портретъ жены художника	46	Поселянка.	20
Выставка, Историческая, предметовъ искусства. СПб. 1904.	50—76	Портретъ	28
Добужинскій, М. Заставки	31, 77	Сѣверъ, Русскій, 70 снимковъ съ церквей сѣверныхъ губерній, народныхъ узоровъ и предметовъ утвари.	267—302
Титулблатъ	50	Сѣровъ, В. Зима (пастель).	47
Замирайло, В. Титулблатъ	201	Энкель, М. Морякъ	47
Историческая выставка предметовъ искусства. СПб. 1904.	50—76	Өоминъ, И. Концовка	186

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) „Читальница“. Картина гр. Ротари (автотипія duplex). Находится въ с. Архангельскомъ . . . передъ стр. 19 2) „Храмъ Аполлона“. Картина Гюберъ-Робера (фототипія). Находится въ с. Архангельскомъ . . . 7 3) „Вторая терраса въ Архангельскомъ“ (фототипія). 3 4) Портретъ М. В. Якунчиковой, ребенкомъ. Рисунокъ И. Е. Рѣпина (фототипія). 77 5—7) 3 фототипіи: 1) Верхняя часть передка второго саккоса митрополита Фотія; 2) Окладъ Евангелія; даръ боярина Морозова 1669 г.; 3) Окладъ Евангелія; даръ царицы Наталіи Кирилловны. 208—216—252	8) Заглавный листъ изъ рукописи XV в. въ Имп. Публичной Библиотекѣ: „Trois traitiez de la Conservation et garde de la Santé par Guy Pavat“ (фототипія). 77 9) Жеганъ Фукé (?) Заглавный листъ изъ рукописи въ Имп. Публичной Библиотекѣ: „Le Debbat ou Estrif de Vertu et fortune“ (фототипія). 125 10) Два образца шитыхъ намышниковъ, изъ собранія И. Билибина. Трехцвѣтная хромоавтотипія Голике и Вильборгъ. 302

*Голицынская больница.
(Калужская ул.).*

*Hôpital Golitzine.
(Rue Kaloujskaïa).*

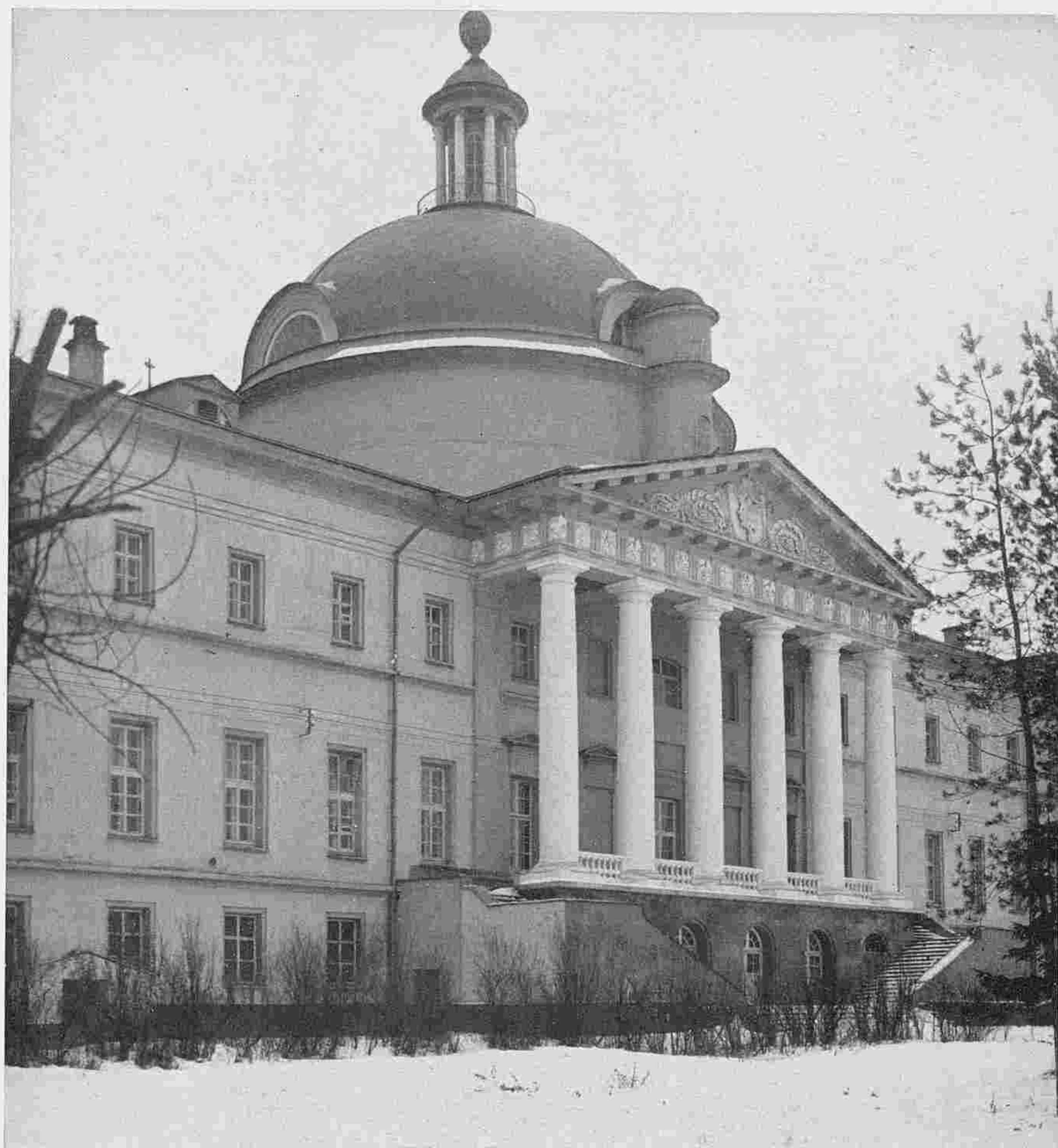
*Домъ графини Соллогубъ.
(Поварская ул.).*

*Hôtel de la comtesse Sollogoub.
(Rue Povarskaïa).*

*Домъ Пашковыхъ.
(Румянцевскій Музей) Ворота.
(Ул. Знаменка).*

*Porte-cochère de la Maison Pachkoff.
(Musée Roumiantzeff).*

*Голицынская больница.
(Калужская ул.).*

*Hôpital Golitzine.
(Rue Kaloujskaïa).*

*Домъ главногo доктора при Софійской
Дѣтской Больницѣ.
(Кудринская Садовая).*

*Maison du médecin en chef de l'Hôpital
de S-te Sophie.
(Rue Koudrinskaïa Sadovaïa).*

*Домъ князя Гагарина.
(Новинскій бульваръ).*

*Maison du prince Gagarine.
(Boulevard Novinsky).*

*Домъ г-жи Ганецкой
(у Арбатскихъ воротъ).*

*Maison de M-me Ganetsky
(près du carrefour de l'Arbat).*

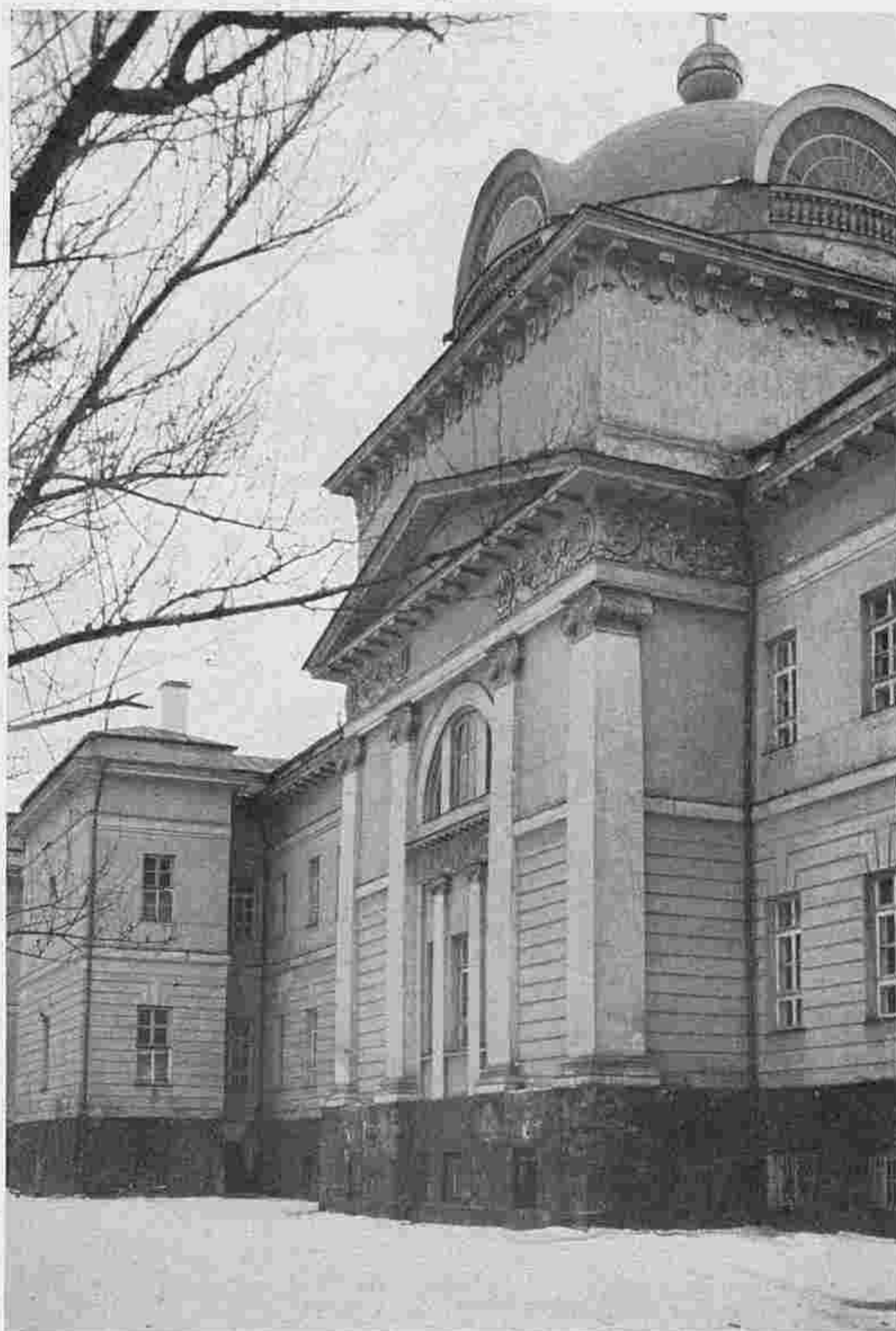
*Церковь во имя Св. Татианы
при Московскомъ Университетѣ.*

Eglise de l'Université.

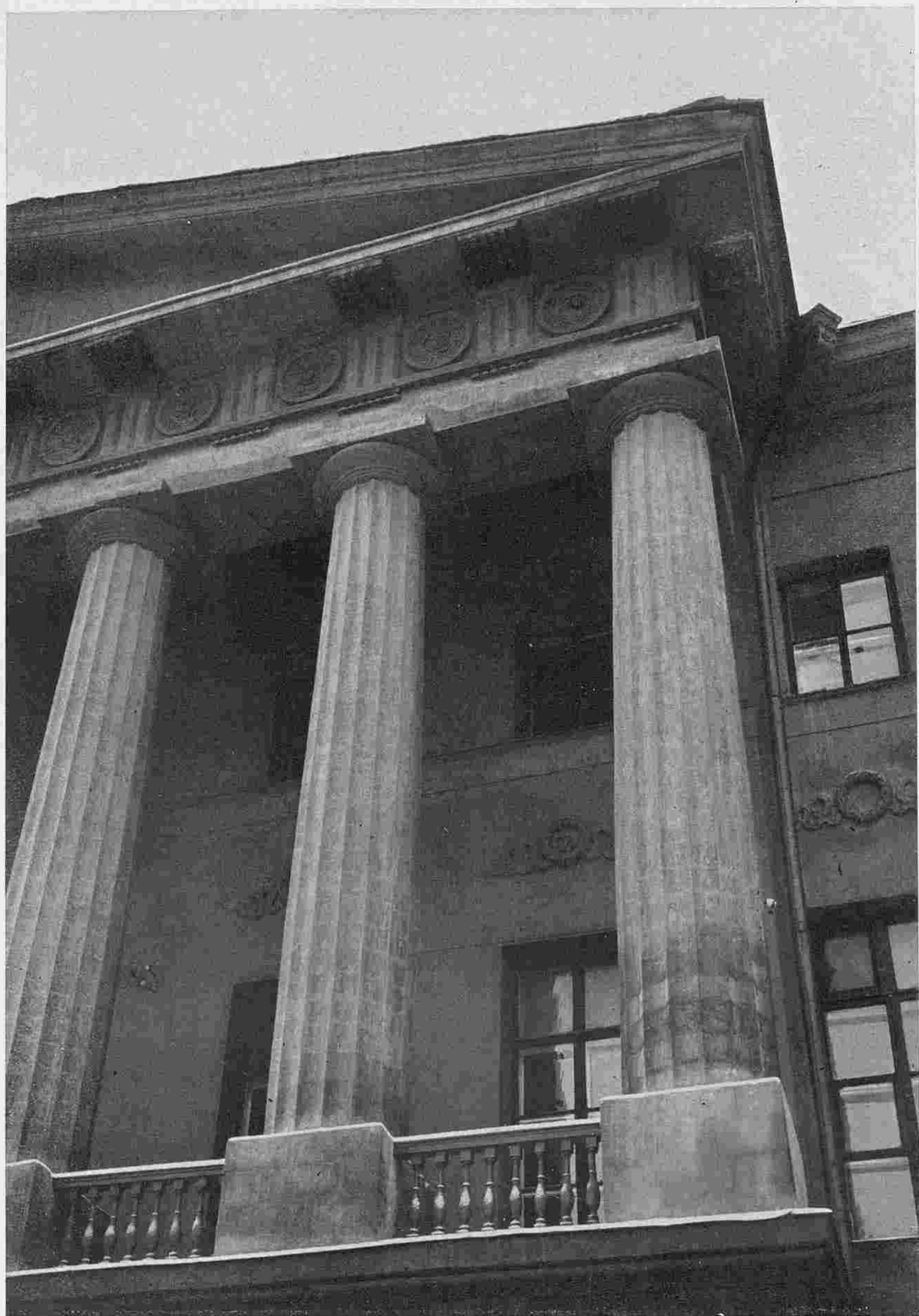
*Домъ Государственнаго Банка.
(Никитскій бульваръ).*

*Maison de la Banque de l'Empire.
(Boulevard Nikitsky).*

*Градская Больница (первая).
(Калужская ул.).
Постр. арх. Бове.*

*Premier Hôpital de la Ville.
(Rue Kaloujskaïa).
Constr. par l'architecte Beauvais.*

Портикъ дома Англійскаго Клуба.
(Тверская ул.).

Portique du Club Anglais.
(Rue Tverskaïa).

*Домъ Англійскаго Клуба.
(Тверская ул.).*

*Фасадъ искаженъ безобразнымъ и абсолютно-
ненужнымъ „зонтикомъ“.*

*Le Club Anglais.
(Rue Tverskaïa).*

*Домъ князя Гагарина.
(Новинскій бульваръ).*

*Détail de la maison du prince Gagarine.
(Boulevard Novinsky).*

Англійскій Клубъ. Ворота. Одинъ изъ шести львовъ.
(Тверская ул.).
Un des six lions qui ornent la grille du Club Anglais.

Студенецкая школа Садоводства (у Трехгорной заставы).

Бывш. дача графа Закревскаго.

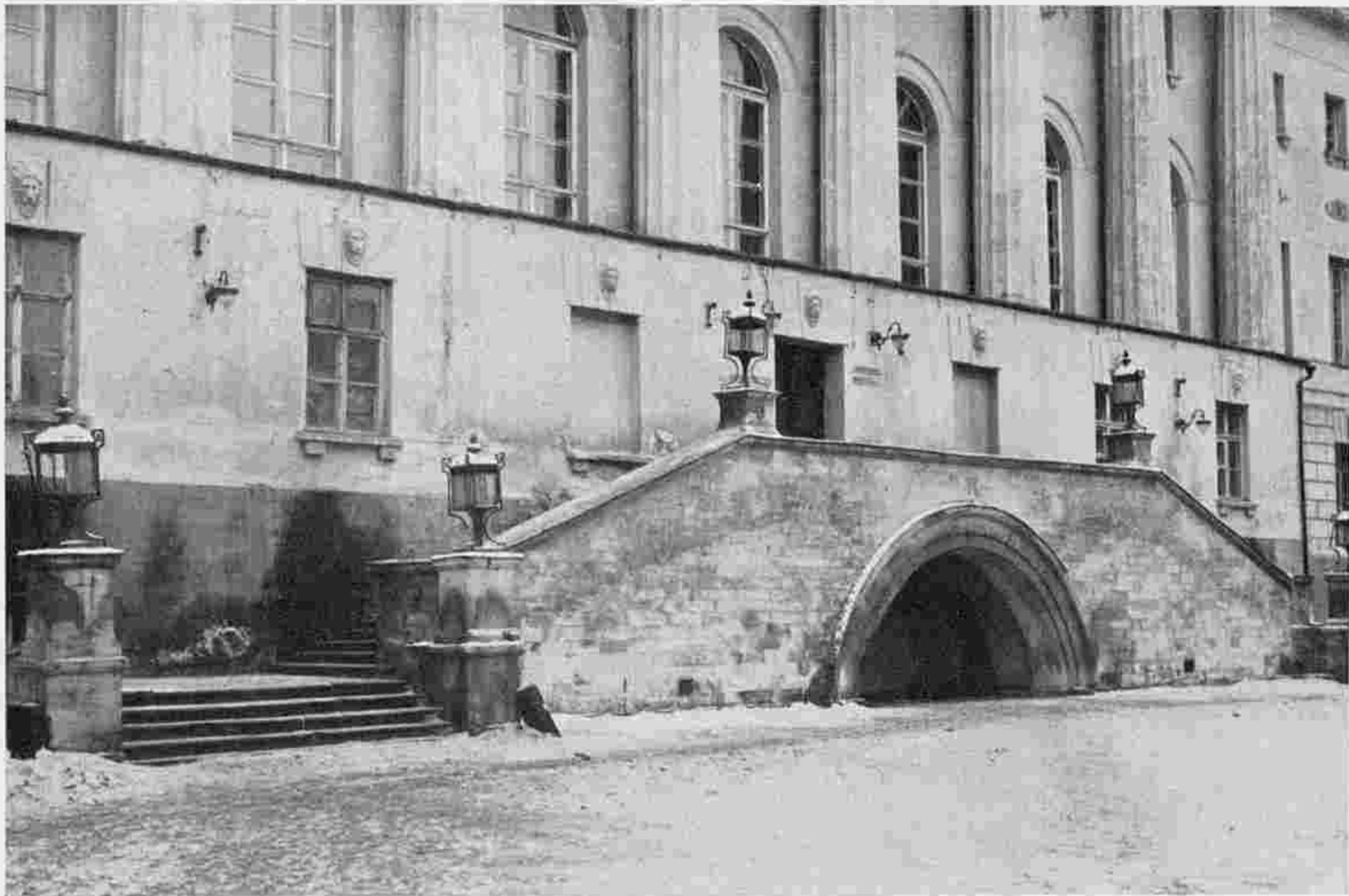
Памятникъ на могилъ лошади графа.

*École de jardinage de Stoudenetz—ci-devant maison de campagne du comte
Zakrevsky.*

Monument érigé à l'un des chevaux favoris du comte.

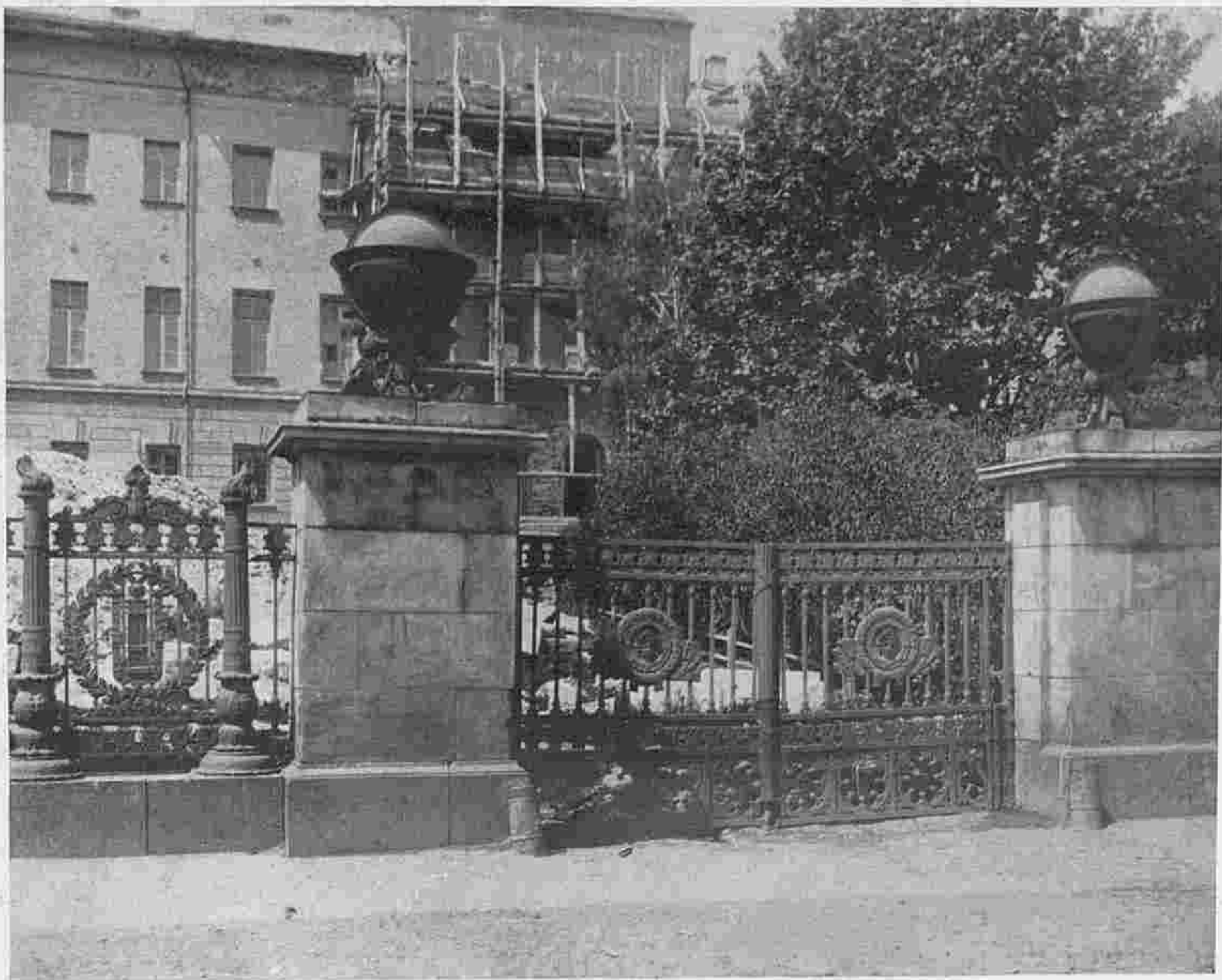
*Студенецкая школа Садоводства (у Трехгорной заставы).
Бывш. дача графа Закревского.
Водокачка.
La fontaine de l'école de jardinage de Stoudenetz.*

*Московскій Университетъ. Наружная лѣстница главнаго зданія.
(Моховая ул.).*

Escalier de l'Université de Moscou.

Шесть старинныхъ и превосходныхъ фонарей, которые видны на нашемъ снимкѣ, въ настоящее время уже исчезли, очевидно проданные въ ломъ.

*Рѣшетка Московскаго Университета.
(Моховая ул.).*

*Grille et porte de l'Université.
(Rue Mokhovaja).*

(Направо въ лѣсахъ—новая пристройка въ „стиль ренессансъ“ къ старому превосходному зданію етpиге. Это послѣднее въ настоящій моментъ также въ лѣсахъ; частью оно ломается, частью перестраивается).

*Московскій Университетъ
возобновленъ въ 1816 г.
(Часть до сихъ поръ не искальченая пере-
стройками).*

*L'Université de Moscou.
(Cette partie du noble édifice a jusqu'à ce jour
échappé aux „embellissements“).*

74

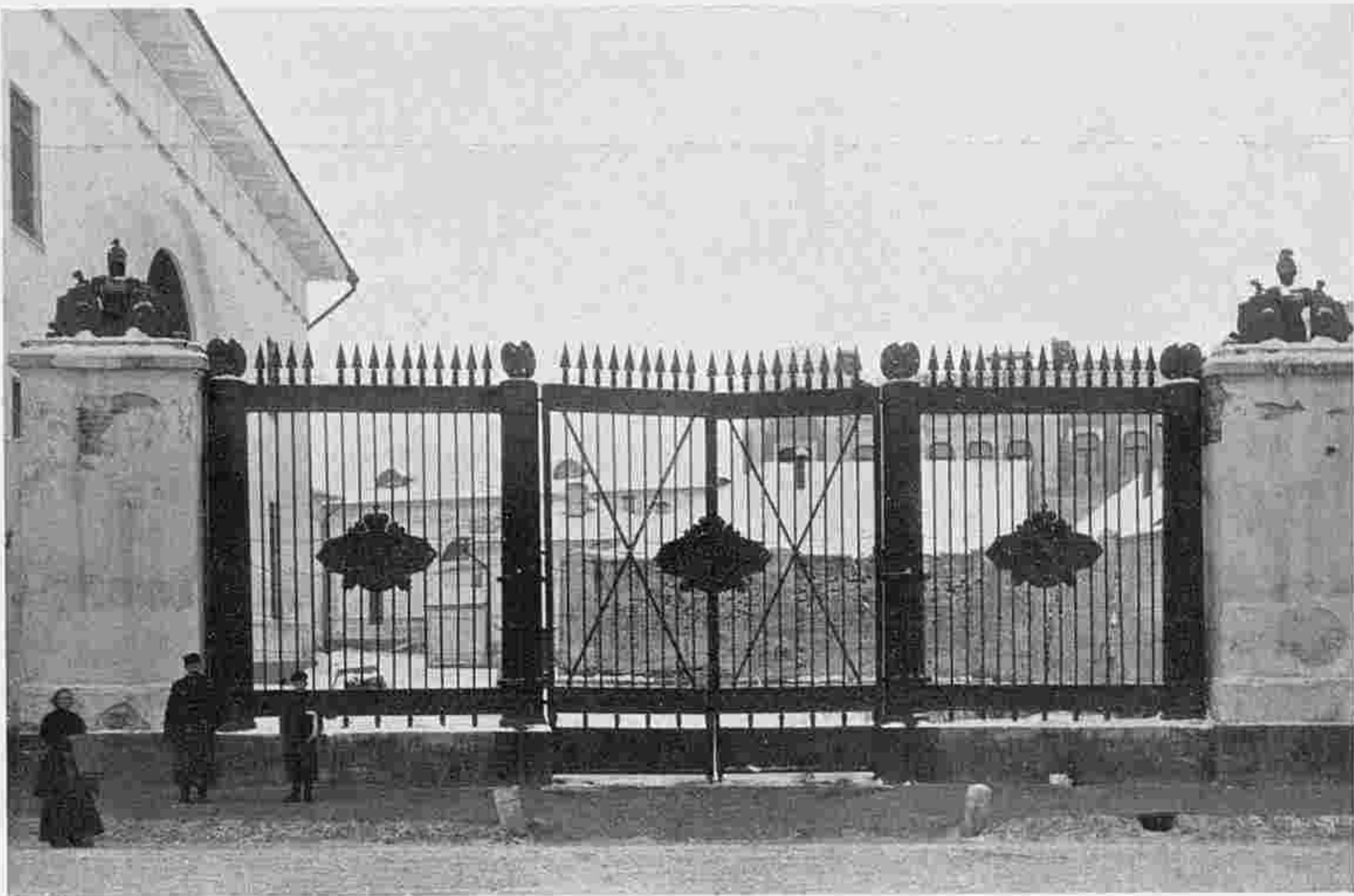
*Ниша на Московскомъ Университетѣ.
(Никитская ул.).*

*Détail de l'Université de Moscou.
(Rue Nikitskaïa).*

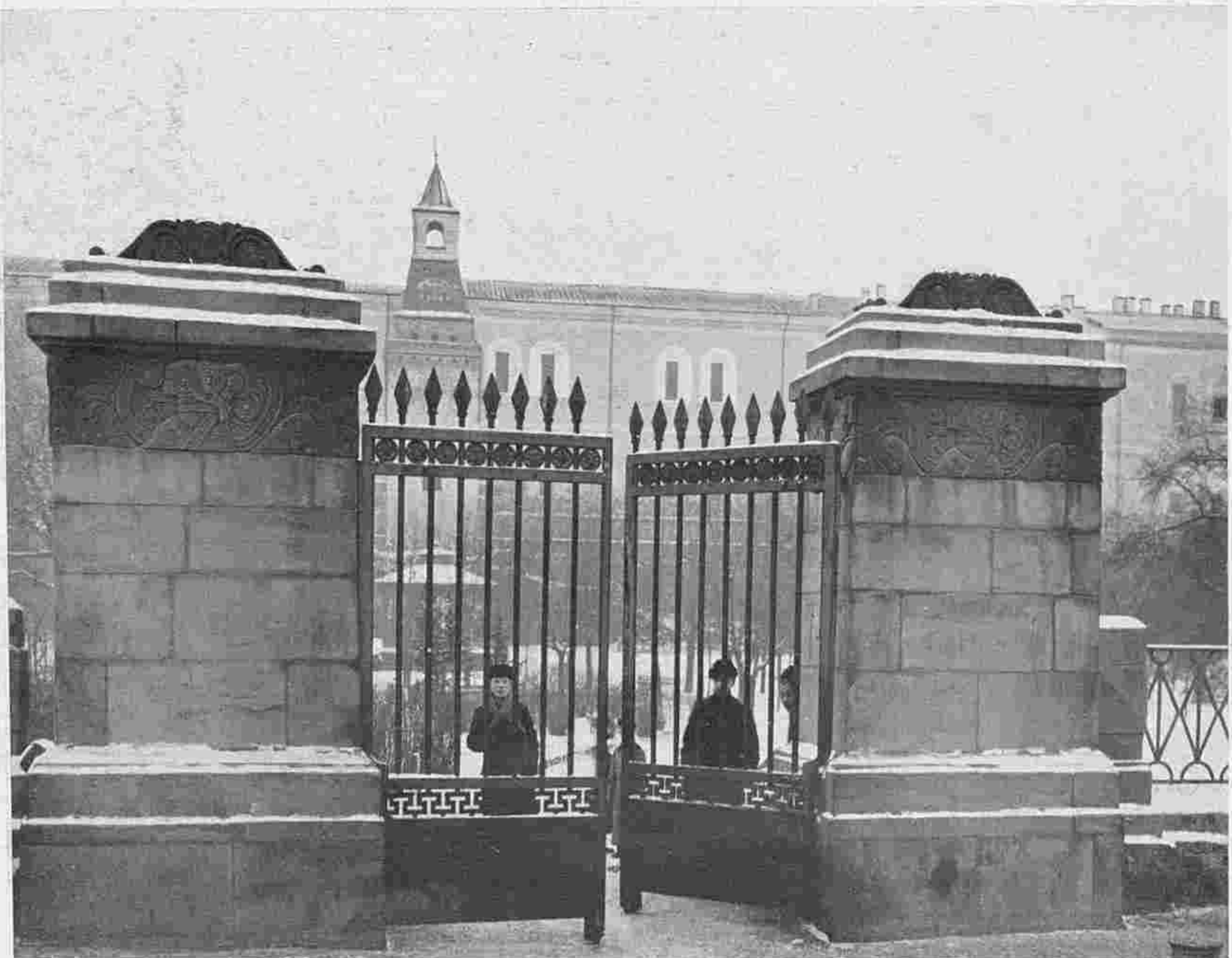

*Училище ордена Св. Екатерины на Божедомкь.
(Одноэтажная часть у главного входа—позднѣйшая
пристройка).*

L'Ecole S-te Catherine.

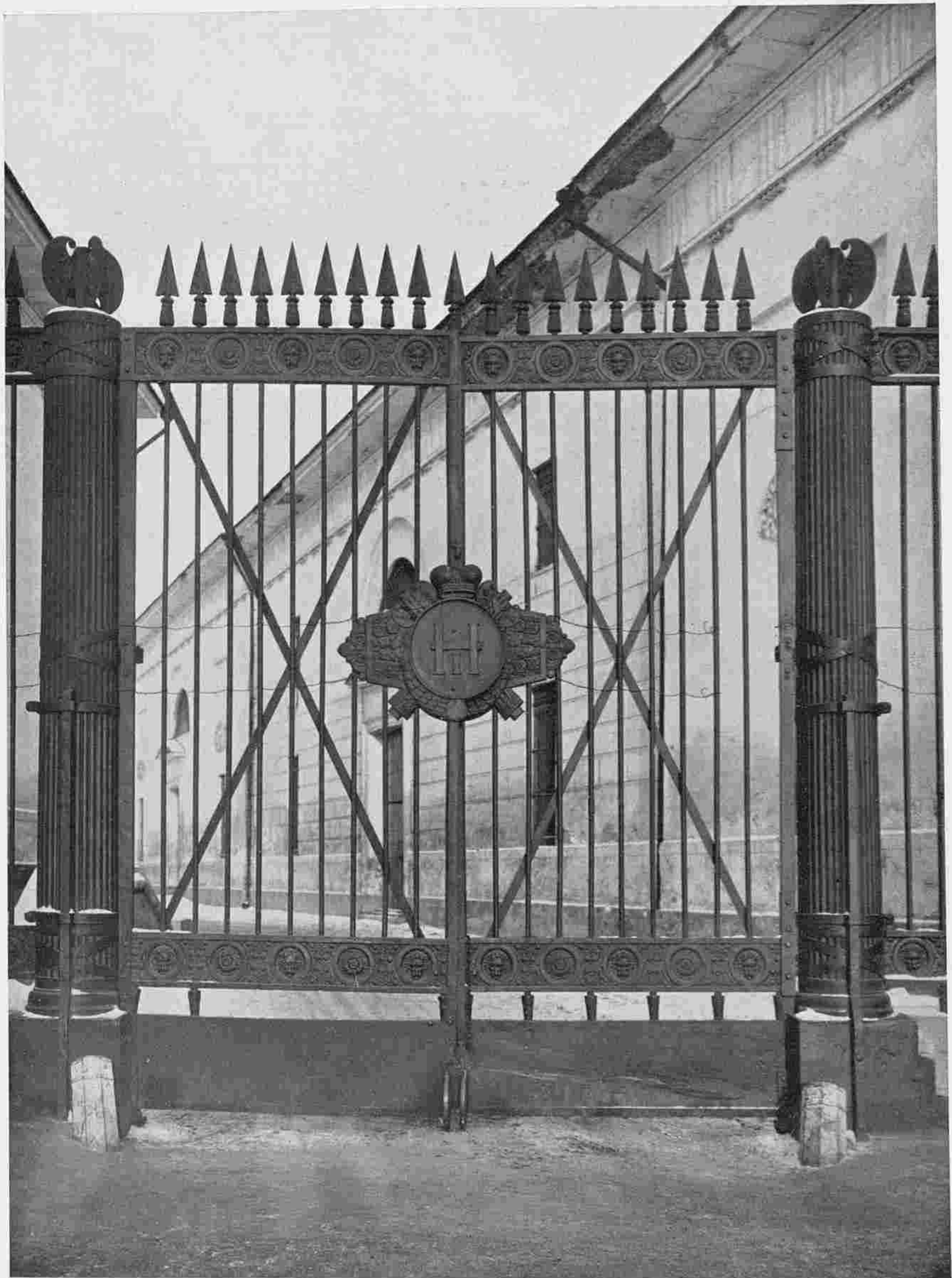

*Военные провiантскiе склады. Ворота со стороны ул. Остоженки.
Grille des magasins de l'armée (vue du côté de l'Ostojenka).*

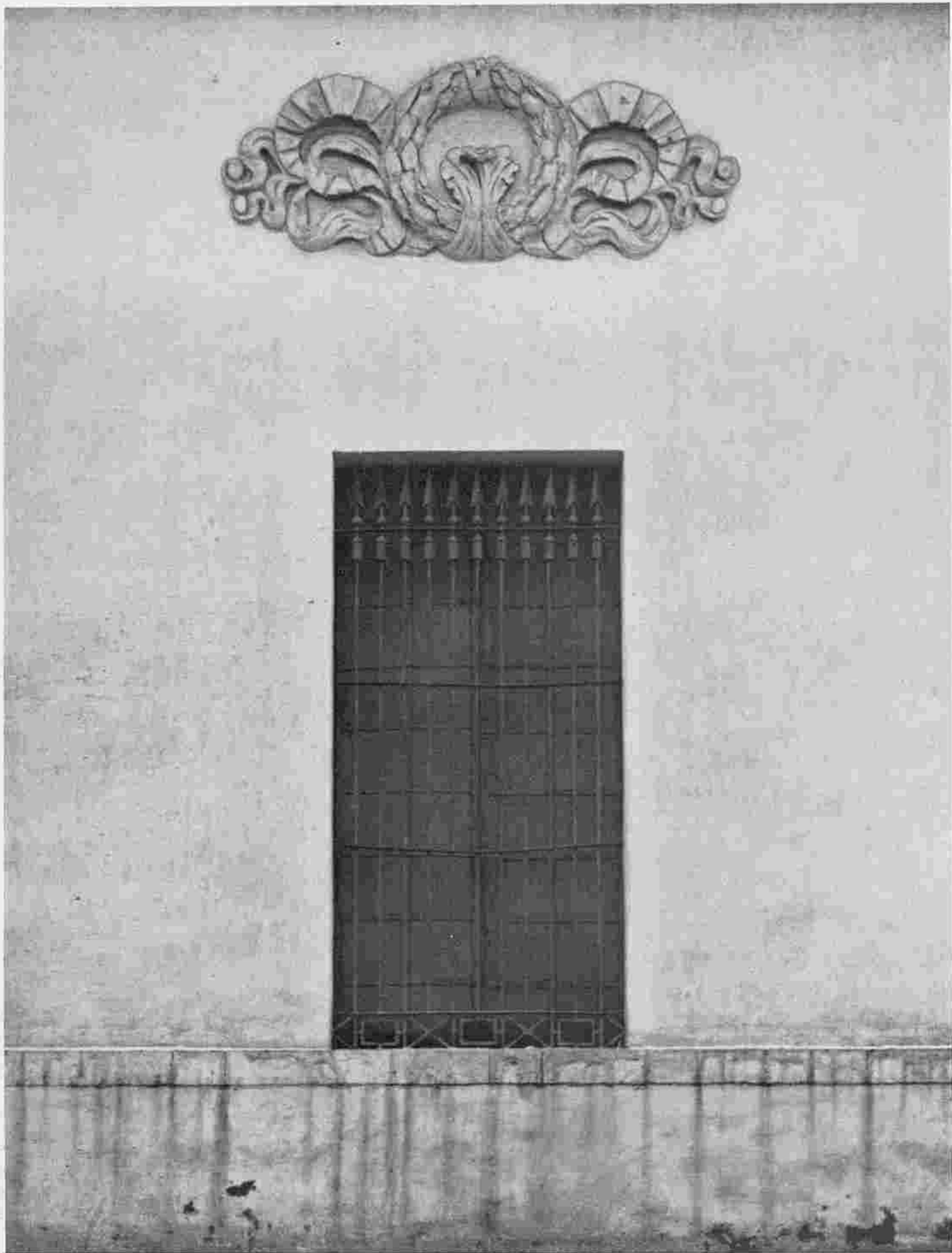

*Малыя ворота
Александровскаго сада.*

*Petite porte d'entrée
du square Alexandrovsky.*

Военные провіантскіе склады.
Ворота со стороны Зубовскаго бульвара.
Porte en fonte des magasins de l'armée (boulevard Zoubof).

Военные провіантскіе склады. Окно.
(Ул. Остоженка).
Fenêtre des magasins de l'armée.

*Винно-Соляной дворъ.
(Всѣхсвятская ул.).*

*Porte des magasins de sel et de vin.
(Rue Vsekhsviatskaïa).*

*Мясницкая Городская больница.
(Мясницкая ул.).*

*Hôpital de la Miasnitskaïa.
(Rue Miasnitskaïa).*

*Домъ графа Шереметьева.
(Ул. Воздвиженка).*

*Hôtel du comte Chéremetef.
(Rue Vozdvijenska).*

*Домъ г-на Саломірскаго (Тверская ул.).
 (Два подъезда справа и слѣва пристроены въ недавнее время).
 Maison de M-r Salomirsky à la Tverskaïa.*

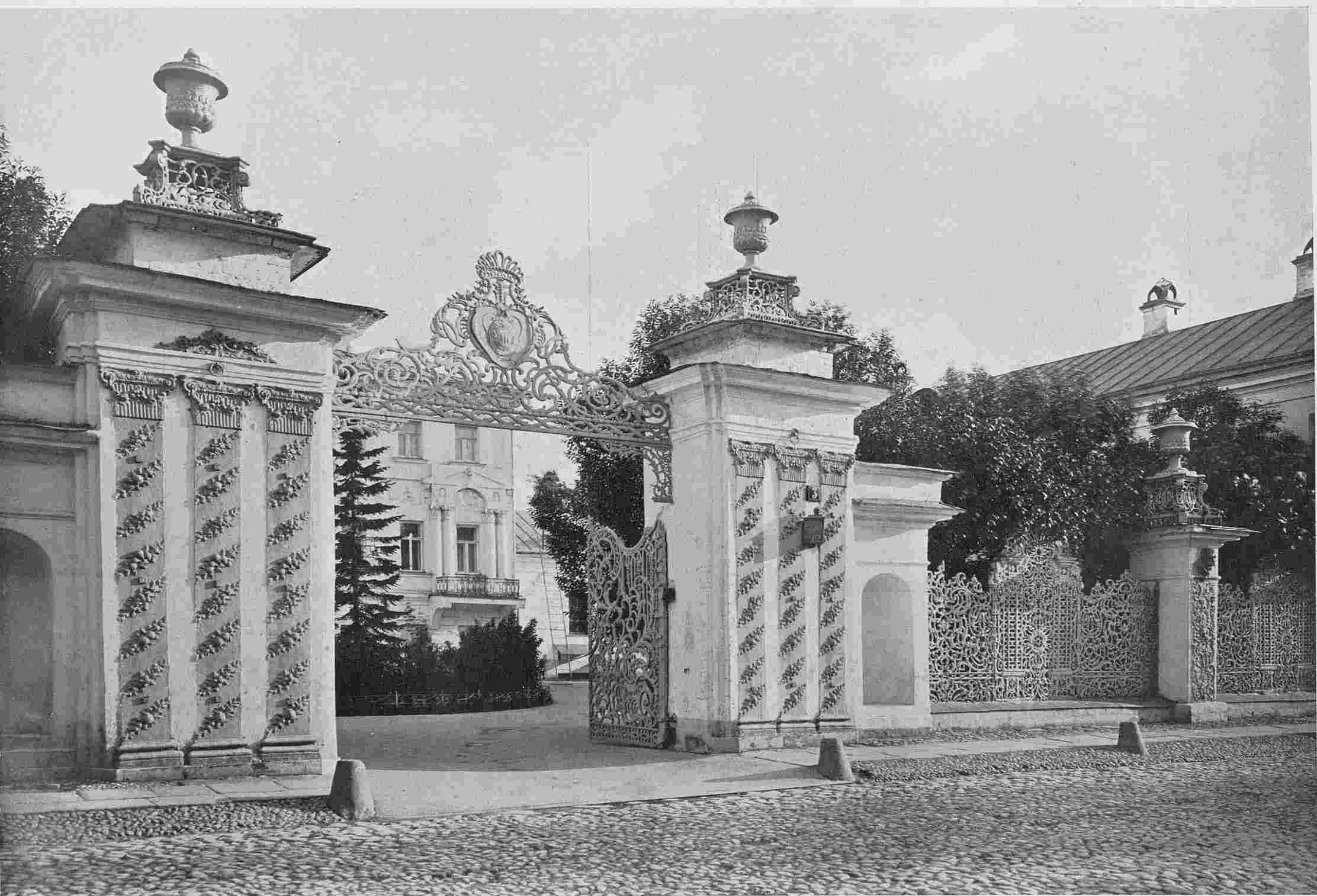
*Деталь дома г-на Саломірскаго.
 (Тверская ул.).*

*Détail de la maison de M-r Salomirsky.
 (Rue Tverskaïa).*

*Градская больница (Первая).
Постр. арх. Бовэ.*

*Premier hôpital de la ville.
(Constr. par Beauvais).*

Московская Шестая Гимназія.
(Б. Толмачевскій пер.).

Le sixième Gymnase de Moscou.
(Passage Bolchoy-Tolmatchowsky).

*Домъ г-жи Селезневой.
(Ул. Пречистенка)*

*Maison de M-me Selesnef.
(Rue Prétchistenka).*

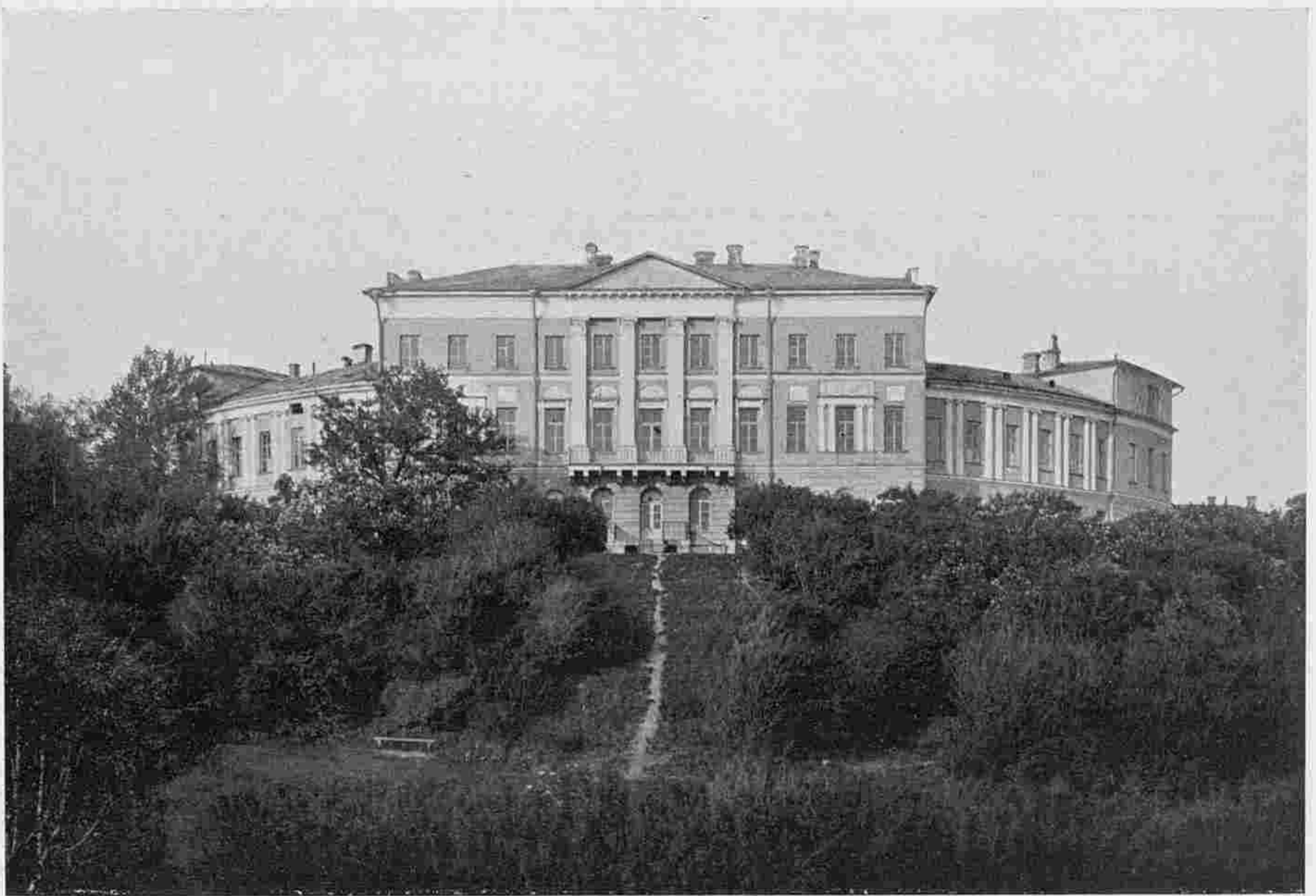

*Домъ г-жи Селезневой.
(Ул. Пречистенка).*

*Maison de M-me Selesnef.
(Rue Prétchistenka).*

Домъ г-на Ярошенко, бывший домъ Тутолмина (Швивая горка) со стороны двора.
Maison de M-r Yarochenko (ci-devant hôtel Toutolmine).

Домъ г-на Ярошенко, бывший домъ Тутолмина со стороны сада къ обрыву надъ Москвой-рѣкой. (Швивая горка).

Въ настоящій моментъ боковые флигеля и соединяющія ихъ съ главнымъ корпусомъ полуциркулярныя галереи ломаются; взамѣнь того главный корпусъ будетъ увеличенъ двумя прямыми пристройками справа и слева и весь домъ будетъ разбитъ на 36 мелкихъ квартиръ.

Maison de M-r Yarochenko. On est en train d'abimer ce bel édifice par des remaniements malhabiles de la façade.

Домъ г-на Ярошенко, бывший домъ Тутолмина. (Швивая горка). Боковой флигель, который въ настоящій моментъ ломается.

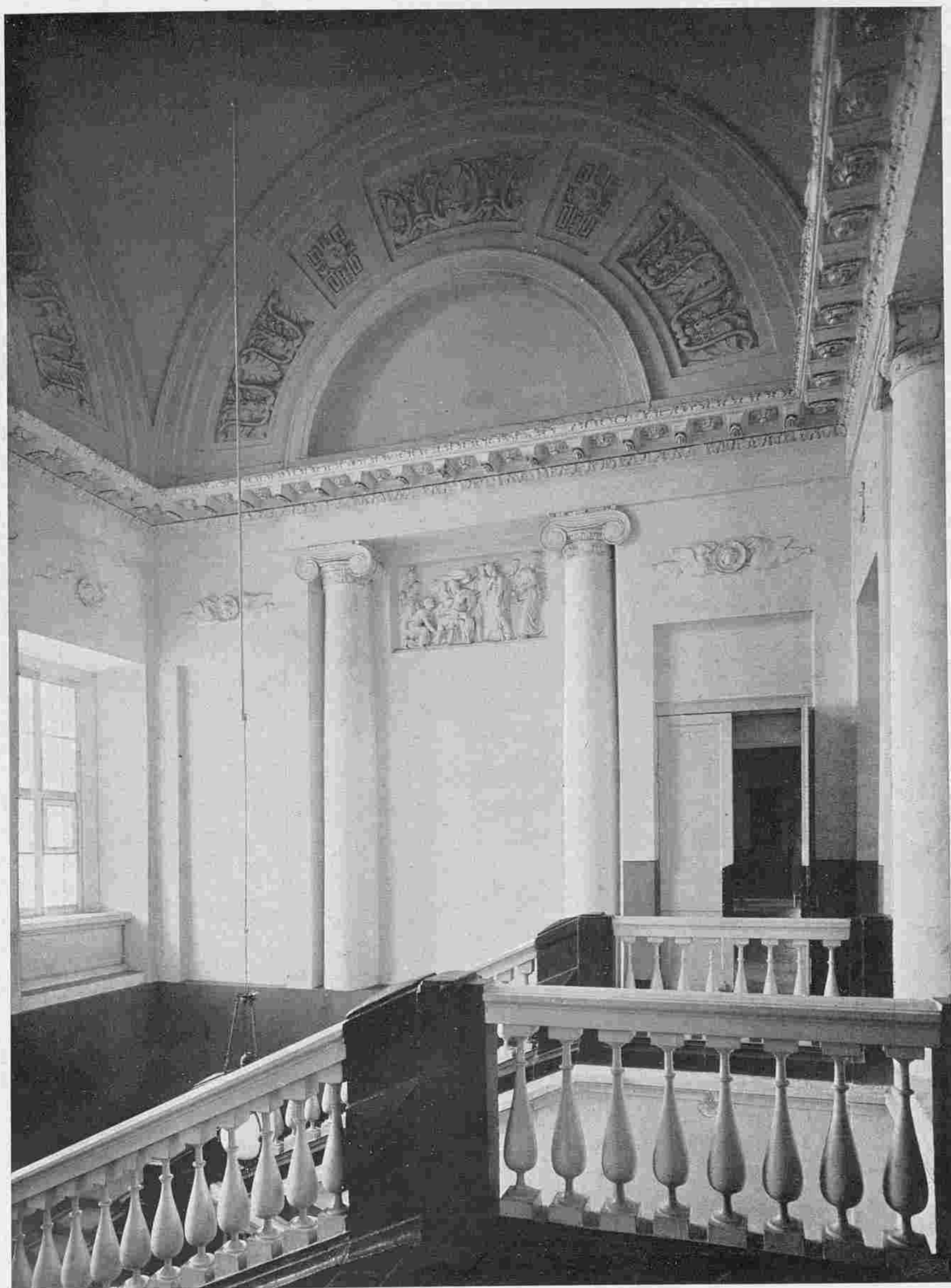

Яузская Больница, бывший домъ Шепелевыхъ. (Швивая горка). Боковой фасадъ съ балкономъ.
Façade de l'hôpital de l'Yaousa.

Роскошная наружная лестница съ колоннами, которая тремя маршами вела изъ сада прямо во второй этажъ дома на этотъ балконъ, сломана въ 1899 году. Въ этомъ же году пристроена плохой архитектуры церковь, которая примыкаетъ справа, закрывая собою часть этого фасада.

Яузская больница, бывший домъ Шепелевыхъ. (Швивая горка). Боковой фасадъ.
Façade latérale de l'hôpital de l'Yaousa.

Яузская больница. (Швивая горка).
Парадная лестница.

Escalier d'honneur de l'Hôpital de l'Yaousa.

*Домъ г. Липгартъ.
(Мясницкая ул.).*

*Maison de M-r Liphardt.
(Rue Miasnitskaïa).*

Яузская больница, бывший домъ Шепелевыхъ. (Швивая горка). Ворота съ зелеными львами.
L'Hôpital de l'Yaousa (ci-devant palais Chepelef).

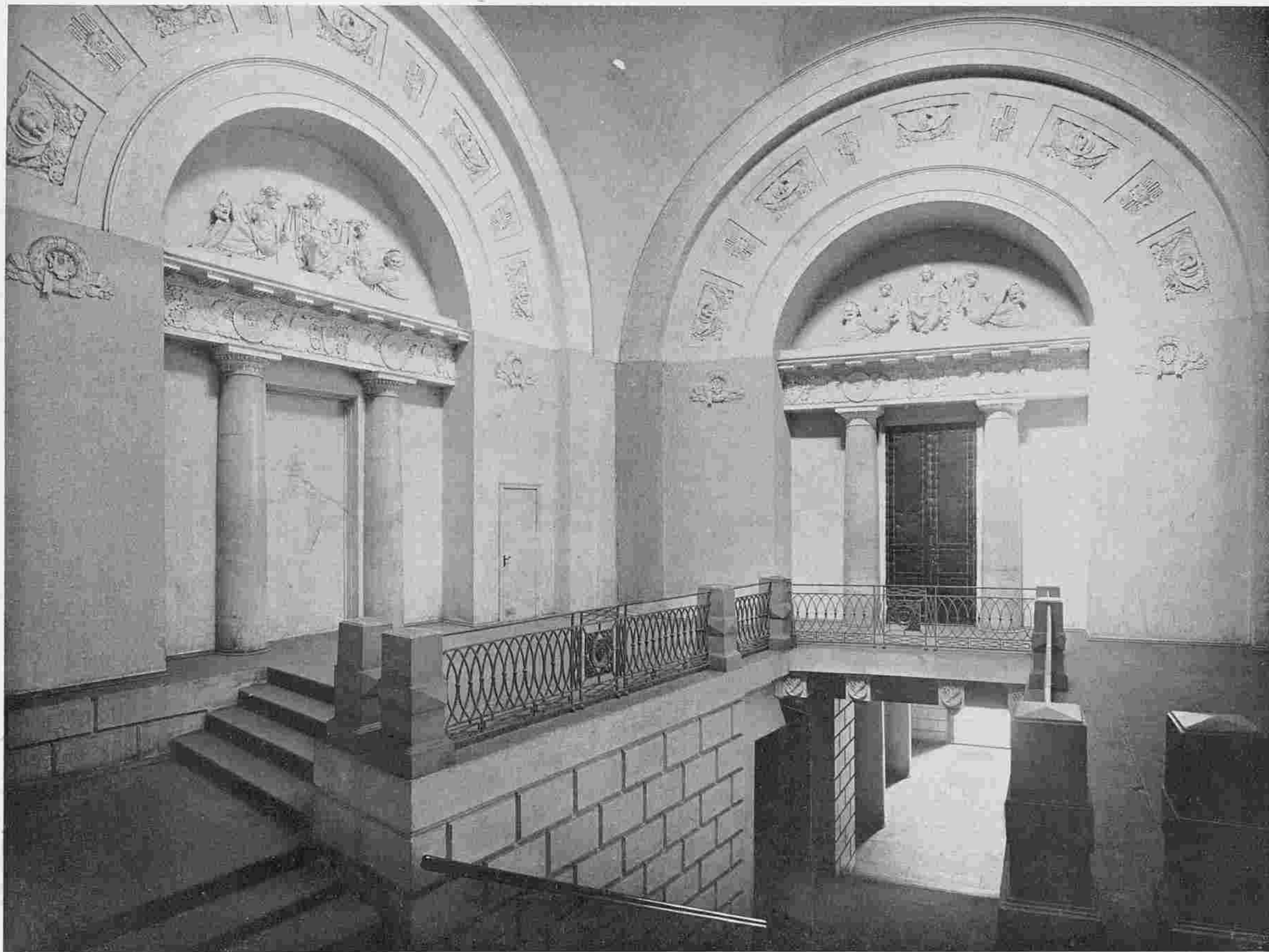
16

*Домъ Государственнаго Коннозаводства. (Поварская ул.).
 (Часть одного изъ соседнихъ залъ, не менше роскошнаго, украшеннаго богатой скульптурой, отдана
 подъ кухню при квартирѣ управляющаго).
 Salon dans la Maison de la Direction Impériale des haras (Povarskaïa).*

*Одинъ изъ двухъ симметричныхъ домовъ близъ арки Тверской заставы.
 Ancien corps-de-garde près de la porte Tverskaïa.*

*Домъ Государственнаго Коннозаводства.
Лѣстница.
(Поварская ул.).*

*Escalier d'honneur dans la maison de la
Direction Impériale des Haras.
(Rue Povarskaïa).*

*Домъ Государственнаго Коннозаводства.
(Поварская ул.).*

*Maison de la Direction Impériale des haras.
(Rue Povarskaïa).*

*Деталь дома оберъ-полицій-мейстера
(Тверской бульваръ).*

*Любопытны рыцарскіе шлемы, украшающіе
консоли балкона.*

*Balcon de la maison du Chef
de la police.
(Boulevard Tverskoy).*

*Домъ г-жи Станицкой.
(Ул. Пречистенка).*

*Maison de M-me Stanitskaïa.
(Rue Prétchistenka).*

*Колоннада Государственного Банка.
(Никитский бульваръ).*

*Détail de la façade de la Banque de l'Empire.
(Boulevard Nikitsky).*

49

МОСКОВСКІЙ КЛАССИЦИЗМЪ

Поэзія прошлаго! Отзвукъ вдохновенныхъ минутъ старыхъ мастеровъ! Не всѣмъ понятное тонкое чувство грусти по бывшей ушедшей красотѣ, которое подчасъ смѣняется невольнымъ восторгомъ передъ грандіозными, египетскими по силѣ, памятниками архитектуры, соединившими въ себѣ мощь съ деликатностью благородныхъ истинно аристократическихъ формъ.

Уже многоэтажные дома въ какомъ-то странномъ стилѣ, — творенія измелъчавшей породы людей и ихъ бездарныхъ художниковъ, — смѣняютъ эти удивительныя постройки эпохи Екатерины II-й и Александра I-го. Ихъ осталось уже такъ мало! Тѣмъ цѣннѣе онѣ. Тѣмъ больше люблю я ихъ.

Посмотрите этотъ садъ обширный, шумящій и вдали четыре колонны уютнаго, блага дома; или эти огромные пустынные дворы передъ фасадами домовъ-дворцовъ съ подъѣздами почти царскими, съ двумя крыльями, которыя смѣло легли полукругомъ на сто сажень вправо и влѣво; или эта тяжелая мощная колонада; или эти строгія формы строгаго стиля „Empire“ — холодныя, прекрасныя! Когда-то это понимали, цѣнили; когда-то людямъ это было нужно. Теперь — уже не понимаютъ и даже не замѣчаютъ!

Лишь художникъ, проходя мимо, останавливается, пораженный строгой красотой и повѣсть о быломъ, прошедшемъ чаруетъ его.

Эпоха Екатерины II-й и Александра I-го въ исторіи архитектуры достойны самаго большого вниманія и тщательнаго изученія. Это эпоха, въ которую архитектура у насъ была наиболѣе *сильна*.

Существуетъ совершенно противоположный взглядъ, поддерживаемый весьма многими. Считаютъ ее эпохой „упадка“ русской архитектуры. Если смотрѣть съ точки зрѣнія „русскаго стиля“, пожалуй это и былъ „упадокъ“, потому что въ это время ничего въ русскомъ стилѣ не строили. Если же отвлечься отъ симпатій къ тому или другому стилю, если смотрѣть только съ точки зрѣнія абсолютнаго достоинства памятниковъ архитектуры, если цѣнить все, что прекрасно и совершенно, то нельзя не признать, что никогда, ни до ни послѣ, архитектура у насъ не достигала такой силы, законченности и благородства.

Стиль Екатерины II-й — нашъ Louis XVI-й — не отличается правда тонкостью профилей и деталей, онъ нѣсколько наивенъ, „сыроватъ“ и въ общемъ, надо сказать, уступаетъ французскому Louis XVI. Тѣмъ не менѣе такія вещи, какъ Голицынская больница, Румянцевскій музей, церковь на Лазаревскомъ кладбищѣ, церковь Филиппа Митрополита, домъ бывш. Шепелева и др. полны такой живописной прелести, такъ интересны по композиціи массъ, такъ роскошны по замыслу, такъ цѣльны и характерны, что по однимъ только этимъ московскимъ памятникамъ, можно судить о томъ, какое почетное мѣсто занимаетъ Екатерининская эпоха въ исторіи русскаго искусства.

Смѣнившій стиль Екатерины стиль Александра I-го — нашъ Empire — еще выше. При великолѣпной общей композиціи массъ, удивительной строгости пропорцій, онъ сочеталъ въ себѣ силу съ деликатностью, суровость съ тонкостью и благородствомъ.

Детали блещутъ изысканной законченностью, профиля — рисункомъ. Скульптура носитъ совершенно своеобразный, присущій только русскому Empire, характеръ; богатый и сложный по рисунку орнаментъ, лѣпится „сочно“ и „вкусно“, оставаясь въ то же время, — какимъ-то чудомъ, — холоднымъ, каменнымъ. Это верхъ орнаментальнаго искусства. Еще одна особенность присущая, преимущественно, Московскому „Empire“ — это колонны безъ базъ и переходы отъ рустовъ къ гладкому полю, или отъ одного поля къ другому простымъ уступомъ безъ карниза, — эти детали еще болѣе увеличиваютъ и подчеркиваютъ простоту и величіе этого стиля.

Въ эту эпоху архитектура въ Россіи шла наравнѣ съ западной не уступая ей и даже, я не боюсь сказать, превосходя ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Empire заграницей быть можетъ былъ богаче, разнообразнѣе, совершеннѣе въ деталяхъ, но не былъ такъ строгъ, выдержанъ и благороденъ и не былъ такъ цѣленъ. Ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Лондонѣ вы не найдете такихъ чистыхъ и строгихъ памятниковъ Empire какъ у насъ. Казалось бы странно говорить, что стиль „чище“ въ той странѣ, которая не сама его создала, а заимствовала въ чужой, однако „empire“ выросшій на подражаніе древнему Риму — въ сущности былъ

всюду въ одинаковой мѣрѣ чужды и можетъ въ этой чуждости и лежить секретъ его холодной, *тисстой*, абсолютной красоты.

Притомъ же Empire нашель у насъ въ Россіи „подходящую почву“. Empire сталъ „русскимъ“ „московскимъ“. Когда мы говоримъ „старинный русскій барскій домъ — мы говоримъ объ „Empire“. Съ тѣхъ поръ какъ мы, пройдя школу Петра Великаго, стали европейцами, намъ сдѣлался нѣсколько чуждымъ нашъ русскій стиль и мы, оставши отъ него, стали послѣдовательно привыкать къ ряду смѣнявшихъ другъ друга западныхъ стилей, но ни одинъ не отвѣтилъ такъ складу русской природы и характеру тогдашнихъ баръ, какъ стиль „Empire“ — простой, спокойный и величавый, лишенный вычурности и кривлянья.

Возвращаясь къ эпохѣ Екатерины II-й, я хочу сказать нѣсколько словъ о тѣхъ условіяхъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ подъ вліяніемъ которыхъ развивалась русская архитектура въ то время.

Широкая натура и широкіе взгляды Императрицы Екатерины II-й привлекали къ кормилу правленія лицъ смѣлыхъ, рѣшительныхъ и такихъ же широкихъ, какою была сама государыня. Всѣ затѣи въ политикѣ, въ общественной жизни, въ торжествахъ и празднествахъ, носили какой-то баснословно-грандіозный характеръ. Казалось вопросы экономическіе никогда не посѣщали головы этихъ людей.

Въ годъ коронаціи на переѣздъ государыни изъ Петербурга въ Москву (въ сентябрѣ 1762 года) потребовалось (несмотря на то, что императрица ѣхала почти инкогнито) 12.000 лошадей и 80.000 народу. На парадныхъ гуляньяхъ, устроенныхъ въ честь коронаціи били фонтаны краснаго и бѣлаго вина. Государыня объѣзжала пирующихъ въ золотой каретѣ, за нею слѣдовала залитая золотомъ свита, которая кидала деньгами въ толпу. Денегъ вообще не считали. Гр. Орловъ-Чесменскій на свою морскую кампанію получилъ отъ Императрицы „въ безотчетное распоряженіе“ 20 милліоновъ руб. Потемкинъ и Орловъ получили „отъ щедротъ государыни“ за 20 лѣтъ приблизительно 17 милліоновъ руб. и 45.000 крестьянъ. И это было въ то время, когда государственные доходы были сравнительно ничтожны; такъ на примѣръ, въ послѣдній годъ царствованія Екатерины общая цифра государственныхъ доходовъ достигала всего 70.657,619 руб.

Пересмотрите планы Голицынской больницы, Воспитательнаго дома, Института ордена Св. Екатерины и пр. и пр. Вы будете поражены тою неудержностью, съ какою затѣвались всѣ эти постройки.

А Головинскій дворецъ, который стоилъ 15 милліоновъ руб.; а Императорскій кремлевскій дворецъ, который долженъ былъ окружить кольцомъ почти весь Кремль. По смѣтѣ онъ долженъ былъ стоить 30 милліоновъ руб. парадная лѣстница его 5 милліоновъ. Одна модель его обошлась въ 60 тысячъ руб. *).

*) Вантышъ-Каменскій.

Несомненно, что на характеръ построекъ могла имѣть вліяніе и та поспѣшность, съ которою часто возводились постройки. Въ угоду своей повелительницы сподвижники Екатерины II-й не разъ выстраивали огромные дворцы въ теченіе полугода; такъ напримѣръ, въ коломенскомъ былъ построенъ въ шесть мѣсяцевъ большой трехэтажный дворецъ (два каменныхъ этажа, третій деревянный; въ этомъ дворцѣ Екатерина II-я остановилась въ 1787 году). Въ Кусковѣ въ имѣніи гр. Шереметева былъ въ теченіи полугода построенъ французскимъ архитекторомъ Валли знаменитый Кусковскій театръ (съ декораціями Гонзаго). Иногда въ теченіи нѣсколькихъ только недѣль выстраивали по пути слѣдованія Императрицы цѣлыя городки.

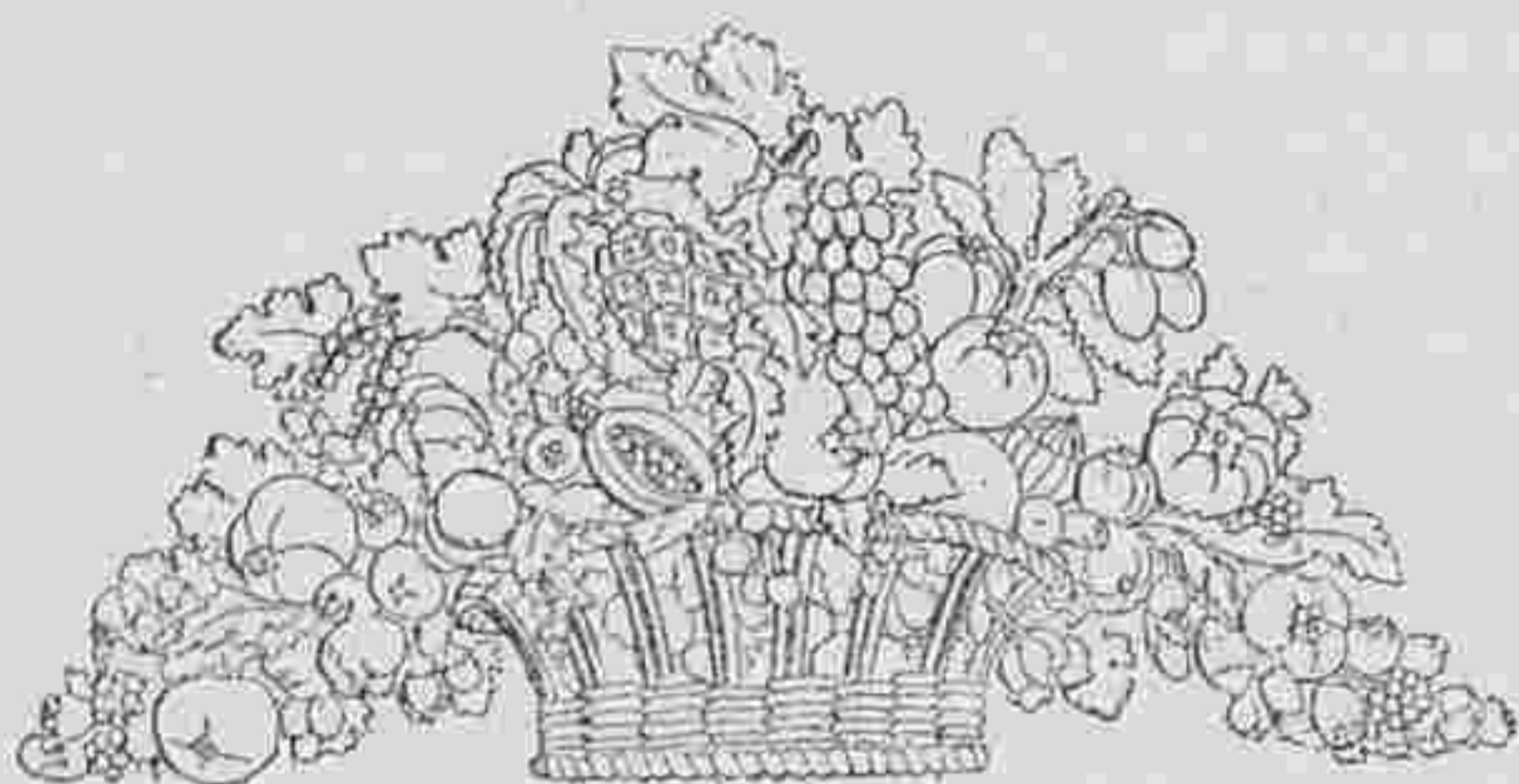
Несомненно имѣло весьма большое вліяніе и то обстоятельство, что въ то время всѣ силы богатства и власти сосредоточены были въ рукахъ дворянъ. Въ нашъ вѣкъ, когда дома, помѣстья и богатства старинныхъ родовъ переходятъ въ руки купцовъ, различныхъ „рабвепи“ и даже разбогатѣвшихъ кулаковъ-крестьянъ, неудивительно, что архитектура все больше и больше опощляется—строгость стиля, спокойность и благородство не нужны; нужны кричащій блескъ и нахальная вычурность. Тогда же природное чутье аристократа не позволяло вылѣзть на улицу съ размаляваннымъ фасадомъ.

Не смотря на всю роскошь внутри дома, на роскошь въ жизни и въ костюмахъ, — фасады домовъ въ то время были всегда въ высшей степени просты. И очевидно эта простота была обусловлена вкусами, не экономіей. Въ этомъ послѣднемъ упрекать не приходится. Достаточно вспомнить о тѣхъ безумныхъ тратахъ на содержаніе домашнихъ театровъ, на празднества, на которыхъ бывало по 20 тысячъ приглашенныхъ, на фейерверки, стоившіе десятки тысячъ руб. и пр. и пр. А затѣи вродѣ той, когда Разумовскій перенесъ изъ Кіева свой деревянный домъ въ подмосковную деревню. Или Орловъ, который, заказавъ художнику Гекерту написать картины, изображающія Чесменскій бой *), велѣлъ взорвать на воздухъ въ присутствіи художника военное судно на морѣ, близъ Ливорно; или Потемкинъ, который въ 1787 году, когда ему не понравился выстроенный Баженовымъ Царицынскій дворецъ велѣлъ его сломать и построить новый.

Состоянія дворянъ тогда были колоссальны. Юсуповы, напримѣръ, не знали счету ни своимъ милліонамъ, ни своимъ имѣніямъ. Когда у князя спрашивали: есть-ли у васъ, князь, имѣніе въ такой-то губерніи? Онъ отвѣчалъ — не знаю, надо справиться въ памятной книжкѣ. Сынъ Разумовскаго, А. К. Разумовскій, построилъ себѣ на Басманной улицѣ двухэтажный деревянный домъ, который обошелся ему около 4.000,000 руб., при домѣ былъ садъ въ 43 десятины. По смерти Гр. Орлова-Чесменскаго 22-хъ лѣтняя дочь его Анна осталась единственной наслѣдницей его состоянія. Ежегодный доходъ ея простирался до милліона рублей. Стоимость

*) Эти картины находятся теперь въ Петергофскомъ дворцѣ.

недвижимаго имущества равнялась 45 милліонамъ. Бриллианты и другія драгоценности ея стоили 20 милліоновъ. Да стоитъ ли считать богатства и перечислять безумныя затѣи? Достаточно знать что въ то время жили и были въ силѣ Орловы, Голицыны, Шереметевы, Разумовскіе, Нарышкины, Румянцевы, Юсуповы и др.

Нельзя обойти молчаніемъ также ту любовь и уваженіе, которыми пользовались тогда архитекторы; чувствуется, какъ въ нихъ тогда нуждались, какъ живо интересовались тѣмъ, что они дѣлали, и какъ умѣли цѣнить то, что было талантливо сдѣлано. Это рождало ту силу и энергію и то вдохновеніе, которыя сквозятъ почти въ каждомъ архитектурномъ произведеніи того времени. Императрица Екатерина II-я въ письмѣ своемъ къ Гримму называетъ Баженова „своимъ архитекторомъ“ далѣе „своимъ другомъ“. Въ 1787 году, въ годъ окончанія постройки зданія Присутственныхъ Мѣстъ (нынѣ Окружной судъ) въ день освященія, Екатерина II-я обходя съ блестящей свитой всѣ помѣщенія и все внимательно и подробно осматривая, сказала архитектору Казакову: „Какъ все хорошо! Какое искусство! Это превзошло мое ожиданіе; нынѣшній день ты подарилъ меня удовольствіемъ рѣдкимъ; съ тобой я сочтуса, а теперь вотъ тебѣ мои перчатки, отдай ихъ своей женѣ и скажи ей что это память моего къ тебѣ благоволенія“.

М. В. Казаковъ въ послѣдствіи пользовался такимъ же благоволеніемъ и любовью императоровъ Павла I-го и Александра Благословеннаго. Онъ строилъ очень много; онъ участвовалъ чуть ли не во всѣхъ выдающихся казенныхъ постройкахъ: то какъ исполнитель проектовъ знаменитаго Баженова, то строилъ по своимъ проектамъ, то участвовалъ лишь какъ совѣтникъ. Имъ построено въ Москвѣ также много частныхъ домовъ.

Кромѣ упомянутаго выше зданія Присутственныхъ Мѣстъ въ Кремлѣ съ знаменитой ротондой (нынѣ Окружной судъ), Казаковъ строилъ главное зданіе Университета (не въ томъ видѣ въ какомъ мы видимъ его сейчасъ)*).

*) Императорскій Московскій Университетъ основанъ въ 1755 году Императрицей Елизаветой Петровною. Въ 1785 году Екатерина II пожаловала Университету мѣсто на Моховой и 125,000 руб. для постройки новаго дома и поручила постройку Казакову; въ 1816 году Александръ I-й возобновилъ послѣ нашествія французовъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ находится нынѣ. Университетская церковь св. Татьяны освящена въ 1791 году.

Соборную церковь въ Зачатьевскомъ монастырѣ, Павловскую больницу за Серпуховскими воротами въ 1763 г., неудачный Петровскій Дворецъ, церковь Филиппа—Митрополита съ куполомъ, напоминающимъ куполь ротонды окружнаго суда, и нѣкоторыя др. По проектамъ Баженова онъ началъ строить Императорскій Кремлевскій дворецъ, построилъ Голицынскую больницу и др. Останкино, построенное Гваренги, измѣнено „по вкусу гр. Шереметева“ также Казаковымъ. Онъ умеръ 79 лѣтъ отъ роду въ 1812 году.

В. И. Баженовъ, весьма знаменитый архитекторъ того времени, родился въ Москвѣ въ 1737 году. Обучался въ Славяно-Греко-Латинской Академіи. Еще въ дѣтствѣ оказывалъ преимущественную склонность къ архитектурѣ: срисовывалъ вмѣсто забавы зданія, церкви, надгробныя памятники и пр. Такимъ образомъ безъ всякаго наставника образовался въ немъ геній зодчества. Съ 1751 года Баженовъ началъ ходить въ архитектурную школу: начальникъ ея князь Ухтомскій, замѣтивъ въ немъ отмѣнныя способности записалъ его черезъ четыре года въ Московскій Университетъ. Когда въ 1758 году основалась С.-Петербургская Академія Художествъ, Баженовъ былъ въ числѣ первыхъ отправленъ туда. Въ 1760 г. онъ отправленъ въ Парижъ, гдѣ онъ обучался у королевскаго Архитектора Дювала; въ 1762 году онъ посланъ въ Римъ „для большаго усовершенствованія“; въ 1765 году онъ вернулся въ Россію. Екатерина II-я пожаловала его Капитаномъ Артилеріи и повелѣла находиться при Кабинетѣ. Въ Петербургѣ Баженовъ построилъ: колокольню Никольскаго собора, и, кажется, „Новую Голландію“; существуетъ мнѣніе, что изъ его проекта Михайловскаго замка въ исполненіе приведено архитекторомъ Бренной (по смерти Баженова) великолѣпный осмиугольный дворецъ. Въ Кронштадтѣ имъ построены лѣсные и провіантскіе магазины и нѣсколько казармъ. Изъ Московскихъ работъ его наиважнѣйшая — грандіозный проектъ Кремлевскаго дворца, задуманный Екатериной Великой въ ознаменованіе избавленія Москвы отъ чумы. Этотъ дворецъ былъ заложенъ 1-го іюня 1773 года. На камнѣ положенномъ при закладкѣ, между прочимъ, значится: „Сему сданію прожектъ сдѣлалъ и практику началъ Россійскій Архитектъ, Москвитянинъ Василій Ивановичъ Боженковъ, Болонской и Флорентинской Академіи, Петербургской Академіи Художествъ Академикъ, Главной Артилеріи Архитектъ и Капитанъ, сего сданія начальныи Архитектъ и Экспедиціи онаго Строенія членъ, отъ роду ему 35 лѣтъ. По сочиненіи прожекта за Архитекта былъ титулярный совѣтникъ Матвѣй Казаковъ“. Къ сожалѣнію, постройка эта была вскорѣ оставлена несмотря на то, что затрачены были уже большія суммы. Одна модель этого дворца сдѣланная архитекторомъ Елевзоемъ Прозоровымъ стоила 60.000 руб. Она долгое время бережно сохранялась въ Оружейной палатѣ, но затѣмъ передана по Высочайшему повелѣнію въ Румянцевскій Музей, гдѣ съ ней обошлись самымъ варварскимъ образомъ. Она была безъ толку разобрана, наполовину поломана, значительныя части ея растеряны и, наконецъ, остатки сложены въ ящики и отправлены въ подвалъ. Быть можетъ теперь она больше уже не существуетъ вовсе.

Другой въ высшей степени интересный проектъ Баженова для города Москвы—это Голицынская больница. Этотъ проектъ былъ исполненъ Казаковымъ и оконченъ уже послѣ смерти Баженова въ 1801 году. Постройка обошлась около 4 милліоновъ. Рѣдкій случай: зданіе сохранило до нашихъ дней свой первоначальный видъ ¹⁾.

Баженовъ строилъ въ Москвѣ еще слѣдующія зданія ²⁾: колокольню при церкви Всѣхъ Скорбящихъ Радости; домъ Юшкова противъ почтамта (уч. Живописи³⁾); домъ кн. Прозоровской у Каменнаго моста; домъ Долгова на 1-й Мѣщанской и нѣкоторыя другія. Онъ умеръ 2-го августа 1799 года.

Необходимо упомянуть еще одного весьма знаменитаго Петербургскаго архитектора Гваренги, хотя мнѣ не удалось выяснитъ что именно онъ строилъ въ Москвѣ. Въ книжкѣ графа Loveau имя его упоминается лишь разъ: по поводу кадетскаго корпуса, помѣщающагося въ такъ называемомъ Головинскомъ или Екатериненскомъ дворцѣ. Лово говоритъ: „ce corps occupe les deux tiers du palais de Catherine, situé dans l'arrondissement de la Lefortovskaïa. Ce palais a remplacé un bâtiment en bois qui avait été construit sous le règne de l'impératrice Anne (лѣтній дворецъ Анны Иоанновны, извѣстный подъ названіемъ „Анненгофъ“) et brula en l'année 1753 et un second édifice en bois, le palais Golovine, élevé par l'ordre de l'impératrice Elisabeth et qui eut le même sort que le premier. L'édifice qu'on voit maintenant fut construit en 1774 par l'ordre de l'impératrice Catherine. Commencé d'après le plan de l'architecte Rinaldi, il fut achevé par Camporési. Les deux façades ornées de colonnes corinthiennes sont de Guarenqui“.

Павелъ I приказалъ этотъ огромный дворецъ превратить въ казармы помѣстивъ въ немъ 4-е баталіона московскаго гарнизоннаго полка и назвалъ дворецъ „Екатерининскими казармами“. Въ 1812 г. онъ былъ почти разрушенъ французами; въ 1823 г. возобновленъ подъ надзоромъ генер.-майора Ушакова и въ 1824 году Александръ I-й перевелъ сюда Смоленскій Кадетскій корпусъ.

Еще одинъ Петербургскій архитекторъ — Росси, строившій тамъ Главный Штабъ и многія другія прекрасныя зданія, извѣстенъ былъ въ Москвѣ постройкой некогда знаменитаго театра у Арбатскихъ воротъ. Театръ этотъ былъ построенъ послѣ пожара Петровскаго театра; онъ былъ деревянный, весь окруженный колоннами; размѣрами равный малому театру, но далеко превосходившій его роскошью. Начатъ въ 1807 году, оконченъ въ 1810 году. Въ отечественную войну французы давали въ немъ представленія для своей армии. Послѣдній спектакль былъ 30-го августа 1812 года; черезъ нѣсколько дней театръ сгорѣлъ.

Изъ Московскихъ архитекторовъ Екатериненской эпохи можно указать еще на архитектора Вали строившаго Кусковскій театръ и Кусковскій дворецъ; архитектора Бланка, строившаго на Солянкѣ, на Кулишкахъ

¹⁾ Въ отечественную войну домъ уцѣлѣлъ благодаря тому, что французы устроили въ немъ госпиталь для своихъ и русскихъ раненыхъ.

²⁾ Мартыновъ, 1865.

Церковь во имя Свв. Кира и Иоанна (освященная въ 1768 г.); архитектора Огорокова ученика и помощника Баженова; архитектора Де-Ла-Мотъ и, наконецъ, архитектора Е. С. Назарова, строившаго весьма интересную, особенно внутри, церковь во имя Сошествія Св. Духа на Лазаревскомъ кладбищѣ (нач. 1784 оконч. 1787).

Изъ замѣчательныхъ построекъ Екатерининской эпохи, кромѣ упомянутыхъ выше можно указать еще слѣдующія:

Колоссальный Императорскій Воспитательный домъ, основанный Екатериной II въ 1763 году; домъ Пашковыхъ нынѣ Румянцевскій музей (приписывается нѣкоторыми Баженову), домъ на Воздвиженкѣ бывший Разумовскаго, теперь графа Шереметева; домъ генераль-губернатора *); домъ бывший князя Долгорукаго, теперь графини Соллогубъ, (онъ хотя и построенъ въ 1802 году, но по архитектурѣ его надо отнести къ Екатерининской эпохѣ); Мясницкая больница; Усачевско-Чернявскій Институтъ (дѣвичье поле); Соляной дворъ за Москвой рѣкой; Иверская часовня (1791 г.); Кладбищенская церковь св. Елисаветы Преподобной за Драгомиловскимъ мостомъ (1772 г.) и, наконецъ, еще два весьма замѣчательныхъ дома, построенныхъ вѣроятно однимъ и тѣмъ же архитекторомъ, имени котораго, къ сожалѣнiю, не удалось узнать. Оба они стоятъ вблизи того мѣста, гдѣ Яуза впадаетъ въ Москву-рѣку. Первый изъ нихъ (нынѣ Яузская больница) построенъ въ 1798 г. Коллежскимъ Ассесоромъ Ив. Род. Баташевымъ, купцомъ, получившимъ дворянство за образцовое устройство заводовъ на Выксѣ. Внучка его въ 1817 году вышла замужъ за генерала Шепелева и получила въ приданое этотъ роскошный, стоившій нѣсколько милiоновъ домъ. Селивановскій говоритъ по поводу этого дома: „что можетъ только придумать хорошій архитекторъ для по-

*) Купленъ въ казну въ 1784 году. Въ путеводителѣ Селивановскаго (1827 г.) сказано: «онъ заслуживаетъ вниманiя прекрасной своей архитектурой, нѣчто величественное видно во всѣхъ частяхъ онаго. У главныхъ наружныхъ дверей стоятъ на пьедесталахъ колоссальныя фигуры хорошей работы, представляющiя аллегорическiя баснословныя божества». Гдѣ теперь эти баснословныя божества?!

строения великолѣпнаго дома, то все Вы найдете здѣсь, почтенный наблюдатель“. Для постройки этого дома Баташевымъ было скуплено и снесено до 16 обывательскихъ домовъ и пріобрѣтена часть земли стараго кладбища Симеона Столпника. Владѣніе такимъ образомъ занимало площадь въ 7000 кв. саж. Въ отечественную войну въ этомъ домѣ жилъ Мюратъ. Во время пожара домъ сильно пострадалъ, отдѣлка его послѣ пожара обошлась Баташеву въ 300,000 руб. Въ 1872 году все владѣніе перешло отъ Шепелевыхъ къ кн. А. Голицыной; въ 1878 г. купленъ обществомъ Призрѣнія и съ этого времени понемногу стали портить домъ. Въ 1880 г. сломаны были двѣ боковыя галереи соединявшія главный корпусъ съ флигелями. Обширный залъ въ 23 сажени длиною передѣланъ на 14 больничныхъ палатъ. Великолѣпная живопись на плафонахъ и на лѣстницѣ забѣлена мѣломъ (теперь живопись сохранилась лишь въ одной палатѣ—работа отличнѣйшей кисти); въ 1899 году сломана роскошная наружная лѣстница, украшенная колоннами, которая тремя маршами вела изъ сада прямо во второй этажъ дома. Въ этомъ же году пристроена скверной архитектуры церковь съ правой стороны главнаго корпуса. Этой пристройкой совершенно испорченъ боковой фасадъ, пожалуй, еще болѣе интересный, чѣмъ главный.

Другой домъ (бывшій Тутолмина), живописно расположенъ на обрывѣ къ Москвѣ-рѣкѣ, на такъ называемой Швивой горкѣ. Селивановскій пишетъ: „Самая Вшивая горка до краснаго холма усѣянная въ пріятномъ смѣшеніи небольшими домиками, церквами, представляетъ нѣчто очаровательное, но что болѣе придаетъ прелести сей сторонѣ Вшивой горки, то это на полукружій горы домъ бывшаго Московскаго Военнаго Губернатора Тутолмина. Истинно надобно сказать, что мало въ Москвѣ такихъ домовъ, а мѣстоположеніе и архитектура дѣлаютъ его единственнымъ“. Главный корпусъ соединяясь полуциркульными крыльями съ боковыми флигелями, образуетъ почти совсѣмъ круглый *coeur d'hoppeur*. Теперь этотъ домъ принадлежитъ г-ну Ярошенко, который перестраиваетъ его подъ 36 мелкихъ квартиръ. Въ моментъ, когда я пишу эти строки, десятка два ломовъ уже работаютъ надъ разрушеніемъ всѣхъ боковыхъ флигелей, составляющихъ красу дома.

Переходя къ эпохѣ Александра I-го я могу лишь назвать важнѣйшіе памятники этой блестящей эпохи русской архитектуры и нѣкоторые года, такъ какъ мнѣ, къ крайнему сожалѣнію, не удалось пока узнать именъ авторовъ построекъ, кромѣ одного, впрочемъ, именно: архитектора Бовэ. Два снимка съ Московской „Градской“ больницы, которую онъ строилъ, помѣщенныхъ въ этомъ номерѣ сразу убѣждаютъ въ несомнѣнной талантливости художника. Кромѣ того онъ строилъ Большой театръ (оконченъ въ 1824 г.). Это былъ величественный спокойный Empire. По поводу него графъ de Лово пишетъ: „*Cet édifice dont la masse présente quelque chose de colossal est d'une architecture plus sévère qu'élégante*“. Послѣ пожара 1856 г., театръ этотъ былъ заново отдѣланъ архитекторомъ Кавось, причемъ сильно пострадала наружная красота зданія. Этотъ художникъ не

захотѣлъ возстановить старую архитектуру Бовэ и, очевидно, стремясь сдѣлать ее, согласно измѣнившейся модѣ, „plus élégante“, въ значительной степени искажилъ зданіе. Послѣдней работой Бовэ была триумфальная арка у Тверской заставы. Это произведеніе лишено той непосредственности, простоты и силы, которыя присущи всемъ его постройкамъ. Возможно, что здѣсь сказалось вліяніе его помощниковъ.

Вотъ рядъ великолѣпныхъ еще уцѣлѣвшихъ „Empire“ въ Москвѣ: Университетъ, возобновленный въ 1816 г. (Моховая); Малый театръ; Университетская типографія (Страстной бульваръ); домъ Саломірскаго (Тверская); Военный Госпиталь (Лефортово); великолѣпная рѣшетка Кремлевскаго сада (1801 г.); Лазаревскій Институтъ 1815 г. (Армянскій п.); Зданіе опекунскаго совѣта 1825 г. (Яузская ул.); Коммерческое училище, 1804 г. (Остоженка); Вдовій домъ, 1803 г., домъ кн. Гагарина (Новинскій бульваръ); поэтичный домикъ у Софійской больницы (бывшій кн. Щербатова; Кудринская Садовая); два домика у Тверской заставы; 3-я гимназія (бывш. домъ кн. Пожарскаго); домъ оберъ-полицмейстера (Тверской бульваръ); домъ Государственнаго Банка (Никитскій бульваръ); домъ Удѣльнаго Вѣдомства (Пречистенскій бульваръ); домъ Селезневой (Пречистенка); домъ Станицкой (тамъ же); домъ Военнаго суда (Арбатъ), и наконецъ, Склады у Крымскаго моста, простота и величіе которыхъ поражаютъ.

Изъ исчезнувшихъ „Empire“ можно указать на „Медико-Хирургическую Академію (Рождественка) „un vaste bâtiment à 3 étages orné d'un fort beau péristyle“ (Louveau). Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ это зданіе перестроено архитекторомъ Соловьевымъ подъ „Строгановское училище“. Зданіе Аукціонной продажи (домъ Полторацкаго) противъ Большаго театра; старое зданіе Присутственныхъ мѣстъ (постр. 1821 г.) на мѣстѣ красуется городская дума, построенная въ якобы русскомъ стилѣ; такое же издѣліе современнаго отечественнаго зодчества замѣнило и прекрасные строго-классическіе торговые ряды; домъ генерала Егорова, противъ Александровскаго сада (онъ перестраивается въ настоящій моментъ на четырехэтажный доходный домъ). Въ прошломъ году перестроили отличный Empire — домъ Бородина (на Кареткой Садовой) на стиль „moderne“. Сейчасъ ломаютъ два чудныхъ домика г. Лева (въ Столешниковомъ пер.) и домъ Ерусалимскаго подворья (на Пречистенскомъ бульварѣ). Взамѣнъ того и другого будутъ доходные дома въ стилѣ „moderne“. Да что говорить объ этихъ частныхъ домахъ, когда, предѣль вандализма, ломаютъ лучшее зданіе Москвы — прямо классически прекрасный Университетъ?

А сколько изуродовано пристройками и перестройками! На Англійскомъ клубѣ на правомъ флигелѣ наложенъ третій этажъ и уничтожена часть лѣпной работы; на другомъ флигелѣ понадѣланы на окнахъ новые наличники. Передъ главнымъ входомъ въ училище Ордена Св. Екатерины сдѣлана пристройка, испортившая фасадъ, къ чудеснымъ каменнымъ воротамъ пристроена жалкая деревянная будочка для дворника! Вдоль всей рѣшетки у Cour d'honneur Шереметьевской больницы, понастроены эти отвратительныя сухаревскія лавки; къ главному корпусу Александровскаго Инсти-

тута пристроены два уродливыхъ боковыхъ флигеля; Императорское Техническое училище—одинъ изъ лучшихъ памятниковъ эпохи—безбожно испорчено двумя пристройками Гражданскаго Инженера Кекушева; въ домѣ Государственнаго Коннозаводства,—второй этажъ, который представляетъ рядъ роскошныхъ залъ стила Еmрiге,—устроена квартира, при чемъ подъ кухню пошла часть огромнаго зала, богато украшеннаго отличнѣйшей скульптурой! Въ Студенцѣ (Земледѣльческая школа) отъ прежняго величiя (бывшая дача графа Закревскаго) остались лишь ворота, водокачка, да два памятника надъ могилами собаки и лошади графа.

А сколько уничтожено въ Москвѣ этихъ поэтичныхъ воротъ со львами и сколько чудныхъ садовыхъ рѣшетокъ. У главнаго зданiя Университета на наружной лѣстницѣ такъ удачно помѣщены были шесть большихъ желѣзныхъ фонаря—теперь они уже исчезли и вѣроятно будутъ замѣнены пошлѣйшими цинковыми издѣлiями для электричества. Одинъ изъ снимковъ въ этомъ номерѣ пусть будетъ упрекомъ тому, кто въ этомъ виноватъ.

А сколько испорченныхъ церквей внутри и снаружи! У господъ настоятелей церквей замѣчается особенная страсть все подновлять и перестраивать. Дѣлается это на „жертвованныя“ деньги и въ угоду купцу-толстосуму, часто по его „плану“ уродуются сотни отличныхъ памятниковъ архитектуры.

Неужели нельзя остановить этихъ непрерывныхъ посягательствъ на то, что должно быть неприкосновенно?

Мнѣ скажутъ: а Археологическія общества? Развѣ они не охраняютъ старину?

Да, но я знаю одного члена Археологическаго общества и *предсѣдателя* комиссіи по сохраненiю памятниковъ зодчества, который ломаетъ, какъ архитекторъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ Еmрiге (Университетъ). Мнѣ укажутъ на то, что 19-й вѣкъ еще не принадлежитъ къ охраняемой эпохѣ. Почему же не принадлежитъ? Развѣ нужно ждать пока будетъ все уничтожено, чтобъ собирать потомъ кирпичи погибшихъ памятниковъ? По моему критерию археолога должна быть не одна отдаленность эпохи, но и художественная цѣнность предмета. Или должно существовать еще особое общество: „Художественно-Археологическое“, членами котораго были бы тонкіе цѣнители искусствъ и задачей котораго было бы охранять памятники искусства всѣхъ эпохъ? Члены такого общества необхо-

димо должны быть снабжены большими полномочіями и непременно имѣть весьма большія права.

Въ трудахъ 1-го Археологическаго Съѣзда (т. I, стр. 105 — 107) Голышевъ пишетъ (25-го марта 1869 г.): „Члены Общества покровительства животнымъ постоянно преслѣдуютъ жестокое обращеніе съ животными и частенько представляютъ лицъ къ мировымъ судьямъ. Члены же Археологическаго Общества не снабжены никакими уполномочіями къ сохраненію памятниковъ древностей нашего дорогого отечества“. Эта параллель можетъ быть нѣсколько смѣшна, но совершенно основательна.

Необходимо дать *право привлекать къ суду* лицъ, нарушающихъ законы сохраненія памятниковъ искусства и старины и *право отчуждать* движимое и недвижимое имущество, имѣющее художественную или археологическую цѣнность.

Вѣдь имѣетъ же городъ право отчуждать земли обывателей. Для этого былъ когда-то составленъ и Высочайше утвержденъ планъ урегулированія города. Мою землю—мою собственность—городъ отчуждаетъ, если она ему нужна. Почему бы не создать такой же утвержденный реестръ зданій и предметовъ имѣющихъ художественную или археологическую цѣнность? Я владѣю домомъ или вещью до тѣхъ поръ пока берегу ее въ неприкосновенномъ видѣ. Но лишь я хочу перестроить домъ, продать вещь—у меня ихъ отчуждаютъ. Если же кто тайно продалъ или испортилъ памятникъ—то онъ подлежитъ суду.

Давно уже были люди, которые мыслили такъ, но они всегда были единицами. Одинъ въ полѣ не воинъ. А. Васильчиковъ въ нѣсколькихъ рѣзкихъ статьяхъ въ „Современныхъ Вѣдомостяхъ“ (1872 г.) осуждаетъ повсемѣстный вандализмъ. Онъ пишетъ между прочимъ: „Хотя несомнѣнно намъ болѣе по сердцу наша до-Петровская старина, однако, мы желаемъ чтобы достойные памятники всѣхъ эпохъ, всѣхъ царствованій, сохранили свой характеръ, а не пропадали подъ вѣчнымъ закрашиваніемъ, заблѣиваніемъ и перестройками. Мы бы хотѣли сохранить въ первобытной красѣ зданія временъ Аристотеля и Алевиза, точно такъ же какъ и памятники Петровскаго времени и произведенія Растрели и Казакова“. Это было сказано тридцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ. Говорилось и послѣ много разъ; говорится и теперь. Но все напрасно.

Одинъ за другимъ падаютъ подъ ломомъ каменщика послѣдніе величественные памятники блестящей эпохи русской архитектуры. Никто изъ власть имущихъ ихъ не защититъ. Непонятны они для современнаго измелчавшаго огрубѣвшаго поколѣнія людей.

Москва,
16 июля 1904 года.

Ив. Фоминъ.

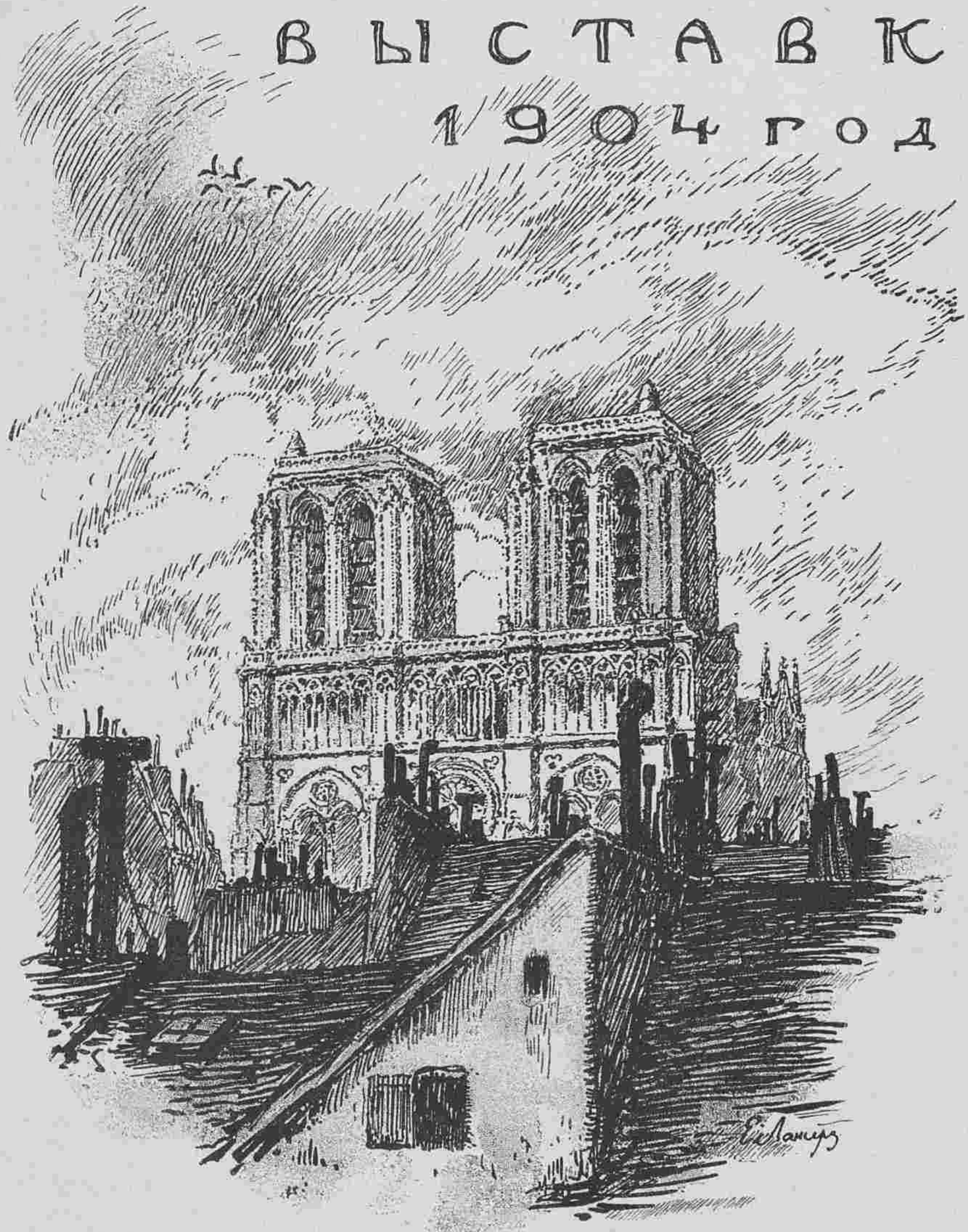

1188-9

1904

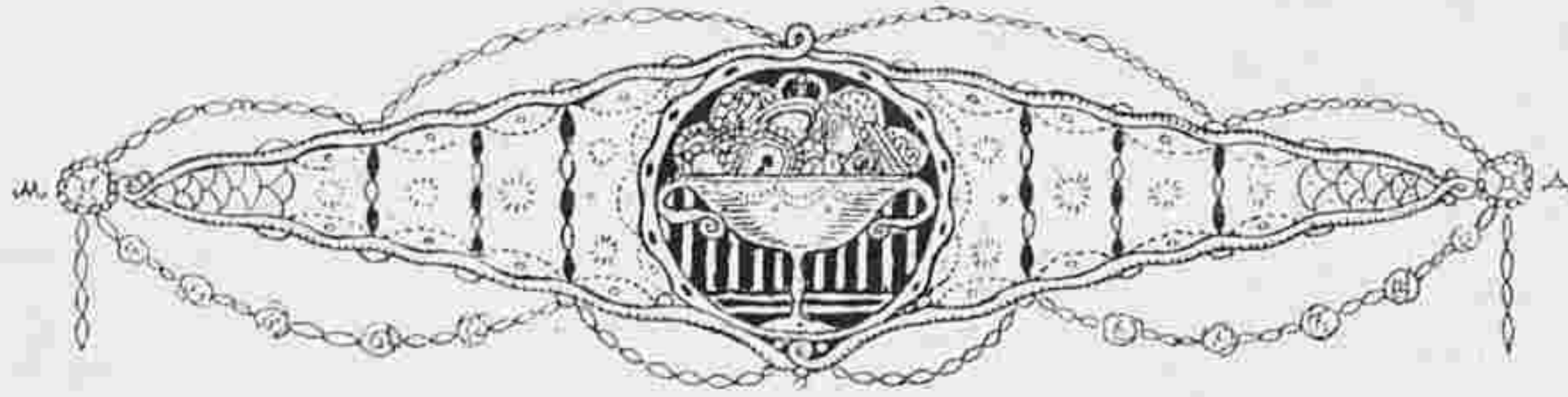
19

П А Р И Ж С К І Я
В Ы С Т А В К И
1 9 0 4 Г О Д А .

В. Мамин

П А Р И Ж С К И Й

21

С А Л О Н Ъ 1 9 0 4

Лепэръ. (Lerette).
Закатъ солнца.

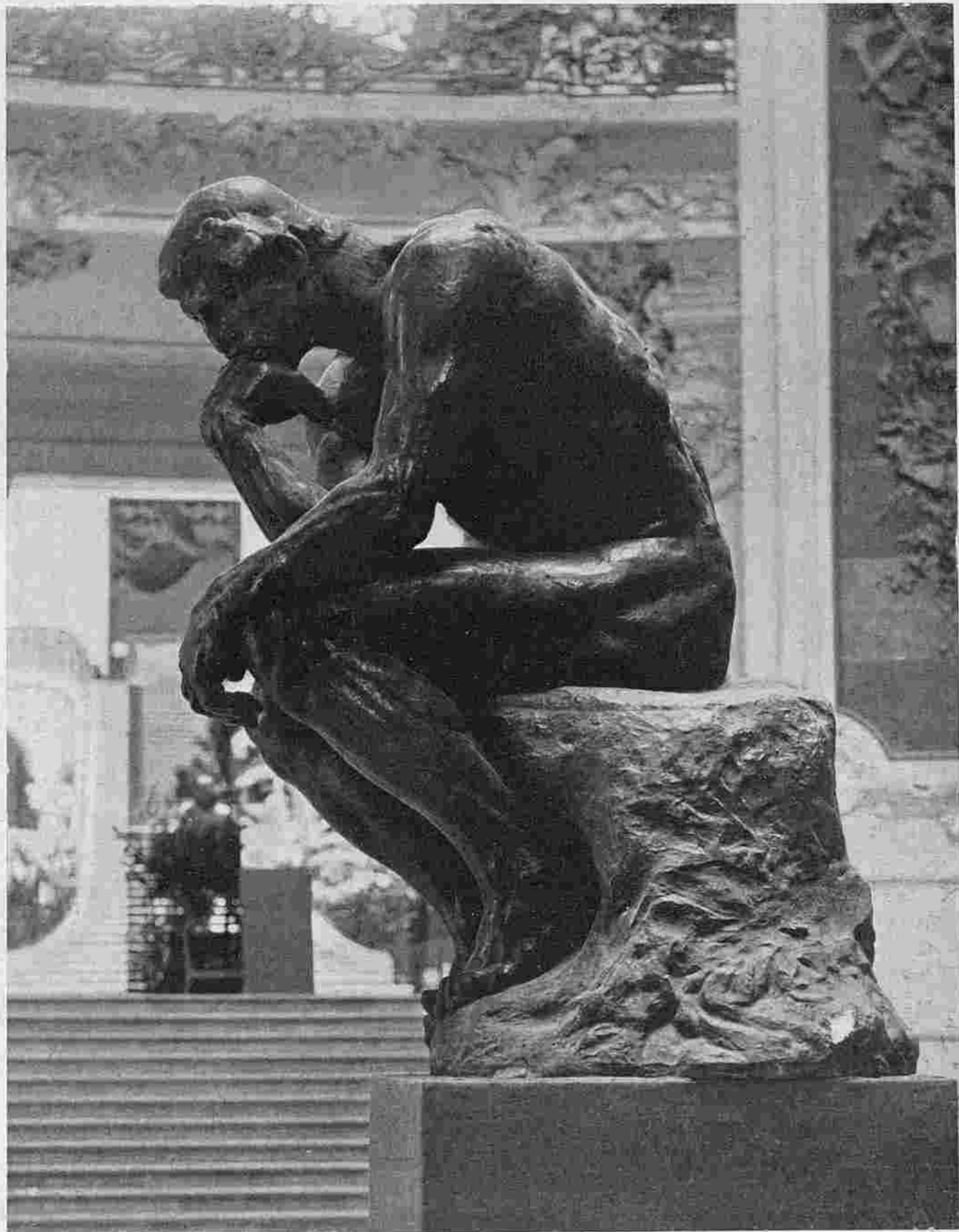

Лепэръ (Lerèze). Шкваль.

Раупфъ. (Raupf). Молотильщицы.

21

О. Родэнъ (A. Rodin).
Le penseur.

О. Родэнъ (A. Rodin).

Л. Фредерикъ (L. Fréderic).
Фламандская крестьянка.

*А. Бертсонъ (A. Baertson).
Монастырь въ Брюгге.*

23

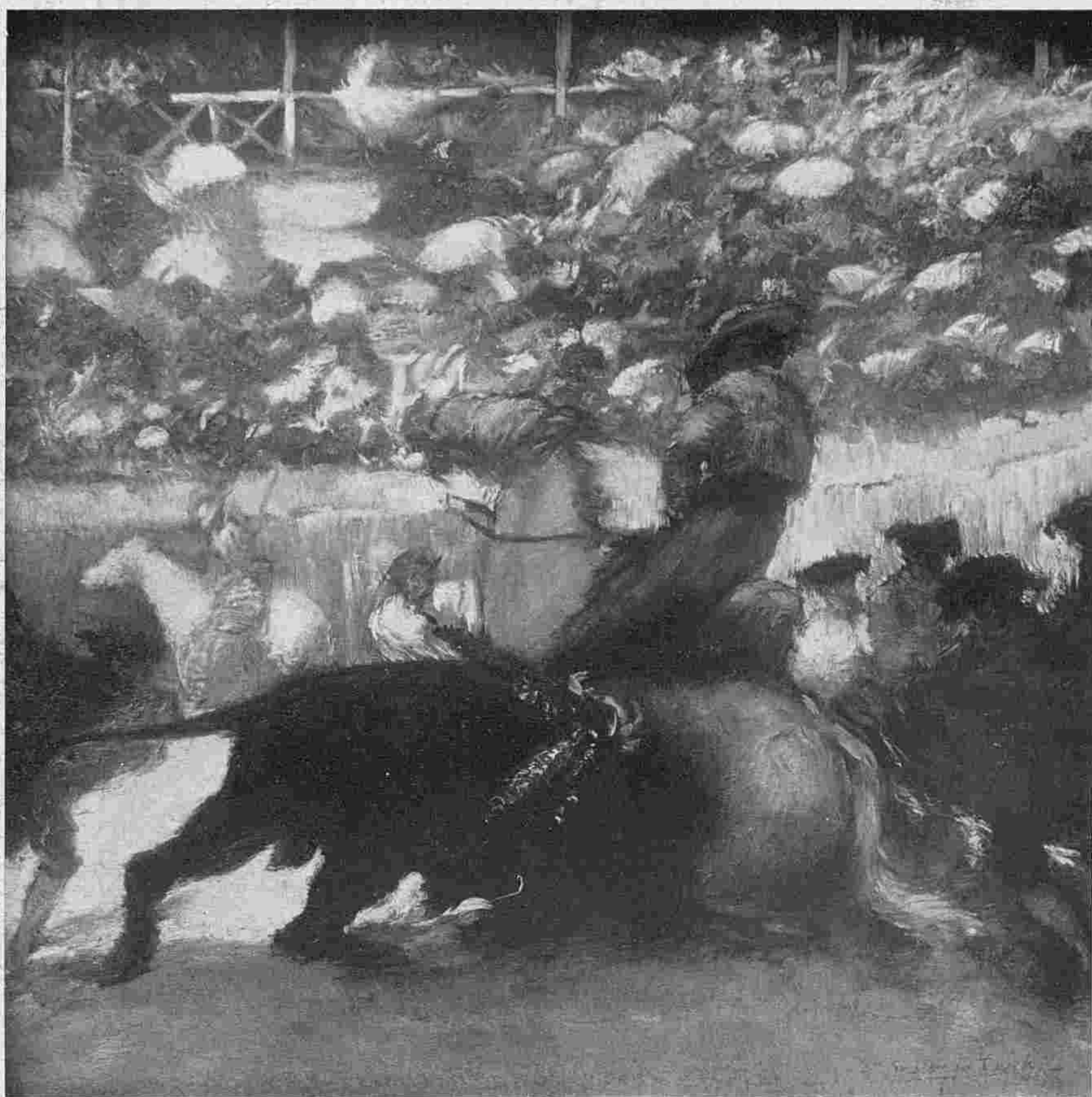
*А. Бертсонъ (А. Vaertson).
Гентъ.*

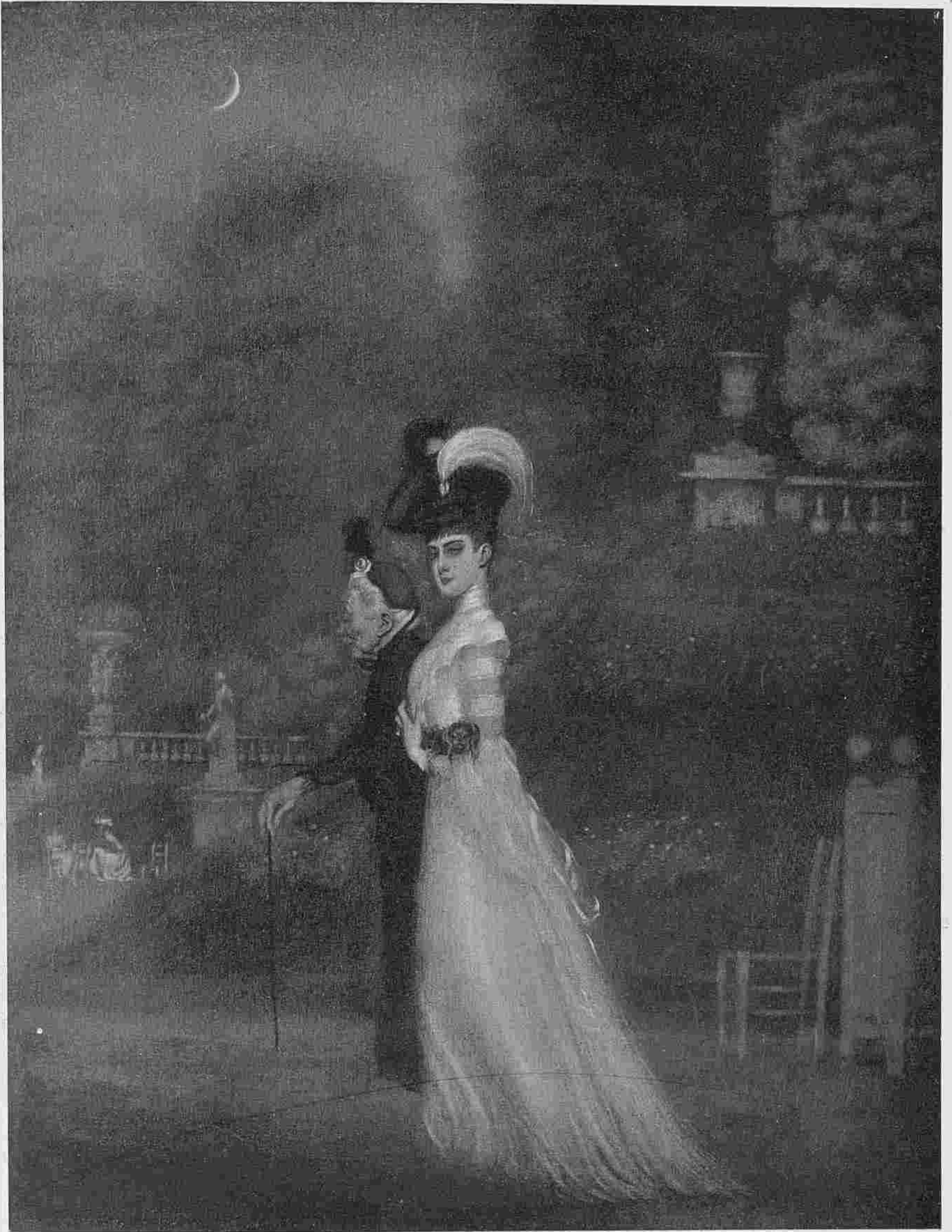
Ш. Коттэ (Ch. Cottet).
Праздникъ въ Бретани.

*Ла Гандара (La Gandara).
Портретъ писателя Ж. Лорэна.*

*Г. Латушь (G. Latouche).
Испанія.*

*Ла Гандара (La Gandara).
Подъ вечеръ.*

Г. Латушъ (G. Latouche).
Дочь Фавна.

Анкетэнъ (Anquetin).
Плафонъ.

*Ш. Симонъ (С. Simon).
Портретъ художника Ж. Бланша.*

27

Ш. Кондеръ (Ch. Conder).
Фонтанъ.

*Ш. Кондеръ (C. Conder).
Прогулка.*

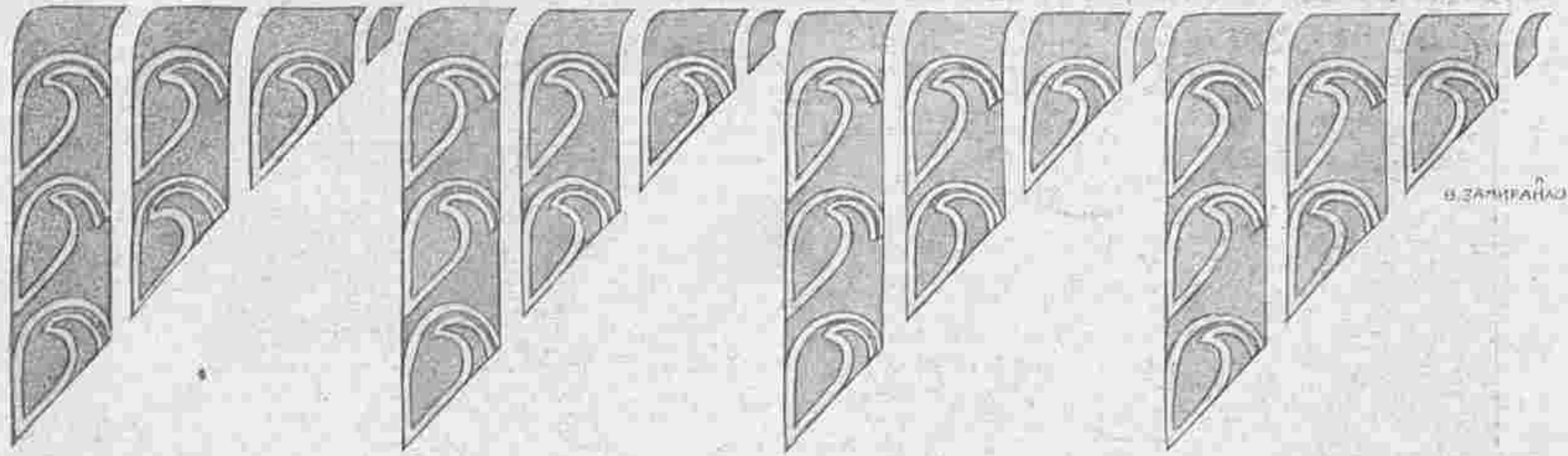

Дж. Лавери (J. Lavery).
Портретъ въ розовомъ.

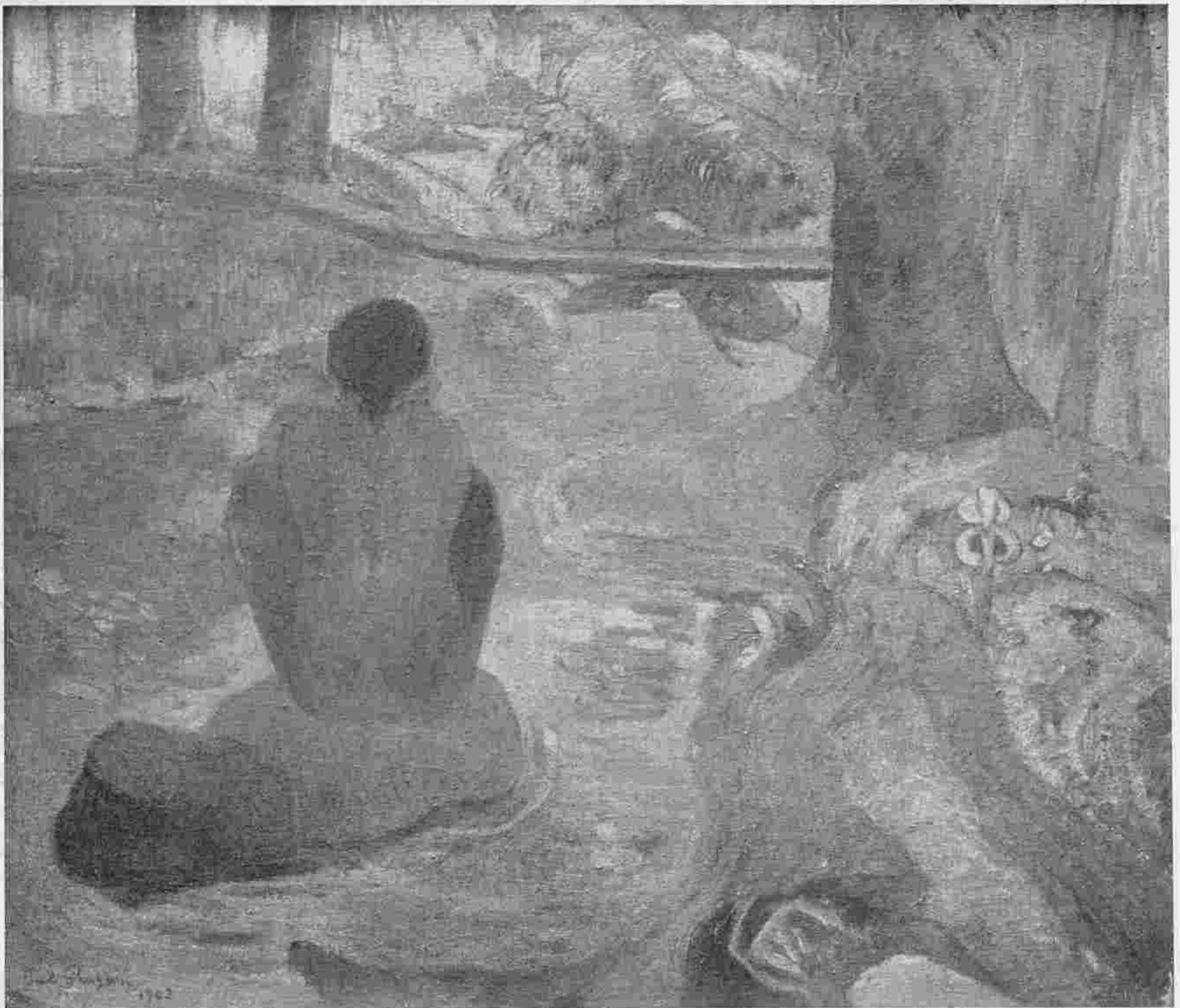

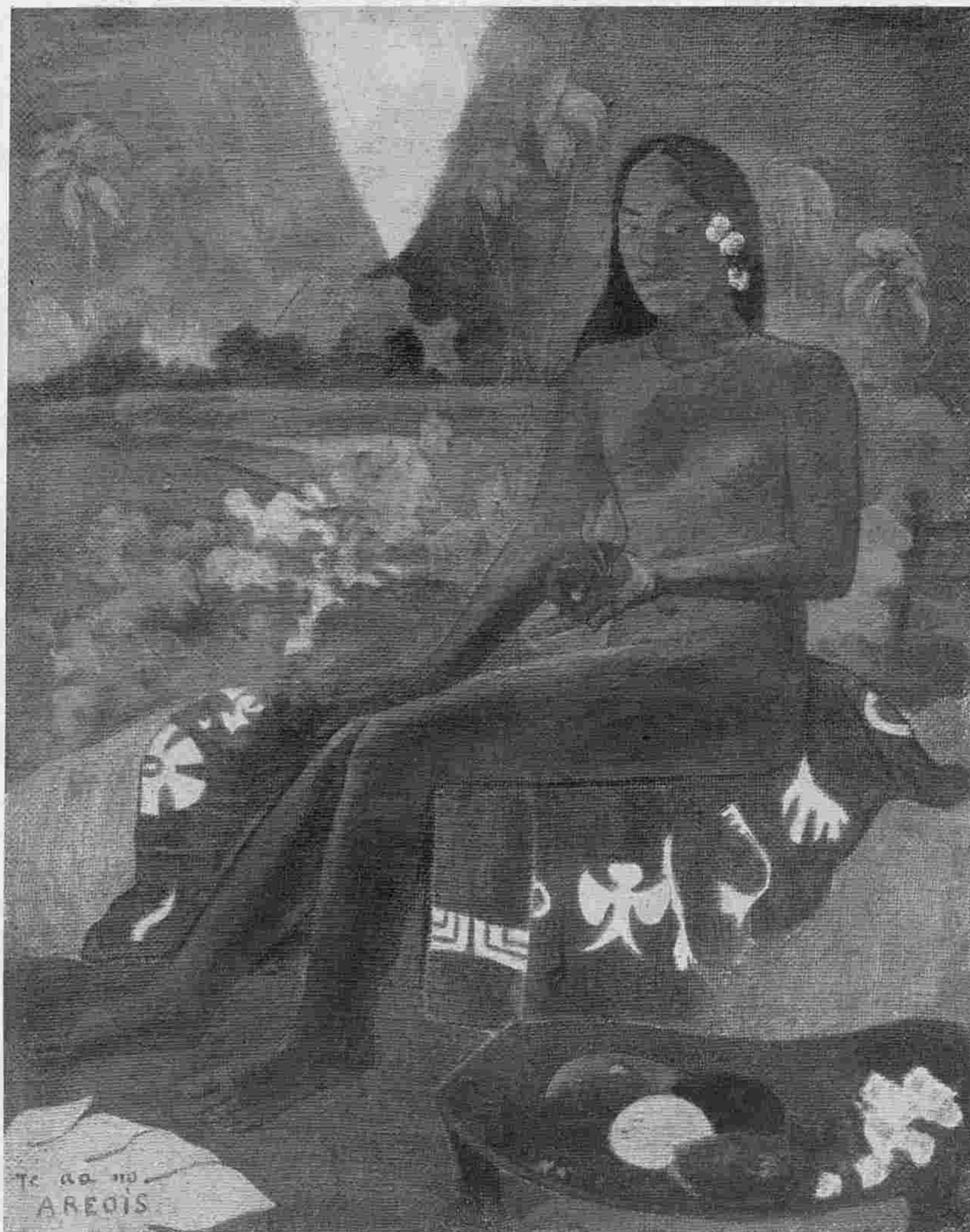
*Е. Каррьеръ (E. Carrière).
Портретъ.*

ГОРЬКА

В. ЗАМКАНОВ

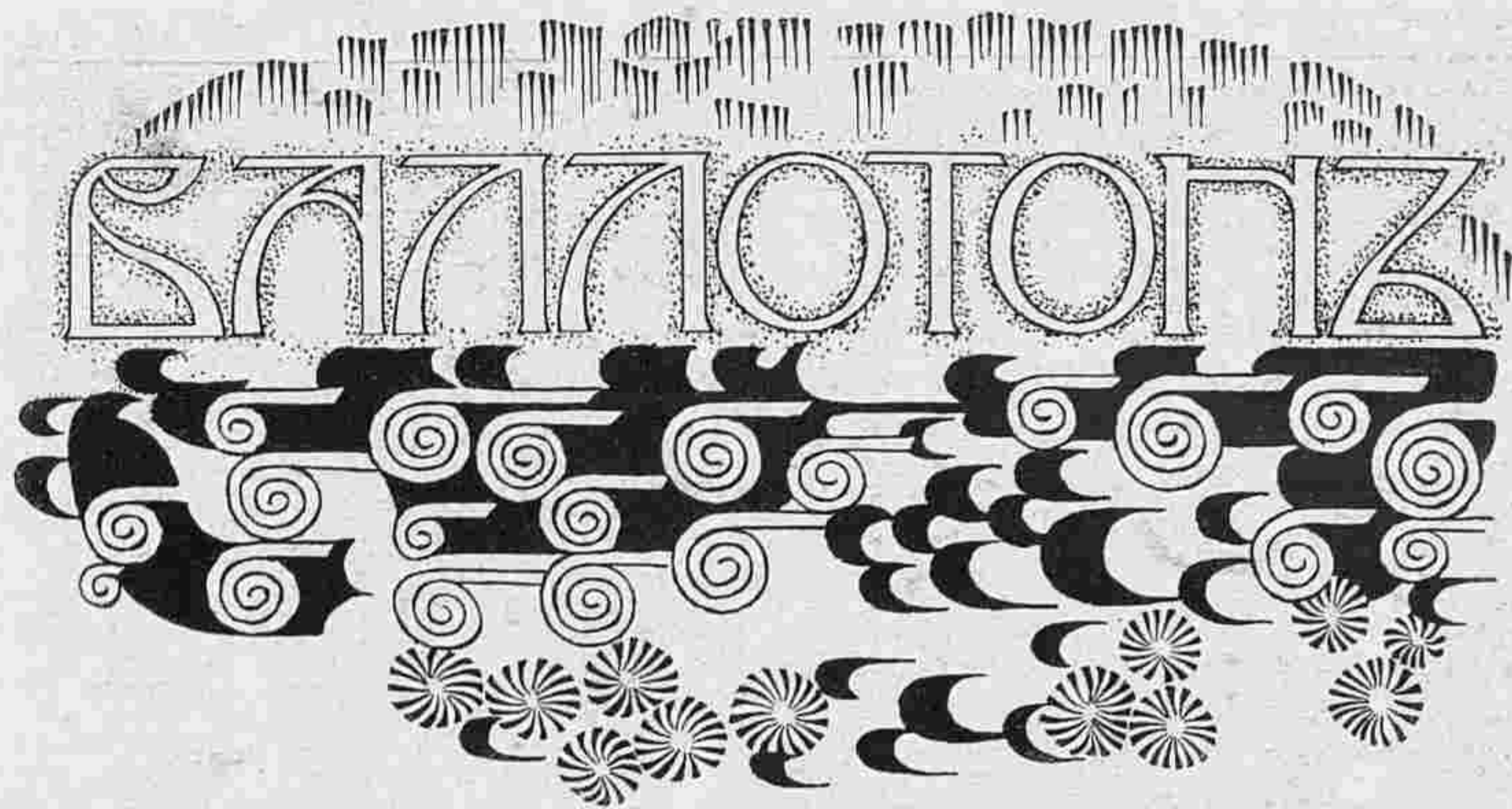

30

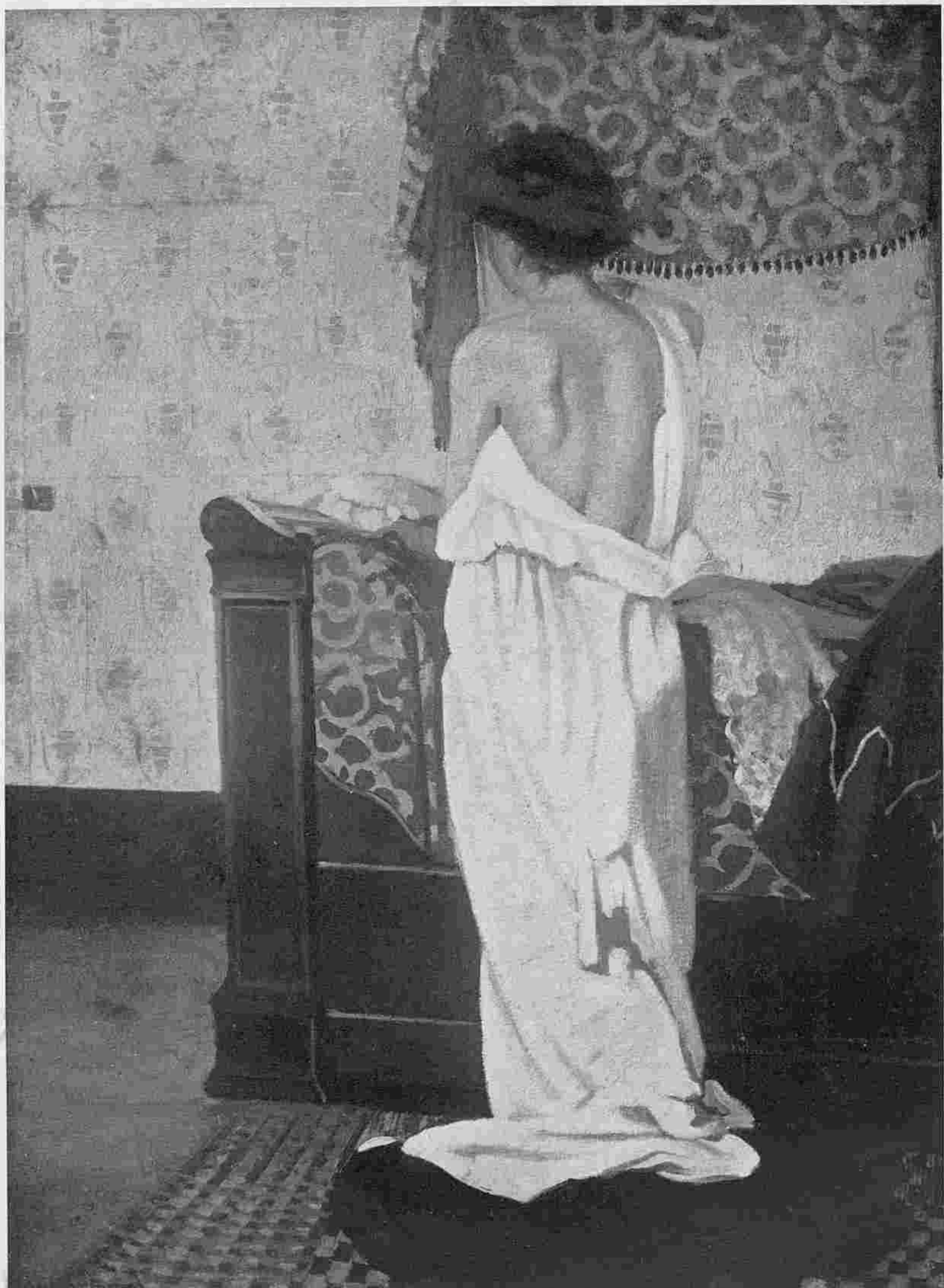

Ф. Валотонъ (F. Vallotton).
У двери.

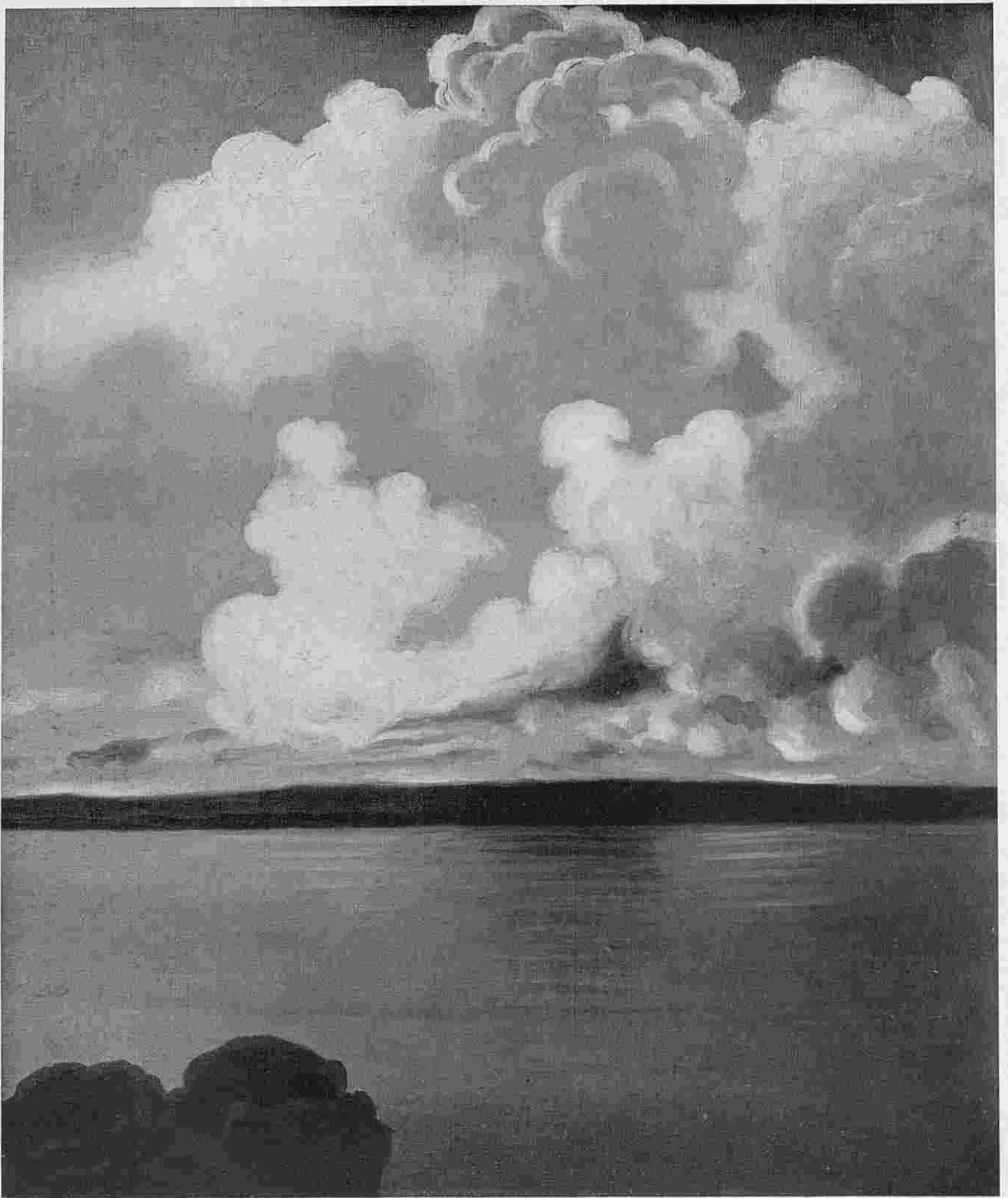

Ф. Валотонъ (F. Vallotton).
Утро.

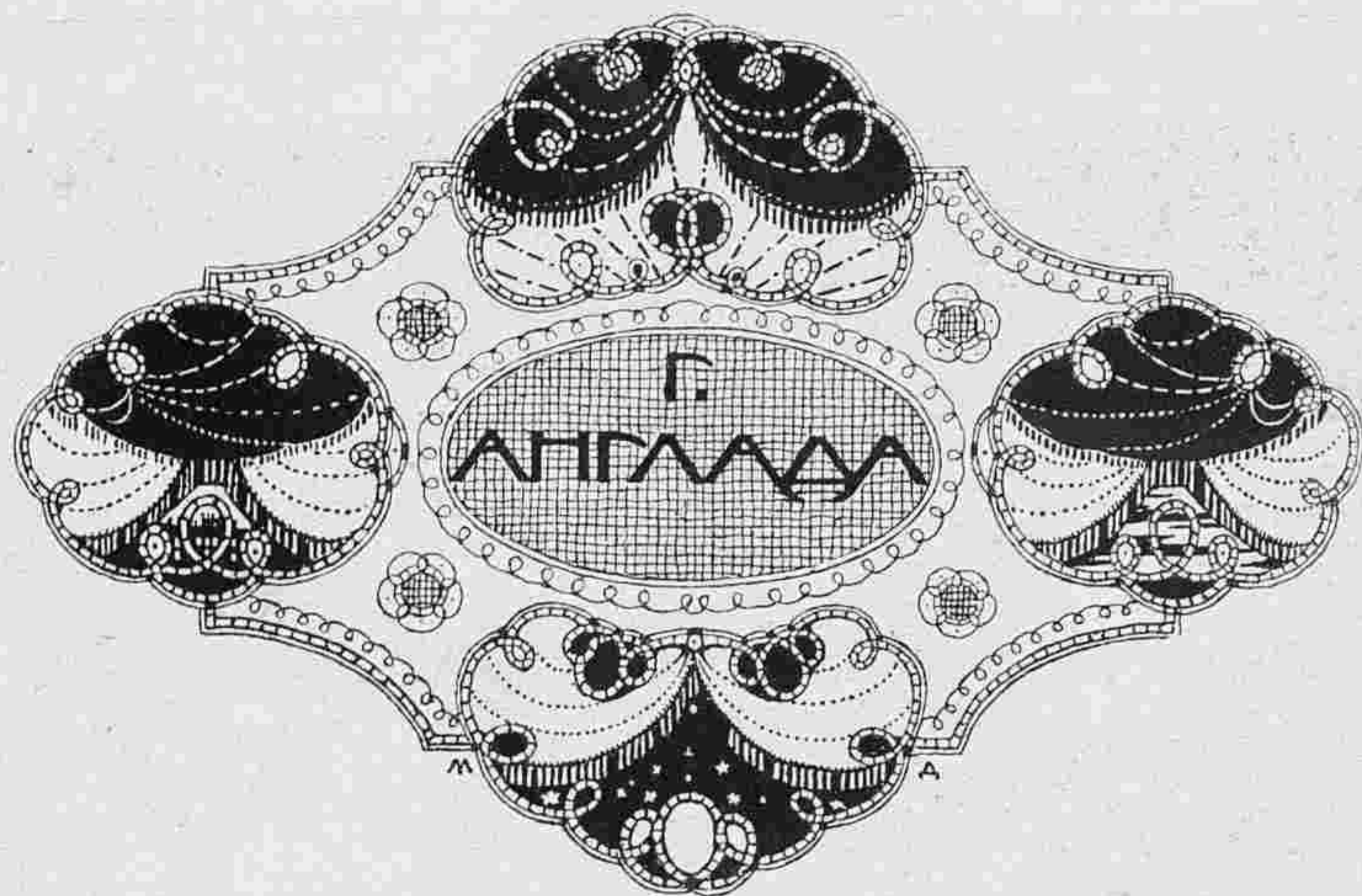

Ф. Валотонъ (F. Vallotton).
Дьтская любовь.

83

Ф. Валотонъ (F. Vallotton).
Облака.

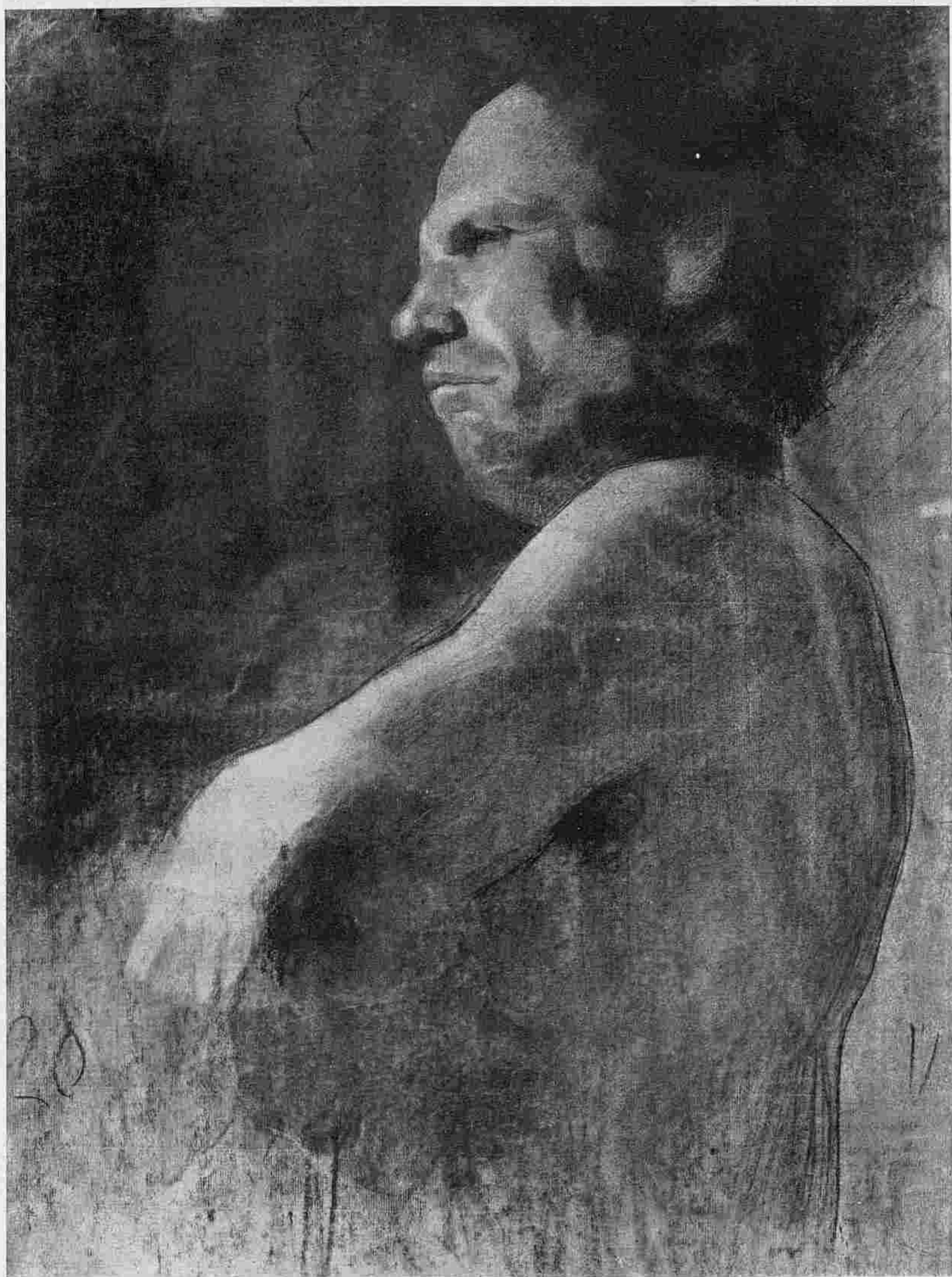
Г. Англада (H. Anglada).
Лоз Фюллерь.

*Г. Англада (H. Anglada).
Въ кафэ.*

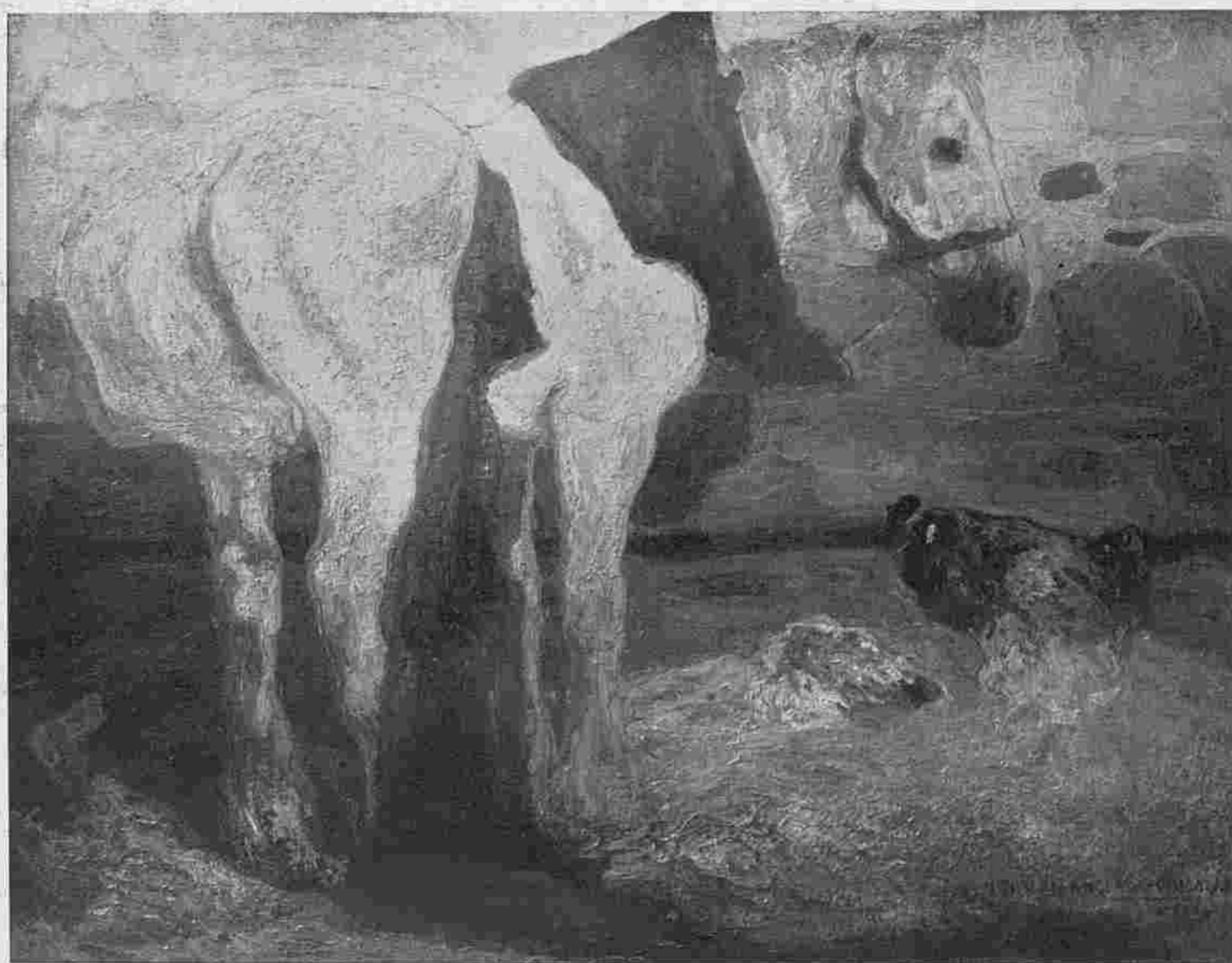
Г. Англада (H. Anglada). Торговки овощами.

Г. Англада (H. Anglada).
Этюдъ.

Г. Англада (H. Anglada).
Въ ложь.

Г. Англада (H. Anglada).
Лошадь.

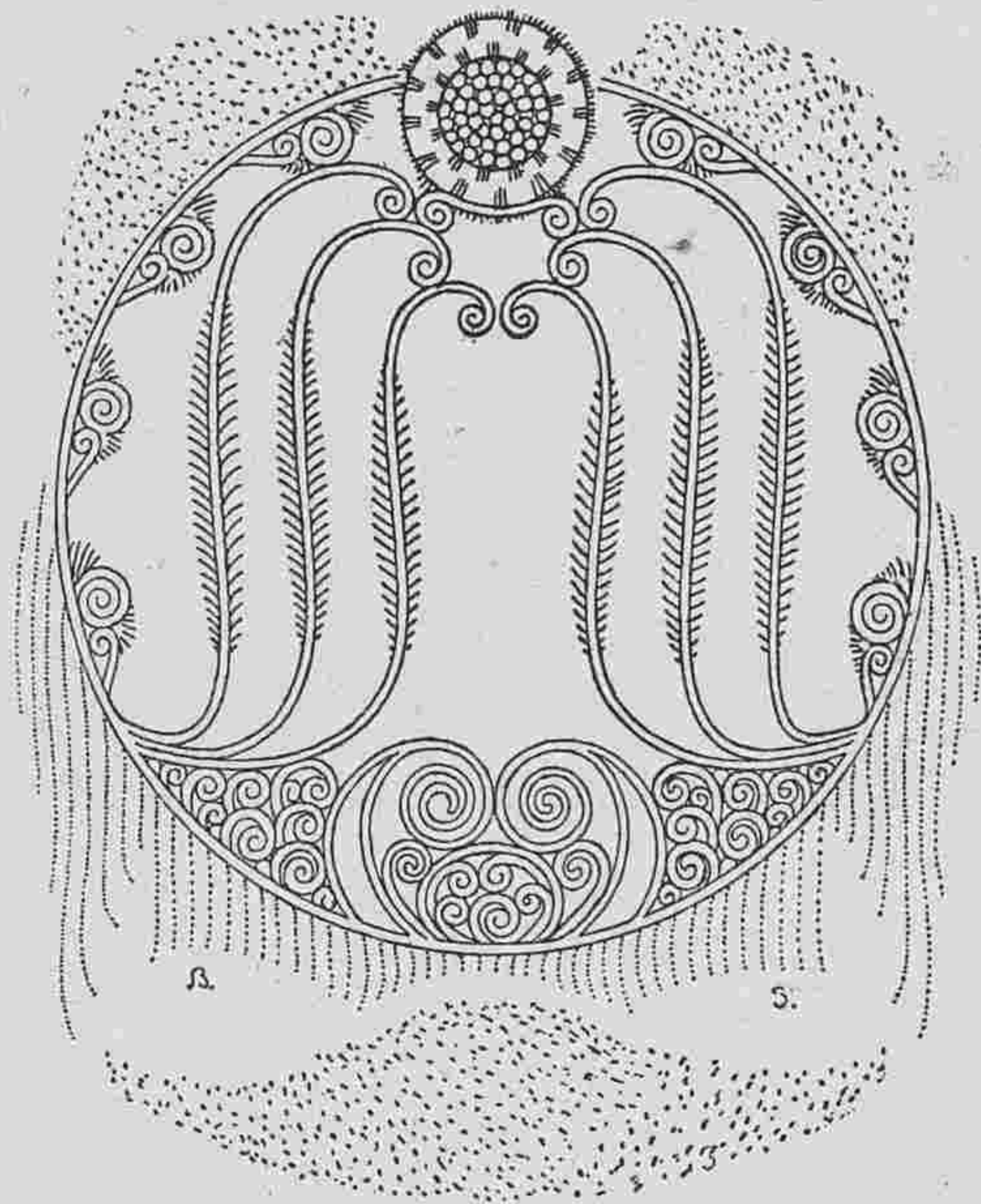
Г. Англада (H. Anglada).
Въ ночномъ ресторани.

4/30

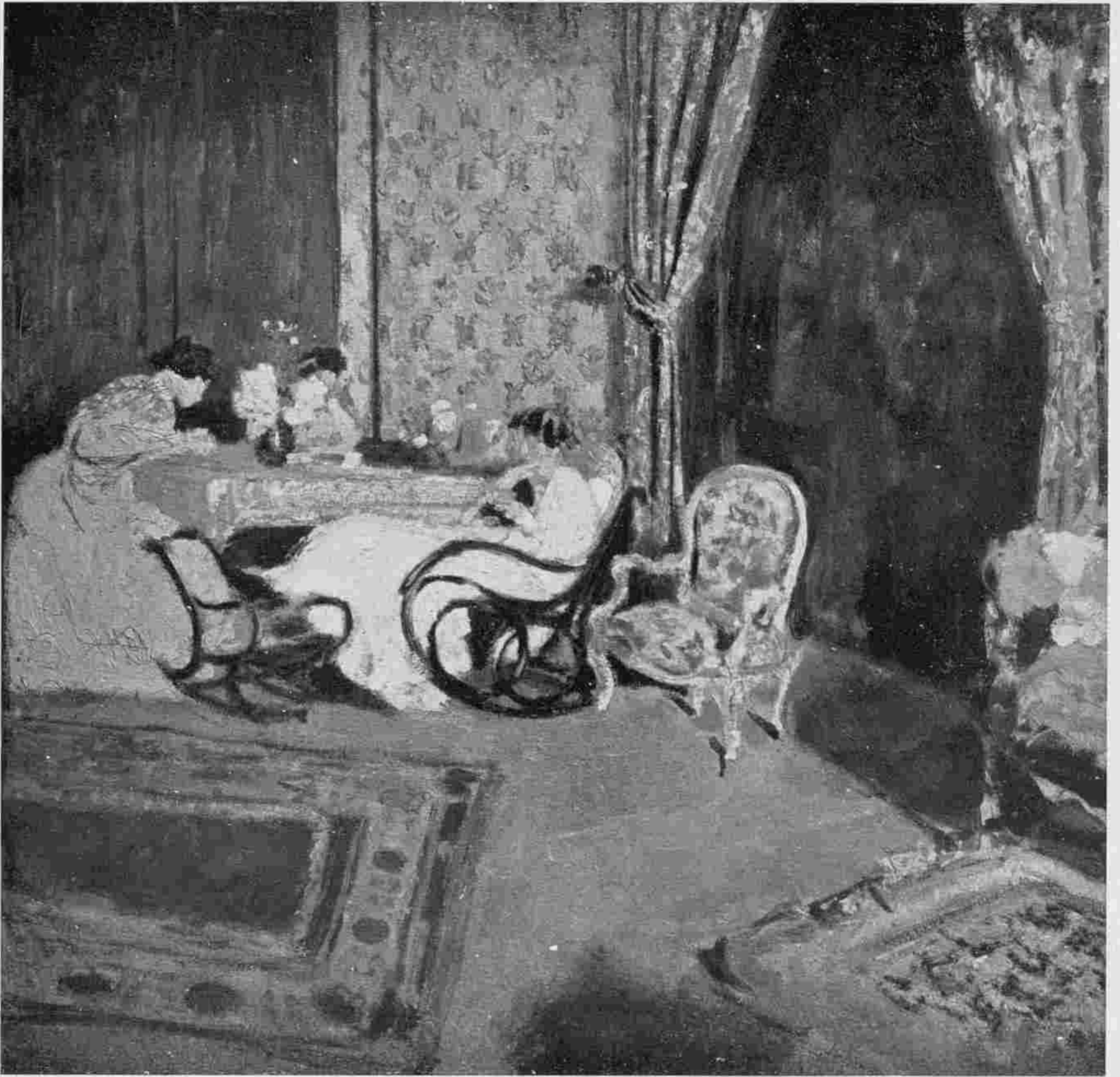
*Г. Англада (H. Anglada).
Морфинистка.*

НЕО
НАПРЕС
СИОНС
ТЫ.

*Е. Вюилларь (E. Vuillard).
Старушка*

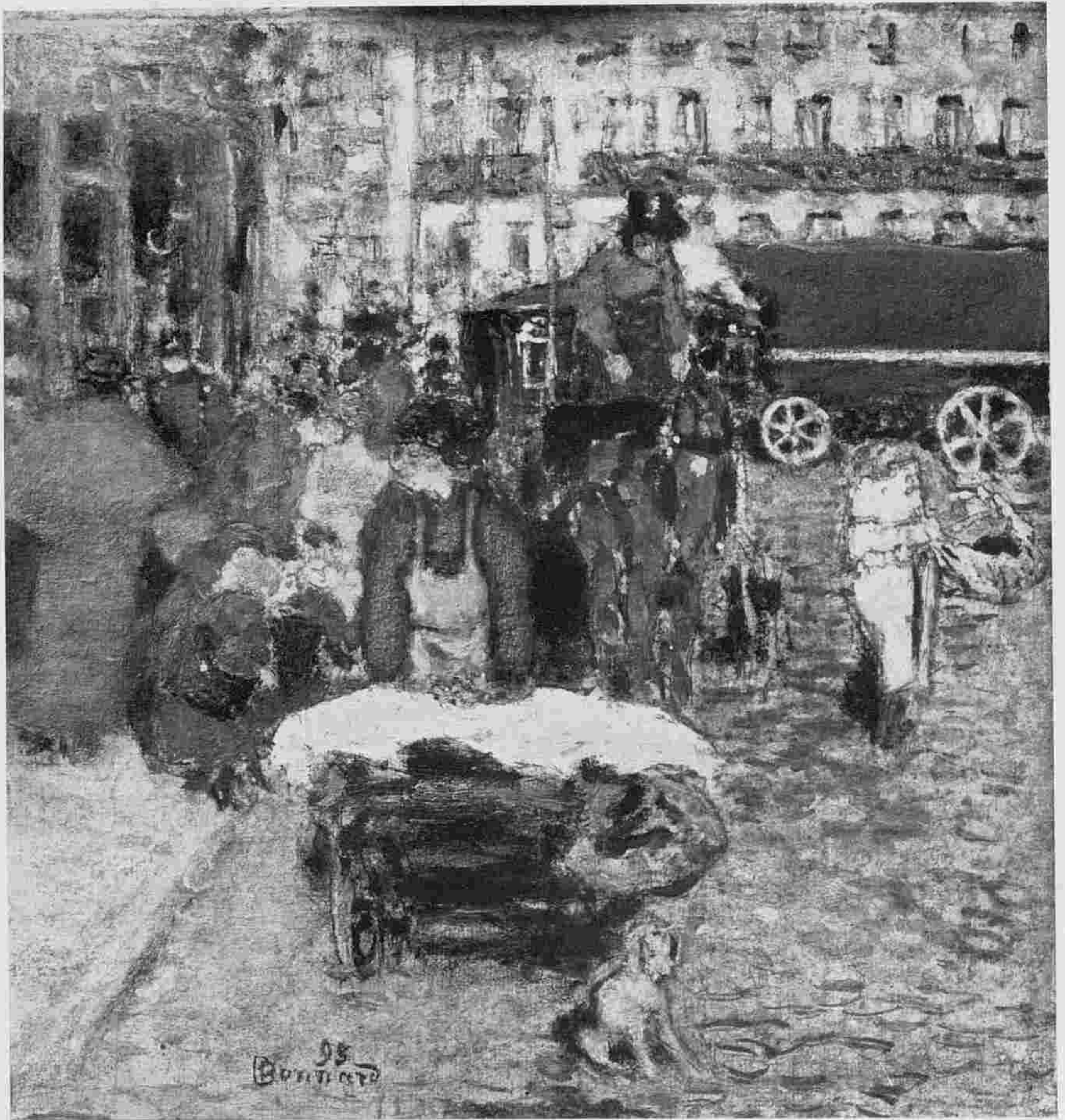

*Е. Вюилларъ (E. Vuillard).
Intérieur.*

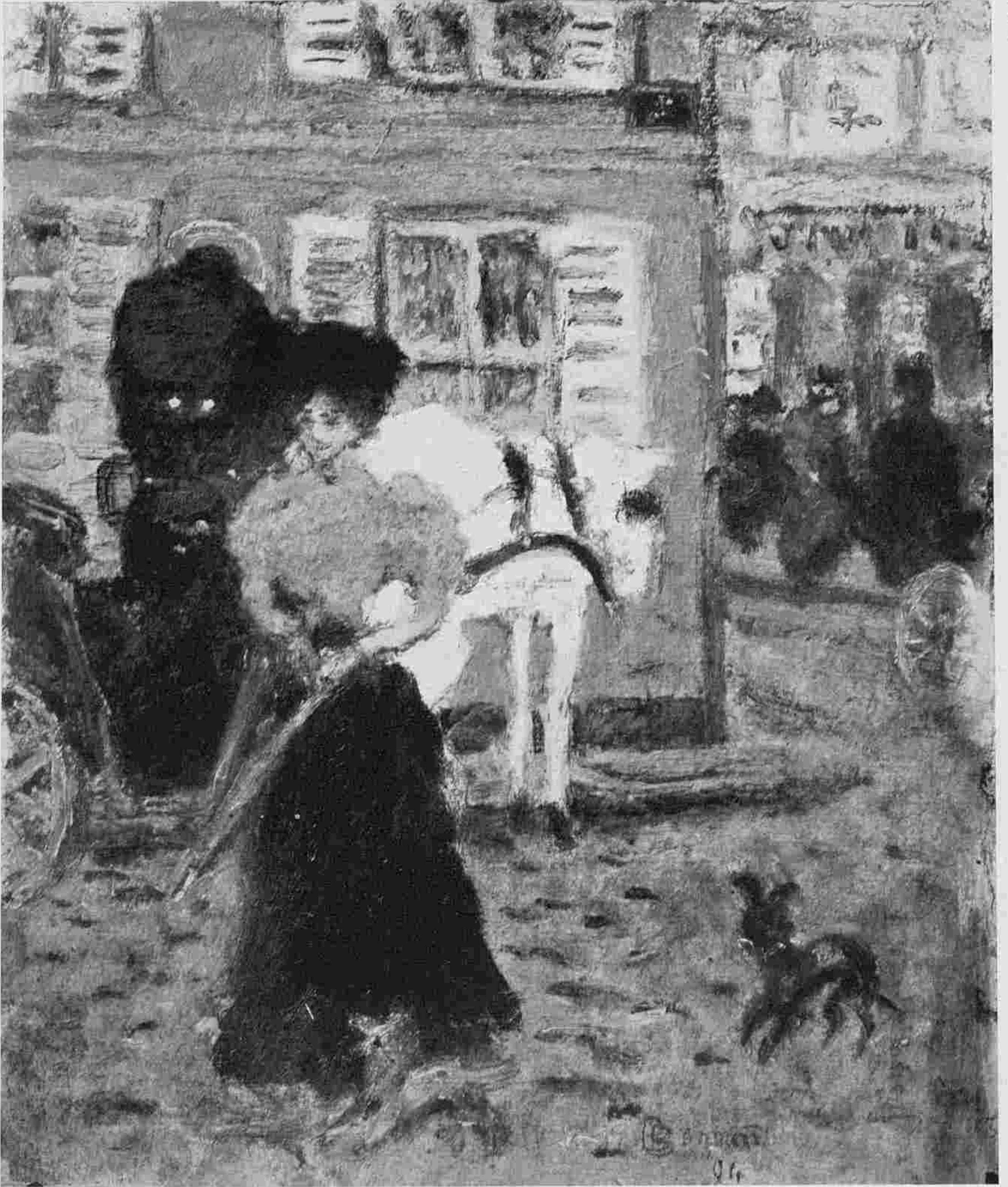

38

Е. Вюилларъ (E. Vuillard).
Портретъ.

Боннаръ (Bonnard).
Улица въ Парижѣ.

*Боннаръ (Bonnard).
Уголокъ улицы.*

*Крестъ (Cross),
Взморье.*

*Люсѣ (Luce),
Notre-Dame.*

Лебаскѡ (Lebasque).

*Лебаскѡ (Lebasque).
Матѣ.*

*Матисъ.
Приготовление къ завтраку.*

41

Ванъ-Руссельбергъ (Van-Rysselberghe).
Прогулка на морскомъ берегу.

П. Серюзье (P. Sérusier).
Овцы.

Ванъ-Риссельбергъ (Van-Rysselberghe).
Фонтанъ и радуга.

42

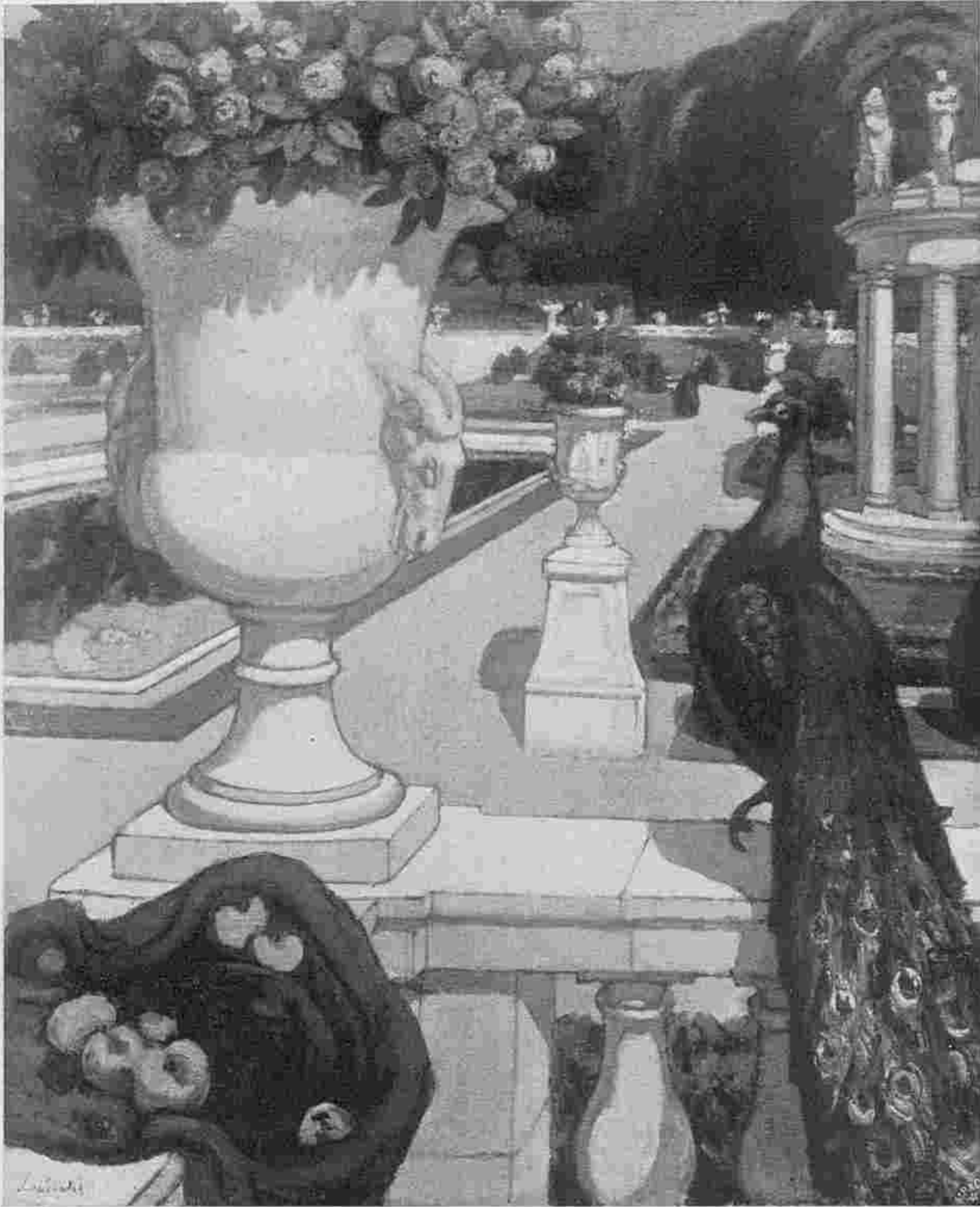

*Сю (Suë).
Портретъ.*

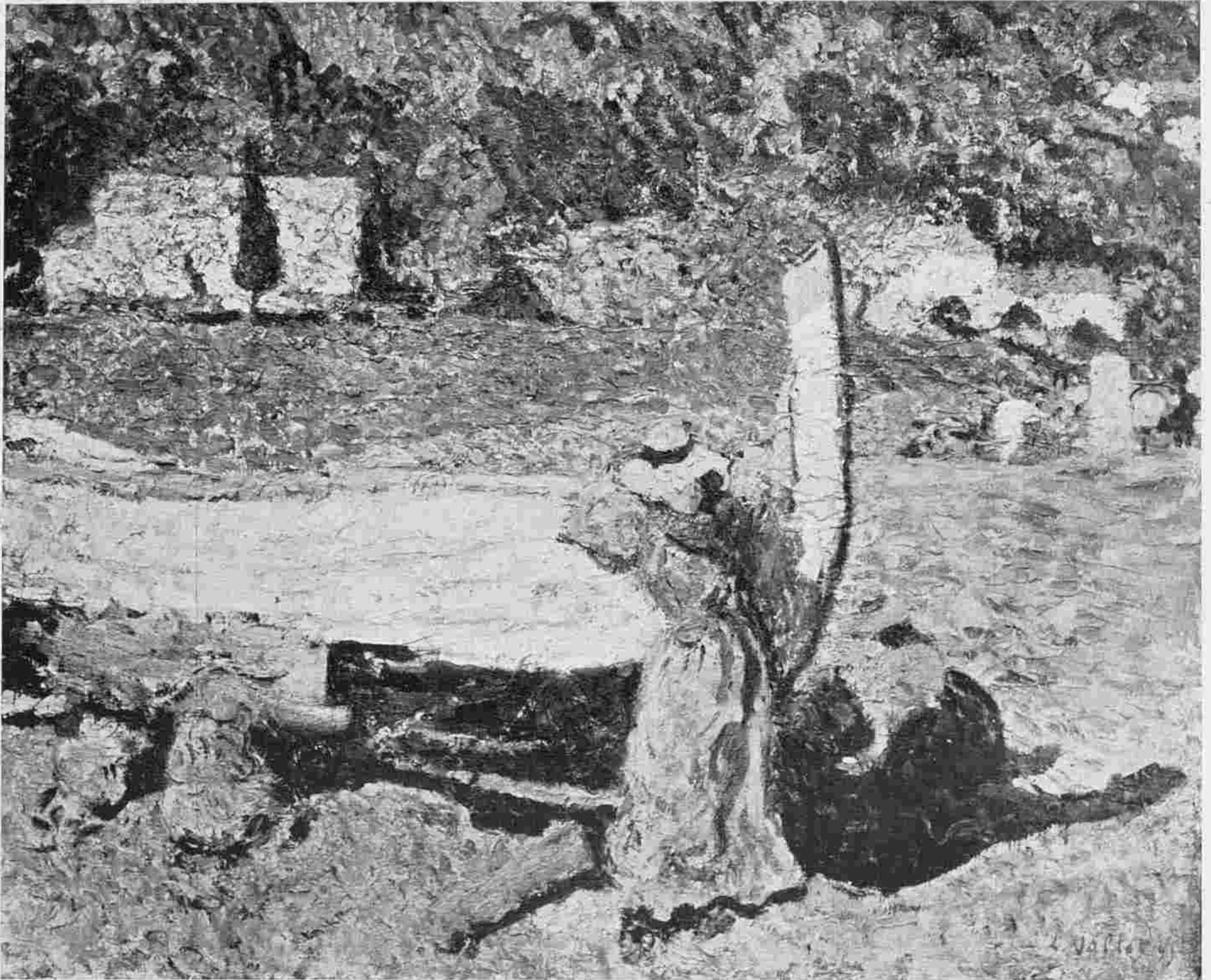

*Сезаннъ (Sézanne).
Фрукты и печенье.*

43

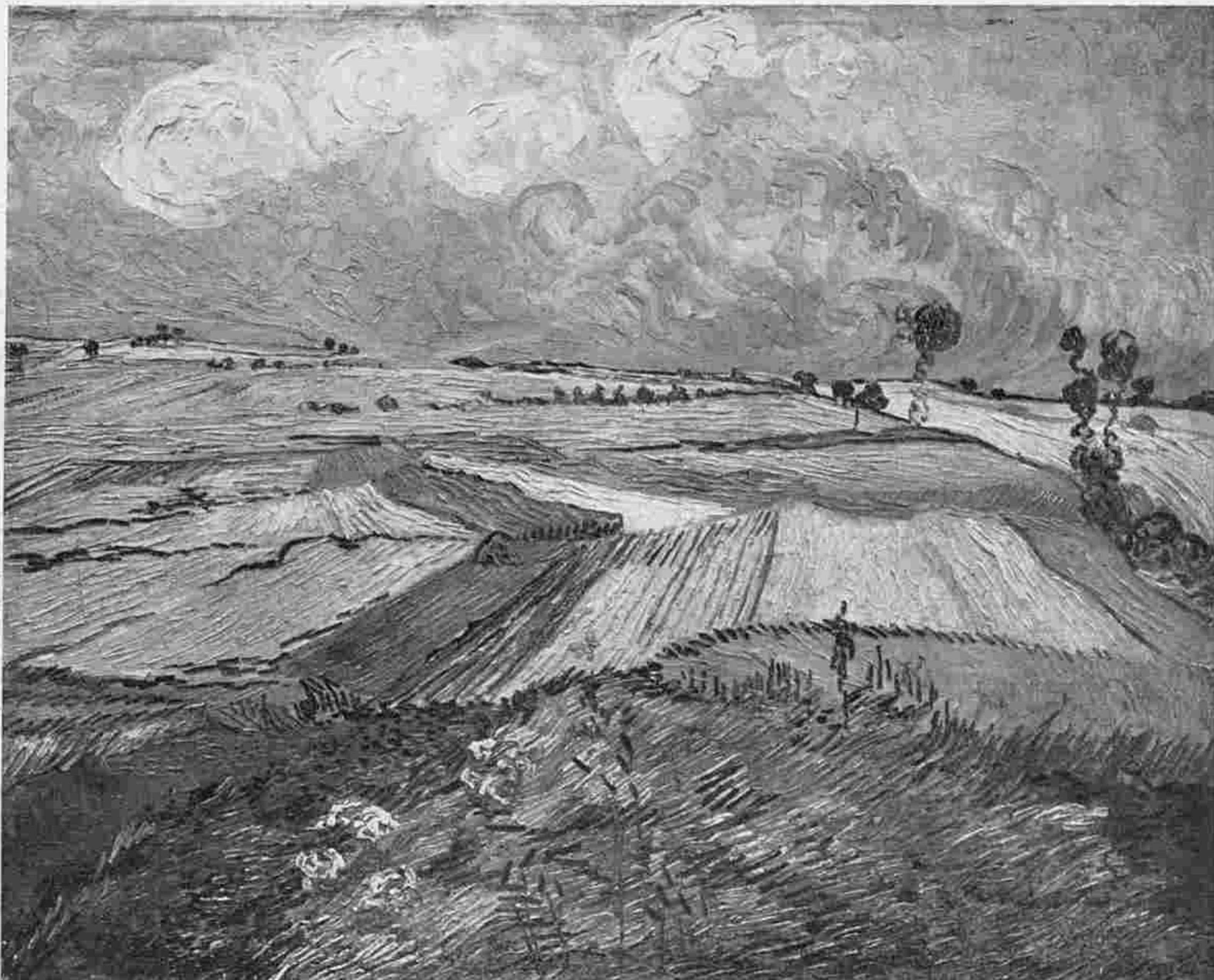
Сю (Суё).
Павлинь.

*Л. Вальта (L. Valtat).
У лодки.*

*Л. Вальта (L. Valtat).
Портретъ.*

Ванъ-Гогъ (Van-Gogh).
Поля.

Ш. Геренъ (Ch. Guérin).
Прогулка.

45

III. Герень (Ch. Guérin).

*Ш. Геренъ (Ch. Guérin).
Минувшее время.*

Ш. Геренъ (Ch. Guérin).
Праздничный день.

*Лотрекъ. (Lautrec).
Ссора.*

*М. Денись (M. Denis).
Мифологическая сцена.*

47

*М. Денись (M. Denis).
Купанье.*

*М. Денись (M. Denis).
Пейзаж.*

М. Денисъ (M. Denis).
Элиезаръ и Ревекка.

*М. Денись (M. Denis).
Молодая мать.*

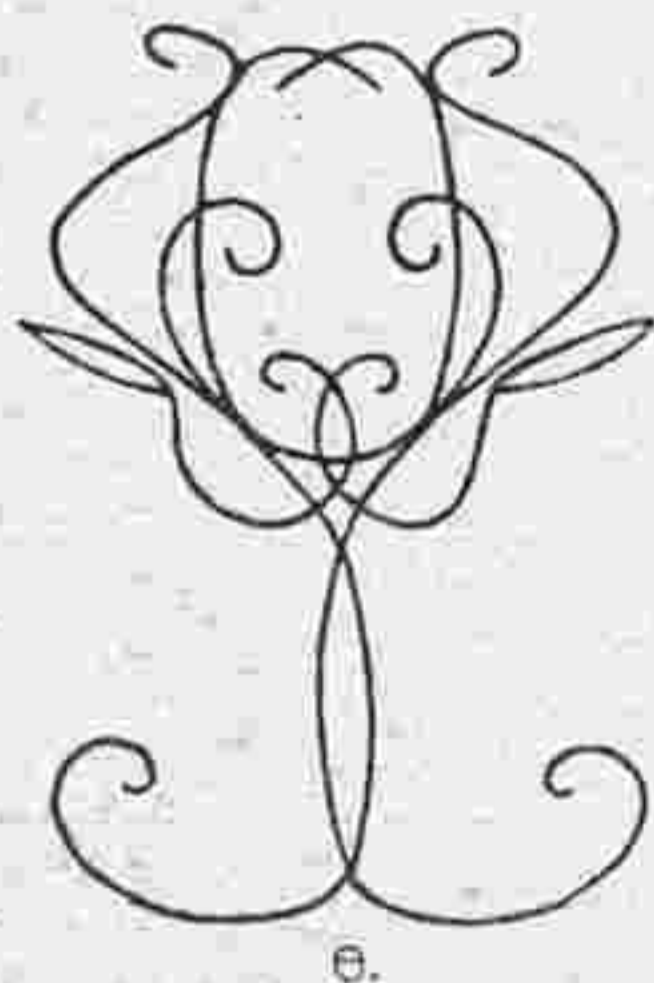

*М. Денись (M. Denis).
На берегу моря.*

49

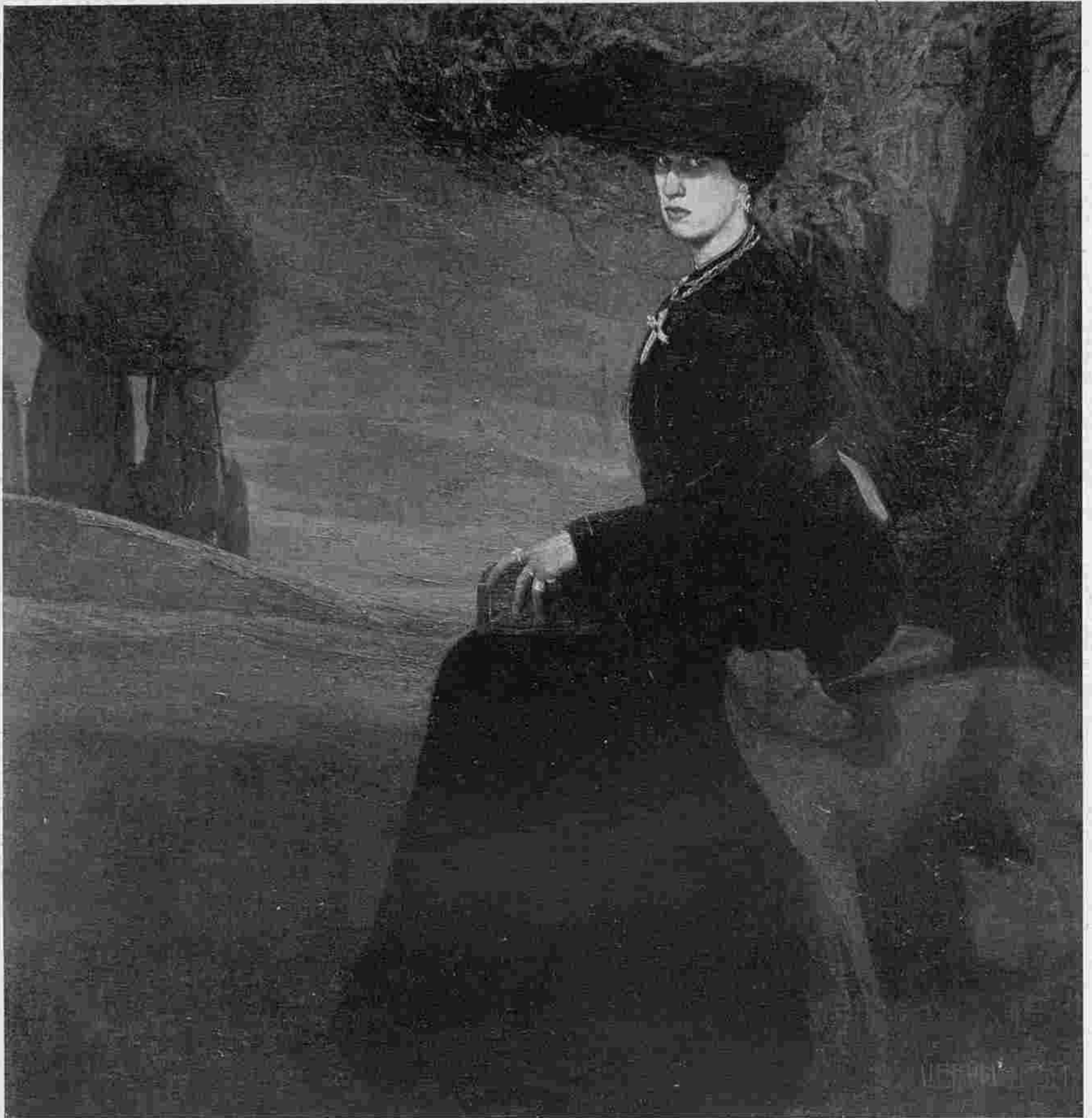

*М. Денись (M. Denis).
Завтракъ дѣтей.*

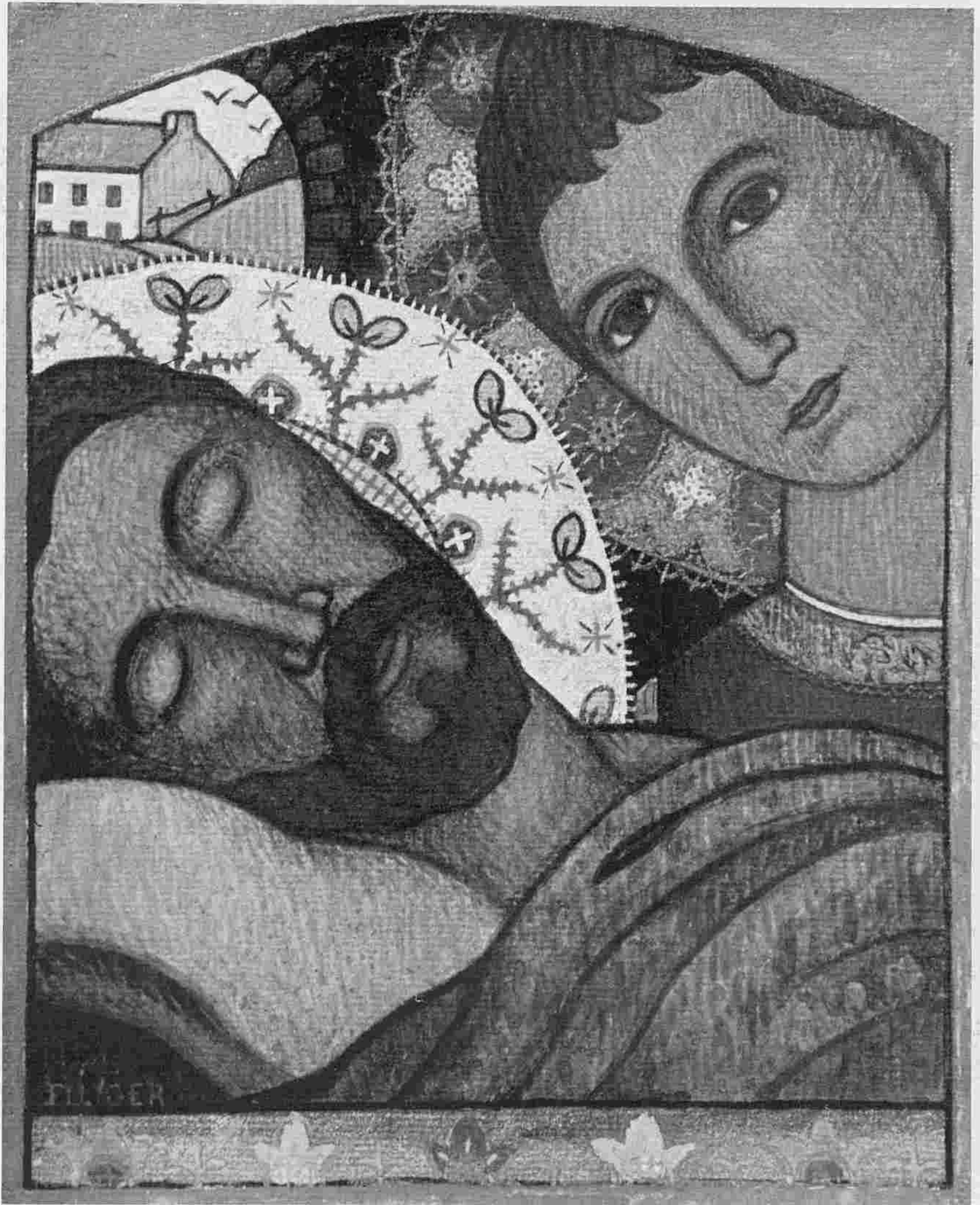

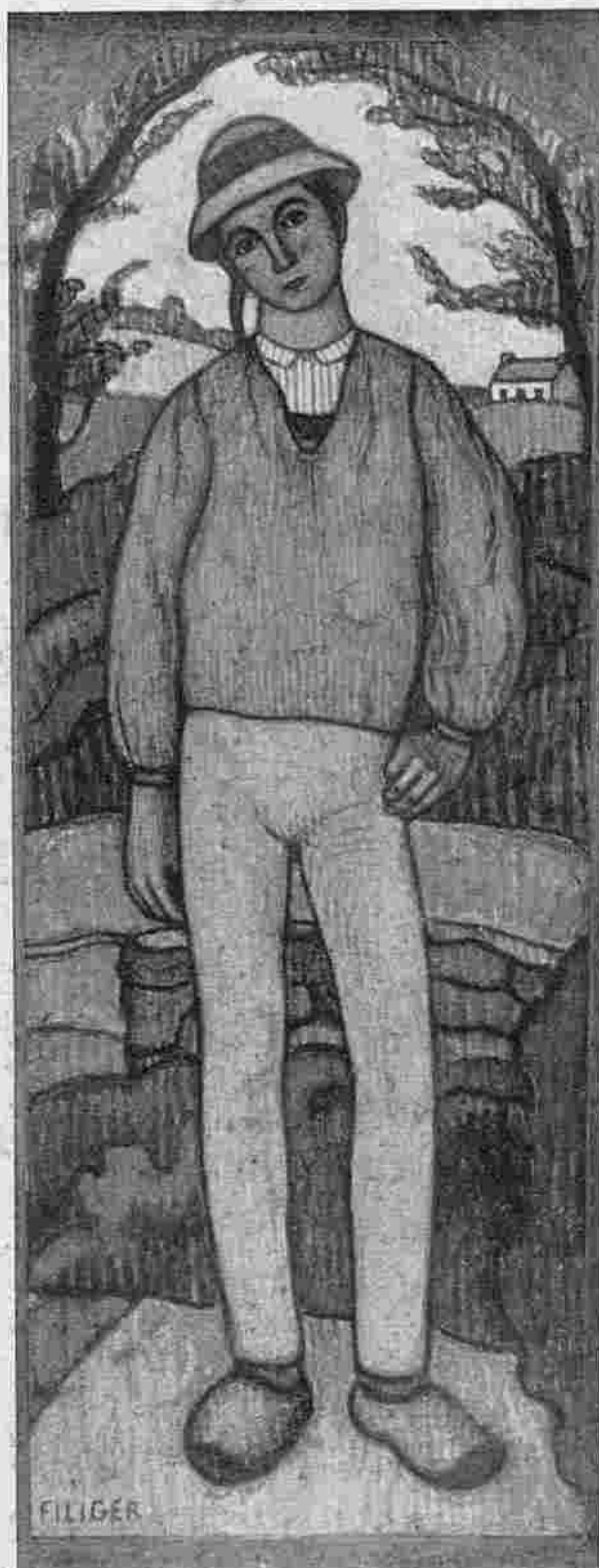
*Анкетэнъ (Anquetin).
Собственный портретъ.*

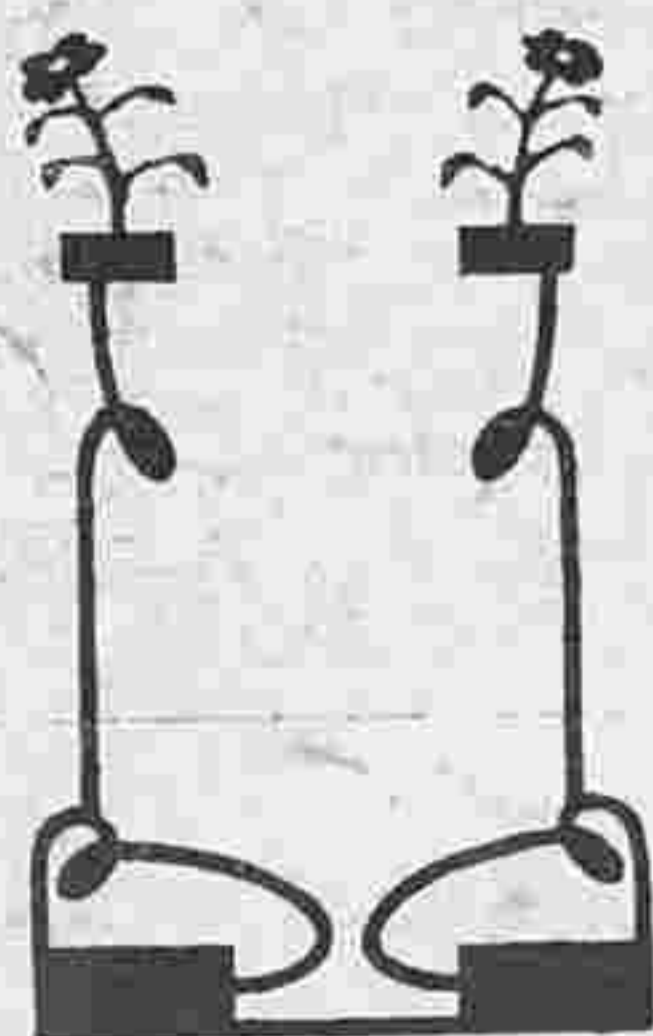
*Брунеллески (Brunelleschi).
Портретъ.*

Филігер (Filiger).
Pietà.

Филижеръ (Filiger).
Бретонецъ.

б.

ПРАВОСЛАВІЯ ІЗЪСТАВЛЕНА

В. Жуковскій.

Корона патриарха Никона 1653 г.
Couronne du patriarche Nikon.

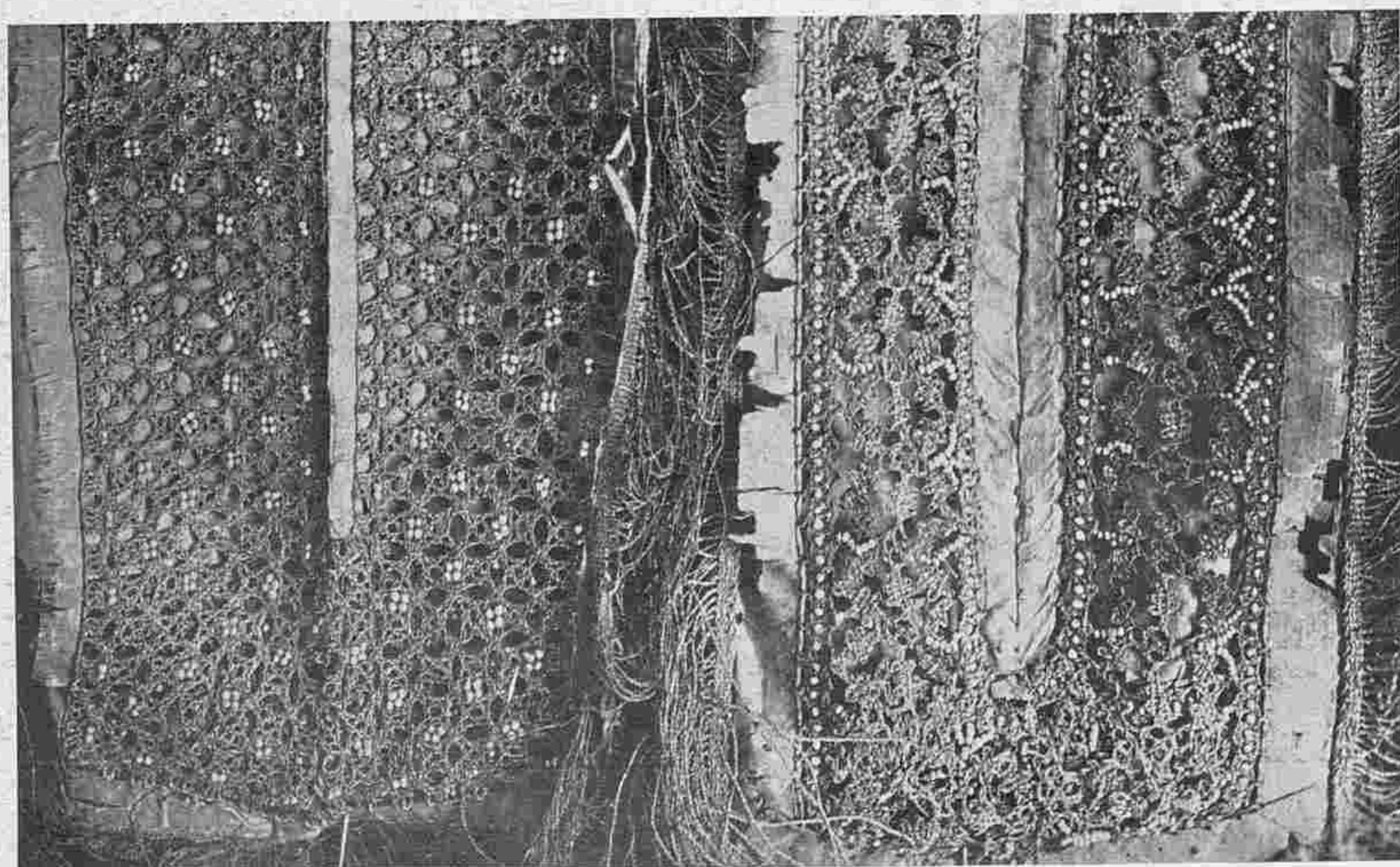
*Задняя сторона первого саккоса митрополита Фотия (1468 г.)
Premier pluvial du métropolitain Photius (travail byzantin du XV s.)*

Верхняя часть передка „перваго“ саккоса митрополита Фотія.
Partie supérieure du „premier“ pluvial du métropolitain Photius.

*Передокъ второго саккоса митрополита Фотія (1408 г.).
Second pluvial du métropolitain Photius.*

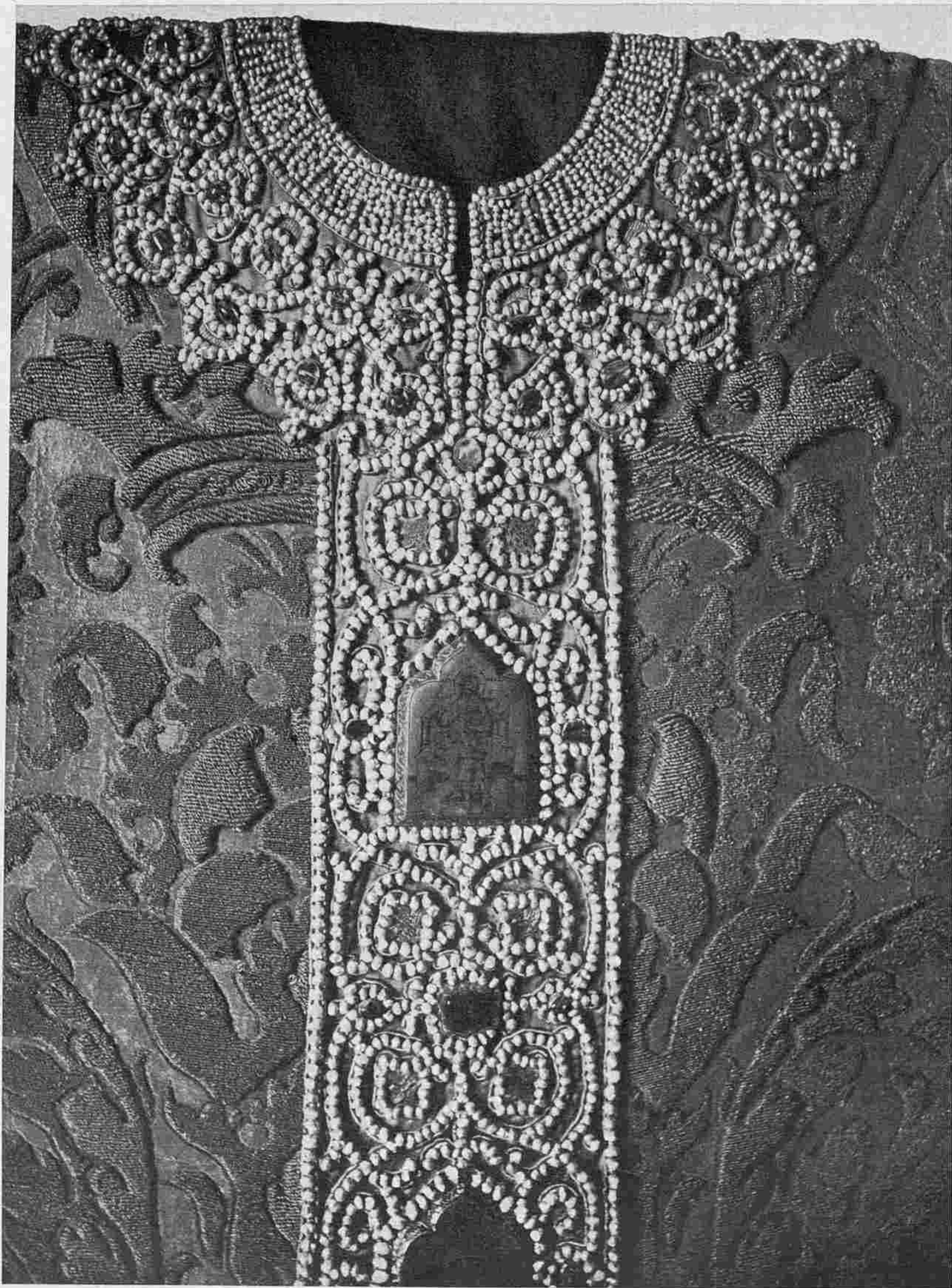

*Кружевные ширинки XVII в.
Dentelles du XVII s.*

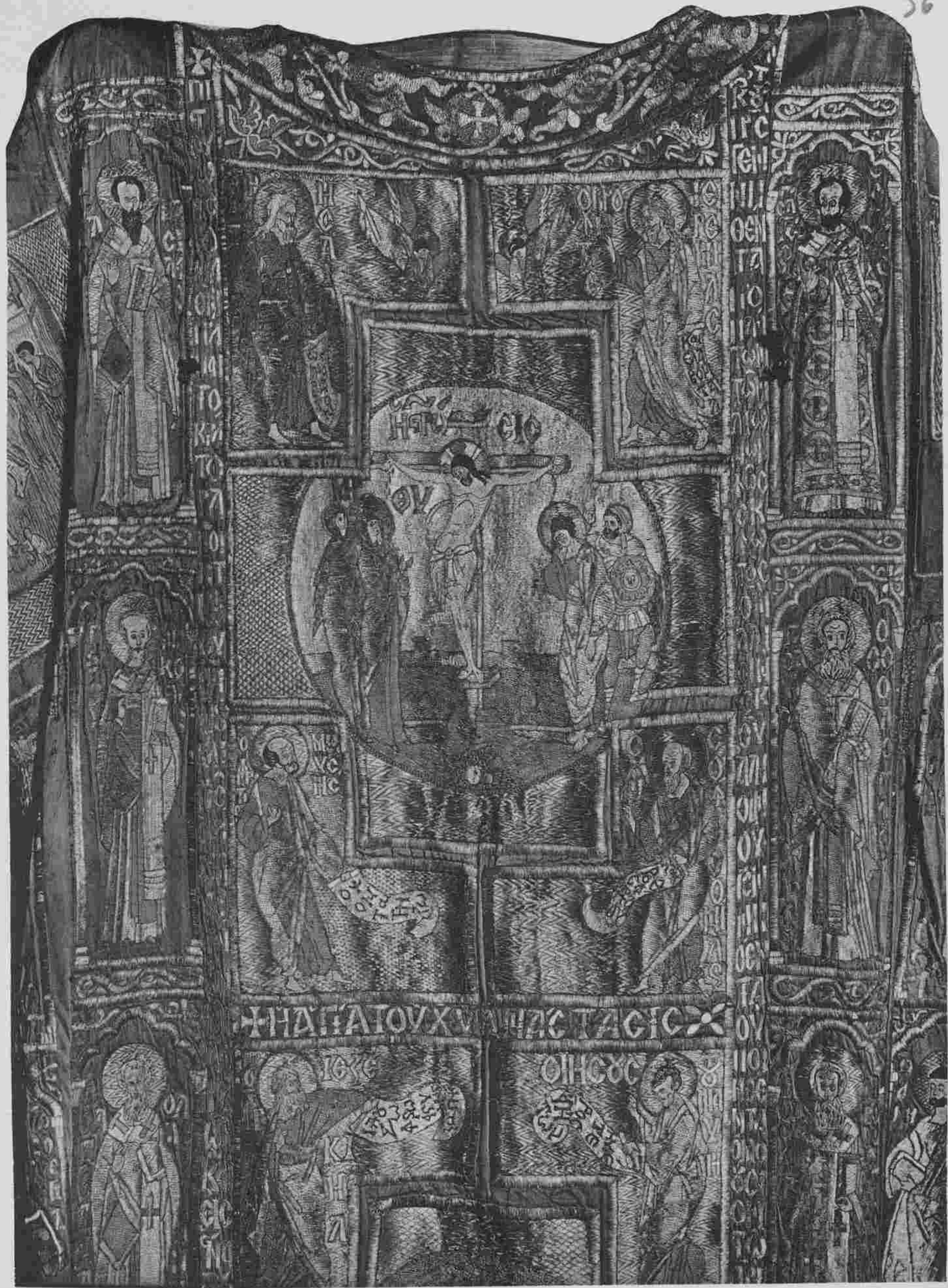

*Верхъ саккоса № 4 митрополита Діонисія.
Partie supérieure du pluvial du métropolitain Dionyse.*

55

*Деталь аксамитного саккоса № 15.
Détail d'un pluvial en „axamite“.*

ΑΝΑΤΟΛΗ ΧΡΥΣΟΝ ΤΑΙΣ

ΑΙΩΝ

ΑΙΩΝ

ΑΝΑΤΟΛΗ

ΑΝΑΤΟΛΗ

*Алавастръ для мѳра.
Alabastré pour les saintes
huiles.*

*Саккосъ № 15 аксамитный (устроенный Иоанномъ Грознымъ).
Pluvail en „axamite“ du temps de Jean le terrible, refait à neuf au .XVII s.*

*Патріаршій рѣзной крестъ
XVII в.
Croix en bois sculpté du XVII s.*

572

*Саккосъ № 30 патриарха Адриана, изъ портища царя Алексѣя Михайловича.
Pluvial du patriarche Adrien fait d'un vêtement du tsar Alexis Mikhaïlovitch.*

*Поручьѣ XVII в. Крайнїя двѣ принадлежали патриарху Іоакиму.
Manchettes de patriarche (du XVII s).*

*Низъ саккоса № 14, патриарха Никона.
Partie inférieure d'un pluvial du patriarche Nikon, donné par le tsar Alexis Mikhaïlovitch en 1655.*

*Саккосъ № 18 патриарха Никона, пожертвованный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.
Pluvial du patriarche Nikon, donné par le tsar Alexis Mikhaïlovitch.*

*Мантія патріарха Адріана.
Manteau du patriarche Adrien.*

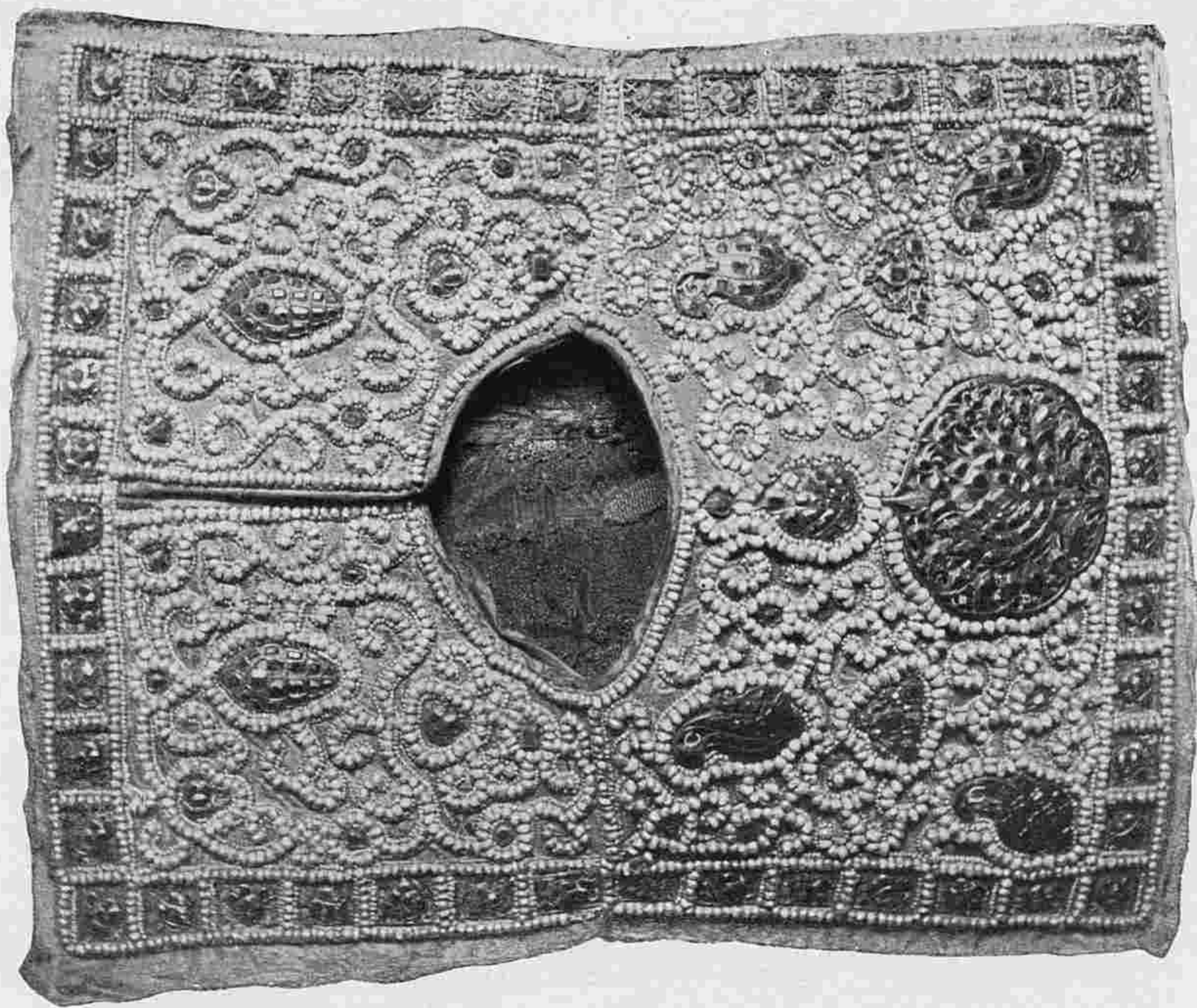
*Саккосъ № 26 золотой обьяри патриарха Питирима (1672 г.).
Pluvial du patriarche Pitirime (XVII s.).*

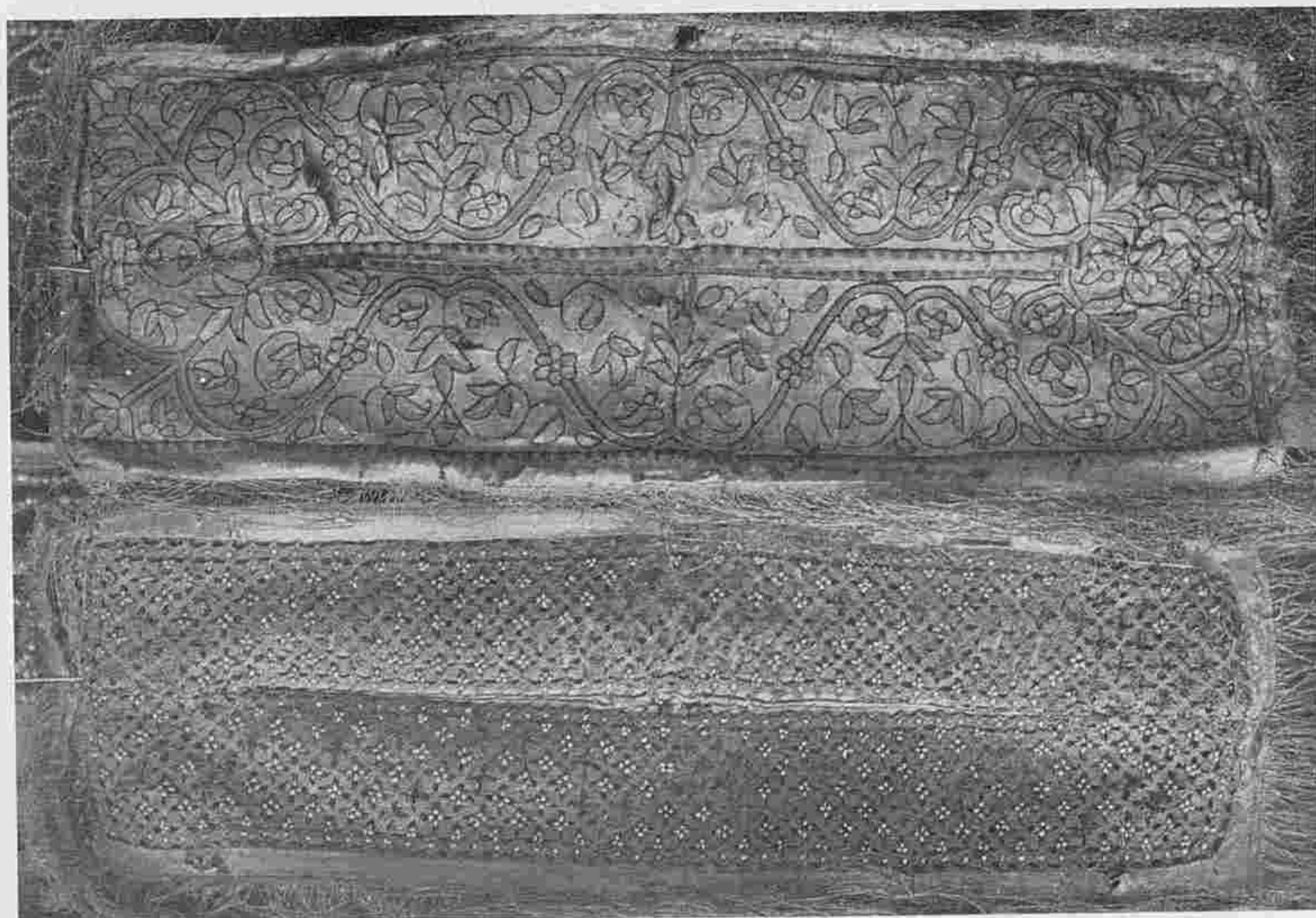
*Патриаршая ряска.
Soutane d'un patriarche.*

*Деталь омофора, считающагося современнымъ 1-му вселенскому собору.
Détail d'un omophorium datant, d'après une tradition, du premier concile.*

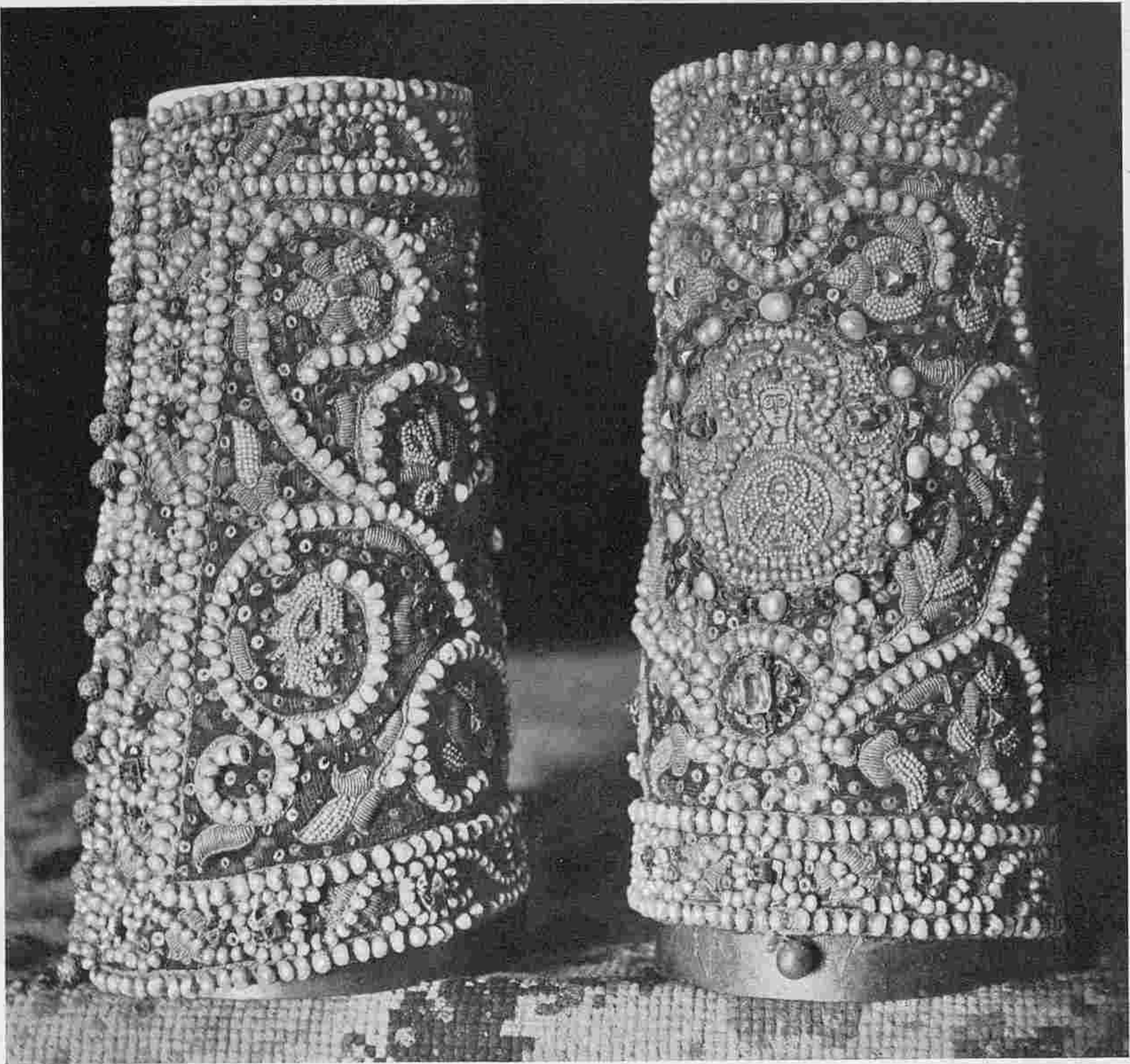

Архидіаконське оплецьє.
Rabat d'un archidiacre (XVII s.).

Кружевная и шитая ширинки XVII в.
Dentelles et broderie du XVII s.

62

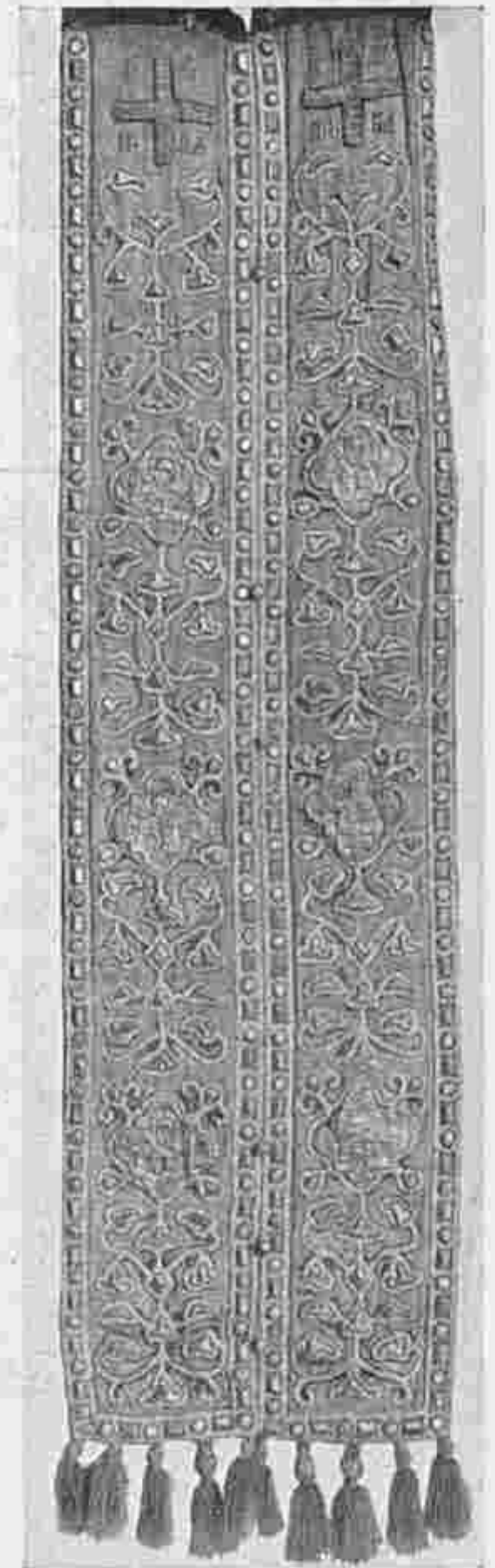
*Поручьы патриарха Никона.
Manchettes du patriarche Nicon.*

*Золотой вьнецъ брачный XVII в.
Couronne de mariage du XVII s.*

Братины XVII в.
Vases en argent du XVII s.

Омофоръ патриарха Адриана.—Епитрахиль Фотія.—Епитрахиль св. Петра митрополита.
Omophorium du patriarche Adrien.—Deux étoles des métropolitains Photius et S-t Pierre.

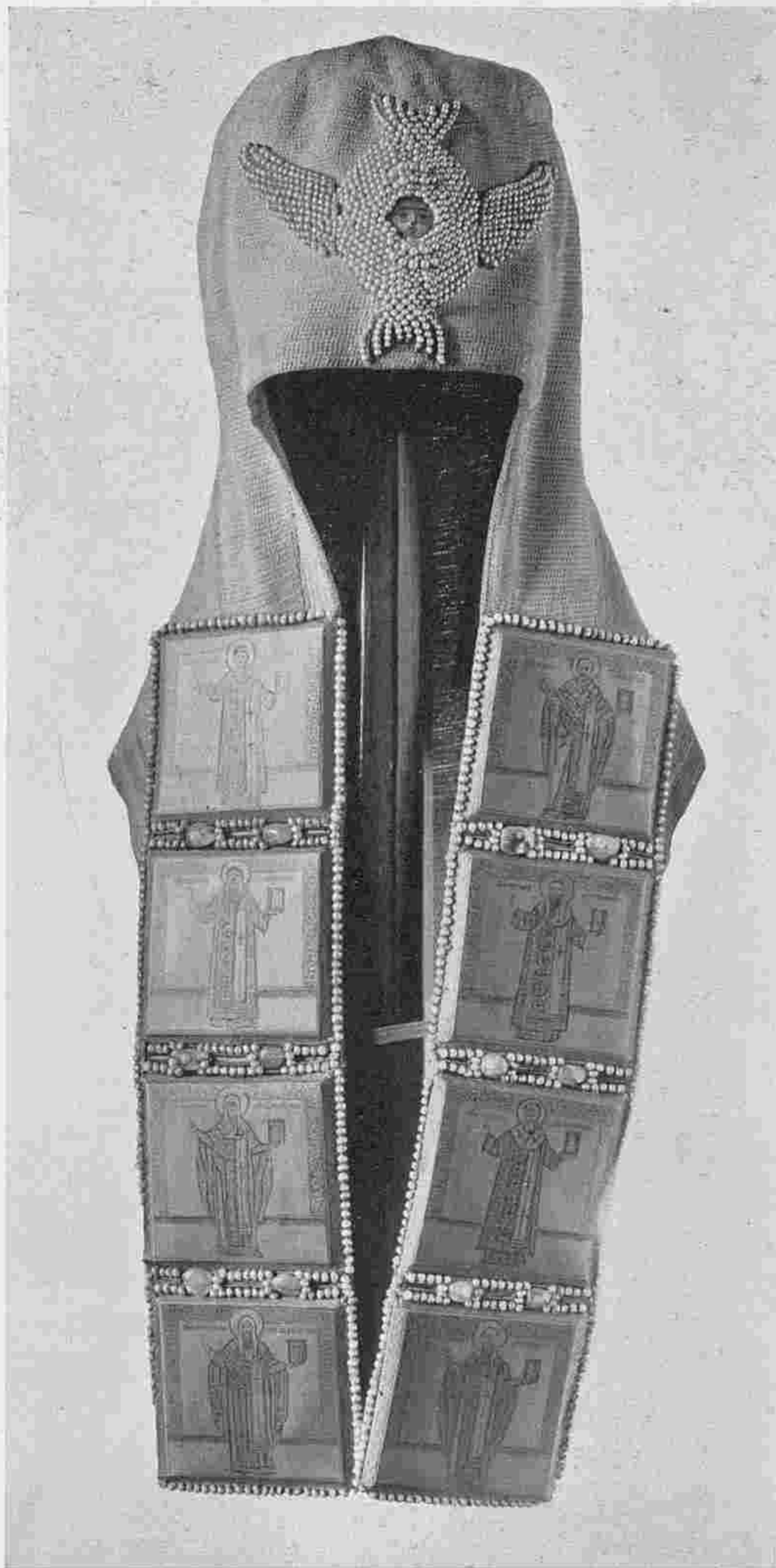
*Шитое надзеркальное полотенце патриарха Никона.
Couvre-miroir en dentelles et en partie brodé ayant appartenu au patriarche Nikon.*

*Блюда къ сосудамъ царя Θεодора Алексѣевича.
Soucoupes ornées d'émaux. Don du tsar Théodore Alexeïevitch.*

*Потиръ золотой царя Θεодора Алексѣевича.
Coupe en or du tsar Théodore (XVII s.).*

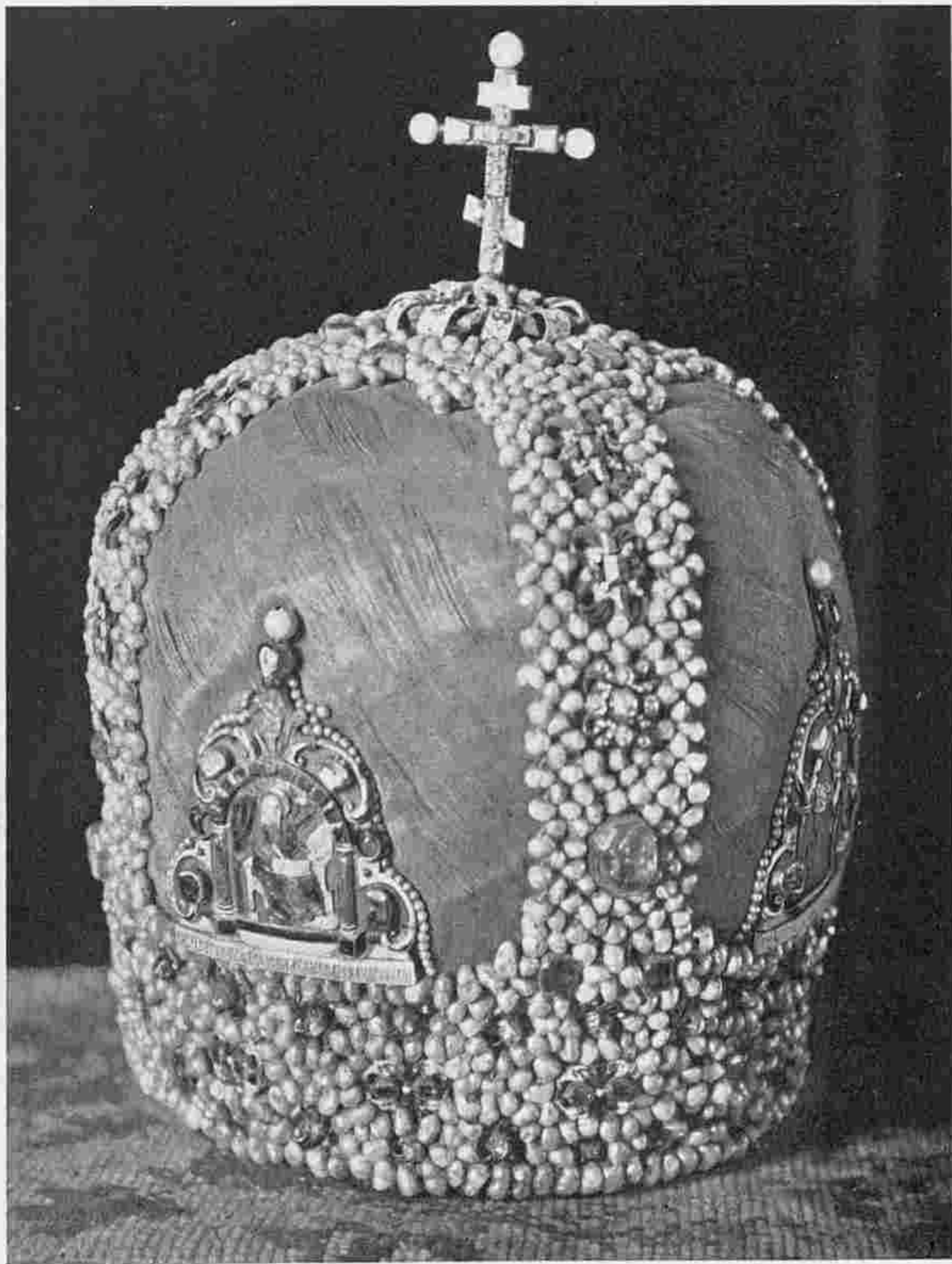
*Клобукъ патриарха Филарета.
Capuce du patriarche Philarète.*

*Дискошь, звѣздца, копіе и лжица, приписываемые Антонію Римлянину.
Objets de culte qui ont appartenu, d'après une tradition, à Antoine le romain.*

*Клобукъ Никона.
Capeuce du patriarche Nikon.*

*Митра алтабасная Никона 1653 г.
Mitre du patriarche Nikon.*

*Митра патриарха Иоакима 1674 г.
Mitre du patriarche Joachim (1674).*

65

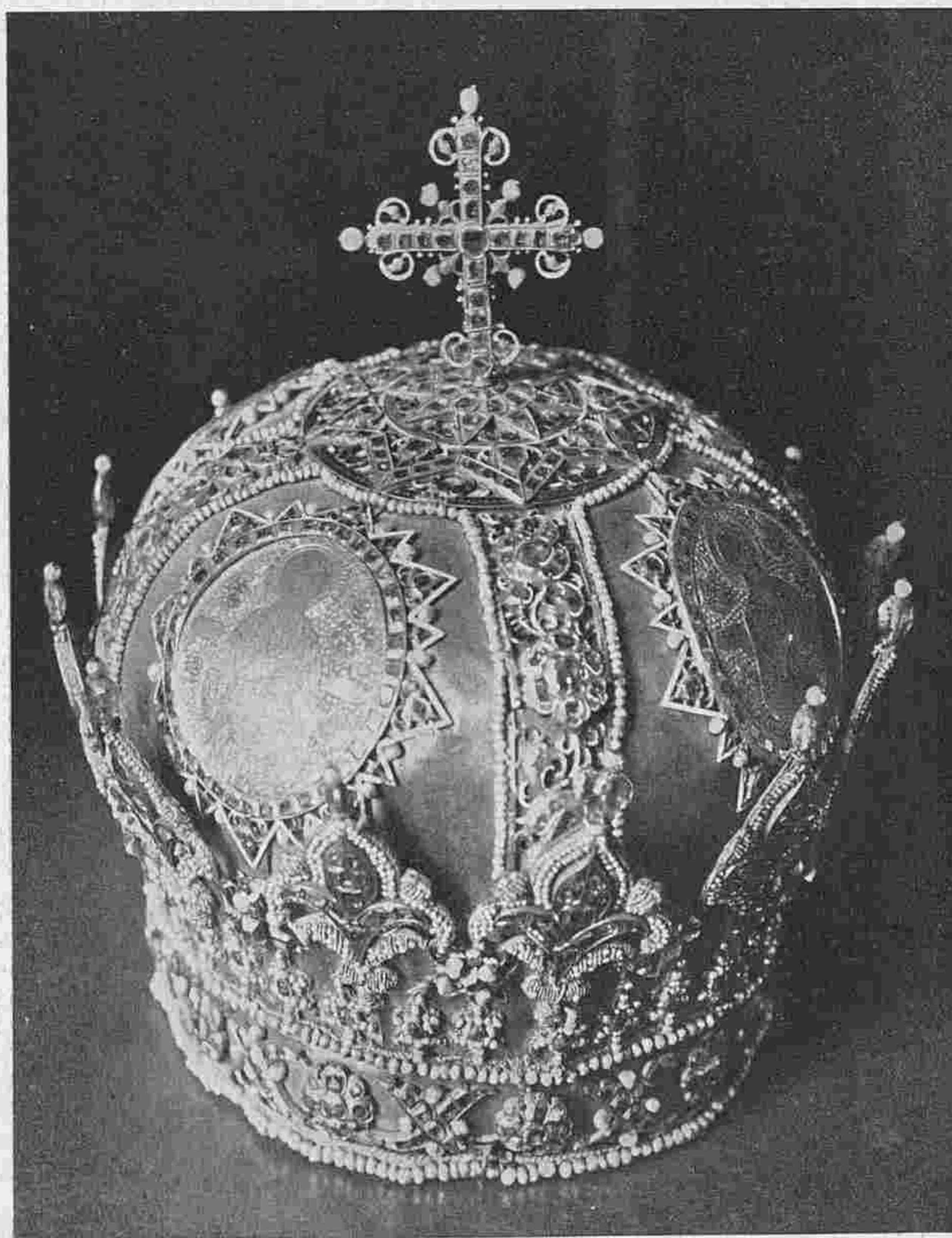
*Шапка патриарха Иова 1595 г.
Chapeau du patriarche Job (1595).*

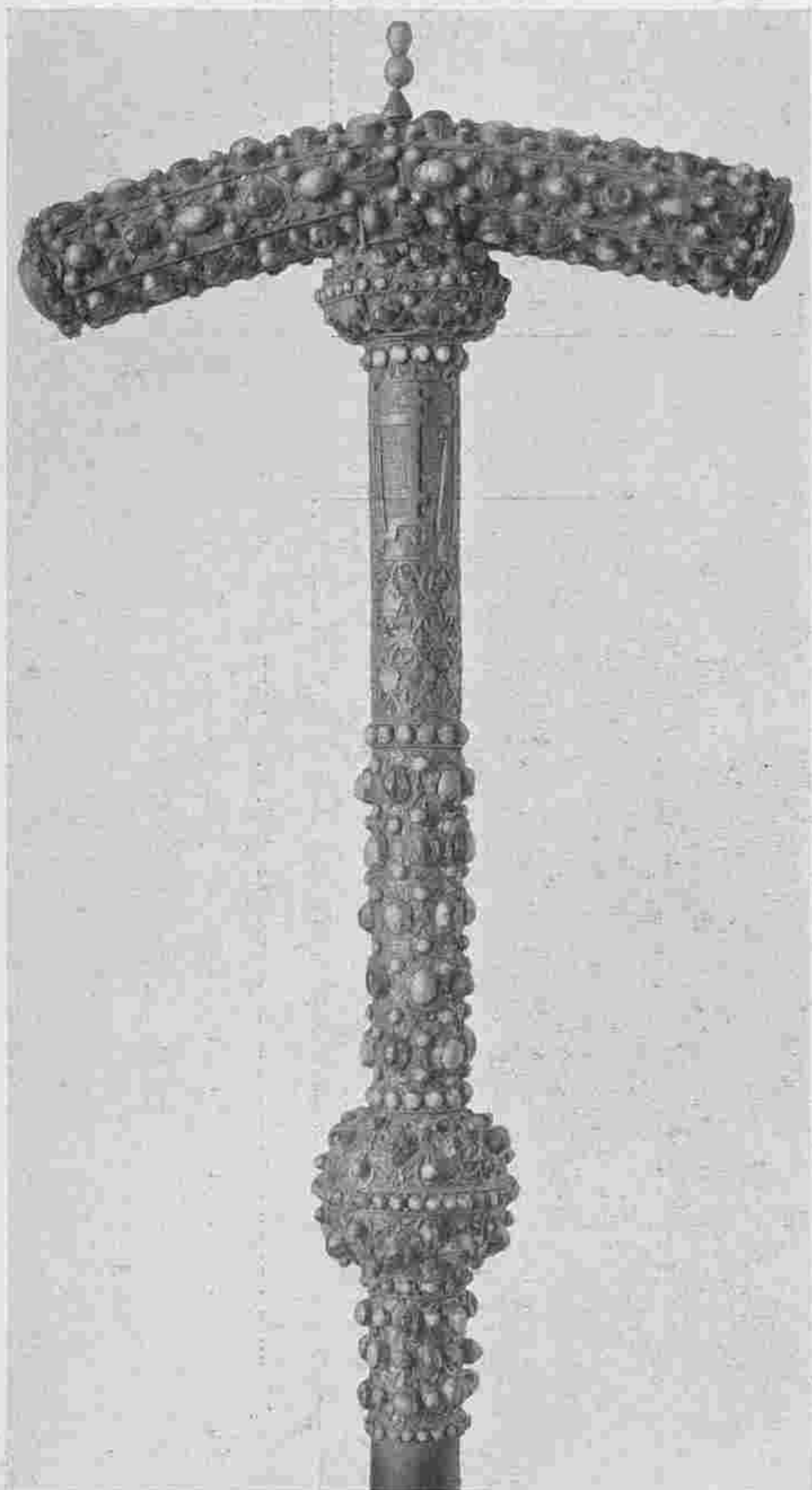
„Сіонь“ малый.

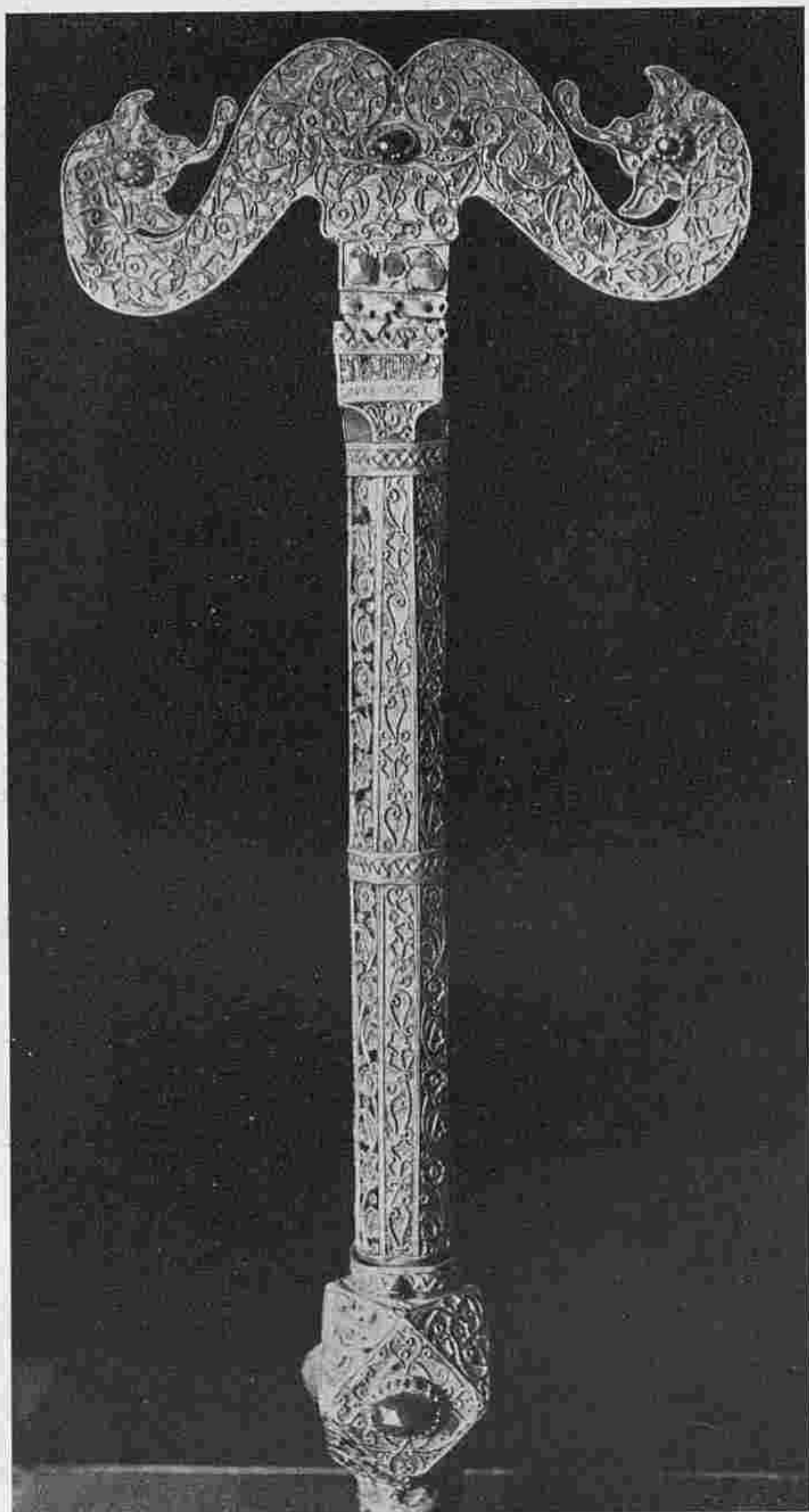
*Митра-корона большая патриарха Никона 1655 г.
Grande mitre en forme de couronne du patriarche Nikon.*

*Митра-корона патриарха Никона 1653 г.
Mitre en forme de couronne du patriarche Nikon.*

*Верхъ посоха патриарха Филарета 1619 г.
Partie supérieure de la crosse du patriarche Philarète.*

*Верхъ посоха патриарха Никона 1652 г.
Partie supérieure de la crosse du patriarche Nikon.*

Панагія греческая патріарха Парөөнія.
Panagie grecque du patriarche Parthénios.

Обратная сторона панагіи патріарха Парөөнія.
Le revers de la panagie du patriarche Parthénios.

*Панагія митрополита Іоасафа.
Panagie du métropolitain Josaphat.*

*Деревянный крестъ на посохъ Аѳонской работы.
Croix en bois sculpté surmontant un bâton d'évêque. Travail du mont Athos (XVII s.).*

*Обратная сторона пангий митрополитовъ Макарія и св. Петра.
Revers des panagies des métropolitains Macaire et S-t Pierre (la première fut donnée par
Jean le Terrible à l'occasion de la naissance de son fils Jean).*

Лицевая сторона панагий Макария и св. Петра.
Les mêmes panagies vues de face.

*Митра алтабасная изъ Грециі, приписываемая св. Кириллу
Александрійскому.*

*Mitre de patriarche (travail grec du XVII s.) attribuée à S-t Cyrille
d'Alexandrie.*

Панагии: греческая патриарха Кирилла Лукариса и патриарха Иова.
Panagies: L'une de travail grec, ayant appartenu au patriarche Cyrille Loukaris; l'autre de travail moscovite—au patriarche Job.

16

*Потиръ яшмовый, приписываемый Антонию Римлянину.
Coupe en jaspe attribuée à Antoine le romain.*

Окладъ Мстиславова Евангелія.
Couverture de l'évangélique de Mstislav.

*Нижняя доска Евангелія подареннаго царицею Наталіей Кирилловной.
Couverture de l'évangélaire de la tzarine Natalie Kirilovna.*

ПАТРИАРШАЯ РИЗНИЦА

Среди собраній древнихъ священныхъ облаченій и предметовъ церковной утвари, въ Россіи, первое мѣсто, по справедливости, занимаетъ Патриаршая ризница (помѣщающаяся подъ Ивановской колокольней, въ Кремлѣ), какъ по своему богатству, такъ и по тому значенію, которое имѣютъ хранящіеся въ ней памятники для исторіи православной иконографіи и древне-русскаго прикладного искусства.

Образовалось это собраніе, постепенно, изъ вещей, принадлежавшихъ московскимъ митрополитамъ и патриархамъ. Прослѣдить исторію этого образованія до второй четверти XVII вѣка пока невозможно, за неимѣніемъ документальныхъ данныхъ.

Было три вида предметовъ патриаршей казны. Во-первыхъ, была такъ называемая Патриаршая *ризная* казна, составлявшая собственность московской митрополичьей, а затѣмъ патриаршей каѳедры и заключавшаяся въ архіерейскихъ облаченіяхъ и утвари, необходимой для богослуженія. Эта казна первоначально — до перенесенія ея въ новый, построенный патриархомъ Никономъ, патриаршій домъ — хранилась въ Большомъ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Во-вторыхъ, предметы домашняго патриаршаго быта составляли Патриаршую *домовую* казну; они хранились какъ въ самыхъ патриаршихъ хоромахъ или келліяхъ, такъ и въ особой служебной постройкѣ при патриаршемъ домѣ. Наконецъ, вещи, составлявшія личную собственность каждаго патриарха въ отдѣльности, принадлежали къ такъ называемой Патриаршей *келейной* казнѣ. Ризной казной завѣдывали патриаршіе ризничіе, а домовою и келейной — патриаршіе казначеи.

Составъ ризной казны постепенно пополнялся новыми приращеніями; исключенія изъ него разныхъ предметовъ происходили очень рѣдко, и именно въ случаяхъ крайней ветхости послѣднихъ. Зато домовая казна имѣла менѣе устойчивый и постоянный характеръ и при каждомъ новомъ патріархѣ являлась болѣе чѣмъ на половину въ иномъ видѣ, будучи постоянно расходуема на подарки разнымъ лицамъ, въ продажу и проч. т. п. Что же касается до келейной казны, то она при жизни патріарховъ находилась въ полномъ ихъ распоряженіи, а послѣ ихъ смерти поступала къ патріаршимъ родственникамъ по наслѣдству, шла на поминаеніе и т. п. Вотъ почему до настоящаго времени въ Патріаршей ризницѣ сохранилось такъ мало предметовъ изъ келейной казны.

Послѣ упраздненія патріаршества и учрежденія Святѣйшаго Синода, патріаршія домовая и ризная казны составили ризницу Св. Синода или Синодальную. Патріаршая бібліотека при этомъ была выдѣлена въ особое учрежденіе.

По высочайшему повелѣнію отъ 21 іюля 1737 года, въ Патріаршую ризницу должны были поступать всѣ священные предметы и книги, оставшіеся по смерти духовныхъ властей изъ монаховъ. Этотъ порядокъ отмѣненъ былъ указомъ императрицы Екатерины II, даннымъ отъ 20 февраля 1766 года. Въ указѣ, между прочимъ, сказано: „по смерти архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и прочихъ монашескихъ властей никуда не отбирать оставшагося по нихъ имѣнія“¹⁾.

Хранящіеся въ Патріаршей ризницѣ въ настоящее время древнія священные одежды и церковныя утвари дошли до насъ далеко не въ первоначальномъ своемъ видѣ. По причинѣ ветхости или случайныхъ поврежденій онѣ нерѣдко починивались, а иногда передѣлывались заново, причемъ на древнія облаченія часто нашивались дробницы, запоны и иныя украшенія новыя, или же на новыя одежды ставились украшенія древнія изъ числа тѣхъ, которыя исключены были изъ описи по разнымъ причинамъ. Мы имѣемъ примѣры, когда въ облаченіяхъ мѣнялась верхняя матерія или часть ея, напримѣръ, на саккосахъ—оплечья, зарукавья, кресты и т. п. Что же касается до подкладки, подпушки, кружевъ и пуговицъ, то онѣ мѣнялись очень часто.

Къ счастью, до насъ дошло не мало описей, могущихъ возстановить предъ нами исторію того или иного памятника Патріаршей ризницы, по крайней мѣрѣ, за 2¹/₂ столѣтія. Въ разныхъ бібліотекахъ и архивахъ уцѣлѣло до десяти описей Патріаршей ризной казны, столько же описей домовой казны, двѣ описи келейной казны и около десяти описей ризной и домовой казны вмѣстѣ, послѣ сліянія ихъ по случаю учрежденія Святѣйшаго Синода, въ томъ числѣ двѣ отдѣльныя описи патріаршей бібліотеки. Составлялись эти описи по поводу переменъ патріарховъ, по случаю передачи патріаршей казны новымъ ризничимъ и новымъ казначеямъ, по поводу переменъ патріаршихъ дворецкихъ, казначеевъ и т. п. Какъ можно видѣть изъ доку-

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ. Т. XVII, № 12.577.

ментальныхъ данныхъ, возобновленіе описей бывало очень часто, именно въ промежутки отъ 2 до 5 лѣтъ. Хотя изъ всѣхъ этихъ описей уцѣлѣла лишь меньшая часть, но и онѣ драгоцѣнны для насъ при критикѣ того или иного памятника.

Обстоятельное обзорѣніе описей Патріаршей ризницы сдѣлано было покойнымъ завѣдывающимъ Архивомъ Оружейной Палаты А. Ег. Викторовымъ въ его трудѣ: „Обзорѣніе письменныхъ источниковъ русской археологіи. Старинныя описи Патріаршей ризницы“ (Вѣст. Общ. Др.-рус. искусства при Московскомъ Публичномъ музеѣ, подъ редакціей Г. Филимонова. 1875 г. №№ 6—10. Критика и библиографія, стр. 1—24. 1876 г. №№ 11—12, стр. 25—36. См. также капитальный трудъ А. Е. Викторова: „Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. 1584—1725 гг.“, стр. 624—638. Имъ же издана цѣликомъ опись Патріаршей ризницы 1631 года и отрывокъ изъ описи 1658 г. Вѣст. Общ. др.-рус. искусства за 1875 г. №№ 6—10. Матеріалы, стр. 1—31). Въ XV книгѣ „Временника Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“. М. 1852 г. напечатана вполнѣ опись 1658 г. по списку, хранящемуся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Существуетъ печатное руководство для знакомства съ сокровищами Патріаршей ризницы, это—трудъ покойнаго архіепископа Тверского Саввы: „Указатель для обзорѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницы. Изданіе пятое, пересмотрѣнное и дополненное, съ приложеніемъ XV таблицъ фотографическихъ снимковъ съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ Патріаршей ризницы. Москва. 1883 г.“. Авторъ преслѣдовалъ здѣсь главную цѣль—ознакомить публику съ характеромъ собранія и его памятниками, но онъ даетъ при этомъ матеріалъ безъ критическаго отношенія къ описываемымъ имъ памятникамъ. Прекрасный разборъ этой работы находимъ у покойнаго Г. Д. Филимонова въ его статьѣ „Патріаршая ризница“, помѣщенной въ Сборникѣ Общества Древне-русскаго искусства, на 1866 стр. 85—113.

Перехода къ общему обзору Патріаршей ризницы, мы должны замѣтить, что изъ хранящихся здѣсь церковныхъ облаченій особеннаго вниманія заслуживаютъ саккосы.—Замѣчательны превосходныя золотыя и шелковыя ткани, изъ которыхъ сдѣланы саккосы. Великолѣпно и шитье по нимъ священныхъ изображеній и орнаментовъ.—Многочисленныя украшенія саккосовъ въ видѣ дробницъ, пуговицъ и проч. служатъ прелестными образцами металлическаго и финифтянаго дѣла.—Въ общемъ, саккосы Патріаршей ризницы имѣютъ не маловажное значеніе для исторіи прикладнаго искусства.

Исторія саккоса разработана не вполнѣ. Саккосъ, нѣкогда императорская одежда, въ видѣ далматики, затѣмъ сталъ облаченіемъ патріарховъ и въ настоящее время служитъ общимъ архіерейскимъ облаченіемъ православной церкви. — Состоитъ онъ изъ четырехугольныхъ кусковъ матеріи (по большей части шелковой съ золотомъ), сшитыхъ вверху, по плечамъ,

а съ боковъ или по сторонамъ застегиваемыхъ пуговицами, съ широкими и короткими, вмѣсто рукавовъ, наплечниками.

Саккосовъ въ Патріаршей ризницѣ было въ разное время неодинаковое количество, именно отъ 45 (по описи 1631 года) до 79 (по описи 1701 г.). — Въ настоящее же время ихъ здѣсь насчитывается 41. Всѣ они болѣе или менѣе замѣчательны, но въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы вынуждены упомянуть лишь о нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе выдающихся.

Древнѣйшіе саккосы — одинъ, принадлежавшій первому московскому святителю святому Петру митрополиту, и два — митрополиту Фотію.

Саккосъ (№ 1) св. Петра митрополита, изъ легкой парчи; на немъ, по лазоревому атласу, вытканы въ кругахъ четвероконечные кресты; оплечье и зарукавья низаны мелкимъ жемчугомъ и украшены серебряными золочеными дробницами, разной формы и разнаго времени; на нихъ, между прочимъ, изображены: Спаситель, апостолы, ангелы, святые; нѣсколько разъ повторяется одно и то же поясное изображение св. Алексѣя митрополита и даже самого св. Петра митрополита. Въ длину и ширину, по рукавамъ, саккосъ имѣетъ 1 ар. 15 в. Пуговицы на немъ: однѣ продолговатыя (изъ красной мѣди), грушеобразныя, прорѣзныя; другія — круглыя, первыя — болѣе древнія. Въ старинныхъ описяхъ Патріаршей ризницы (напр. отъ 1686 г. и отъ 1720 г.) объ этомъ саккосѣ, между прочимъ, замѣчается: «въ лѣто 6830 (1322) доспѣтъ бысть сѣи саккосъ Петра Чудотворца». Саккосъ этотъ, со времени своего появленія, несомнѣнно, чинился неоднократно. Есть позднѣйшія вставки и въ матеріи.

Большой или первый (т. е. главный) саккосъ митрополита Фотія сплошь покрытъ священными изображеніями, шитыми волоченымъ золотомъ и серебромъ по синему легкому атласу. Почти всю длину, спереди и сзади саккоса, вышитъ греческій текстъ символа вѣры, образующій узкую четырехугольную рамку. Посреди этой рамки два четвероконечныхъ креста, а по краямъ, въ аркахъ, святые (въ ростъ) въ нѣсколько рядовъ; сверху — поясные, въ одинъ рядъ. Въ верхнемъ крестѣ передка изображено Распятіе съ предстоящими Богоматерью, Іоанномъ Богословомъ (погрудныя изображенія), св. Логиномъ Сотникомъ и воиномъ. Сверху къ кресту Христову приникли два ангела. У подножія креста въ пещерѣ — Адамова голова. Между концами креста — пророки (по поясъ): Давидъ, Соломонъ, Осія и Софоній, по сторонамъ средняго перекрестья — Илія и Іеремія (оба въ ростъ); по концамъ главнаго дерева, вверху — Недреманное око (Спаситель-отрокъ на одрѣ съ открытыми глазами, за нимъ, направо, — ангелъ съ орудіями страданій), внизу — Гробъ Господень съ лежащимъ спеленатымъ тѣломъ Христовымъ, съ тремя подъ сѣнью лампами. Въ наугольникахъ при рамѣ, вверху, въ двухъ отдѣлахъ, — Благовѣщеніе, внизу — также въ двухъ — Входъ Господень въ Іерусалимъ. На нижнемъ крестѣ пред-

ставлено Сошествіе Іисуса Христа во адъ. Спаситель (надъ головою Его — два ангела), стоящій на веревкахъ ада, десницею беретъ Адама, въ шуйцѣ у Него большой крестъ, направо стоятъ Іоаннъ Креститель и цари Давидъ и Соломонъ, рядомъ съ Адамомъ Ева, за нимъ группа ветхозавѣтныхъ праведниковъ. По сторонамъ вокругъ креста изображены: праведный Іовъ и пророкъ Аввакумъ, царь Константинъ и царица Елена, литовскіе мученики — Іоаннъ, Евставій и Антоній, Тайная Вечеря и Омовеніе ногъ. На подолѣ, въ отдѣльныхъ четырехугольникахъ, изображены налѣво отъ зрителя — греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ съ супругою Анною (надписи: «Ἰω(αν)νης ενχη τῷ Θεῷ πιστος Βασιλεὺς ὁ Παλαιολόγος», «Ανα ἡ ενσεβεστατη Αἰγουστα ἡ Παλαιολογήνη»), направо — московскій великій князь Василій Дмитриевичъ съ супругою Софією Витовтовной (надписи славянскія: «Князь великы Василіе Дмитрівичъ», «Княгина велика Софія»). Рядомъ съ изображеніемъ императора представленъ и митрополитъ Фотій (надпись: «Ὁ παντερωτατος μισρ πολιτης Κυεβα καὶ πα(σης) Ροσ(ιας) Φώτιος»). Изображенія эти, современныя названнымъ государямъ, государынямъ и митрополиту, являются ихъ точными портретами и, какъ таковыя, представляютъ для насъ большой интересъ. Любопытно, что греческіе императоръ и императрица, а также самъ митрополитъ Фотій, на саккосѣ изображены въ нимбахъ, русскіе же великій князь и великая княгиня — безъ нихъ. Очевидно, что первые «имѣли на то право», а вторые нѣтъ. Что право это, говоритъ покойный Ю. Д. Филимоновъ, хотя оно и мало еще обслѣдовано исторически, дѣйствительно существовало, доказательствомъ тому могутъ служить многія изображенія, сохранившіяся отъ древности до XV в. включительно, представляющія въ вѣнцахъ святости не только византійскихъ императоровъ, но и славянскихъ государей Болгаріи, Сербіи и проч. Надо полагать, что источниками этому праву служили полувосточныя, полуантичныя понятія, выработанныя въ Константинополѣ. Русскіе государи въ началѣ XV вѣка, очевидно, еще не пользовались этимъ правомъ, и потому то они и не представлены на саккосѣ въ вѣнцахъ. Они могли получить его, по существовавшему въ то время понятіямъ, только тогда, когда возвысились до са-

мостоятельнаго положенія государей, представителей не только свѣтской, но и духовной власти, что имѣло мѣсто лишь въ началѣ XVI вѣка, послѣ того, какъ центръ тяжести восточнаго православія, преимущественно вслѣдствіе занятія Греціи турками, отчасти же вслѣдствіе брака Іоанна III съ Софією Палеологъ, перешелъ въ Москву или Новый Константинополь, а великіе князья московскіе сдѣлались царями и самодержцами русскими¹⁾. Сверху описаннаго нами четырехугольника на саккосѣ вышиты изображенія: Знаменія Богоматери, съ двумя архангелами, двумя ангелами и двумя же херувимами по сторонамъ. Съ боковъ по шести рядовъ изображеній. Налѣво представлены святыя (всѣ они стоятъ подъ арками): Петръ Александрійскій, Іоаннъ Златоустъ, Вавила, Кириллъ, Тарасій, Константинъ, Климентъ папа Римскій, Іоаннъ Богословъ, Игнатій Богоносецъ, Аванасій Великій; направо: Николай Чудотворецъ, Амѣлохій Иконійскій, Григорій Декаполитъ, Андрей Критскій, Іоаннъ Двоесловъ, Трифиллій, Спиридонъ, Епифаній Кипрскій, Григорій Нисскій, Григорій Акрагантійскій; внизу — Жертвоприношеніе Авраама и видѣніе Іаковомъ лѣствицы; на зарукавьяхъ, въ кругахъ, шиты мученики: св. Дмитрій Селунскій, Ѳеодоръ Тиронъ, Мина, Несторъ, Евставій и Луппъ. На задней сторонѣ саккоса, также въ четырехугольникѣ, въ срединѣ представлено Преображеніе Господне, въ верхнемъ крестѣ — Вознесеніе, вокругъ креста — св. Троица ветхозавѣтная (съ Авраамомъ и Сарою по сторонамъ средняго Ангела, изображеннаго въ кресчатомъ нимбѣ), пророки Малахія, Михей, Даніилъ, Гедеонъ, Бѣгство во Египетъ и Паденіе идоловъ, Рождество Христово (подробная композиція съ Саломіей и проч.), Срѣтеніе Господне, Возбужденіе Спасителемъ послѣ молитвы въ саду Геосиманскомъ спящихъ апостоловъ, Лобзаніе Іуды или преданіе на страсть; на нижнемъ крестѣ — Успеніе Божіей Матери (переводъ съ Авѣоніемъ), вокругъ креста — Косма Маюмскій, Іоаннъ Дамаскинъ, Крещеніе Іисуса Христа (въ водахъ Іордана плаваютъ двѣ рыбки), Воскрешеніе Лазаря, Сошествіе Св. Духа (съ фигурою Космоса посрединѣ, безъ Богоматери). По бокамъ, въ продольныхъ полосахъ, представлены святители: Ерофей, Анфимъ Никоидійскій, Ипатій, Амвросій, Поликарпъ Смирнскій, Ананія Дамаскскій, Діонисій, Климъ Анкирскій, Аверкій, Елевѣрій, Сильвестръ, Василій, Никифоръ, Мелетій, Іоаннъ Постникъ, Власій, Іаковъ Алфеевъ, Митрофанъ, Павелъ Исповѣдникъ, Іоаннъ Милостивый. По оплечью вышито: посрединѣ — стоящій во гробѣ Спаситель, по сторонамъ — Богоматерь, Іоаннъ Богословъ и ангелы. На зарукавьяхъ шиты изображенія (поясныя) мучениковъ Прокопія, Никифора, Ѳеодора,

Фотія, Никиты, Меркурія, а также Жезль отъ корени Іессеова и Видѣніе Моисеемъ купины. Надписи надъ всѣми изображеніями греческія, кромѣ указанныхъ двухъ славянскихъ, при портретахъ московскаго великаго князя и его супруги.

Второй саккосъ митрополита Фотія также сплошь покрытъ шитыми изображеніями и греческимъ текстомъ символа вѣры, какъ и первый. На передней сторонѣ саккоса, на верхнемъ крестѣ, представлено Распятіе, вверху котораго — два ангела, внизу — черепъ, предъ Распятіемъ предстоятъ Богоматерь и Іоаннъ Богословъ съ поднятыми вверхъ, къ лицу, руками и Логинъ Сотникъ съ личиною на щитѣ. Около креста вышиты пророки: Исаія, Іеремія, Михей и Софонія. На нижнемъ крестѣ представлено Сошествіе во адъ, въ композиціи, подобной находящейся на первомъ Фотіевомъ саккосѣ. По угламъ креста — пророки: Іезекииль, Іисусъ Навинъ, Іона и Елисей. По сторонамъ нижняго креста въ откосахъ, вышиты святыя: Василій, Николай Чудотворецъ, Аванасій Александрійскій, Спиридонъ, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ, Петръ митрополитъ Московскій, Кириллъ Александрійскій, Петръ, Іоаннъ Богословъ, Матѣей и Павелъ, Маркъ, Лука, Георгій, Ѳеодоръ Стратилатъ, Димитрій и Ѳеодоръ, послѣдніе святыя съ русскими надписями; на зарукавьяхъ — Входъ Господень во Іерусалимъ и Сошествіе Св. Духа на апостоловъ (фигуры Космоса нѣтъ, отсутствуетъ и Богоматерь среди апостоловъ); на подольникѣ — Іоаннъ Лѣствичникъ, Савва Освященный, Антоній Великій, Евѣимій и Ефремъ Сиринъ. На другой сторонѣ саккоса, на верхнемъ крестѣ, представлено Преображеніе Господне, на нижнемъ — Вознесеніе. По сторонамъ вышиты пророки: Давидъ, Михей, Моисей, Илія, Іезекииль, Давидъ (?), Захарія, Малахія, святыя — Германъ Константинопольскій, Евставій Антіохійскій, Сильвестръ папа Римскій, Софроній Іерусалмскій, Никифоръ Константинопольскій, Мелетій Антіохійскій, Петръ Александрійскій, Андрей Критскій, апостолы — Андрей, Симонъ, Филиппъ, Іаковъ, Варфоломей, Филиппъ (?), мученики — Артемій, Прокопій, Никита и Меркурій. На зарукавьяхъ, на крестѣ, весьма интересное изображеніе Спасителя-отрока въ раздранныхъ ризахъ, стоящаго на престолѣ подъ сѣнью, Ему предстоятъ свв. царь Константинъ и царица Елена, внизу на колѣняхъ Арій палъ лицомъ ницъ. На другомъ крестѣ представлено Воскрешеніе Лазаря. На подолѣ саккоса изображены святыя — Онуфрій, Ѳеодосій, Антоній, Павелъ Фивейскій и Макарій. По сторонамъ саккоса въ особыхъ клеймахъ арабская надпись изъ алкорана съ извѣстнымъ изреченіемъ, означающимъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Единаго Бога».

Оба эти саккоса митрополита Фотія имѣютъ громадное значеніе для

¹⁾ Иконные портреты русскихъ царей. Статья, напечатанная въ Вѣстникѣ Общества Древнерусскаго искусства за 1875 г. № 6–10, стр. 48.

исторіи православної иконографіи и давно уже заслуживали бы обстоятельнаго изученія.

Саккосъ (№ 4) Симона митрополита († 1511 г.)—изъ парчи съ разноцвѣтными шелками. Оплечье и зарукавья низаны мелкимъ жемчугомъ и украшены гладкими серебряными золочеными дробницами, между которыми встрѣчаются рѣдкія—дугообразныя съ чеканными изображеніями на нихъ святыхъ (фигуры поясныя) полного деисуса; рельефъ—крупный и отчетливый—великолѣпнаго исполненія.

Саккосъ (№ 8) митрополита Іоасафа изъ очень легкаго алтабаса (глазеть изъ волоченаго золота) полосатаго по гвоздичной землѣ. Оплечье и зарукавья низаны жемчугомъ и украшены сребропозлащенными басемными дробницами. Послѣдніе разнообразнаго рисунка, круглыя, большія и среднія, съ изображеніями святыхъ (фигуры поясныя), Нерукотвореннаго образа и Св. Троицы, четверугольныя и звѣздообразныя, мелкія, съ орнаментами. Назади саккоса на серебряномъ крѣствѣ наведена, чернью надпись: „Въ то жъ мѣ (1540) сѣ сакъ здѣлалъ прѣсвѣщенный Іоасафъ, митрополитъ всея русіи, в второе лѣто своего стительства“.

Саккосъ (№ 5) митрополита Макарія — изъ полосатой матеріи, выработанной по золоту, съ шелками. Оплечье и зарукавья низаны жемчугомъ и украшены превосходными небольшими серебряными золочеными дробницами, которыя древнѣе саккоса. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣющихъ видъ четвероконечнаго креста съ округлыми равными концами, а также на круглыхъ дробницахъ выбиты поясныя изображенія святыхъ. Дробницы же круглыя и овальныя въ видѣ пластаннаго трилистника нѣсколько походятъ на очень древнія, византійскаго періода, украшенія великокняжескихъ одеждъ. — По сторонамъ саккоса по вишневоу камкѣ серебромъ вышита надпись: „Въ то жъ мѣ (1549) сѣ свѣщенный сакъ далъ благословенный и христолюбивый црь князь великій Иванъ Васильевичъ всея русіи самодержецъ въ домъ Прѣстѣя Бгородицы и великимъ тюдотворцемъ — Петру, Алексію, Іоанъ, в шестоенадесять лѣто црства своего и въ девятоенадесять лѣто отъ ржства своего, при отцѣ своемъ Макаріи митрополитѣ всея русіи, въ седмое лѣто стительства его, на славу и хвалу Богу, и на гество многолѣтное здравие своему црству и блгодству“.

Другой саккосъ (№ 6) митрополита Макарія замѣчательнъ, между прочимъ, красотою вышитыхъ на немъ (волоченымъ золотомъ по вишневоу атласу между травами) надписей въ видѣ параллельно лежащихъ одинъ подъ другимъ, развернутыхъ свитковъ. Вотъ эта надпись: „Блговоленіемъ Отца и Сына и Стаго Дха ншего въ Трци славимаго и локлоняемаго, Его же лоемъ и благодаримъ и превозносимъ въ вѣки. Здѣланъ бысть сѣ стительскіи сакъ во стоую великую свборноую и альскую црквь Прѣстѣя, Прѣстѣя и прѣблагословенныя Владыцице ншея Бдца и Приснодвы Маріа гестнаго и славнаго Еа Членія, прѣстѣншіа митрополіа Бгомъ сласаемаго прѣимѣннѣтаго црства Московскаго и всеа великіа росіа прѣосщенному Макарію и всѣмъ протимъ митрополитомъ, имъ же блговолитъ Бгъ на томъ прѣвеликомъ прѣстолѣ тоя стѣншіа роускіа митрополіа в роды и роды и

в вѣкы, повелѣніемъ благовѣрнаго и благоотчиваго, Богомъ вѣнчаннаго цря и великаго князя Ивана Василіевича гсдря и самодержца всеа русіи, въ двадцать лятое лѣто столомазаннаго црства его и его благоотчивыя и христолюбивыя црцы великія книги Анастасіи и Богодарованныхъ тадѣ ихъ благовѣрнаго црвита Ивана и благовѣрнаго црвита Θεодора и благовѣрныя црвны Евдокѣи в лѣто 7335 (1558) мѣца генваря въ д^а. Назади саккоса на круглой дробницѣ вычеканено по матовому фону изображеніе Знаменія Богоматери надъ херувимами.—Нѣкоторыя изъ украшающихъ саккосъ дробницъ имѣютъ форму кружковъ, лилій, трилистника, всѣ онѣ чеканныя мелко-травными разводами. Другія дробницы въ видѣ большихъ пятиугольниковъ съ изображеніями святителей (въ ростъ) Московскихъ Петра, Алексія, Іоны, Іоанна Новгородскаго, апостоловъ Петра и Павла, Іакова брата Господня и Діонисія Ареопагита, а также Успенія Богородицы и Софіи Премудрости Божія. Всѣ эти дробницы вычеканены по матовому фону.

На саккосѣ (№ 7) митрополита Антонія большія пятиугольныя басемныя дробницы, по характеру, напоминаютъ позднѣйшія на саккосѣ св. Петра митрополита.

На саккосѣ митрополита Діонисія (№ 4) по бѣлой землѣ очень художественно — шелками и золотомъ — вытканы изображенія Божіей Матери „Воплощенія“, по сторонамъ архангелы. Надписи греческія, но характеръ рисунка чисто восточный, можетъ быть, грузинскій.—На однѣхъ изъ дробницъ, имѣющихъ видъ опрокинутой чашечки и небольшихъ по размѣру, по золоту чернью изображены четырехлопастные, узловатыя кресты; другія дробницы большія золоченыя—сдѣланы на подобіе звѣзды, состоящей изъ мелкихъ сканныхъ съ финифтью разнаго вида заповѣтъ, которыя помѣщены въ жемчужной обнизѣ и слегка украшены финифтью, между сканными разводами.—На остальныхъ большихъ четырехъ дробницахъ, кіотцами, съ заостренными верхними углами,—чернью наведены Благовѣщеніе, Рождество Богородицы, Введеніе во храмъ, Успеніе. Исполненіе этихъ рисунковъ превосходное.—По сторонамъ саккоса низана жемчугомъ надпись: „Повелѣніемъ гсдря цря и великаго князя Ивана Васильевича Бжією млстію всеа русіи самодержца, здѣланъ бысть сѣи стительской сакѣ в стую соборную цркъв Прѣстые Бдцы, црствія московскаго преосщенному Діонисію митрополиту, и по немъ просимъ митрополитомъ, по сѣи ево, по благовѣрномъ црствѣ кизѣ Іоаниѣ, црскаго его украшенія і възлатѣ і въ жемчюзѣ, лѣта 7374 (1583) марта въ 1 д^а“.

Саккосъ (№ 15) того же митрополита Діонисія заслуживаетъ особаго вниманія по своему художественному интересу.

Саккосъ № 10—принадлежалъ Іову патриарху.—Въ саккосѣ № 12 прекрасна матерія—плотный турецкій бархатъ по золотому полю, съ петельчатыми репьями;—привезенъ онъ былъ изъ Константинополя въ 1631 г. русскимъ посломъ Иваномъ Гавр. Кондыревымъ.

Саккосъ № 13—также цареградскій патриарха Іоасафа; передникъ, по свидѣтельству описи 1686 года, сдѣланъ изъ (одной половины) греческой епитрахили (другая половина ея на № 22) съ вышитыми на ней изобра-

женіями святыхъ, носящими признаки вліянія западнаго искусства на греческую иконографію въ XVII вѣкѣ.

Саккосъ № 14 изъ петельчатого аксамита (глазеть изъ пряденаго золота) по червчатой землѣ; интересны здѣсь золотыя граненыя пуговицы, рѣзные и украшенныя чернью; около ворота жемчугомъ низана надпись: „*Повелѣніемъ гсдря цря и великаго князя Михаила Θεοδοροβита всеа росіи здѣланъ сій сакъ*“.

Саккосъ № 22 принадлежалъ константинопольскому патріарху Парөөнію II-му, убитому въ 1651 г., въ Москву привезенъ въ мартѣ 1659 г. грекомъ Константиномъ Дмитриевымъ¹⁾. Матерія саккоса „аксамитъ петельчатый золотной по червчатой землѣ, оплечье по таусинному атласу“. Вокругъ ворота волоченымъ золотомъ вышита, надпись: „*Οἱ ἱερεῖς σου Κε ενδύσονται δικαιοσύνην καὶ οἱ ὁσίοι σου ἀγαλλιάσονται ἐν ἐτῇ ἄχϋϋ*“ (Т. е. — *Священники Твои, Господи, облечутся въ правду и прелодобнии Твои возрадуются, 1643 г.*) — На передникѣ золотомъ вышиты изображенія ап. Павла и трехъ святителей (ср. передникъ на саккосѣ № 13). Назади саккоса въ кругу вышитое золотомъ и шелками изображеніе Спасителя (фигура поясная) въ видѣ Вѣчнаго Архіерея, благословляющаго обѣими руками; золотой вѣнецъ съ камнями и поручи Господа очень искусно придѣланы къ шитью.

Саккосы № 16 и 17 патріарха Іосифа—сдѣланы изъ матеріи, напоминающей объяръ, нынѣшнюю парчу или, вѣрнѣе, глазеть по серебру и золоту тканый шелками;—на первомъ саккосѣ со всѣхъ сторонъ, а на второмъ лишь на передникѣ—вышиты изображенія Спасителя, возсѣдающаго на престолѣ и именовсловно благословляющаго десницей.

Саккосъ № 19 патріарха Никона *Лазаревскій* (названъ такъ потому, что былъ подаренъ патріарху въ Лазареву субботу. „А поднесенъ сей саккосъ, читаемъ мы въ описи 1686 года, святѣйшему Никону патріарху въ субботу Лазареву у Рождества Богородицы въ придѣлѣ вверху у праздника въ лѣто 3373 (1653) апрѣля въ 1 д“⁴⁾ сдѣланъ изъ петельчатого аксамита. На саккосѣ интересны гнѣзда съ камнями, украшенныя съ боковъ на подобіе рюши, и заключенныя въ чашечки.

Саккосъ № 18 — того же патріарха Никона *Коломенскій* (названъ по мѣсту поднесенія) изъ легкаго краснаго атласа съ затканными золотомъ, серебромъ и цвѣтными шелками—кругами и репьями.—Оплечье, передникъ и зарукавья червчатого и таусиннаго бархата низаны жемчугомъ и украшены „трунцаломъ“ (въ родѣ канители съ шелковыми внутри нитями); на подольникѣ изображеніе Св. Николая Чудотворца и трехъ вселенскихъ святителей шиты золотомъ, кромѣ лицъ и рукъ, которыя шиты шелками. Подъ оплечьемъ назади алмазный крестъ. На подольникѣ по четыремъ угламъ низана жемчугомъ надпись: „*Повелѣніемъ благодетеливаго гсдря цря и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа росіи и его бловѣрныя црцы и великія княгини Маріи здѣланъ сій сакъ стѣйшему патріарху Никону московскому и всеа росіи*“. По замѣчанію описи 1686 года,—„поднесенъ тотъ саккосъ въ государевѣ

⁴⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Дѣла греческія; связка 38. № 21.

селѣ Коломенскомъ Никону патріарху въ лѣто 7161 мая въ день“.—Саккосъ № 14—также патріарха Никона изъ замѣчательно хорошо исполненной матеріи, имѣющей видъ тканой, тогда какъ она, по описи, шита; по всему саккосу золотое поле, по которому низанъ жемчугомъ очеркъ изображеній Спасителя, Божіей Матери, апостоловъ, пророковъ и проч. (спереди—Новый Завѣтъ, а сзади—Ветхій), на зарукавьяхъ представлены праздники; лица и руки на всѣхъ изображеніяхъ шиты шелками.—По сторонамъ саккоса жемчугомъ низана надпись: „*Повелѣніемъ блговѣрнаго и хрестолюбиваго гсдря цря и великаго князя Алексѣя Михайловича всея роусіи и его блговѣрныхъ црцы и великія кнги Маріи здѣланъ сій сакъ стѣишему Никону патріарху московскому и всея росіи, лѣта 7161 (1653) октября въ 15 днь*“.—Саккосъ № 16 также патріарха Никона изъ аксамита золотого петельчатого; оплечье, зарукавье и подольникъ низаны жемчугомъ съ канителью; вокругъ ворота изъ жемчуга надпись: „*Повелѣніемъ гсдря цря и великаго князя Алексѣя Михайловича всея росіи данъ сій сакъ по бояринѣ Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ*“—(двоюродномъ дяди царя Алексѣя Михайловича † 11 дек. 1655 г.).—Саккосъ № 25, судя по описи 1686 г., принадлежалъ патріарху Іоасафу II,—онъ изъ золотной обѣяри, оплечье и зарукавья по червчатому атласу низаны жемчугомъ и украшены камнями; на передникѣ золотомъ, серебромъ и шелками очень искусно вышиты изображенія вселенскихъ святителей, стоящими въ аркахъ.—Саккосъ № 41 — константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса (скончался мученически 8 іюня 1638 г.) изъ очень легкаго аксамита, подбитаго голубою тафтою.—Спереди и сзади саккоса вышиты въ золотыхъ травахъ одинъ надъ другимъ по два неизвѣстныхъ святыхъ, принадлежащихъ къ католической церкви, они представлены съ пальмами и арфами; фигуры поясныя. Саккосъ этотъ очень ярко свидѣтельствуетъ о западномъ вліяніи въ XVII вѣкѣ на ослабѣвшее греческое искусство. Присланъ онъ царю Алексѣю Михайловичу въ 1655 г. отъ грека Θомы Иванова.¹⁾ Алексѣемъ Михайловичемъ саккосъ этотъ былъ подаренъ патріарху 10-го мая 1668 г. въ день пятидесятницы, предъ литургіей въ Успенскомъ соборѣ, когда тамъ были также патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антиохійскій²⁾. Саккосъ патріарха Питирима (№ 26) изъ золотной обѣяри съ разноцвѣтными шелками. Оплечье, зарукавья и передникъ, а также сторонники, подольники и наугольники низаны по червчатому бархату жемчугомъ съ канителью. Напереди, назади и по оплечьямъ очень искусно вышиты золотомъ и серебромъ по цвѣтному — красному, голубому и зеленому полю (лица же и руки—шелками) напереди—четыре ангела, стоящіе одинъ надъ другимъ въ аркахъ, назади—въ звѣздѣ Иисусъ Христосъ, на одномъ оплечьи—Господь въ силахъ, на другомъ—Знаменіе Божіей Матери, по сторонамъ ихъ св. Алексѣй Человѣкъ Божій, св. Марія Египетская (ангелы царя Алексѣя Михайловича и царицы Маріи Ильиничны) и другіе свя-

¹⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла греческія. Связка 33, № 13.

²⁾ Московская Синодальная (Патріаршая) Библіотека. № 423 л. 22.

тые.—По сторонамъ саккоса и по подольнику жемчугомъ вышита надпись: „*Всякій убо елисколѣ во своей елисколинѣ Христова подобіе явѣ обноситѣ, и мѣсто Христа содержи, якоже глаголетѣ блженный Павелъ: васѣ Дхѣ Святый остави ласты Црквѣ Бжію, юже искули тспіною своею кровію. Паки: не вы Мене избрасте, но Азѣ избрахѣ васѣ и положихѣ вамѣ, да вы идите и плодѣ принесете. И паки: ктому не глѣю вы раби, но и други: нбо рабѣ не вѣсть, что творитѣ Госдѣ его: Азѣ же не тако: дахѣ вамѣ все, еже слышашѣ. Оубо я Его елсклѣ есмь, его же остави Госдѣ надѣ телядію своею даяти имѣ житомѣрне нуждѣйшіи. Сице і саккосѣ црковнымѣ предстоятелемѣ, сирѣчь во архісщенствѣ прензящимѣ патриархомѣ и митрополитомѣ и архіелисколѣмѣ, се же разсужденіемѣ и повелѣніемѣ великаго и перваго хрснскаго цря Константина, Иустина и протихѣ црей блгочестивыхѣ симѣ сице быти узаконися, якоже обрѣтается въ древнихѣ списаніяхѣ дѣяній соборовѣ помѣстныхѣ. Саккосѣ вмѣсто хитона Хрва не шитѣ, но свѣше тканѣ, и якоже хитонѣ ближайшій къ самому тѣлесу есть лате протихѣ одеждѣ“.* Саккосѣ № 27 патриарха Іоакима алтабасный золотной полосатый, на передникѣ по красному атласу золотомѣ ткани кресты по способу, извѣстному подѣ именемѣ „въ клопецѣ“.—Устроены саккосѣ въ декабрѣ 1674 года.—Саккосѣ того же патриарха № 28 вишневаго двоєморхаго бархата съ золотыми коронами, сдѣланѣ 3 апрѣля 1677 года.—Саккосѣ № 29 также патриарха Іоакима—устроены въ 1680 году изѣ персидской полосатой обѣяри съ шелковыми и золотыми травами. Оплечье и передникѣ по красному атласу вышиты золотыми крестами въ клопецѣ, также обведено серебромѣ кругомѣ оплечья и передника.—Саккосѣ № 20 патриарха Адриана (устроены по царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ изѣ его „портища“—въ 1691-мѣ году) изѣ золотистаго бархата („на аксамитное дѣло“), украшенѣ травами изѣ пряденаго глазета (аксамита) по зеленой землѣ, кругомѣ травы алаго и зеленаго шелка; оплечье, зарукавье, сторонники и подольникѣ низаны жемчугомѣ съ канителью по красному бархату. Саккосѣ № 37 того же патриарха Адриана—аксамитный по бархатной красной землѣ съ петельчатыми орлами (золото съ серебромѣ); оплечье, зарукавья, передникѣ, сторонники и подольники—изѣ кружева съ городами—низаны орликами, коронками и травами, жемчугомѣ, изумрудами и сквозными лаликами.—Вокругѣ ворота вынизана жемчугомѣ надпись: „*Сій саккосѣ построены въ поминовеніе великаго ісдря цря и великаго князя Івана Алексѣевича, изѣ его гсдрева латя, при стѣйшемѣ Адрианѣ патриархѣ ѿд (1696) года“.*

Остальныя архіерейскія облаченія—омофоры, епитрахили, палицы и поручи, хранящіяся въ Патриаршей ризницѣ, наравнѣ съ саккосами, представляютъ большой археологической и художественный интересъ.

Омофоровъ въ древности (до 1721 г.) въ Патриаршей ризницѣ было отъ пятнадцати до девятнадцати; до настоящаго времени изѣ нихѣ здѣсь сохранилось лишь десять. Особенно замѣчательны омофоры—греческій, приписываемый ко времени то перваго, то шестого вселенскихъ соборовъ,—а также принадлежавшіе патриархамъ Іову и Адриану.

Древнѣйшимъ изъ омофоровъ, хранящихся въ Патріаршей Ризницѣ, является тотъ, который приписывается ко времени то перваго, то шестого вселенскихъ соборовъ. Омофоръ этотъ состоитъ изъ двухъ кусковъ одинаковой величины (оба вмѣстѣ мѣрою 5¹/₂ аршинъ), матерія—бѣлая камка, или штофъ, на красной тафтяной подкладкѣ, съ красными, или точнѣе, малиновыми шелковыми кистями. На омофорѣ на четырехъ крестахъ, шитыхъ волоченымъ золотомъ и серебромъ, — четыре изображенія, съ греческими надписями: Рождество Христово и Крещеніе, Распятіе и Воскресеніе, посрединѣ же одного куска, къ краю, въ кругѣ, — Вознесеніе. Шиты эти изображенія преимущественно металлическими нитями, съ небольшимъ количествомъ шелка (для лицъ, тѣла и, отчасти, одеждъ). Кругомъ всѣхъ этихъ изображеній — травы и трилистникъ въ завиткахъ. Шитье на омофорѣ исполнено не искусно. Рождество Христово представлено здѣсь въ болѣе или менѣе подробной композиціи. Богородица возлежитъ на одрѣ, обративши голову въ правую сторону. Предъ Нею въ ясляхъ спеленатый Спаситель, надъ яслями звѣзда. У изголовья Богомладенца стоятъ волъ и осель. Ниже, на лѣвой сторонѣ, — Иосифъ сидитъ въ задумчивой позѣ, предъ нимъ традиціонная фигура старца въ козлятинѣ и съ клюкою въ рукѣ. Направо — сцена омовенія Младенца, совершаемаго бабкой при участіи служанки. Вверху — идущіе на коняхъ волхвы въ красныхъ шапкахъ, на небѣ три ангела, дальше — третій ангелъ — направо; на него обратилъ свои взоры пастухъ, съ круглою шапкою и посохомъ; предъ пастухомъ двѣ овцы. Пейзажъ — деревья. Надъ изображеніемъ надпись: «'Н ХΥ ΓΕΝΝΗΣΙΣ». Крещеніе Спасителя (надпись: «'Н ΒΑΠΤΙΣΙΣ» сохранилась плохо, нѣкоторыя буквы уже исчезли) представлено въ обычной композиціи. Иисусъ Христосъ въ крестчатомъ нимбѣ стоитъ въ водахъ Иорданскихъ (въ нихъ плаваютъ рыбы), на Него нисходитъ Духъ Святой въ видѣ голубя, Іоаннъ, наклонившись, простираетъ руку къ головѣ Господа. На противоположномъ берегу стоятъ три ангела въ рядѣ. Въ распятіи — Спаситель изображенъ висящимъ на восьмиконечномъ крестѣ, по чресламъ Иисуса Христа — препоясаніе. По сторонамъ верхней дощечки буквы: «ΙΣ.—ΧΣ.», подъ нею два слетающіе къ Спасителю ангела. У подножія креста, въ расщелинѣ на Голгоѣ — голова Адама. По обѣ стороны распятаго Спасителя стоятъ Богородица (надпись «Μρ. Θυ.») и Іоаннъ Богословъ («Ιω»), послѣдній правую руку держитъ у лица (вѣроятно, отираетъ слезы). Воскресеніе Христово («'Ν ΑΝΑΨΤΑΣΙΣ») — въ видѣ Сожествія во адѣ. Спаситель, окруженный сіяніемъ, стоитъ на сокрушенныхъ веряхъ ада, въ шуйцѣ у Него закрытый свитокъ, десницею онъ беретъ за руку Адама, за которымъ изображены три фигуры, — вѣроятно, Іоаннъ Креститель (ближе къ Христу) и два царя (въ круглыхъ плоскихъ шапкахъ). Напротивъ (направо) еще шесть фигуръ и одна впереди, какъ бы на колѣняхъ

(Евва?). Въ сценѣ Вознесенія (надпись стерлась, вѣроятно, она была: «'ΝΑ'ΝΑΛΥΨΙΣ») возносящійся Спаситель въ ореолѣ, несомомъ двумя ангелами. Внизу Богородица («Μρ. Θυ.») съ воздѣтыми руками, около Нея справа и слѣва по ангелу, указывающему рукою на небо. Дальше — апостолы, на одной сторонѣ ихъ пять, на другой четыре. На Елеонской горѣ изображены деревья. Съ исподней стороны одного куска, въ концѣ, пришитъ бумажный ярлыкъ XVII вѣка, съ надписью: «Сіи сты омофоръ шестаго Вселенскаго Собора... при царѣ Константинѣ Брэд... На томъ соборѣ... числомъ 170». Въ описяхъ Патріаршей Ризницы омофоръ этотъ называется *омофоромъ шестаго вселенскаго собора* въ 1676 году. Архіепископъ же Савва считаетъ возможнымъ отнести этотъ омофоръ къ IV вѣку, на основаніи слѣдующаго, найденнаго имъ въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ документа — челобитной къ царю Алексѣю Михайловичу никейскаго митрополита Григорія (пріѣзжалъ въ Москву въ іюнѣ 1655 года): «..Да я же богомолецъ твой привезъ къ тебѣ государю помощи ради и исцѣленія святяго мощи преподобнаго Максима Исповѣдника, да святый омофоръ, что надѣвали святые отцы въ Никейскомъ соборѣ и прокляли Арія, и принялъ у меня тѣ святяго мощи отецъ твой государевъ и богомолецъ великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи, и про тѣ мощи и амфоръ свидѣтельствуютъ оба (т. е. константинопольскій и іерусалимскій) патріархи въ своихъ грамотахъ, и вели государь съ тѣхъ грамотъ переводъ донестъ къ себѣ великому государю, и тебѣ государю будетъ вѣдомо... Грамота Іерусалимскаго патріарха Паисія, дѣйствительно, хранится въ томъ же Архивѣ (Дѣла греческія. Связка 33, № 24); въ ней, между прочимъ, читаемъ: «Онъ (т. е. митрополитъ Григорій) показалъ намъ найденный имъ въ ризницѣ своей митрополіи (Никеи) одинъ ветхій священнй омофоръ, сохранившійся отъ времени онаго св. перваго вселенскаго собора; и этотъ омофоръ, какъ значится въ ризничной описи митрополіи, принадлежалъ святѣйшему Александру, патріарху Александрійскому, присутствовавшему на соборѣ 318 св. отцевъ, гдѣ онъ и самъ возлагалъ его на себя и прочіе св. отцы, утвердившіе благочестивые догматы и проклявшіе безбожнаго Арія съ его лжеученіемъ, и потомъ оставили этотъ омофоръ, на память, въ сей святой митрополіи гдѣ онъ и хранился до сихъ поръ. Мы, принявши въ руки сей омофоръ, съ великимъ благоговѣніемъ облобызали его». Ни на чемъ не основанное преданіе приписывало также этотъ омофоръ св. Николаю Чудотворцу (см. Памятники Московск. Древн. И. М. Снегирева, стр. 173. М. 1842—1845 гг.).

Не говоря уже о палеографическихъ признакахъ, опровергающихъ вышеприведенныя преданія, укажемъ на нѣкоторыя иконографическія черты изображеній на омофорѣ, противорѣчащія мнѣнію о современности этого памятника пер-

вселенскому собору. Такъ, древнѣйшее изображеніе омовенія Спасителя (въ композиціи Рождества Христова) повитухами мы имѣемъ лишь отъ VII—VIII вѣка на фрескѣ катакомбъ на *via Flaminia*. Что касается до сценъ, относящихся къ страданіямъ Иисуса Христа, то онѣ въ памятникахъ иконографіи являются не ранѣе IV—V столѣтія и притомъ не столько въ видѣ сценъ реальныхъ, сколько въ видѣ намековъ. Изображеніе черепа Адамова внутри Голгофы въ пещерѣ мы видимъ лишь въ произведеніяхъ искусства отъ IX вѣка и позднѣе (Лобковская псалтырь, мюнхенскій окладъ, эмаль Звенигородскаго и др.). Форма Воскресенія І. Христа въ видѣ Сошествія во адъ выработана также не въ первые вѣка христіанства. Древнѣйшее изображеніе этой композиціи можно видѣть на одномъ энколпій Монцы VIII вѣка. Тѣмъ не менѣе, рассматриваемый омофоръ носитъ на себѣ слѣды глубокой древности; возможно, что онъ былъ изготовленъ въ VIII—IX вѣкѣ. Если онъ на самомъ дѣлѣ былъ на вселенскомъ соборѣ, то, во всякомъ случаѣ, не на первомъ или шестомъ, а лишь на седьмомъ, происходившемъ въ 788 году въ Никее.

Омофоръ № 4 патріарха Іова представляетъ

Изъ остальныхъ омофоровъ назовемъ слѣдующіе. Омофоръ № 3 греческій изъ серебряной обьяри съ украшеніями изъ жемчуга и простыхъ зеленыхъ камешковъ, на немъ вмѣсто крестовъ вышиты символы евангелистовъ; принадлежалъ константинопольскому патріарху Пареенію II-му († 1651 г.), въ Москву же привезенъ грекомъ Иваномъ Кирилловымъ въ 1654-мъ году.¹⁾ Омофоръ № 1 патріарха Никона — изъ глизета волоченаго золота (алтабасъ), богато украшенный жемчугомъ, яхонтами и изумрудами. На немъ въ четырехъ крестахъ вышиты золотомъ и шелками праздники и страсти Господни, а посрединѣ въ кругу — Св. Троица ветхозавѣтная. Около круга изъ жемчуга сдѣлана надпись: *Повелѣніемъ гсдря цря и великаго князя Алексѣя Михайловича всея росіи и бжговѣрныя црцы Маріи здѣланъ омофоръ стѣйшему Никону патріарху, а поднесенъ тотъ омофоръ рзд (1655) года октября въ 5 днь.* Омофоры №№ 6 и 7 патріарха Іоакима (устроены — одинъ къ великому четвергу 1686 г., другой въ іюль 1677 года) изъ „астраханскихъ армячныхъ суконъ“, песочнаго цвѣта съ жемчужными украшеніями.

Въ старинныхъ описяхъ указывается до пятнадцати епитрахилей въ Патріаршей ризницѣ; изъ нихъ уцѣлѣло одиннадцать.

Епитрахиль (№ 2) св. Петра митрополита, — очень ветхая (размѣръ ея 2 а. 3 в. × 6 в.), отъ матеріи, изъ которой она сдѣлана (камка гвоздичная), уцѣлѣли лишь небольшіе остатки вокругъ шести дробницъ, расположенныхъ попарно; подкладка крашенінная; верхняя часть епитрахили,

большой интересъ для историка русскаго искусства своими мастерски вышитыми золотомъ, серебромъ, шелками и прекрасно сохранившимися изображеніями, — это Страсти Христовы въ четырехъ крестахъ, низанныхъ жемчугомъ и украшенныхъ драгоценными камнями. Назади омофора въ кругу вышитъ «Образъ Спасовъ въ силахъ». Размѣръ омофора 5 арш. 15 в. × 6³/₄ в. Обьярь, изъ которой сдѣланъ омофоръ, позднѣйшая, именно 1675 года (въ этомъ году патріархъ Іоакимъ приказалъ на омофорѣ старую матерію замѣнить новой, оставивъ безъ передѣлки лишь «Христовы страсти, Спасовъ образъ и наконечники»).

Великолѣпенъ по шитью и омофоръ (№ 2) патріарха Адриана. Размѣръ его: 6 арш. 1 верш. × 6¹/₂ в. На омофорѣ, по бѣлой серебряной обьяри, волоченымъ и пряденымъ золотомъ шиты короны и травы; сдѣланныя, по красному бархату, въ видѣ крестовъ золотыя запы осыпаны драгоценными камнями (алмазами, яхонтами и изумрудами). Кругомъ запы и по краямъ омофора низано жемчугомъ. Недаромъ омофоръ этотъ въ старинныхъ описяхъ называется мастерскимъ, образцовымъ, т. е. заслуживающимъ полного вниманія по своему художественному исполненію.

вокругъ шеи, изъ черной шерстяной матеріи съ цвѣтными шелками, пришита въ позднѣйшее время. На древнихъ крестообразныхъ дробницахъ (серебряныя золоченыя) — басемныя поясныя изображенія святителей св. Николая Чудотворца, св. Василия Великаго и др. Надписи греческія. Одна

¹⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Связка 32 № 5.

изъ дробницъ съ изображеніемъ св. Петра Митрополита позднѣйшая, XVI вѣка. Кромѣ шести большихъ дробницъ по коймамъ епитрахили размѣщены дробницы маленькія, — плоскія въ видѣ различныхъ травокъ, и призматическія, сердцеобразныя и на подобіе многоугольника съ двумя вдающимися углами. Всего малыхъ дробницъ на епитрахили 366. Изъ старинныхъ описей Патріаршей Ризницы разсматриваемая епитрахиль лишь въ одной описи 1701 г. (№ 207 л. 41 и № 208 л. 46) приписывается св. митрополиту Петру; тѣмъ не менѣе нѣтъ никакихъ данныхъ сомнѣваться въ принадлежности ея этому святителю.

Епитрахиль (№ 1) Фотія митрополита, привезенная имъ вмѣстѣ съ другими облаченіями изъ Царяграда въ 1408 году, при вступленіи его на русскую митрополію, является замѣчательнымъ памятникомъ греческаго искусства, имѣющимъ большое значеніе для исторіи христіанской иконографіи. Эта епитрахиль сверху до низу покрыта священными изображеніями, вышитыми волоченымъ золотомъ (тянутыя золотыя нити), серебромъ и шелками. На ердани епитрахили, на затылкѣ, въ кругу представленъ Спаситель (поясное изображеніе), по сторонамъ, въ такихъ же кругахъ, повторяется имя Фотія, далѣе у плечья справа и слѣва—Богоматерь и Іоаннъ Креститель. Эти изображенія Спасителя,

Богоматери и Предтечи составляютъ одну общую композицію—Деисусъ. Дальше на всей епитрахили 88 круговъ (по четыре въ рядъ, всего 22 ряда) съ поясными изображеніями апостоловъ, пророковъ и избранныхъ святителей, съ греческими надписями; въ промежуткахъ круговъ вышиты головы херувимовъ. Жемчужный разводъ очень красиваго рисунка и мелкія гладкія треугольныя дробницы служатъ украшеніемъ коемъ. Ниже изображеній святыхъ—орнаментъ, среди котораго двѣ львиныя личины. Превосходны и самыя золотыя пуговицы,—однѣ круглыя сквозныя, другія сканныя, продолговатыя, съ мелкими прорѣзными плетеными орнаментами. «Трудно, говоритъ покойный Ю. Д. Филимоновъ, представить себѣ облаченіе, которое бы производило такое пріятное впечатлѣніе, какъ эта епитрахиль, хорошо выдержаннаго, можно сказать изящнаго стиля. Превосходно исполненныя шелками изображенія ея имѣютъ видъ скорѣе миниатюръ»

Епитрахиль № 4 патріарха Никона—изъ краснаго атласа, на ней вышиты золотомъ на верхней части Спаситель, ниже по сторонамъ — Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча и 12-ти апостоловъ. Внизу епитрахили жемчугомъ вынизано: *„Здѣлана сія патрахиль стѣйшему патріарху Никону“*. Епитрахиль № 9 патріарха Іоакима изъ золотнаго атласа по вишневоу землѣ, устроена въ сентябрѣ 1674 года.

Палицъ въ Патріаршей ризницѣ хранится семь, прежде ихъ было здѣсь до одиннадцати

Палица (№ 1) митрополита Фотія изъ зеленаго атласа, на ней въ кругѣ пряденымъ золотомъ и серебромъ вышита Богоматерь съ Богомладенцемъ, сидящая на престолѣ, справа и слѣва предстоятъ два архангела (по одному съ каждой стороны). Надъ этимъ кругомъ Нерукотворенный Спасъ, въ другихъ углахъ—херувимы. По краямъ палицы кругомъ низаны слова свящ. пѣсни: «Достойно есть яко во истину»... и т. д. Размѣръ палицы—15³/₄×15 в. Въ старинныхъ описяхъ палица эта называется «первою палицею Фотія митрополита».

Палица (№ 5) патріарха Іоакима исполнена весьма искусно 17 января 1680 года (какъ говорится объ этомъ въ описи Патріаршей Ризницы 1686 года на л. 82 об.), она атласная; на ней шиты разноцвѣтными шелками съ золотомъ и серебромъ Распятіе Спасителя на восьмиконечномъ крестѣ, съ четырьмя предстоящими (вдали представлена городская стѣна), и въ десяти кругахъ, вокругъ Распятія—святители (поясныя изображенія), между ними и московскіе (безъ Филиппа). Шитье на этой палицѣ великолѣпное. По угламъ ея шиты херувимы. Между кругами,—травной орнаментъ съ листьями. По краямъ

палицы вокругъ низанъ жемчугомъ тропарь, «Видя разбойникъ Начальника жизни на крестѣ висяща»... и проч.

На одной палицѣ по красному атласу вышито изображеніе Воскресенія Христова въ видѣ Сошествія во адъ; это изображеніе обрамлено кругами; въ нихъ, кромѣ верхняго и нижняго, вышиты поясныя фигуры апостоловъ. Въ верхнемъ кругѣ — Отечество (Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой), въ нижнемъ—Космосъ или Міръ, какъ онъ обычно изображается на иконахъ Сошествія Св. Духа на апостоловъ, — старецъ съ большою бородою, въ коронѣ (безъ нимба), обѣими руками держитъ предъ собою большой платъ. Въ четырехъ углахъ палицы — символы евангелистовъ. Кругомъ палицы вышито серебромъ: *„Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангелы поютъ на небесяхъ“*. Палица эта XVI—XVII в. Палица № 2 патріарха Никона; на ней по золотой землѣ вышито и обнизано жемчугомъ изображеніе Успенія Божіей Матери; по краямъ палицы жемчугомъ же вынизана надпись: *„Повелѣніемъ великаго годря цря и великаго князя Алексѣя Михайловича всея росіи и великія кнгни Маріи здѣлана сія палица стѣйшему Никону патріарху Московскому и всея росіи“*

Изъ тринадцати паръ поручей, хранящихся въ Патріаршей ризницѣ, замѣчательнѣйшія поручи митрополита Фотія.

Дробницы на поручахъ митрополита Фотія разнохарактерны, но всѣ онѣ драгоцѣнны для исторіи искусства по замѣчательному исполненію. На трехъ изъ нихъ на одной поручи представлены Господь Вседержитель на престолѣ, съ предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Крестителемъ; на другихъ дробницахъ на узкихъ концахъ цилиндра—орудія страстей Христовыхъ, св. Петръ и св. Алексій, митрополиты Московскіе. Всѣ эти дробницы XVII вѣка. Кромѣ того, «на одной поручи сохранились византійской, инкрустированной финифти двѣ дробницы, одна—съ изображеніемъ крестообразнаго орнамента, другая—съ изображеніемъ юношескаго лица, повидимому, безъ сіянія вокругъ головы; на другой поручи, на одной дробницѣ изображены двѣ символическія птицы, стоящія при столпообразной чашѣ, или свѣтильникѣ, на другой—финифть осыпалась... Хотя финифть на всѣхъ дробницахъ на серебряныхъ пластинкахъ, но она самой высокой техники, исполнена разноцвѣтною массою среди тончайшихъ прилаженныхъ въ углубленіи, въ уровень съ поверхностью, перегородокъ. Производство такой финифти или «утворенной муссіи» было распространено въ Византіи въ X и XI вѣкѣ, въ Россіи въ XII-мъ. Къ этому времени, не позже, должны быть отнесены дробницы и по характеру рисунка; цвѣта финифти разнообразны, въ орнаментахъ господствуютъ

голубой, кирпичный, бѣлый, въ изображеніи челоуѣческаго лица—тѣлесный, волосъ—черный. Замѣнившая древнюю, круглая финифтяная дробница съ звѣздообразнымъ рисункомъ не «утворена муссіей», а «наведена» ею среди постоянныхъ перегородокъ и принадлежитъ, вѣроятно, къ XVI столѣтію, ея цвѣта—зеленый, синій, довольно низкаго качества. Кромѣ большихъ дробницъ византійской финифти X—XII вѣка, къ тому же времени должны быть отнесены той же работы множество мелкихъ разнаго рисунка дробницъ, помѣщенныхъ въ крестообразно пересѣкающихся полосахъ рѣшетки и по коймамъ или краямъ поручей. Онѣ перемежаются мелкими басемными дробницами съ травными орнаментами разнообразнаго рисунка. Здѣсь же... двѣ круглыя запонки съ золотыми монограммами по финифтяному полю, изображающими буквы—А и Ω (алфа и омега). Въ треугольникахъ надъ крайними полосами треугольныя дробнички наведены по золоту чернью. Всѣ послѣднія украшенія могутъ быть отнесены ко времени Фотія митрополита, также, какъ и замѣчательная оправа камней, въ видѣ весьма выпуклыхъ репьевъ, украшенныхъ сбоку на подобіе рюши». (Филимоновъ). Длинною эти поручи $5\frac{3}{4}$ в. «Передѣланы они были при великомъ государѣ, святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, московскомъ и всея Русіи (Опись Патріаршей Ризницы 1631 г.).

Изъ другихъ поручей упомянемъ слѣдующія. Поручи № 4 патріарха Филарета Никитича; на нихъ по гладкому красному атласу волоченымъ золотомъ и серебромъ вышито изображеніе Благовѣщенія Пр. Богородицѣ. Эти поручи, по свидѣтельству описи Патріаршей ризницы отъ 1631 года, подарены патріарху Филарету Никитичу Іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ (вѣроятно, въ 1619-мъ году; въ бытность Теофана въ Москвѣ). Поручи № 2 патріарха Никона—малиноваго бархата съ богатыми украшеніями изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. На одной поручи вышитъ шелкомъ и обнизанъ жемчугомъ образъ Спасовъ, на другой—Знаменіе Богоматери. Лѣсбопытны и № 5 поручи патріарха Питирима, №№ 6, 7, 8 и 9—патріарха Іоакима.

Архіерейскихъ шапокъ въ Патріаршей ризницѣ сохранилось до настоящаго времени семь.—Ихъ три вида—собственно шапки, митры и короны.—Первое названіе принадлежитъ круглому низкому цилиндру съ плоскою тульею и съ опушкой по околу; митры же имѣютъ видъ полушарія съ приподнятымъ верхомъ и выступающими боками; наконецъ, короны отличаются отъ митръ прорѣзнымъ вѣнцомъ съ городками, или коронами,—обложеннымъ по нижнему обручу.

Шапка Іова патріарха изъ лазоревой камки, шита волоченымъ золотомъ въ петлю; кругомъ опушена горностаемъ. Вверху шапки вышито Знаменіе Богоматери, съ низанною жемчугомъ надписью вокругъ: «Все упованіе мое къ тебѣ возлагаю, Мати Божія, сохрани мя во своемъ си

кровѣ». Ниже, кругомъ шапки вышитъ полный Деисусъ,—Спаситель, Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча, два архангела, апостолы Петръ и Павелъ, два святителя и два преподобныхъ. Надъ опушкою надпись (низана жемчугомъ): «Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей,

его же насади десница Твоя». На задней сторонѣ шапки на золотой дощечкѣ вырѣзанъ восьмиконечный крестъ съ надписью надъ нимъ: «Лѣта 3714 (1595) сентября въ и днь здѣлана сія шапка повелѣніемъ стѣйшаго Іева, патріарха Московскаго и всея Росіи». Высота шапки $3\frac{1}{2}$ в., въ діаметрѣ 6 в.

Меньшая митра — конусообразная; основа ея изъ золотнаго алтабаса, или легкой золотой парчи. На верху ея, на опрокинутой золотой чашѣ, — крестъ; внизу, по околу, рядъ небольшихъ запонъ. Спереди митры на финифтяной запонѣ въ видѣ арки, поддерживаемой двумя столбами, изображеніе Спасителя, въ ростъ, украшенное зеленой прозрачной финифтью. Справа и слѣва въ золотыхъ чеканныхъ клеймахъ между столбами въ портикахъ — фигуры (сидячія) Евангелистовъ; рѣзныя надписи — русскія XVII вѣка. Кромѣ этихъ дробницъ на митрѣ множество другихъ, съ чернью. На митрѣ же чернью наведены поясныя изображенія московскихъ святителей Петра, Алексія и Іоны и св. Василия Великаго, съ надписью; «Ο αγіος Βασιλειος Κεσαρισκι». Высота этой митры — $7\frac{1}{4}$ в. По мнѣнію архіепископа Саввы, золотыя финифтяныя украшенія на этой митрѣ сдѣланы не позднѣе 1652 года, самая же митра не русскаго происхожденія, она, вѣроятно, была прислана царю Θεодору Іоанновичу Александрійскимъ патріархомъ Мелетіемъ Пигою и нѣкогда принадлежала св. Кириллу Александрійскому; послѣдній въ ней присутствовалъ на Ефесскомъ соборѣ 431 года. По мнѣнію же Ю. Д. Филимонова, рассматриваемая митра «явилась въ весьма позднюю эпоху, не древнѣе XVI столѣтія». Форму шапки мы не можемъ признать ни древнею, ни сколько-нибудь сходною съ греческою короною. Чаша съ наведенными чернью въ кругахъ поясными святыми должна быть конца XVI вѣка и, несомнѣнно, русской работы, какъ и чашеобразныя дробнички; но репейчатыя запоны съ финифтянымъ бантомъ и камнями, также какъ и звенчатыя, можно отнести къ греческой работѣ второй половины XVII столѣтія. Греческой же работѣ могутъ принадлежать: запона съ финифтянымъ изображеніемъ Спасителя, даже (если русскія надписи начертаны послѣ, въ Россіи) четыре чеканныхъ клейма съ Евангелистами и нѣсколько другихъ запонъ.

Большая корона патріарха Никона обращаетъ на себя вниманіе финифтяными запонами въ видѣ коронокъ, возвышающимися надъ вѣнцомъ, съ изображеніями на нихъ — Спасителя и двѣнадцати апостоловъ (въ ростъ), и четырьмя большими круглыми запонами въ наугольникахъ съ поясными фигурами Благовѣщенія, Алексѣя челоуѣка Божія и Маріи Египетской (святые, тезоименные царю Алексѣю Михайловичу и царицѣ Маріи Ильиничнѣ). Изображенія эти исполнены мастерски, — рисунокъ и постановка фигуръ правильные, цвѣта финифти приближаются къ натурѣ, къ живописи красками, но монументальностью превосходятъ послѣднюю; чеканка волосъ, оставленныхъ

золотыми, безукоризненна; все вообще исполнено въ изящномъ элегантномъ стилѣ. На верху короны золотой, осыпанный алмазами крестъ, утвержденный въ двойной звѣздѣ, по которой золотомъ сдѣлана надпись: «Во царство благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя Росіи самодержца духовнаго пастырства прісвятѣйшемъ великомъ господинѣ Никонѣ, архіепископѣ царствующаго града Москвы и всея великія и малыя Росіи патріарсѣ, въ вѣчную память боярина Никиты Ивановича Романова 1655 г. іюніа а день». Высота короны — $6\frac{3}{4}$ в. Патріархъ Никонъ и его преемники надѣвали эту корону лишь въ торжественныхъ случаяхъ.

«Средняя митра» патріарха Никона газетовая изъ волоченаго золота (алтабасъ), украшена по широкому вѣнцу и четырьмя полосамъ репейчатыми бантами, камнями, жемчугомъ и финифтью бѣлаго и чернаго цвѣтовъ. На передней сторонѣ митры на большомъ изумрудѣ вырѣзано изображеніе Сошествія Иисуса Христа во адъ (представленъ Спаситель, въ овальномъ сіяніи, между двумя фигурами, обратящимся къ правой изъ нихъ). Въ наугольникахъ по грубому рельефу — финифтяныя изображенія четырехъ евангелистовъ, сидящихъ въ аркахъ. Внизу этихъ изображеній по бѣлой финифти красными буквами сдѣлана слѣдующая надпись вязью: *„Повелѣніемъ великаго гсдря и великаго князя Алексѣя Михайловича и ево блгвѣрной црцы и великой кнгни Маріи Ильичны здѣлана сія святительская шапка великому гсдину стѣйшему Никону. патріарху Московскому и всея руссіи, лѣта 13734 (1653) марта въ к и днь“*. Митра увѣнчана наверху восьмиконечнымъ золотымъ съ финифтью крестомъ, осыпаннымъ драгоценными камнями; укрѣпленъ онъ на выпуклой розетѣ, или репей бантомъ съ косыми поясами. Митра эта русской работы.

Другая митра патріарха Никона, извѣстная въ старинныхъ описяхъ подъ именемъ *меньшей короны*, серебряная золоченая; обручъ ея обложенъ 12-ью золотыми запонами съ жемчугомъ и драгоценными камнями, выше — жемчужный вѣнецъ изъ мелкихъ городковъ и рядъ большихъ лилеобразныхъ репьевъ или коронокъ. Надъ вѣнцемъ въ четырехъ золотыхъ дробницахъ рѣзныя съ чернью изображенія евангелистовъ съ греческими надписаніями ихъ именъ и зачалами евангелій. Наверху двѣ одна въ другой расположенныя, осьмиугольныя звѣзды — служатъ основаніемъ четвероконечному кресту, осыпанному драгоценными камнями и жемчугомъ. Вокругъ звѣздъ по черной финифти на двухъ кругахъ сдѣлана слѣдующая золотая надпись. «*Ἦθηκαζ ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ στέφανον ἐκ λίθου τιμίου. Ζωὴν ἠτήσατό σε, καὶ ἔδωκα αὐτῷ μακρότητα ἡμερῶν. Τοῦ μακαριωτάτου πατριάρχου τῆς μεγάλης πόλεως Μοσχολίας καὶ πασης Ῥοσίας κυρίου κυρίου Νικωνος. 1653. Ἐν μὲνὶ μαίω»*. (Т. е. — «Положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна. Живота просилъ еси у Тебе, и далъ еси ему долготу дній. Блаженнѣйшаго патріарха великаго града Москвы и всея Россіи господина киръ-Никона

1653, мѣсяца маія)». Корона эта была сдѣлана въ Константинолѣ по заказу патріарха Никона и привезена въ Москву въ февралѣ 1654 года ¹⁾).

Далѣе, митра патріарха же Никона, извѣстная подъ именемъ большой митры, алтабасная золотая съ полосами, вынизанными жемчугомъ, и украшенными большими запонами изъ травъ, цвѣтовъ и крестовъ. Спереди алмазный крестъ. Наверху въ многоугольной золотой звѣздѣ, украшенной камнями,—утвержденъ также осыпанный алмазами золотой крестъ. По угламъ перекрестья, между нижними концами полосъ, въ четырехъ золотыхъ запонахъ вычеканены довольно грубо финифтяныя прозрачныя изображенія сидящихъ въ аркахъ евангелистовъ съ надписями евангельскихъ зачалъ по-русски. Внизу этихъ изображеній по бѣлой финифти сдѣлана слѣдующая надпись золотыми буквами: *«Повелѣніемъ великаго гсдря цря и великаго князя Алексія Михайловича всея росіи и ево блгвѣрныя царицы и великія кнгни Маріи Ильичны, здѣлана сія стительская шапка великому гсдину стѣйшему Никону, патріарху*

Московскому и всея росіи, лѣта 1653 (1653) октября въ к днь».

Наконецъ, митра, по формѣ своей подходящая къ разряду среднихъ коронъ, сдѣлана изъ краснаго бархата; золотое перекрестье и вѣнецъ украшены жемчугомъ и камнями; въ перекрестьѣ и наугольникахъ богатыя живописной финифти репейчатая запона съ драгоценными камнями и жемчугомъ. Надъ нижнимъ обручемъ 12-ть золотыхъ коронокъ, имѣющихъ видъ вазъ съ цвѣтами и также украшенныхъ драгоценными камнями. Наверху митры алмазный четвероконечный крестъ. Митра эта, очень красивая и превосходной работы, устроена, по всей вѣроятности, въ промежутокъ времени отъ 1686 по 1701 г. (въ описи 1686 года ея нѣтъ, въ описи же Патріаршей ризницы 1701 года она указана) и принадлежала или Іоакиму, или Адріану патріарху.

Хромофотографированныя изображенія всѣхъ митръ, хранящихся въ Патріаршей ризницѣ, изданы въ Древностяхъ Россійскаго Государства. Отд. 1 №№ 85—91.

Въ Патріаршей Ризницѣ находится цѣлая коллекція бѣлыхъ-митрополичьихъ и патріаршихъ клобуковъ, всего ихъ здѣсь двадцать пять. Изъ этихъ клобуковъ особеннаго вниманія заслуживаютъ.

Клобукъ древнихъ всероссійскихъ митрополитовъ, вязанный изъ бѣлаго крученаго шелка и спереди украшенный изображеніемъ херувима (шитъе золотомъ).—Длина клобука съ воскриліями $\frac{3}{4}$ аршина.

Такъ называемый *большой* клобукъ патріарха Филарета вязанъ изъ бѣлаго крученаго шелка; на челѣ изъ жемчуга вынизано изображеніе херувима; на воскриліяхъ въ особыхъ дробницахъ черневыя изображенія—Св. Николая Чудотворца, Іоанна Златоуста, Петра, Алексія и Іоны—митрополитовъ Московскихъ, Исаи, Леонтія и Игнатія—Ростовскихъ. Длина клобука съ воскриліями—15 в.

Клобукъ патріарха Никона бѣлый, камчатый (съ мелкими чешуйками); на немъ вышиты пряденымъ золотомъ и обнизаны жемчугомъ Деисусъ и (на воскриліяхъ) Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, свв. Московскіе митрополиты Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ и св. Алексѣй Человѣкъ Божій. Клобукъ (длина его 1 а. 1 в.) увѣнчанъ небольшимъ золотымъ осьмиконечнымъ крестомъ, осыпаннымъ драгоценными камнями и жемчугомъ.

По смерти патріарха Адріана въ Патріаршей ризницѣ было двадцать три подризника; въ настоящее же время ихъ здѣсь только шесть.—№№ 1 и 2 принадлежали патріарху Никону, № 4 патріарху Іоакиму и № 5—Адріану.

Изъ патріаршихъ мантий въ Патріаршей ризницѣ хранятся одна мантия патріарха Іоакима и двѣ—Адріана.—На одной изъ Адріановскихъ мантий, сдѣланной изъ обьяри (парча по насыпи) осинового цвѣта, источники изъ бѣлаго атласа съ алыми лентами, скрижали краснаго бархата;

¹⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Дѣла греческія. Связка 32. № 7. За митру уплачено было 1230 рублей.

на верхнихъ скрижаляхъ серебромъ и золотомъ шито Благовѣщеніе, а на нижнихъ—вышита надпись вязью золотыми буквами: „*Πατριάρχης Αδριανός*“.

Здѣсь же хранятся четки патріарха Никона и три параманда,—одинъ митрополита Фотія, другой патріарха Филарета Никитича и третій, неизвѣстно чей, но значащійся уже въ описи ризницы 1686 г.

Панагій въ Патріаршей ризницѣ хранится тридцать одна.

Панагія (№ 2) золотая, на серебряной цѣпочкѣ, украшенная жемчугомъ и драгоценными камнями; размѣръ ея— $4\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ в. Въ срединѣ ея, на четырехслойномъ ониксѣ, вырѣзано изображеніе Богоматери, стоящей съ воздѣтыми дланями, съ Богомладенцемъ (поясная фигура) въ кругу, въ лонѣ Ея (эта композиція въ старинныхъ документахъ извѣстна подъ именемъ «Воплощенія»). На обратной сторонѣ панагіи вырѣзано, на подобіе хорошей гравюры съ тѣнями, изображеніе Крещенія Спасителя, съ тремя ангелами направо и двумя плавающими въ Іорданѣ рыбами. Внутри панагіи хранятся части мощей разныхъ святыхъ, а также часть Животворящаго Древа, камень отъ Гроба Господня и часть губы, «что отирали страсти Господни».

На золотой же, съ финифтью, панагіи (№ 3), также на ониксѣ вырѣзано изображеніе преп. Іоанна Лѣствичника (въ ростѣ), съ надписью: «Προδβνύ Ιωαν Σπισατελ Λѣστωιцѣ». На обратной сторонѣ представлены—Маркъ, епископъ Ареусійскій, и Кириллъ діаконъ. Внутри панагіи частицы св. мощей, а также части багряницы Спасителя и камня отъ горы Голговы. Размѣръ панагіи— $3\frac{3}{4} \times 2$ в. Есть основаніе полагать, что панагія эта была подарена царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ митрополиту Макарію, бывшему воспріемникомъ отъ купели царевича Іоанна, который родился съ 28-го на 29-е марта 1555 г. (день памяти свв. Марка и Кирилла), тезоименитство же было 30-го марта (день памяти преп. Іоанна, Списателя лѣствицы). Съ другой стороны извѣстно, что эта же панагія въ описи имущества, оставшагося послѣ смерти патріарха Филарета Никитича, значится подаренною ему царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Рѣзьба на камнѣ на обѣихъ этихъ панагіяхъ (обѣ XVI вѣка) очень искусной работы. Хороши также и травы на золотыхъ поляхъ панагій.

Круглая золотая панагія (№ 1, размѣръ $5 \times 2\frac{1}{2}$ в.), съ привѣской,—цареградскаго дѣла, принадлежала нѣкогда Константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису († мученически 8 іюня 1638 г.). Посрединѣ звѣздообразный яшмовый плащъ свѣтлосѣраго цвѣта, на немъ утверждень въ золотомъ гнѣздѣ большой лазоревый яхонтъ съ выпуклымъ рѣзнымъ изображеніемъ Благовѣщенія (надписи: «ΑΡ. ΜΡ. Θυ.»). Вокругъ яшмоваго плаща расположено восемь золотыхъ запонъ, съ финифтью и драгоценными камнями. На обратной сторонѣ въ кругу по финифтяному зеленому, прозрачному полю обронно вырѣзана

золотая надпись: «Κυρίλλου Κωνσταντινουπόλεως πατριάρχου αἰχβ», т. е. Кирилла, Константинопольскаго патріарха, 1622 года. Привѣсокъ къ панагіи въ видѣ полумѣсяца съ соединенными вверху рогами, украшенъ драгоценными камнями и финифтью. На возглавіи (въ видѣ четвероконечнаго креста; возглавіе это взято съ другой панагіи, которая была разобрана уже въ XVII в.) черное изображеніе (въ ростѣ) Спасителя, по сторонамъ два ангела съ орудіями страстей. Въ Москву панагія эта была привезена въ 1641 году грекомъ Константиномъ Астаѣевымъ, за нее царь далъ ему подарокъ въ 500 р.

Круглая золотая панагія (№ 5, размѣръ ея—2 в.), греческая, патріарха Парвенія († 1651 г.), представляетъ собою прекрасный образецъ золотого и финифтянаго искусства грековъ въ XVII вѣкѣ. Она по краямъ осыпана алмазами и яхонтами, съ большимъ осьмиграннымъ лазоревымъ яхонтомъ посрединѣ. Въ возглавіи небольшой золотой, осыпанный алмазами, четвероконечный крестъ, на задней сторонѣ котораго золотомъ наведена надпись: «Παρθενίου, πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως» (Парвенія, патріарха Константинопольскаго). На обратной сторонѣ панагіи по финифтяному полю золотомъ изображены Господь въ силахъ, посрединѣ Спаситель, благословляющій обѣими руками, кругомъ символы (поясные) евангелистовъ и херувимы. Фонъ—синяя и зеленая прозрачная финифть. По краю, по черному финифтяному полю золотая надпись: «Ὁ μονογενὴς Ζῖος (Ζῖος), ὁ ὢν εἰς τὸν κόλπον τοῦ Πατρὸς, φύλαξαι πάντας ἡμᾶς, τοὺς εἰς Αὐτὸν ἐλπίζοντας, ὡς κόρην ὀφθαλμοῦ ὑπὸ τὴν σκεπὴν αὐτοῦ» («Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, да сохранитъ всѣхъ насъ, на Него уповающихъ, яко зѣницу ока, подъ кровомъ Своимъ»). Въ Москву панагію эту принесли въ 1655 г. греческіе купцы Иванъ и Дмитрій Юрьевы, при грамотѣ отъ халкидонскаго митрополита Гавріила.

Изъ остальныхъ панагій укажемъ на слѣдующія: № 11—вторая панагія патріарха Іова—овальная, рѣзная на бѣломъ кораллѣ, золотая оправа украшена финифтью и обнизана жемчугомъ. Въ срединѣ панагіи на овальной же коралловой пластинкѣ $\frac{1}{8}$ вершка длиною, выпукло вырѣзано изображеніе Предста Царица (Спаситель правою рукою благословляетъ, въ лѣвой держитъ жезлъ, на головѣ корона въ видѣ круглой шапки. Богоматерь въ царской одеждѣ, съ зубчатымъ вѣнцомъ на головѣ. Іоаннъ Креститель одну руку простеръ молебнo, въ другой держитъ развернутый свитокъ предъ Спасителемъ). На широ-

кихъ поляхъ, со спусками по золоту между сканными жгутиками—мелкія травы, зеленой финифти. На поляхъ же прикрѣплены круглыя и четырехугольныя золотыя дробнички съ чернью (изображ. узловатаго креста), взятыя сюда съ Діонисіевскаго саккоса. На обратной сторонѣ панагіи по золоту рѣзныя черневые изображенія трехъ святителей, въ ростъ, съ надписями: «о а васіли, о а григори бго, іѡа злат.». Внизу сдѣлана слѣд. надпись: іѣрг (1595 г.) марта... *здѣлана бысть сія стая панагіа повельніемъ святишаго Иева патриарха Московскаго и всеа Русіи*».

Панагія № 17 сдѣлана изъ раковины, въ серебряной золоченой оправѣ, на ней вырѣзано изображеніе видѣнія Моисеемъ купины съ образомъ Богоматери, по сторонамъ—херувимы, по краямъ въ серебрѣ, въ гнѣздахъ, вставлены простые зеленые круглые камешки, на обратной сторонѣ подложена серебряная гладкая дощечка. По словамъ русскихъ путешественниковъ на Авонъ, основателемъ тамошней обители Ставро-Никиты, впослѣдствіи св. Николая, былъ константинопольскій патріархъ Іеремія I въ 1553 г. «Виною основанія было обрѣтеніе древней мозаической иконы святит. Николая, къ которой чуднымъ образомъ приросла перламутровая раковина. Рыбари, въ присутствіи патріарха, извлекли чудотворную икону сію изъ глубины морской и когда стали отдирать раковину, показалась какъ бы кровь на ликѣ святителя». Патріархъ приказалъ изъ одной половины раковины сдѣлать небольшое блюдо для возношенія части просфоры Богородичной, а изъ другой панагію, которою затѣмъ благословилъ русскаго патріарха Іова. На панагіи вырѣзана славянская надпись (сдѣлана, конечно, въ Москвѣ по полученіи подарка отъ патр. Іереміи I) съ текстомъ церковной пѣсни: «Достойно есть яко во истину»...

Панагія № 31—складная, принадлежавшая патріарху Гермогену.—Панагію составляютъ двѣ чашеобразныхъ половинки, повидимому, разнаго времени; на верхней изъ нихъ по золоту вырѣзано изображеніе Св. Троицы (ветхозавѣтной), съ надписью вокругъ: *»Благословенъ еси Хе Бенишъ, иже преоудрныя ловца явлей и пославъ имъ Дхъ стый, и тѣми оуловлей вселенную, члвколюбче слава Тебѣ*». На другой половинкѣ изображено «Знаменіе Богоматери» съ надписью кругомъ: «Честнѣйшую херувимъ»... На наружной сторонѣ верхней половины вставленъ топазъ, сквозь который просвѣчиваетъ снизу его подложенное (вѣроятно на бумагѣ) изображеніе Тихвинской Богоматери; кругомъ—прекрасный прорѣзной по серебру орнаментъ изъ сплетенныхъ травъ, плоской голубой и зеленой финифти, съ двумя литыми изображеніями ангеловъ. На наружной сторонѣ нижней половины панагіи вырѣзанъ осьмиконечный крестъ съ орудіями страданій (тростію и копіемъ) и надписью: *«Крстъ Хвъ хранитель всей вселенной, крстъ црковное ограженіе стлмъ благолѣпіе, крстъ цремъ держава, вѣрнымъ оутверженіе і по-*

хвала». Тутъ же на полѣ другая надпись вязью: *«Лѣта іѣри (7111—1603) іюля первымъ Базанскимъ митрополитомъ Гермогеномъ»*.

Панагія № 6—(размѣръ ея $3\frac{3}{4} \times 2\frac{3}{4}$ в.)—патріарха Филарета Никитича, круглая агатовая, обложена золотомъ, по краямъ—чеканныя травы съ финифтью. Панагія украшена драгоценными камнями. Цѣпочка серебряная золоченая. На агатѣ вырѣзано Знаменіе Богоматери. Въ описи патріаршаго имущества, оставшагося послѣ кончины Филарета Никитича, объ агатѣ, между прочимъ, замѣчено: «образъ взять у Севастійскаго митрополита, обложенъ у государя».

Другая панагія № 8—того же патріарха Филарета, золотая восьмиугольная, въ видѣ креста, съ частицами св. мощей и животворящаго древа креста Господня украшена драгоценными камнями и жемчугомъ; на верхней сторонѣ панагіи (размѣръ $2\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ в.) вырѣзано изображеніе Знаменія Богоматери, съ чернью. Цѣпочка для этой панагіи взята отъ другой.

Панагія № 27 (размѣръ $1\frac{1}{2} \times \frac{3}{4}$ в.) серебряная, золоченая, осьмиугольная, кругомъ обнизана жемчугомъ, на передней ея сторонѣ вырѣзанъ осьмиконечный крестъ, а назади—надпись: «іѣри (1642 г.) по благоати Стаго Духа въ семь ковчеще избранный (т. е. избирательный) жребій стѣйшаго Іосифа патриарха Московскаго и всея Русіи». Панагіи №№ 23, 22 и 15 принадлежали патріарху Никону.

Панагія № 10 золотая, въ видѣ осьмиугольной запоны, съ финифтяными изображеніями посреди крестообразно расположенныхъ яхонтовъ—Отечества (Богъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ; надпись: «Св. Троица») и четырехъ евангелистовъ (съ символами) и надписью кругомъ золотыми буквами по прозрачному зеленому полю: *«Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѡъ, исполнь небо и земля славы Твоя, осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ»*. На обратной сторонѣ панагіи по золоту разводами—мелкія финифтяныя травки и цвѣты, внизу золотомъ на зеленой травкѣ сдѣлана надпись: «1663. М. Ф.».

Панагія № 15 ($4 \times 2\frac{1}{2}$ в.) патріарха Адріана—золотая, звѣздообразная съ финифтяными изображеніями, украшена драгоценными камнями. Въ срединѣ ея, поверхъ алмазнаго креста финифтью наведено изображеніе Спасителя, въ ростъ, благословляющаго обѣими руками, по сторонамъ—два ангела, ниже—Богоматерь и Іоаннъ Богословъ съ надписью: «О АГІОѢ ІΩΝ». Характеръ изображенія фряжскій. На сквозныхъ рѣшетчатыхъ краяхъ финифтяныя травы; на оборотѣ, по краямъ, финифтяныя же листья на золотыхъ стебляхъ.

Другая панагія того же патріарха Адріана № 16 ($2\frac{1}{2} - 1\frac{1}{2}$ в.), золотая, въ видѣ осьмиугольной запоны, съ финифтью, на золотой цѣпочкѣ. Въ срединѣ ея на горномъ хрусталѣ по красному полю золотомъ изображены: съ одной стороны Благовѣщеніе, съ другой—крестъ съ предстоящими свв. Константиномъ и Еленою; по краямъ живописной финифтью, фрязью, вверху поясной Спасъ, по

бокамъ херувимы. Въ привѣскѣ у панагіи складное золотое сердечко съ латинскими буквами: «I. H. S.» т. е. Iesus Hominum Salvator» «M. A. R.» т. е. «Maria Angelorum Regina». — Панагія очень красива, работа, вѣроятно, какого-нибудь иностраннаго мастера, жившаго въ Россіи.

Панагія № 26 (2×1¼ в.) серебряная складная, съ литыми, чеканными и сканными украшеніями XIV вѣка, греческой работы; надписи на ней также греческія. Внутри половинокъ на одной

вырѣзано изображеніе Св. Троицы, на другой— Знаменія. На верхней сторонѣ первой половинки— литое прорѣзное изображеніе Вознесенія Господня. На оборотѣ другой половинки изображенъ вырѣзанный на черневомъ подзорѣ херувимъ, по краямъ также херувимы литые.

Панагія № 25 замѣчательна тѣмъ, что сдѣлана изъ одного изумруда чистой воды (величиною ¾ в.), кругомъ осыпана также изумрудами, на ней вырѣзанъ Спаситель на престолѣ.

Въ Патріаршей ризницѣ хранится также коллекція крестовъ,—напрестольныхъ, наперсныхъ, привѣсныхъ (къ иконамъ) и походныхъ или предносныхъ (которые были носимы предъ патріархами во время ихъ торжественныхъ выходовъ).

Изъ напрестольныхъ крестовъ особенно интересенъ № 13 — серебряный золоченый осьмиконечный крестъ, сканной работы, съ широкою верхнею перекладиною; въ средину его вставленъ большой кусокъ животворящаго древа креста Господня и небольшое финифтяное распятіе, позднѣйшей западной работы; внизу часть мощей св. великомученика Пантелеимона. Крестъ этотъ вкладывается въ другой большой кипарисный крестъ съ частицами мощей разныхъ святыхъ; внизу его на серебряной дощечкѣ сдѣлана надпись: „Въ семъ крестѣ самое животворящее древо, а строение сіи святой крестъ Германа митрополита Адриано-польскаго“. Крестъ этотъ подаренъ патріарху Никону царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ 5 февраля 1656 года ¹⁾.

Кресты №№ 15 (1719 г.) и 16 (1721 г.) — митрополита Воронежскаго и Елецкаго Пахомія Шпаковскаго.

Наперсныхъ крестовъ въ Патріаршей ризницѣ 10, привѣсныхъ 13, походныхъ 3.

Что касается до нѣкоторыхъ Аѳонскихъ рѣзныхъ деревянныхъ крестовъ, въ сканной оправѣ, съ финифтью,—то они заслуживаютъ вниманія потому, что сдѣланы съ греческихъ образцовъ и украшены русскими мастерами.

Патріаршихъ посоховъ сохранилось пять, — три патріарха Филарета Никитича и два патріарха Никона. Одинъ изъ Филаретовскихъ посоховъ сдѣланъ изъ чинароваго дерева (высота посоха 2 арш. 3½ в.) съ обложенными золотомъ и украшенными драгоценными камнями — возглавіемъ, тремя яблоками и наконечникомъ.

Второй посохъ также деревянный, обложенъ чеканнымъ серебромъ съ позолотою; украшенъ жемчугомъ и драгоценными камнями (бирюзами и винисами). На посохѣ вычеканена слѣдующая надпись: „Лѣта 7391 (1622) по благословенію стѣйшаго Филарета патріарха Московскаго и всея русіи здѣланъ бысть сии посохъ въ мѣсе мартѣ въ 16 числѣ“.

Третій деревянный же посохъ Филарета Никитича передѣланъ былъ при патріархѣ Адрианѣ. Обложенъ онъ 6-ью серебряными трубками съ

¹⁾ Рукопись Московской Патріаршей (Синодальной) Библіотеки. № 93, л. 15.

5-ью яблоками. На обложенномъ золотомъ возглавіи изъ рыбьей кости—надпись: „Филаретъ патріархъ Московскій и всея Росіи“, На одномъ яблокѣ по нижнему поясу: „ѣзса (1693) лѣта построилъ Адрианъ патріархъ всероссійскій“, по верхнему: „Правленія“ (т. е. жезлъ правленія), на второмъ яблокѣ: „Наказанія“, на третьемъ: „Оутверженія“, на четвертомъ: „Казненія“.

Одинъ изъ Никоновскихъ посоховъ янтарный утвержденъ на желѣзной проволоцѣ (получилъ его Никонъ въ даръ отъ Курляндскаго князя Якобуса въ 1658 году); другой посохъ серебряный сканный съ финифтью, высотой 2 арш. 2¹/₂ верш. Возглавіе посоха съ загнутыми кверху змиевидными головами.

Уцѣлѣло въ ризницѣ также семь ширинокъ, которыми (вмѣсто сулковъ) обвертывались посохи. Онѣ — бѣлой тафты, изъ нихъ двѣ шиты золотомъ и серебромъ, а пять украшены тканымъ золотымъ кружевомъ съ жемчугомъ.

Уцѣлѣло въ Патріаршей ризницѣ кое-что и изъ домашнихъ одеждъ московскихъ патріарховъ, — какъ-то четыре бархатныхъ рясы (три темнофіолетоваго цвѣта, а одна вишневаго, изъ нихъ двѣ съ широкими рукавами и двѣ съ узкими), халатъ изъ турецкаго золотнаго атласа по зеленой землѣ и бѣлая шляпа (изъ китайской шерсти) съ широкими полями, принадлежавшая патріарху Никону¹⁾.

Изъ предметовъ церковной утвари, хранящихся въ Патріаршей ризницѣ, отмѣтимъ слѣдующіе. Двѣ серебряныя лампы, на одной изъ нихъ вычеканена надпись вязью: „Лѣта ѣзрл (1622) здѣлана лампада при дер-

¹⁾ Первой одеждой патріарховъ, надѣвавшейся поверхъ сорочки или свиты, была «ряска», широкая одежда, съ прямой спиной, безъ талии, со складками по задней сторонѣ и съ узкими рукавами; на передней ея сторонѣ сверху до низу шелъ продольный разрѣзъ посрединѣ. Края разрѣза завязывались нашивками другого цвѣта, чѣмъ матерія ряски, или застегивались петлями на пуговицы. Нашивка и петли съ пуговицами шли по всей длинѣ разрѣза отъ воротника до подола; съ боковъ дѣлались внутренніе карманы или «сепи». Поверхъ ряски надѣвалась ряса (появившаяся у насъ при патріархѣ Никонѣ), съ широкими рукавами и пуговицами отъ ворота до груди. На рясу надѣвалась мантия, считавшаяся необходимой одеждой патріарховъ даже во время незначительныхъ пріемовъ или выходовъ. По обычаю того времени, никто изъ постороннихъ не долженъ былъ видѣть монашествующихъ лицъ безъ мантии. Волосы на головѣ патріархи подстригали и носили короткими (бѣлое же русское духовенство въ XVII вѣкѣ имѣло на головѣ особую тонсуру, т. е. выстригало известную часть волосъ въ видѣ кружка). На головѣ патріархи носили шапочку, имѣвшую полусферическую форму на подобіе современной скуфьи, только ниже ея. Патріархъ же Никонъ носилъ нѣчто подобное камилавкѣ. Клобуки патріаршіе были трехъ нарядовъ—большого (парадные), средняго и меньшаго (т. е. рядовые, или повседневные). Необходимо патріархи носили также панацию, четки и посохъ. Обувью патріарховъ служили сапоги или сапожки, башмаки и ботинки. Обувь эта дѣлалась изъ сафьяна лазореваго или зеленого, вишневаго, краснаго, чернаго персидскаго. Нерѣдко изъ кожи дѣлался только нижній станъ обуви, или такъ называемые союзы, остальная же часть была суконная или атласная, разныхъ цвѣтовъ. Къ каблукамъ прибавались металлическіе скобочки. Головнымъ покровомъ патріарховъ во время дѣтнихъ поѣздокъ была шляпа съ мелкой тульей и весьма широкими полями, зимою же—треухъ на подобіе капора съ тремя лопастями или лепестками,—двумя по бокамъ для согрѣванія ушей и третьимъ сзади—для тепла. Современныя сибирскія шапки—«пѣшки» значительно напоминаютъ треухъ XVII вѣка. На руки патріархи надѣвали рукавицы и вареги—шелковыя, замшевыя, иногда подбитыя пухомъ или мѣхомъ. У патріарха Адриана былъ «солнышникъ» (зонтъ), изъ изарбаеной матеріи, подложенной зеленой тафтой и укрѣпленной на китовыхъ усахъ; посохъ солнышника былъ изъ китайскаго дерева коричневаго цвѣта, а ручка изъ слоновой кости, наверху его былъ крестъ серебряный вызолоченный съ изображеніями на одной сторонѣ Распятія, на другой Воскресенія Христова. Были также и дождевыя зонтики—«шалатки суконныя, что носятъ надъ святѣйшимъ патріархомъ».

жавъ Гдря Цря и Великаго Кнзя Михаила Ѳеодоровита всея Росіи самодержца, по благословенію его Гсдрева Отца и бгмца Оиларета патріарха Московскаго и всея Россіи“; на другой: „Во славу Всетворца Бога и в честь Прстыя Двы Брцы Маріи устроена сія лампада велбніемъ великаго гсдина стбйшаго кгрб Андріана архіелискола Московскаго и всея Росіи и всбхъ сбверныхъ странъ патріарха въ его архиластырскую ризохранителницу, міроданія ꙗѣс лѣта, ржства же Ис Хрстова ꙗѣхчв мца марта“. Еще два серебряныхъ кадила, также XVII вѣка, серебряныя же (одно золоченое) наверху украшены каждою главою и крестомъ.

Серебряная золоченая чеканная ладанница (3×2½ в.) по крышкѣ (шатровой формы) и четыремъ сторонамъ украшена шестью чеканными изображеніями херувимовъ и цвѣтами. На днѣ ея вырѣзана надпись: „Лѣта ꙗѣрм (1632) марта въ день здѣлана бысть сія ладанница въ соборную црковь Прстыя Бдцы тстнаго и славнаго Ея Оусленія при патріаршествѣ Оиларета московскаго і всея Русіи, вѣсу в ней ꙗѣ рублевѣ ꙗѣ і алтынѣ і алтынѣ і сѣ лозолотой“ (=1 ф. 1 з.).

Чарка серебряная для церковнаго вина съ надписью: „ꙗѣрм (1653) феврала въ ꙗѣ день сей тарке великій гослодинѣ стбйшій Никонѣ патріархѣ Московскій и всея Русіи оуказалъ быти въ соборной цркви Оусленія Прстыя Бдцы для наливанія церковнаго вина въ бжственибѣй службѣ“.

Здѣсь же хранятся четыре серебр. кунгана (на одномъ изъ нихъ надпись: „далѣ патріархѣ Оиларетѣ ꙗѣ грив. ꙗѣ зол.“ (=1 ф. 26 з.), столько же серебряныхъ золоченыхъ лоханей для умовенія рукъ, двѣ мисы серебряныхъ для благословенія кутыи (надпись: „Миса Иосифа патріарха келейная“), кропило изъ горнаго хрустала въ серебряной оправѣ съ финифтью и бирюзами, 9 полотенецъ (одно изъ нихъ съ золотнымъ кружевомъ, жемчугомъ и камнями, — подарокъ патріарху Адріану въ 1696 году отъ царицы Параскевы Ѳеодоровны за поминовеніе царя Іоанна Алксѣевича) и четыре серебряныхъ золоченыхъ паннихидныхъ блюда, пожертвованныхъ императрицею Анною Іоанновною — одно въ Архангельскій соборъ (въ августѣ 1730 г. „для выноса на гробъ“ имп. Петра II-го), остальные — въ Вознесенскій монастырь (изъ нихъ одно — въ авг. 1730 г. на гробъ вел. княжны Наталіи Алксѣевны, другое — 18 сент. 1730 г. на гробъ государыни Ѳеодосіи Ивановны и третье — отъ того же дня на гробъ вел. княжны Маріи Ивановны).

Въ Патріаршей же ризницѣ хранятся серебряныя мироварныя сосуды — два котла, кадь, 4 ковшы, ситка, лопаточка (всѣ эти вещи устроены въ 1767 году); на кади и котлахъ читаемъ слѣдующую надпись: „По всевысочайшему и богоугодному повелѣнію благочестивѣйшія государыни, великія Екатерины вторыя, императрицы и самодержицы всероссійской, зделанъ сей сосудъ ко употребленію священнаго мироваренія в шестое лето благополучнаго ея величества царствования, а отъ ржства Хрста Спасителя въ 1767 году“; 16 кувшиновъ, устроенныхъ въ 1797 году (надписи: „Благочестивѣйшій самодержецъ всероссійскій Павелъ Петровичъ; предъ днемъ священнѣйшаго своего на царство помазанія, въ лѣто отъ рождества Спасителя 1797-е, удостоивъ высочайшимъ своимъ присутствіемъ Си-

нодальную Палату, гдѣ совершается мировареніе, соизволилъ повелѣть устроить сей сосудъ изъ серебра“).

Особенно интересенъ мѣдный *алавастръ* съ узкимъ горломъ (высота 11¹/₂ в.), покрытый перламутровою чешуею; преданіе относитъ происхождение этого сосуда къ началу христіанства въ Россіи, когда, будто бы въ немъ, было прислано св. миро въ Кіевъ изъ Константинополя, изъ Кіева же *алавастръ* попалъ въ Москву по перенесенію сюда кафедры всероссійскаго митрополита.

Сохранилась часть серебряной столовой посуды, принадлежавшей московскимъ патріархамъ, очень часто съ надписью о происхожденіи того или иного сосуда. Кубковъ уцѣлѣло 136. Изъ нихъ № 20 — даръ Бориса Годунова патріарху Іову, № 6 — принадлежалъ патріарху Іоасафу, №№ 36 и 22—Іоасафу, № 16 (съ гербомъ города Ганновера)—1653 г., № 8 былъ пожалованъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1656 году 12 іюня въ Смоленскѣ окольному и оружейнику Богдану Матвѣевичу Хитрову, № 9 съ надписью: „Гсдрю челомъ ударили нѣмцы Давыд Мколаев с товарищи рѣд генв. в 11 ден.“, — № 14 съ надписью: „Црце че уда думной дьякъ Иванъ Гавреневъ рѣс (1648) ѳев. ѳі де.“, на № 15: „Гсдрю челом удари казан... поса.. лю... рѣс (1648) мар. 11“, на № 23: „рѣд (1646) году гсдрю челом ударили кадавшевы“, на № 31: „Каз... п... челомъ ударили нижегородцы рѣѳ (1651) году“, на № 49: „Челомъ ударил Ѳедоръ Петровъ Строгановъ рѣв (1648) мая въ 3 де.“,—на 15-ти кубкахъ № 75: „Кубокъ патріаршъ погребной“, № 13—принадлежалъ Борису Петровичу Шереметеву, на немъ изображены слѣдующія сцены изъ книги Бытія Господь вдыхаетъ въ Адама духъ жизни, Онъ же изрекаетъ судъ на Адама и Евву по ихъ грѣхопадению, Адамъ воздѣлываетъ землю, Евва—простертая на землѣ; на кубкѣ гербъ графовъ Шаумбургскихъ въ Голштиніи и буквы: „EGZHSSHZG“—т. е. Ernst Graff zu Holstein, Shaumbourg Sternberg, Herr Zu G.. († около 1620 г.). На кубкѣ № 18—(изъ индійскаго орѣха) представлены: Единоборство Давида съ Голиаѳомъ, Смерть Авессалома и Судъ Соломона. № 60 принадлежалъ Ив. Мих. Шеину († 1634 г.), № 65—боярину Ѳедор. Ив. Шереметеву (1608—1645 г.).

Стопъ въ ризницѣ шесть. Изъ нихъ на одной надпись; „Стаканъ великаго гсдина преосвщеннаго Питирима, митрополита Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ, здѣланъ изъ каз.“; на другой: „Стопа великаго гсдина стѣйшаго Питирима патріарха Московскаго и всея Русіи, здѣла.. в лѣто 1672 декабря 11 днь“; на третьей: „Стопа великаго гсдина стѣйшаго Питирима патріарха Московскаго и всея Русіи, здѣла.. в лѣто 1673 генваря въ 1 днь“. На одной стопѣ времени царя Михаила Ѳеодоровича — написаны тропарь: „Спаси, Господи“ и кондакъ — „Вознесыйся на крестъ волею...“.

Кружекъ—14. № 5—патріарха Іосифа, № 10—1622 г. съ медальономъ, выбитымъ по случаю 700-лѣтія г. Магдебурга въ Саксоніи—въ честь основателя города германскаго имп. Оттона I († 973 г.). На № 15 надпись: „Стопа конюшего и боярина Димитрія Ивановича Годунова, далъ княіне

Олены Ивановне, а пита із нее на здравіе“. № 18—1635 года съ надписью: „H. DETHLOF. RANTZOW. R.“ (Голштинская графская фамилія) и съ изображеніями: Жертвоприношеніе Авраама, Ревекка подаетъ Еліезеру, рабу Авраама, чашу съ водою, Іаковъ отваливаетъ камень отъ устья колодезя для Рахили, которая пришла напоить овецъ.

Сохранилось въ Ризницѣ также восемь четвертинъ, четыре воронка, 83 стакана (изъ нихъ—одинъ боярина кн. Юр. Янышевича Сулешева, 1611—1649 г., 9 стакановъ боярина кн. Аѳанасья Вас. Ростовскаго ок. 1620 г., 10 стакановъ патріаршихъ казенныхъ, 10 патріаршаго казначея монаха Паисія Сійскаго, † ок. 1694 г., 7—патріарха Адріана, на одномъ изъ этихъ семи стакановъ въ трехъ клеймахъ вырѣзаны и наведены чернью изображенія девяти Кизическихъ (надобно замѣтить, что пат. Адріанъ будучи еще Казанскимъ митрополитомъ, основалъ тамъ Кизическій монастырь) мучениковъ: Θεогнида, Руфа, Антипатра, Магна, Θεодота, Θεостиха, Θавмасія, Артемы и Филимона. На одномъ стаканѣ—надпись: „Питие во утоленіе жажды члкомъ здравіе сотворяетъ, безмѣрное же вельми повреждаетъ, 1695) лѣта мѣа августа дня 7-го“.

Чарокъ—девять. На одной золотой, съ двуглавымъ орломъ на днѣ (черневое изображеніе), сдѣланы чернью надписи (вязь): а) „Василій Бжіею млтію Великій Гдрь всея росіи и Великій Кнзь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Тверскій, Смоленскій, Псковскій и иныхъ государствъ въ первое надесять лѣто (1515 г.) гсрства его“. в) „Чарка Цря Гсдря и Великаго Кнзя Михаила Θεодоровича всея росіи самодержца, а благословила его Гсдря на свѣтлое вскрсіе мати его блговѣрная Великая Гсдрыня инока Марѳа Ивановна въ четвертое лѣто гсдства его“ (1617 г.), „а дана чарка нѣг рубля сі алтынъ дѣ деньги“. На одной перламутровой, обложенной серебромъ, чаркѣ надпись: „Лѣта 1630) году, будучи въ Казани, воевода Томило Іюдичъ Луговской здѣлалъ про себя сию чарку, пити изъ нея всѣмъ на здравіе“. Двѣ чарки медвенныя московскаго дворянина Александра Петр. Митрополитова (ок. 1658—1668 гг.).

Изъ ковшовъ Ризницы—одинъ съ надписью: „ковшъ архіепискупа Іоасафа Псковскаго и Ізборскаго“ (1628—34 гг., съ 1634—42 патріархъ Московскій); на четырехъ: „ковшъ Максима Яковлева Строганова“ (1577—1639 г.). Братинъ—30. Вотъ надписи о происхожденіи нѣкоторыхъ изъ нихъ: „Братина патріаршая казенная домовая“, „Братина Филарета Патріарха Московскаго и всеа Росіи“ (такія 3 братины); „Братина домовая стѣйшаго Патріарха Іусафа“ (сдѣлана изъ кокосоваго орѣха съ крышкою); „Братина великаго гсдина стѣйшаго Іоасафа Патріарха Московскаго и всеа Росіи“ (такихъ 5); „Строилъ сию братину Преосвященный Павелъ, митрополитъ Сибирскій“ (1678—92 гг.); „Братина сокольничева Сергѣя Васильевича Измайлова“; „Братина Можайскаго Никольскаго попа Евдокима Иванова, пити изъ нея на здравіе“; „Братина Тимоѳея Елизарьевича Маракушева“ (писецъ при ц. Θεодорѣ Алексѣевичѣ); „Братина Александра Петровича Митрополитова“ (2 братины); „Братина Ивана Тарасьевича Грамотина“ (думный дьякъ 1620—46 гг., съ 1606—20 гг.).

просто дякъ); „Григорья Васильевича Измайлова“ (воевода, около 1618 г.); „Братина Савелья Стахѣва сна Дубенскаго“, на той же братинѣ: „К. И. Б. Ч.“ (т. е. кн. Ив. Борис. Черкаскаго, ок. 1613—42 гг.). Слѣд. надписи изъясняютъ назначеніе братинъ: „Братина добра человѣка пити изъ нея на здравіе всякому доброхотящему человѣку, благодаря Бога и моля за Гсдря“; „Братина круглообразное дѣланіе, въ ней же вливаемо премѣненіе разума и возвращеніе нрава и сокровеннымъ тайномъ всѣмъ объявленіе“.

Изъ 52 блюдъ Ризницы на 20-ти подписъ: „Блюдо Иосифа патриарха келейное“ (на 6-ти кромѣ того: „Б. Д. К. А. М. Л.“, т. е. боярина дворецкаго кн. Алексѣя Михайловича Львова, ок. 1627—49 гг.), на 12-ти: „Свѣтѣйшаго патриарха домовья казны“; на 3-хъ: „рчд (1686 г.) г. марта въ ѣе блюдо Патриарши Ризницы“. На двухъ мисахъ надписи; „Бжіею милостию црь и великій кнзь Михайло Федоровичъ и всея русии самодержецъ“. На лохани двѣ надписи: а) „Блюдо конюшего и боярина Дмитрія Ивановича Годунова“ († около 1603 г.), „далъ въ домъ живоначалной Троице выпацкой“ (Ипатьевскій) „монастырь“; в) „Лохань конюшего и боярина Дмитрея Ивановича Годунова отдалъ жене моей Стефаниде Ондрѣевнѣ“. Надписи на тарелкахъ: на 12-ти „свѣтѣйшаго патриарха домовые казны“, на 6-ти: „К. Ю. Я. С.“ (т. е. кн. Юр. Янышевича Сулешева), на одной: „П. К. М. Паисія Сійскаго“; на другой: „Торѣлка Великаго Гсдина всесвѣтѣйшаго кнр Адріана архіепскапа црствующаго града Москвы и всея рсїи и всѣхъ свѣрныхъ странъ патриарха, лѣта 1695 іуна 13 числа; вѣсу в ней ѡв золотника“.

Одна солонка, двѣ перечницы. Россольники, одинъ кн. Ив. Алексѣев. Воротынскаго († около 1680 г.) и два—кн. Юр. Яныш. Сулешева. Три ложки, на одной изъ нихъ: „Ложка преосвещеннаго Питирима, митрополита Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ“. 16 ножей и 3 вилки, „усольскаго дѣла“, съ финифтью. Одинъ ножъ съ хрустальнымъ черенкомъ (украшенъ тремя серебряными съ финифтью поясками), XVII в., принадлежалъ архимандриту Возмицкаго монастыря Аѳиногену. Четыре серебр. подсвѣчника, 8 шандаловъ и 1 щипцы. Чашка съ крышкой кн. Ив. Борис. Черкаскаго († 1642 г.). „Чарка Макъсима Яковлева сна Строганова“. Четыре чашки серебряныхъ съ разноцвѣтною финифтью. Двое карманныхъ часовъ серебр. золоченыхъ. На однихъ—на одной сторонѣ изображены патриаршая печать съ благословляющей рукою и буквы: „Ч. П. Ѡ“ (часы патр. Филарета), на другой—одноглавый орелъ съ распростертыми крыльями. Вторые часы—патр. Никона. Стеколъ на обоихъ часахъ нѣтъ, а есть вмѣсто нихъ въ каждомъ прорѣзная рѣшетка. 5 паръ очковъ въ сер. золоченыхъ футлярахъ. Два патриаршихъ гребня (черепаховый и костяной на послѣднемъ, который обдѣланъ въ серебро съ горнымъ хрусталемъ и украшенъ камнями, надпись: „1692 года свѣтѣйшій патриархъ“. Въ ризницѣ же хранится девять серебряныхъ патриаршихъ печатей и одна мѣдная—св. Иннокентія, епископа Иркутскаго.

Въ Патриаршей же ризницѣ хранится немало весьма интересныхъ

предметовъ и изъ другихъ собраній, напимѣръ, изъ ризницъ Московскихъ Кремлевскихъ соборовъ—Успенскаго и Архангельскаго. Среди всѣхъ этихъ сокровищъ особеннаго вниманія любителей древняго искусства заслуживаетъ переданное въ Ризницу изъ придворнаго Архангельскаго собора—Славянское Мстиславово Евангеліе, получившее свое названіе по первому владѣльцу великому князю Мстиславу Владиміровичу.

Написано было это Евангеліе, вѣроятно, около 1103 года, когда Мстиславъ княжилъ въ Новгородѣ, сыномъ пресвитера Алексію Лазаревымъ, «на благословеніе Пресвятѣй чистѣй Владычицы нашей Богородицы». (Въ 1103 году, по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, Мстиславъ «заложи церковь каменную Благовѣщенія на Городищѣ»). Интересна слѣдующая приписка въ послѣсловіи къ рукописи, сообщающая намъ нѣкоторыя указанія на изготовленіе знаменитаго оклада на Евангеліе: «Азь рабъ Божій недостойный, худый, грѣшный, списахъ памяти дѣля царю нашему и людемъ о скончаніи Евангелія, еже башеть казалъ Мстиславъ князь худому Наславу и возивъ Царюграду и учинихъ химипеть, Божією же волею возвратихся исъ Царягорода и справихъ все злато и сребро и драгый камень, пришедъ Киеву, и скончася все дѣло мѣсяца августа въ 20. цѣну же Евангелія сего единъ Богъ вѣдае». Покойный Г. Д. Филимоновъ, посвятившій разсматриваемому Евангелію двѣ статьи («Дополнительныя свѣдѣнія къ исторіи Мстиславова Евангелія» и «Археологическія изслѣдованія по памятникамъ. Окладъ Мстиславова Евангелія. Разборъ древнѣйшихъ финифтей въ Россіи. Москва. 1861 г.») слово *химипеть* понимаетъ въ смыслѣ *финифть* (отъ греческаго *χρυσός*, *χρυσός*). Князь Мстиславъ Владиміровичъ, по окончаніи переписки Евангелія, поручилъ нѣкому Наславу отправиться въ Царьградъ, гдѣ процвѣтало финифтяное и золотыхъ дѣлъ мастерство, и купить тамъ финифти для оклада; послѣдній же былъ пристроенъ уже въ Новгородѣ, по возвращеніи Наслава изъ поѣздки. Евангеліе до 1551 года хранилось въ Новгородской церкви Благовѣщенія, на Городищѣ. Въ 1551 году окладъ былъ обновленъ, какъ это видно изъ слѣдующей приписки предъ началомъ Евангелія: «По милости Божіи и Пречистой Богородицы обновлено быс(ть) святое Евангеліе в великомъ Новѣградѣ честнаго храма Пречистые Богородици честнаго ея и славнаго Благовѣщенія на Городище, въ лѣт(о) 7059, іюля, повелѣніемъ благочестиваго царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, при паствѣ господина пре(о)-священнаго Серапіона, архіепископа Великаго Новграда и Пскова». Современный окладъ Евангелія, по словамъ Г. Д. Филимонова, представляетъ на серебряной позолоченой сканной доскѣ разновременное и разнохарактерное собраніе финифтей, распадающееся, по характеру начертанія, формату и подписямъ, на четыре главныхъ разряда. Двѣ золотыхъ дощечки формата

продолговатаго четырехугольника, съ изображеніемъ двухъ стоящихъ апостоловъ, X столѣтія пять квадратныхъ дощечекъ, съ изображеніемъ Деисуса и Престола Господня, XI столѣтія; шесть дощечекъ пятиугольныхъ, съ острымъ угломъ вверху, изображающихъ Спасителя и пять мучениковъ, XII столѣтія; запона, окружающая середникъ, съ изображеніями поясныхъ евангелистовъ, херувимовъ и стоящихъ архангеловъ, XVI столѣтія. Лучшимъ украшеніемъ оклада являются два очень небольшія ($7/8 \times 3/8$ в.) финифтяныя изображенія (въ ростъ) апостоловъ Іакова и Варфоломея. Оба апостола безъ обуви, стоятъ на подушкахъ зеленаго цвѣта. У Іакова десница молебная, въ шуйцѣ свитокъ, волосы на головѣ и бородѣ черные, борода раздвоенная; нимбъ вокругъ головы голубой съ красной каймою. У ап. Варфоломея волосы на головѣ и бородѣ (она окладистая) свѣтло-голубого цвѣта (съ просѣдью), правая рука благословляющая, въ лѣвой—бѣлый закрытый свитокъ; нимбъ вокругъ головы зеленый. Пять финифтей XI вѣка ($3/4 \times 3/4$ в.) размѣщены вокругъ середника крестообразно. Небезъинтересна композиція изображенія Престола Господня (надпись «Прес. Гнь»). На престолѣ, на покрытой пеленой овальной подушкѣ (она зеленая, съ золотыми крестами на ней посрединѣ, съ красной каймой, украшенной бѣлыми точками, — жемчугомъ) лежитъ Евангеліе, въ бѣломъ окладѣ съ зелеными середникомъ и четырьмя наугольниками. Пелена голубая, съ золотыми тѣнями. Св. Духъ представленъ въ видѣ голубя, стоящаго надъ Евангеліемъ, онъ свѣтло-голубого цвѣта, шея красная, крылья красныя съ бѣлымъ. Предъ престоломъ—подножіе голубя съ красною каймою и четырьмя бѣлыми украшеніями. За престоломъ—орудія страстей Христовыхъ,—голубые: крестъ, копьё и трость и красная губка. Внутри креста золотымъ очеркомъ проложенъ другой крестъ. Изображенія Богоматери, Іоанна Крестителя и апостоловъ Петра и Павла представляютъ собою уцѣлѣвшія части полнаго Деисуса (не достаетъ фигуръ Спасителя и двухъ архангеловъ). Богоматерь представлена съ наклоненною (направо) головою, руки воздѣты; головной покровъ свѣтло-зеленый съ бѣлою каймою, на немъ и на правомъ плечѣ бѣлые кресты; верхняя одежда синяя, нижняя—свѣтло-голубая, одно нарукавье краснаго цвѣта, другое—зеленаго, нимбъ на головѣ свѣтло-голубой. Св. Іоаннъ Креститель изображенъ съ длинными, на головѣ взъерошенными, по плечамъ раздѣляющимися на косы, волосами, борода раздѣлена на четыре космы; руки воздѣты

Апостоль Петръ одѣтъ въ свѣтло-голубую тунику и синій плащъ; волосы на головѣ и борода свѣтло-голубого блестящаго цвѣта, зрачки и бровь черные; десница благословляетъ троеперстно, въ шуйцѣ закрытый свитокъ. У апостола Павла усы, борода (раздѣлена на три космы) и волосы на головѣ (съ двумя ниспадающими на лобъ кудрями) темно-лазоревые; одежды такія же, какъ и у ап. Петра и Иоанна Крестителя; поддерживаемое обѣими руками на груди Евангеліе въ красномъ окладѣ съ синимъ середникомъ и наугольниками. Нимбы у Предтечи и апостоловъ Петра и Павла свѣтло-зеленые съ красной каймою; на нимбѣ у ап. Петра едва замѣтный золотой орнаментъ. Среди оклада на финифти же изображенъ Спаситель, по сторонамъ Его—пять мучениковъ (безъ надписей), въ которыхъ Филимоновъ видитъ свв. Димитрія и Георгія Солунскихъ, Θεодора Стратилата, князей Бориса и Глѣба. Размѣръ каждой изъ этихъ шести финифтей: $1 \times \frac{3}{4}$ в. Всѣ фигуры — поясныя, прямоличныя. Спаситель десницею благословляетъ, въ шуйцѣ держитъ бѣлый свитокъ. Три раздѣленія вѣнца Спасителя обозначены бѣлымъ полемъ съ красными каймами и такими же точками. Верхняя одежда на Спасителѣ темносиняя, нижняя свѣтло-зеленая, нарукавья желтая. На мученикахъ Георгіи, Димитріи и Θεодорѣ облаченія въ три одежды; у двухъ мучениковъ-князей у Бориса и Глѣба на головахъ княжескія шапки съ мѣховою опушею; верхнія одежды—княжескія, застегнутыя ниже шеи запонами. Каждый изъ пяти мучениковъ въ правой рукѣ держитъ четвероконечный крестъ. Волосы, брови и зрачки у всѣхъ сдѣланы черною финифтью, губы красною, носъ и глаза, кромѣ зрачковъ, золотыми очерками. Цвѣтъ тѣла густой свѣтло-розовый. «Замѣчательно, — говоритъ Филимоновъ, — что усы и бороды нѣтъ ни у одного изображенія этой коллекціи; признакомъ же возраста служитъ особый знакъ, который намъ не удавалось еще встрѣтить на другихъ памятникахъ. Для обозначенія средняго возраста съ небольшою бородою и усами проходитъ ниже горла золотой изгибъ, быть можетъ, грудной ключицы, котораго мы не встрѣчаемъ на лицахъ юнаго возраста. Такого рода изгибъ находимъ мы только у трехъ изображеній, а именно у тѣхъ, которыя, по правиламъ иконографіи, должны быть именно съ небольшими бородами»... Первое, что бросается въ глаза, при сравненіи шести финифтей съ прочими того же оклада, это отсутствіе въ составѣ ихъ красокъ той прозрачности, которая характеризуетъ лучшія произведенія византійской эмали и замѣчается на всѣхъ

прочихъ памятникахъ этого оклада. Краски шести финифтей не только не блестящи, но совершенно тусклы, грубы, почти вовсе безъ тѣней. Нѣкоторые недостававшіе цвѣта замѣнены весьма неудовлетворительно другими, кое-гдѣ даже прямо золотымъ очеркомъ. Финифтяная масса, будучи неудачно расплавлена при обжиганіи, сохранила до сихъ поръ мѣстами слѣды углубленій отъ пузырей, и тѣмъ еще болѣе способствовала къ искаженію рисунка. Рисунокъ самъ по себѣ не отличается правильностью, напротивъ, угловатъ, сухъ и невѣренъ; послѣднее особенно замѣтно въ очертаніи отдѣльныхъ частей и грубомъ соединеніи ихъ съ цѣлымъ, на примѣръ, уши естественно приставлены за щеки. Въ положеніи фигуръ ощущается недостатокъ движенія, а въ выраженіи типовъ опредѣленности. Видно, что эти финифти исполнены рукою не лучшаго мастера и скорѣе принадлежатъ ко времени упадка чѣмъ процвѣтанія древней византійской эмали. Начало XII столѣтія, повидимому, должно служить самымъ дальнимъ срокомъ ихъ существованія, также какъ мѣстомъ происхожденія едва ли не Россія. Наконецъ, на запонѣ, окружающей середникъ, изображены—вверху и внизу отъ изображенія Спасителя шестокрылые херувимы, по бокамъ его—по стоящему архангелу, по четыремъ угламъ — евангелисты. «Тогда какъ всѣ разсмотрѣнные нами прежде финифти исполнены, соответственно разнымъ частямъ, различными цвѣтными составами въ углубленіяхъ, сдѣланныхъ въ золотыхъ дощечкахъ и въ промежуткахъ золотыхъ стѣнокъ, изображенія на этой бляхѣ исполнены всего только въ три цвѣта составами, положенными прямо на поверхность или въ весьма незначительное углубленіе золотой дощечки, посредствомъ которой обозначенъ самый цвѣтъ тѣла изображеній. Перваго рода производство финифти можно назвать вставочнымъ, инкрустированнымъ, мозаичнымъ; второе — накладнымъ, наведеннымъ сверху. Произведенія перваго рода финифтянаго дѣла называются въ нашихъ старыхъ описяхъ утворенными муссіею, муссіею въ финифтахъ, т. е. финифтяною мозаикою, вѣроятно, по сходству ихъ съ мозаикою, втораго—наведенными финифтью и общимъ именемъ финифтей. Послѣднія составляютъ средину между инкрустированными финифтями и собственно финифтяною живописью». Финифти на этой запонѣ, XVI вѣка, исполнены въ Новгородѣ.

Прекрасное фототипическое изданіе этого замѣчательнаго памятника недавно (съ текстомъ П. К. Симони) сдѣлано Обществомъ Любителей древней письменности.

Въ витринѣ съ разною церковною утварью въ Патріаршей ризницѣ обращаетъ на себя особое вниманіе посѣтителя яшмовые сосуды, поступившіе въ ризницу изъ Успенскаго собора и приписываемые преданіемъ преподобному Антонію Римлянину (XII в.).

Потиръ сдѣланъ изъ сѣрой яшмы, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. По краю чаши врѣзана зо-

лотая надпись (крупнымъ уставомъ): «ШЕТЕ ЕЕ АΥΤΟΥ ΠΑΝΤΕΣ». На чашѣ же, съ двухъ сто-

ронъ, на двухъ круглыхъ золотыхъ плащахъ (каждый изъ нихъ въ діаметрѣ имѣетъ около вершка) по золотому фону наведены финифтью изображенія Св. Троицы (ветхозавѣтной) и орудій страстей Христовыхъ. Цвѣта эмали—зеленый, голубой, бѣлый и черный. Композиція Св. Троицы—обычная, простая. Три ангела, въ зеленыхъ нимбахъ, одѣтые въ верхнія темнозеленыя и нижнія свѣтлозеленыя одежды, сидятъ за круглымъ столомъ (верхъ стола бѣлый, бока зеленые, низъ съ зеленымъ оттѣнкомъ, середина голубая; подножія темно-голубыя); крылья у ангеловъ зеленыя, у плечъ же голубыя; волосы на головахъ черныя; лица бѣлыя. На другомъ плащѣ представленъ зеленый четвероконечный крестъ, водруженный на Голгоѣѣ, зеленаго же цвѣта, надъ головою Адама. Надъ крестомъ развернута хартія съ черными буквами: «INKI», по угламъ средокрестья—«IC—XC», «N—K». По сторонамъ бѣлыхъ орудій—копья и трости—монограммы. Весь потиръ снаружи испещренъ золотомъ и камнями. Дискосъ къ этому потиру, приготовленный изъ подобной же яшмы, имѣетъ форму круглой тарелочки, безъ поддона, оправленной золотымъ ободкомъ съ насѣчкою. На внутренней сторонѣ диска, на золотомъ кружечкѣ (онъ 1¼ верш. въ діаметрѣ) финифтяное изображеніе «Агнца» въ видѣ обнаженнаго Богомладенца, лежащаго среди чаши на поддонѣ; нимбъ на головѣ Спасителя черный. Спаситель покрытъ звѣздицею. Чаша внутри зеленая, въ ногахъ же Богомладенца черная, края ея голубые; поддонъ черный, съ зелеными краями. По сторонамъ изображенія въ яшму врѣзаны четыре золотые четвероконечные креста. Звѣздица золотая, съ греческою надписью по ея дугамъ: «ΤΟΝ ΕΠΙΝΙΚΗΟΝ ΥΜΝΟΝ ΙΑΛΟΝΤΑ ΒΟΩΝΤΑ ΚΕΚΡΑΓΟΤΑ ΚΑΙ ΛΕΓΟΝΤΑ: ΑΓΝΟΣ ΑΓΝΟΣ ΑΓΝΟΣ». Лжица простая, золотая. Рукоять копья круглая, яшмовая, съ золотымъ врѣзаннымъ разводомъ. Эмаль на всѣхъ этихъ пред-

метахъ грубая, сильно изрытая, и подходит болѣе на поливу на кафляхъ, чѣмъ на эмали по золоту. Ученый изслѣдователь эмалей, приписываемыхъ св. Антонію Римлянину и Андрею Боголюбскому, указываетъ на сходство разсматриваемыхъ сосудовъ по работѣ съ нѣкоторыми произведеніями, хранящимися въ Московской Оружейной Палатѣ и поднесенными въ первой половинѣ XVII в. турками и греками изъ Цареграда царямъ Михаилу Ѳеодоровичу и Алексѣю Михайловичу. Даже больше того, — автору посчастливилось найти и интересный документъ, указывающій происхожденіе этихъ сосудовъ. Вотъ это драгоценное свидѣніе. 26 февраля 1632 года патріарху Филарету Никитичу «цареградскій жилецъ гречанинъ Юрій Понагетъ отъ себя челомъ ударилъ сосудъ церковный потиръ—яшма празелена, оправленъ золотомъ, кругъ поддона облитъ золотомъ, около Троицы и Креста обложено золотомъ. Троица и Крестъ утворенъ мусією, а въ потирѣ 160 камней яхонтовъ червчатыхъ и въ томъ числѣ межъ Троицы четыре яхонта, да въ поддонѣ 20 яхонтовъ небольшихъ да 136 яхонтиковъ мелкихъ, да 4 яхонта лазоревыхъ, въ поддонѣ и въ яблочки 8 яхонтовъ лазоревыхъ побольшихъ, да 8 яхонтовъ лазоревыхъ меньшихъ тѣхъ, да 8 изумрудовъ, да 12 изумрудцовъ маленькихъ. Золота по смѣтѣ 48 з.; цѣна потиру 451 р. 6 алт. 4 деньги. Блюдо и копье—яшма празелена, оправлена въ золотѣ; въ блюдѣ и копьѣ вырѣзвано золото, у копья желѣзо булатное, вверху у копья яхонтъ черватъ; звѣзда золота, по ней слова рѣзаны греческія, у звѣзды яхонтъ лазоревъ. Лжица золота, въ стеблѣ 7 яхонтовъ червчатыхъ да изумрудецъ; въ блюдечкѣ и въ звѣздѣ и во лжицѣ золота по смѣтѣ 30 золотникъ; цѣна блюдечку и копью и звѣздѣ и лжицѣ 71 р. 26 алт.». Сосуды поступили отъ патріарха въ Большой Успенскій соборъ.

Хороши въ той же витринѣ предметовъ изъ ризницы Успенскаго собора золотые сосуды, съ финифтяными клеймами, украшенные драгоценными камнями (изумрудами, яхонтами и рубинами). Въ потирѣ, звѣздицѣ, дискосѣ и двухъ блюдахъ—30 ф. 58 з. золота. Это—вкладъ царя Ѳеодора Алексѣевича въ Успенскій соборъ, какъ гласитъ о томъ слѣдующая надпись на поддонѣ потира: „Повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца сіи сосуды златые построены въ соборную церковь Успенія Пречистыя Богородицы въ лѣто 7188 апрѣля 6 день“.

Сіонъ малый, или Іерусалимъ—представляетъ собою одноглавую церковь съ тремя закоморами вверху (дугообразными уступами), въ нихъ чеканныя фигуры ангельскихъ головъ; между столбиками: Спаситель, Богоматерь, Іоаннъ Предтеча, св. апостолы Іоаннъ, Маркъ, Матѣей, Лука, Петръ, Павелъ, Іаковъ, Андрей и Симонъ. На поясѣ храма сдѣлана слѣдующая надпись: „Въ лѣто ꙗщд сдѣлан бысть сі Іерусалим повелѣніемъ

благовѣрнаго и христоролюбиваго великаго князя Ивана Васильевича господаря всея Руси въ кд лѣто господарства его, въ црковь Успенія Прчтыя и ко гробу чюдотворца Петра на Москвѣ“. Размѣръ этого Сіона: $1\frac{7}{8}$ арш. \times \times 5 в., вѣсу въ немъ 11 ф. 67 з.

Здѣсь же на нижней полкѣ витрины стоитъ и Сіонъ большой (высотою 1 арш. 5 вер., вѣсомъ 1 п. 11 ф. 7 з.); между его колоннами помѣщены рельефы 12-ти апостоловъ, наверху, въ закоморахъ, четыре пророка, окруженные крылатыми звѣрями и травами. Надпись на этомъ Сіонѣ та же, что и на маломъ. Сіоны эти при соборномъ служеніи ставились на престолъ и выносились на маломъ входѣ, а также и въ крестныхъ ходахъ. Подобные ковчеги сохранились и въ древнихъ соборахъ Новгородскомъ и Псковскомъ.

Изъ Евангелій обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. Евангеліе въ поллистъ, писанное уставомъ XV в. (на бумагѣ); верхняя доска серебряная золоченая съ финифтяными изображеніями (по зеленому фону) Распятія Іисуса Христа, съ предстоящими, въ наугольникахъ четыре Евангелиста. Финифть во многихъ мѣстахъ выкрошилась; въ наугольникѣ съ изображеніемъ Евангелиста Марка не достаетъ серебряной колонки. Нижняя доска и корешокъ обложены краснымъ бархатомъ. Евангеліе это въ августѣ 1499 г. пожертвовано въ Успенскій соборъ митрополитомъ Симономъ.

Евангеліе славянское, на пергаментѣ, въ листъ, писанное въ два столбца уставомъ XV в. Верхняя доска золотая, на ней въ срединѣ представлены Воскресеніе Христово (въ видѣ Сошествія Іисуса Христа во адъ) и символы евангелистовъ, вверху, внизу и по сторонамъ двѣнадцать апостоловъ съ архангелами, по угламъ же святители Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, св. Николай и 4 херувима. Нижняя доска и корешокъ обложены краснымъ бархатомъ, съ золотыми наугольниками и середникомъ, съ драгоценными украшеніями. Евангеліе это пожертвовано бояриномъ Б. М. Морозовымъ въ 1669 году.

Евангеліе же печатное, даръ царицы Натальи Кирилловны; верхняя и нижняя доски золотыя,

покрыты финифтяными изображеніями и

массою драгоценныхъ камней. Въ

Евангеліи вѣсу болѣе 2 пудовъ.

Золотые вѣнцы брачныя—

также происходятъ изъ

ризницы Успен-

скаго со-

бора.

Александръ Успенскій.

Москва.

9 марта 1904 г.

Т II 6 II.

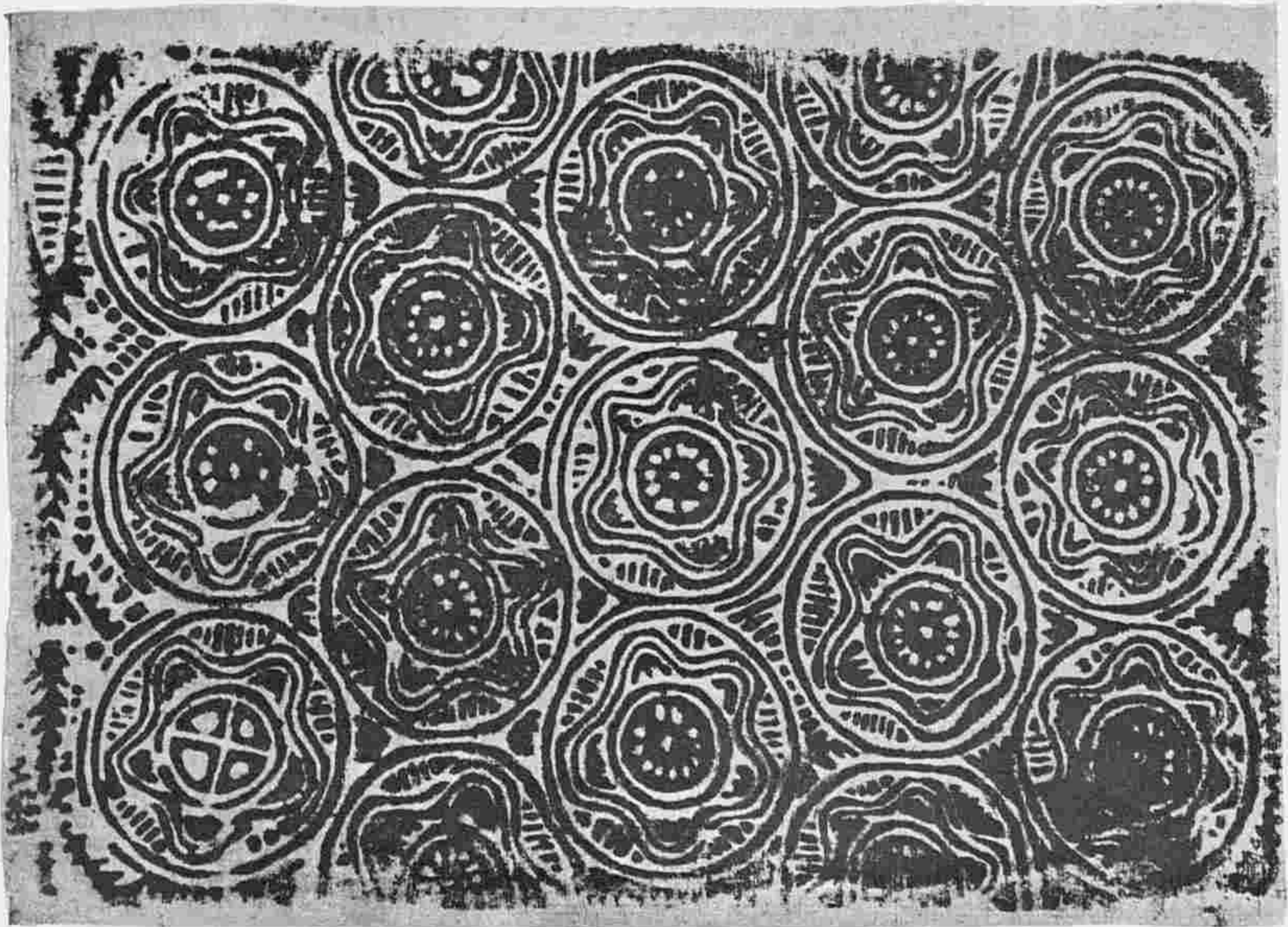
ПАРТЪОЕ ТЪОР
ЧЕСТЛО РСКА
ГО СЪБЕРА

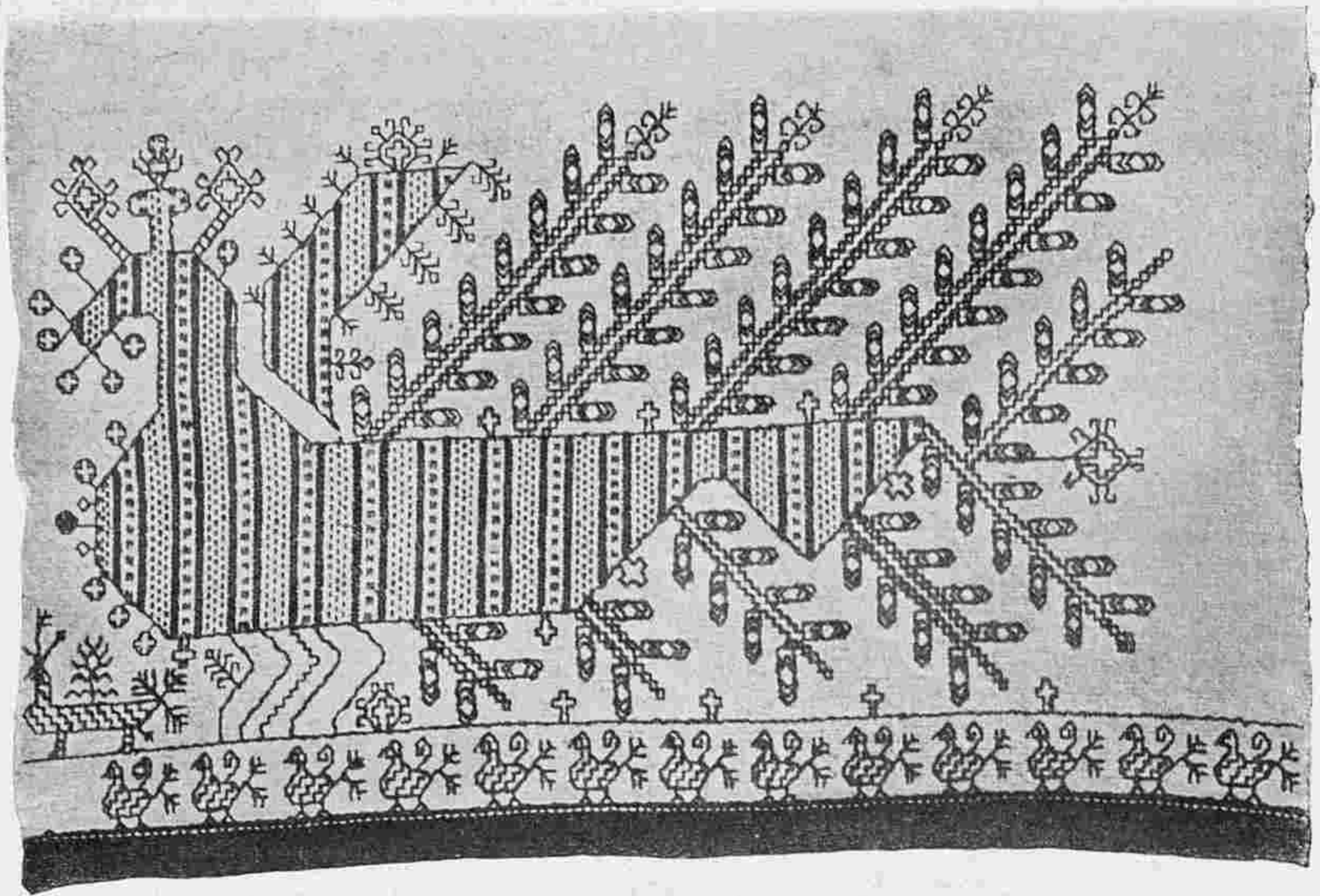

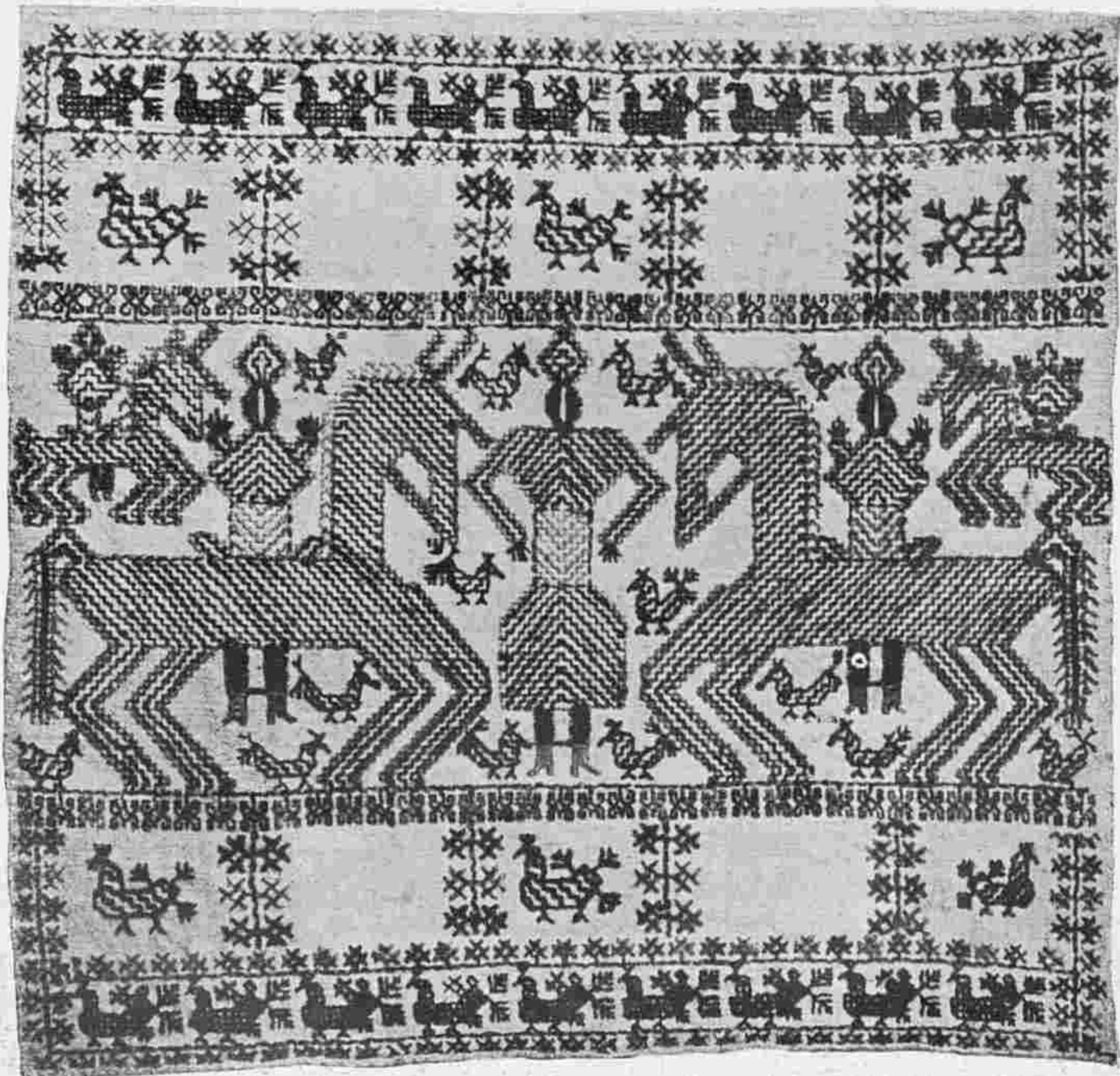
74

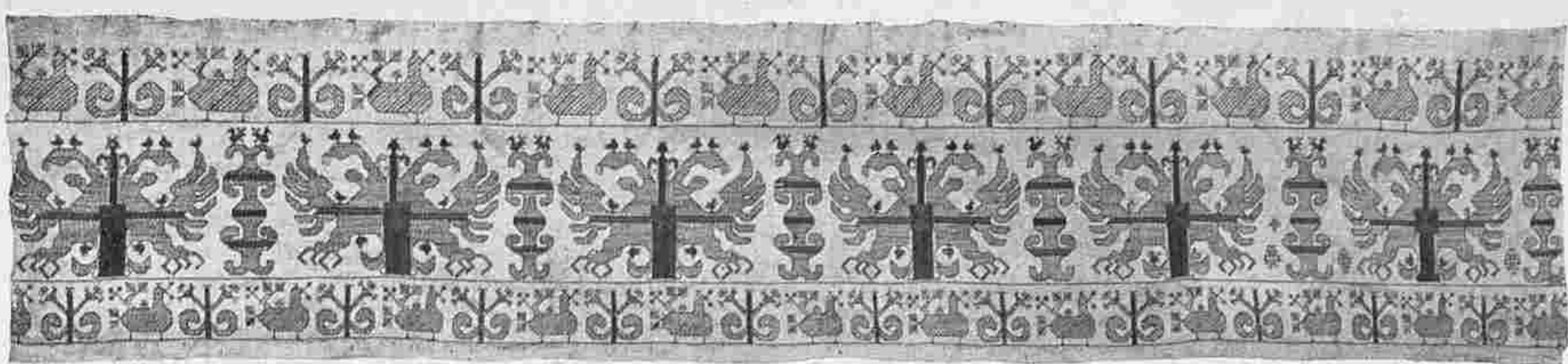
Церкви въ погостъ Кижѣ (Петрозаводскаго уѣзда). — Набойка съ большихъ досокъ.
Eglises à Kiji du XVIII s. (district de Petrozavodsk). — Toile imprimée (naboïka).

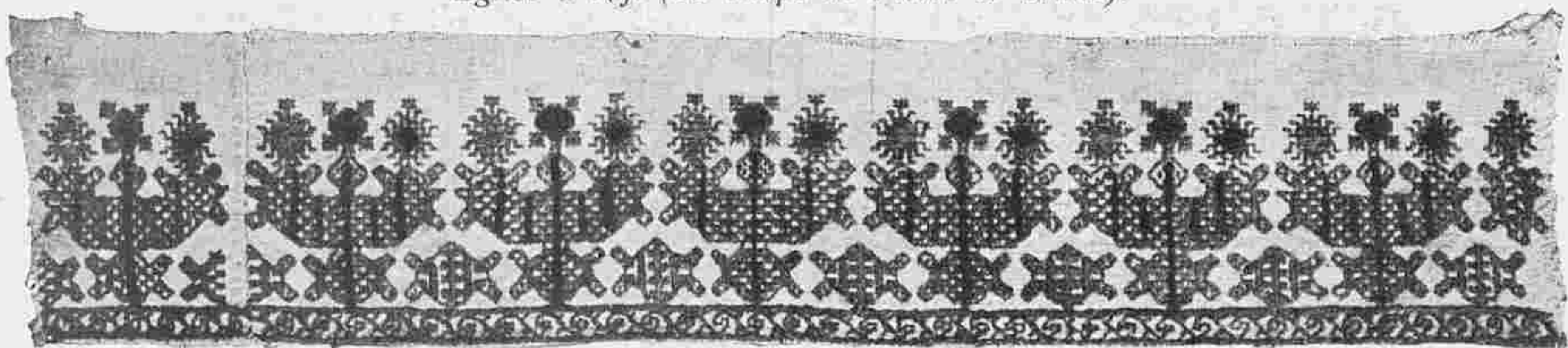
*„Пава-птица“ (конецъ полотенца).
Bordure d'essuie-main, représentant un oiseau fantastique.*

*„Кони“ (конецъ полотенца).
Broderie représentant des cavaliers.*

Погостъ Кижи.
Eglise à Kiji (du temps de Pierre le Grand).

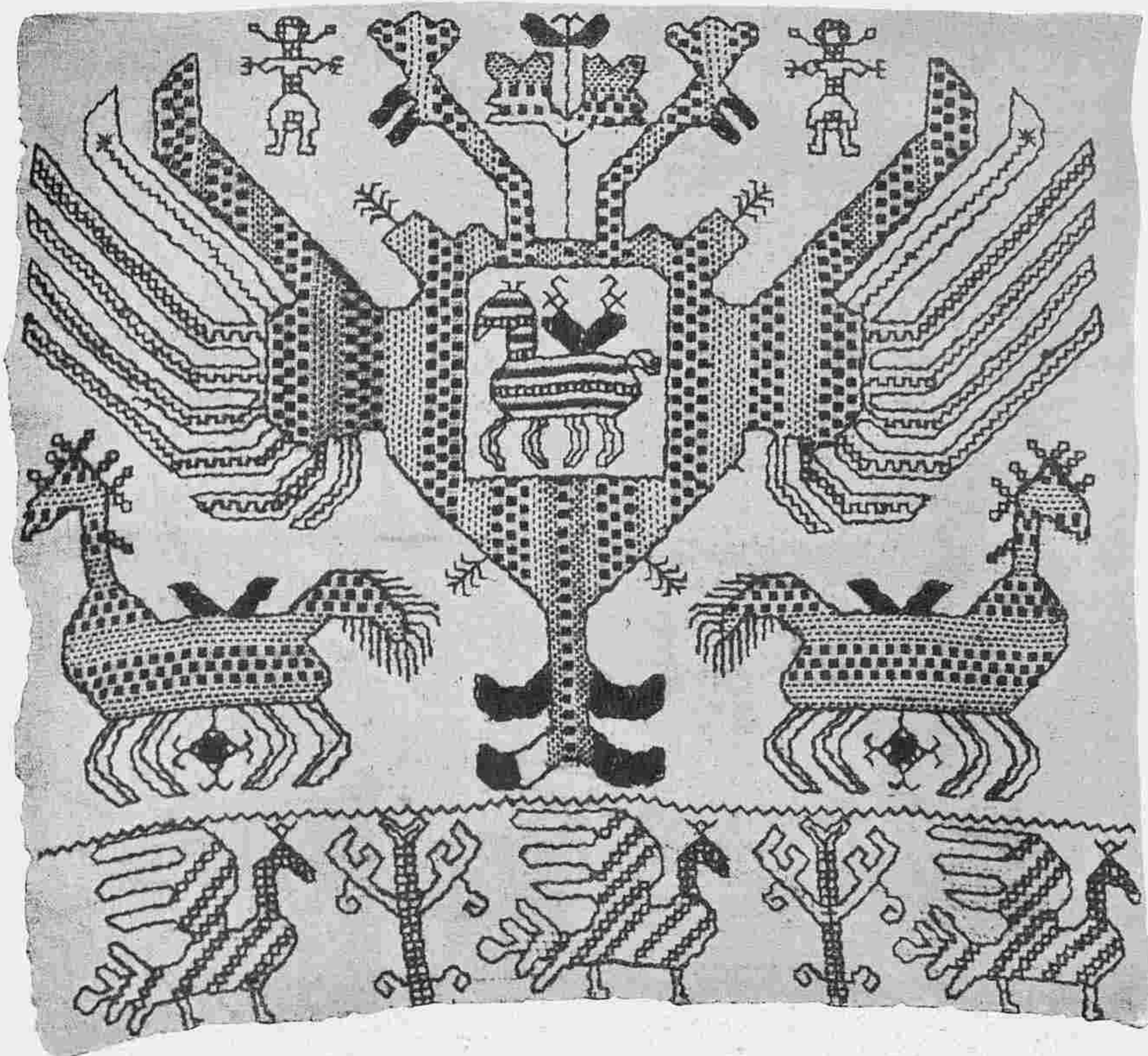

Вверху „треста“ (шитый конецъ простыни).
Внизу узоръ полотенца.

Broderie le long d'un drap de lit.
Broderie ornant un essuie-main.

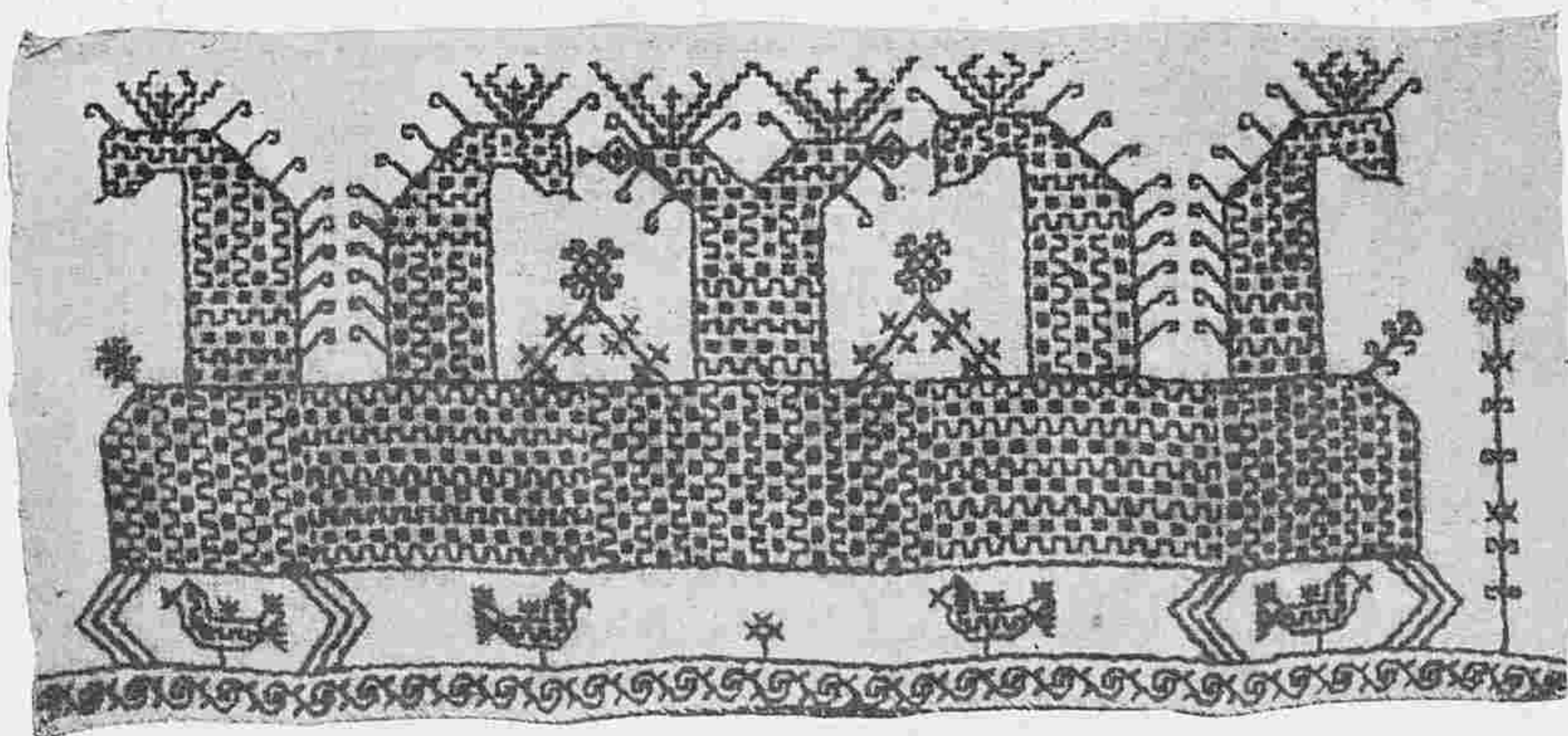

„Узорники“ (образцы позднейших наборов).
Echantillons de toiles imprimées (seconde moitié du XIX s.).

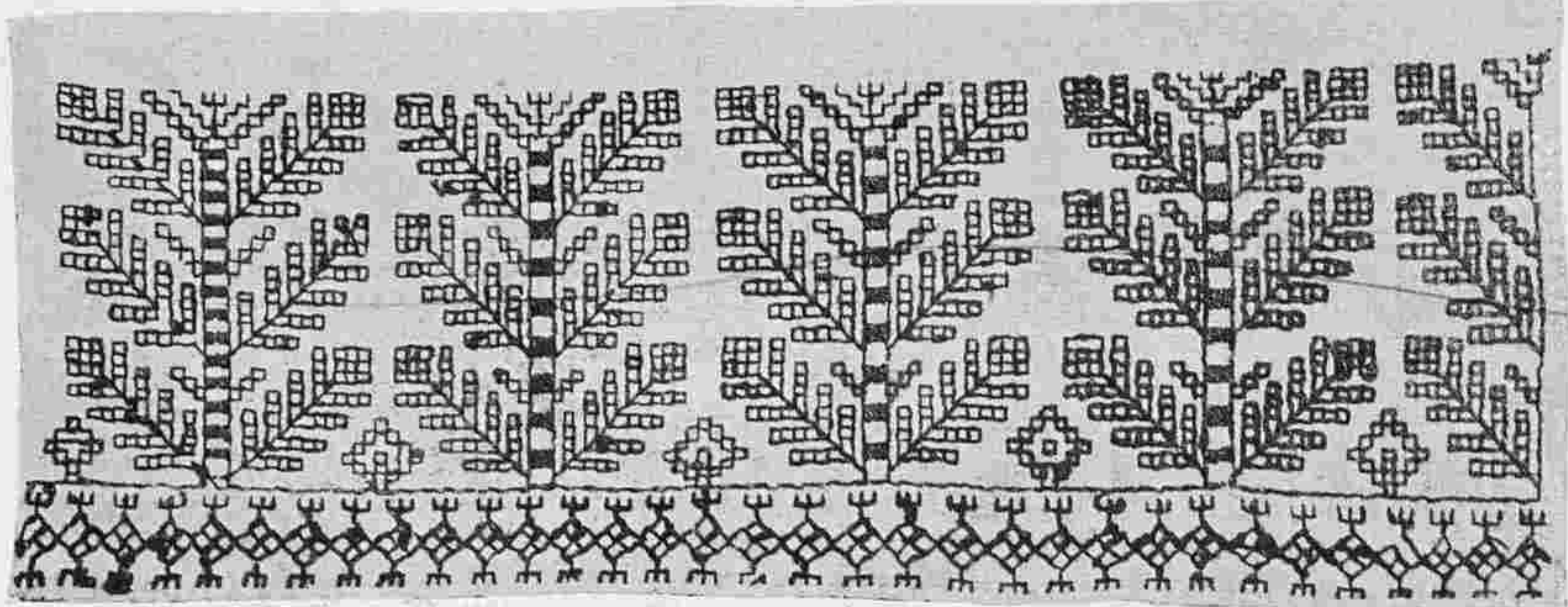

76

„Орелъ“ (конецъ полотенца)
 Broderie d'un essuie-main à dessin d'aigle.

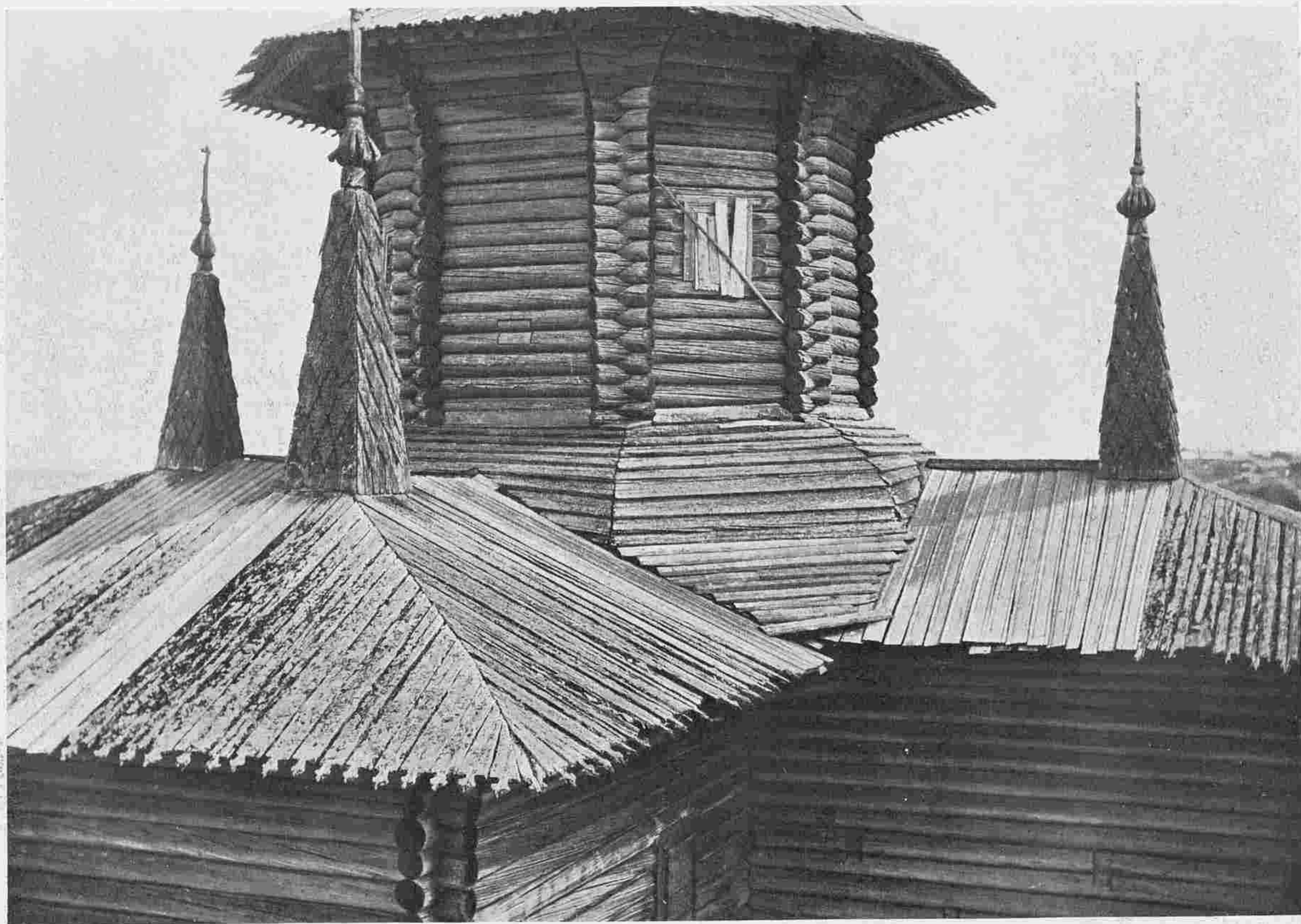
Конецъ полотенца.
 Broderie d'un essuie-main.

*Конец полотенца „древами“.
Broderie à dessin d'arbres.*

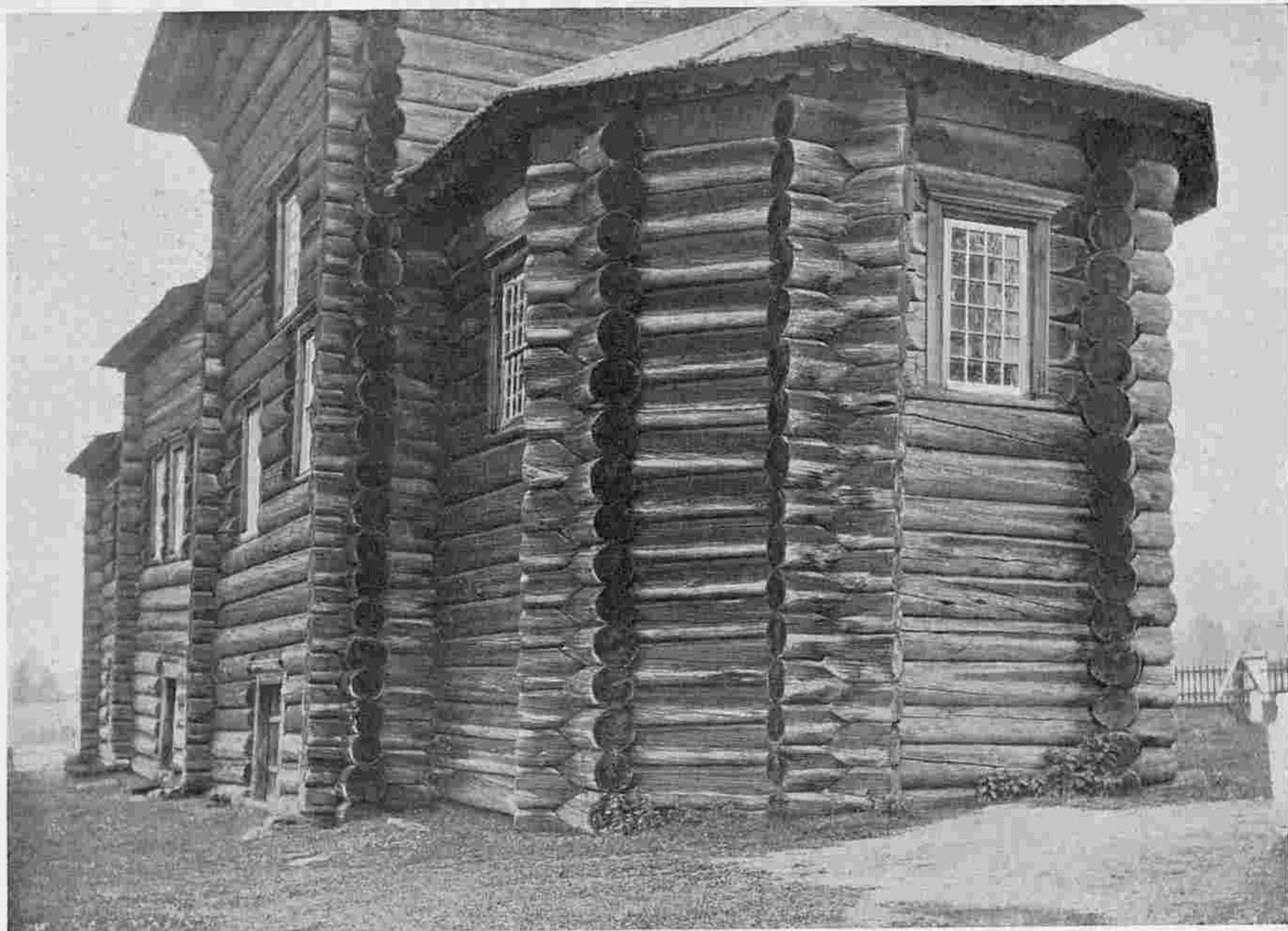

*Крыльцо Кижской церкви.
Perron de l'église à Kiji.*

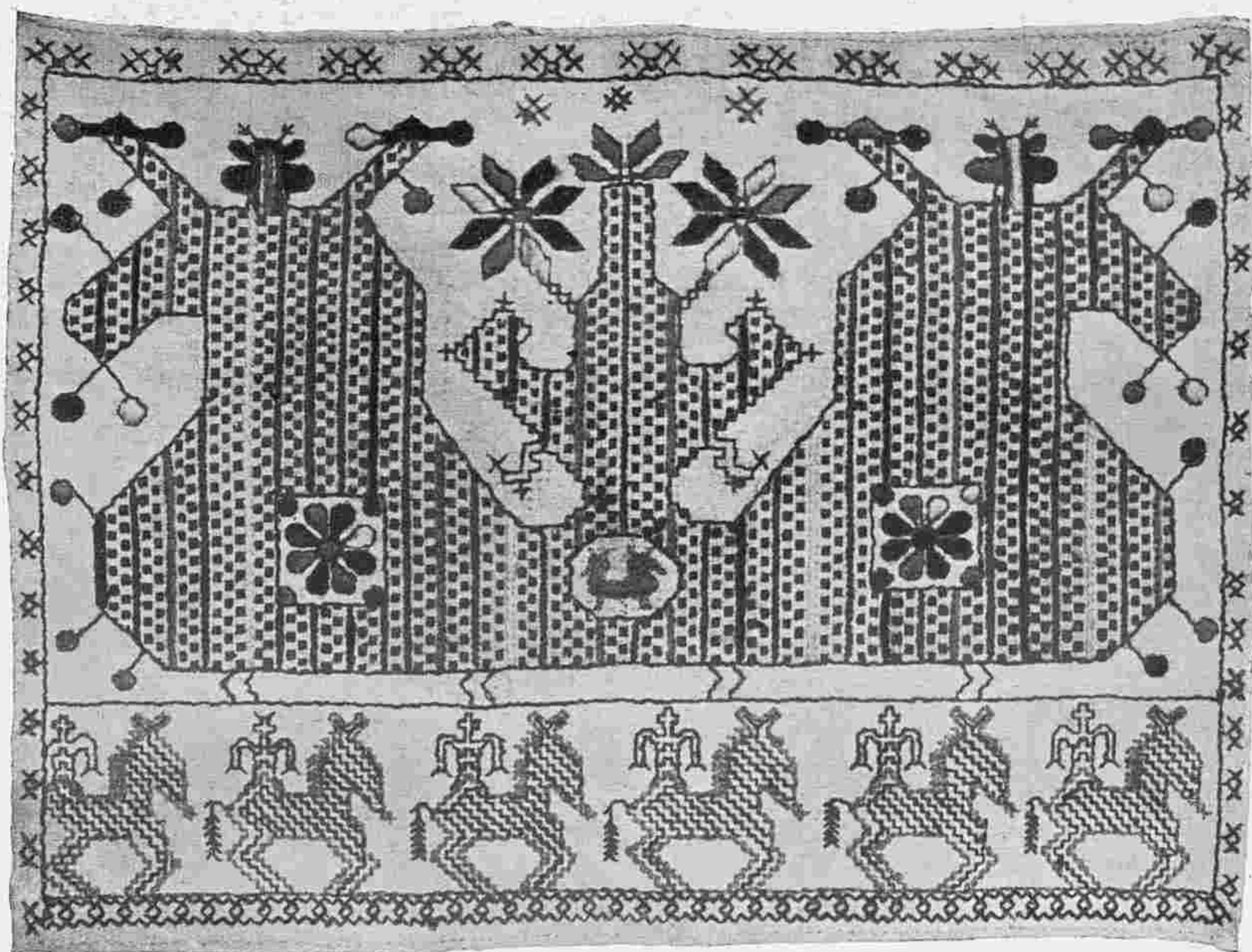

Деталь Богородицкой церкви въ Верховьѣ, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи.
(Этотъ драгоценный памятникъ старины находится въ самомъ жалкомъ видѣ, но, къ счастью, не искаженъ подновленіями).
Détail d'une église à Verkhovié (district de Totma).

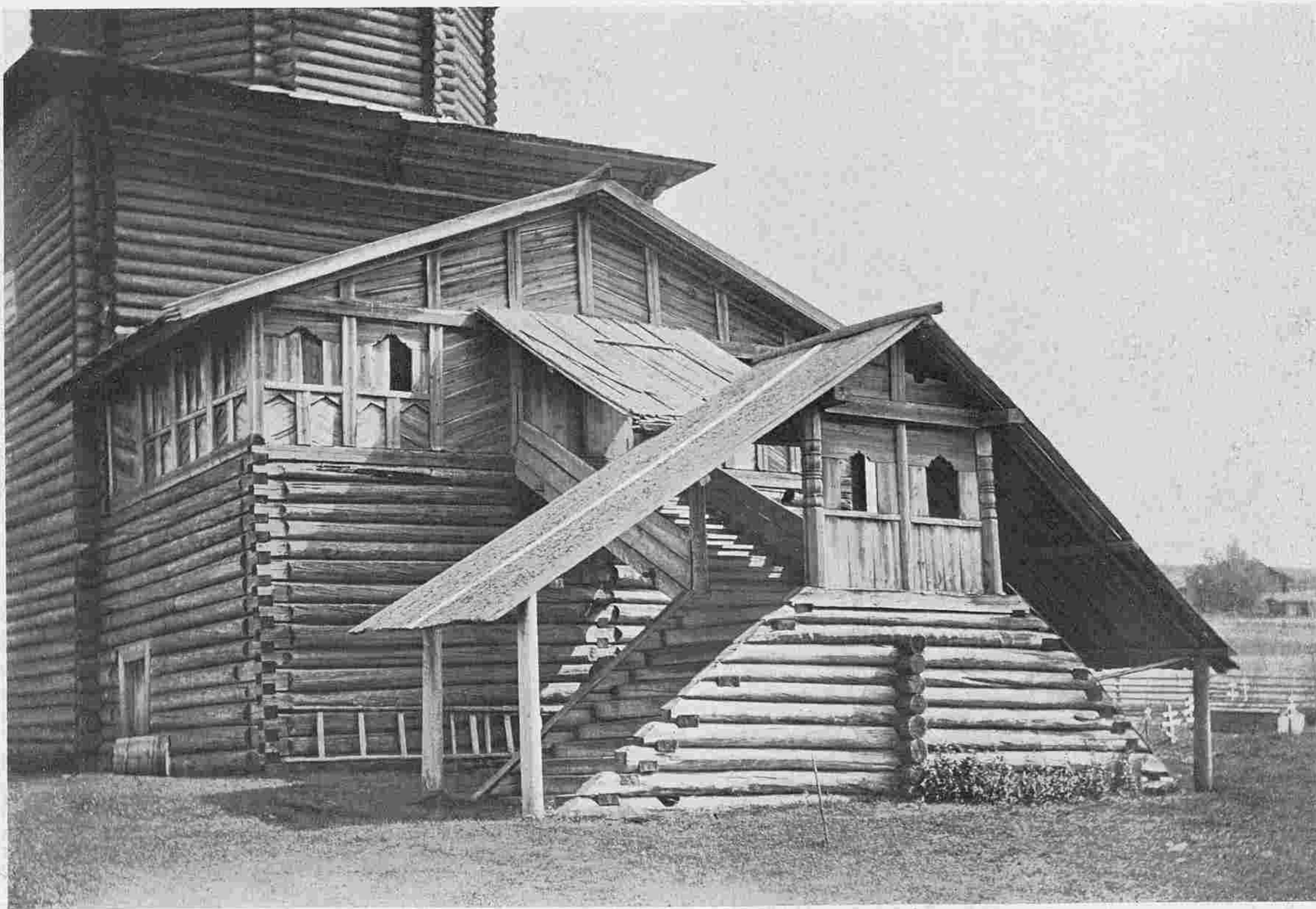
17

*Алтарь Шолыменской церкви (Сольвычегодского уезда).
Abside de l'église à Cholymia (district de Solvychégodsk).*

*Конец полотенца.
Bordure d'essuie-main.*

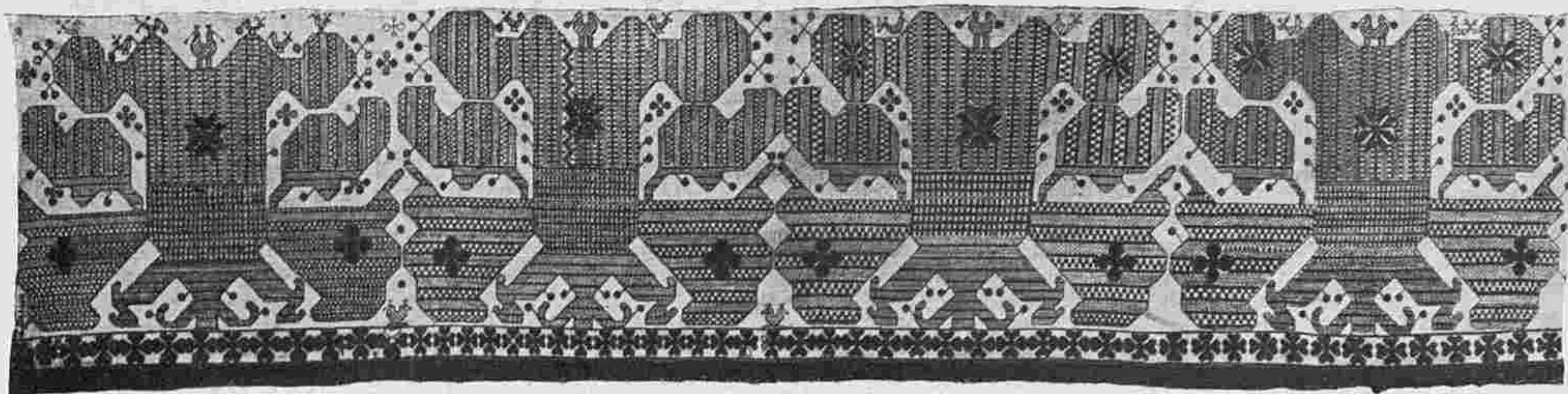
*Крыльцо церкви въ Почъ Тотемскаго уѣзда (вторая половина XVIII в.).
Escalier extérieur de l'église à Potcha (seconde moitié du XVIII s.)*

*Деталь церкви въ Бѣлой Слудѣ (1642 г.).
Détail de l'église à Biélaïa Slouda (district de Solvychégodsk).*

*Набойка съ большихъ досокъ.
Toile imprimée.*

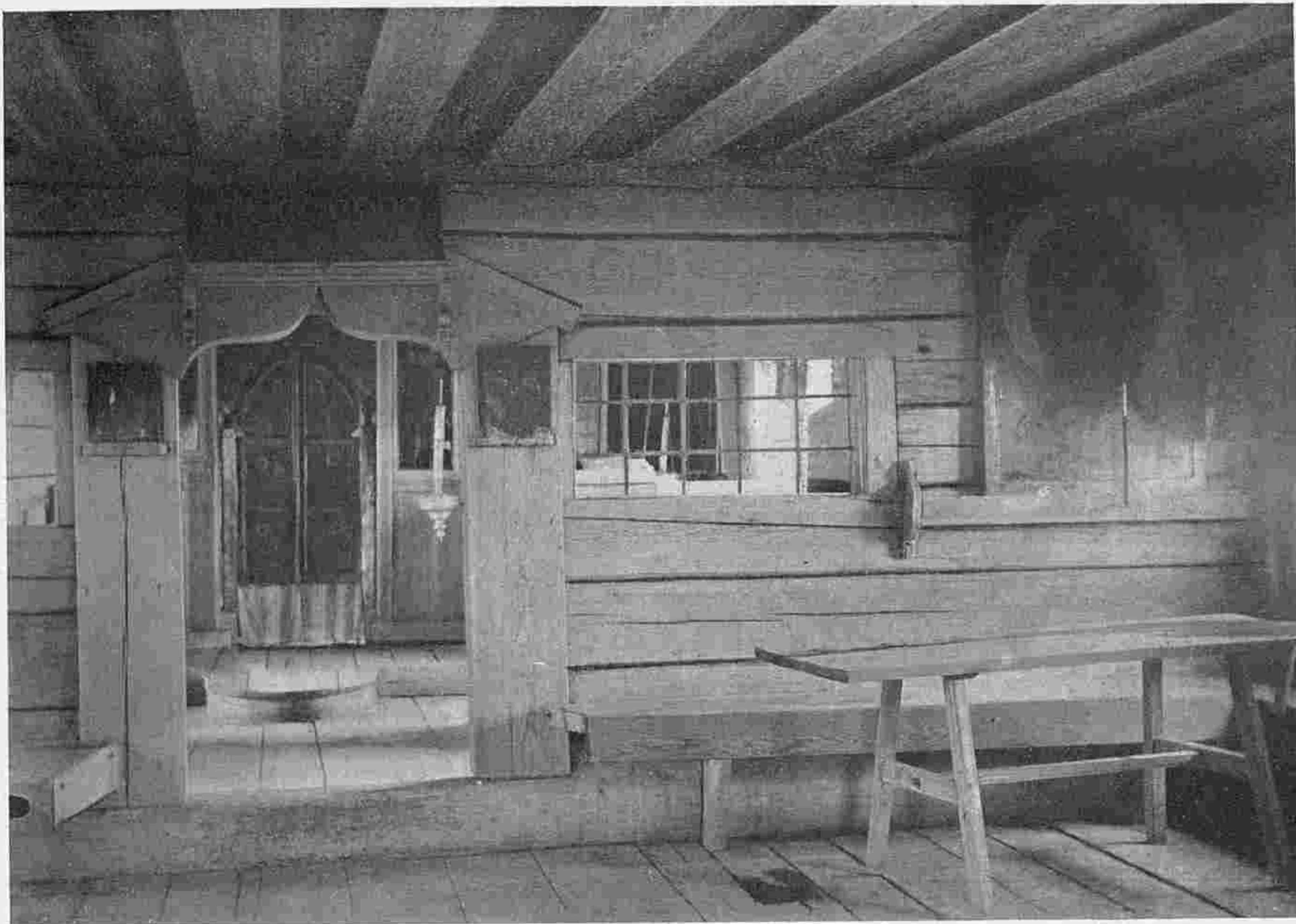
79

Церковь въ Соденьгъ (XVIII в.) Вельскаго уѣзда Вологодской губернии.
Église à Sodenga (XVIII s.), district de Velsk.
Наверху „треста“. Au dessus broderie appellée „tresta“.

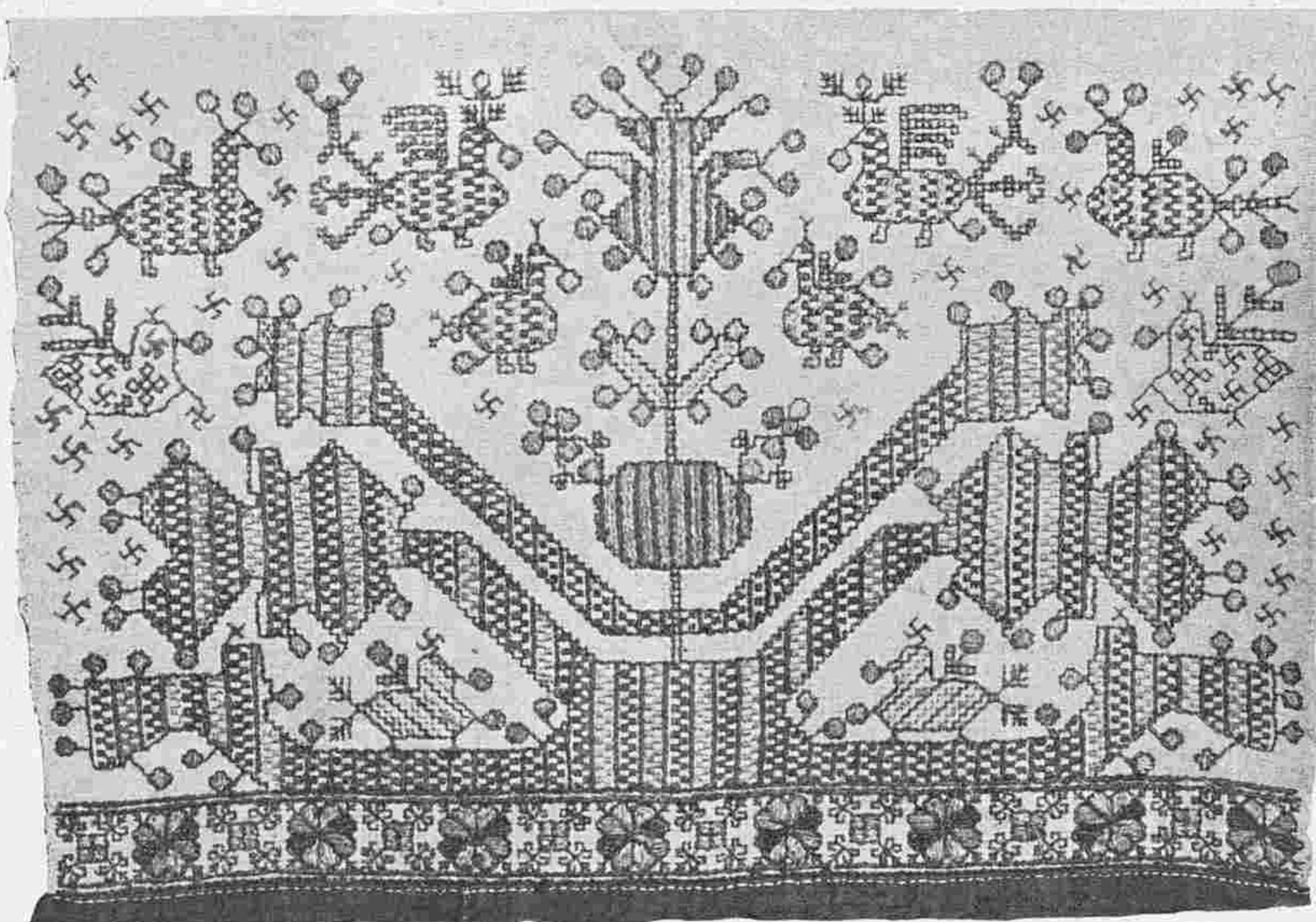

*Тресты (первая и третья шитыя „строчкой“, вторая и четвертая— „по письму“).
Broderie appelées „tresta“ (bordures de draps-de-lit).*

80

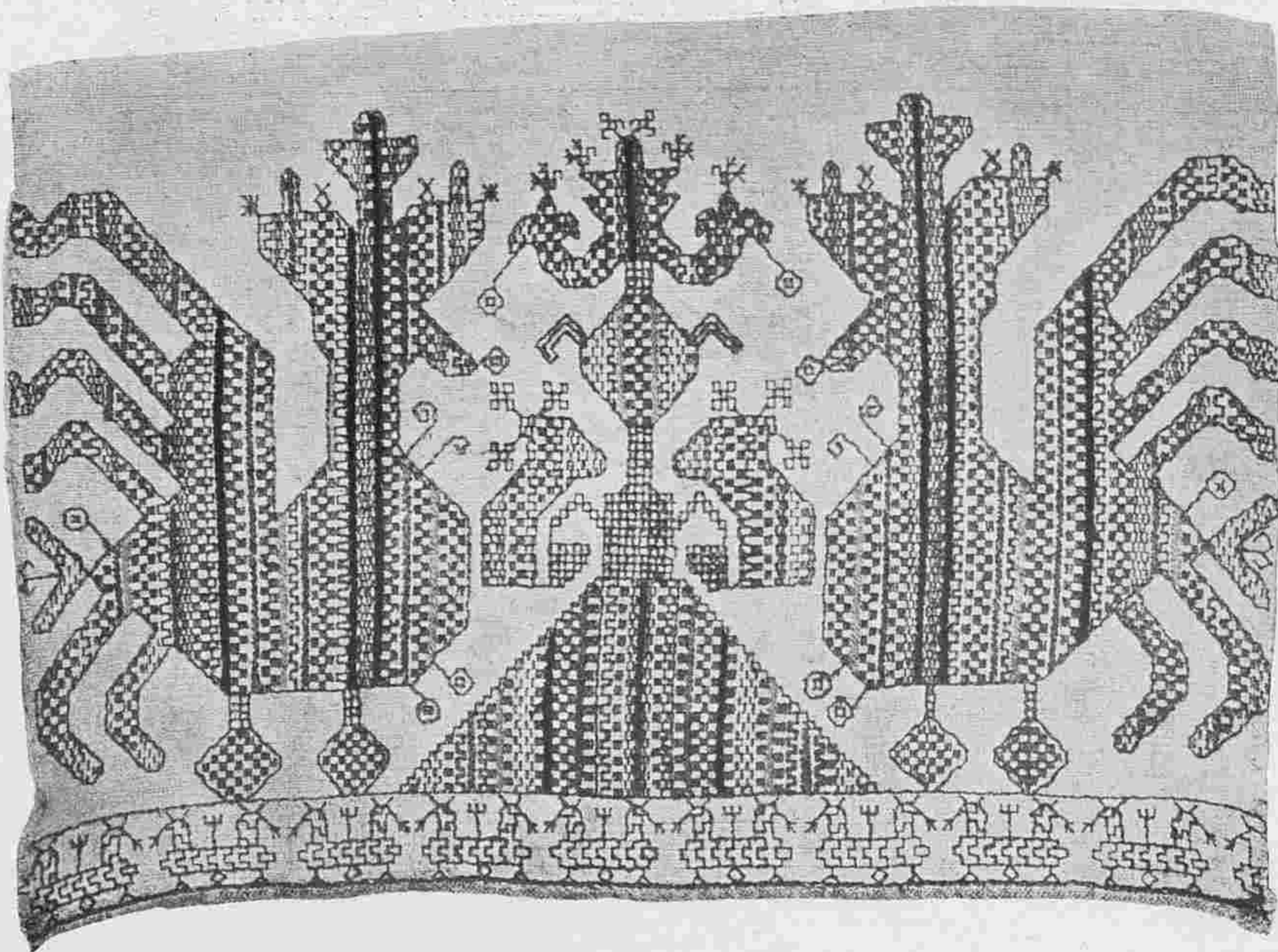
*Внутренность Заячицкой церкви (на первом плане трапезная). Кокшенга, Тотемского уезда.
Intérieur de l'église à Kokchenga (district de Totma). XVII s.*

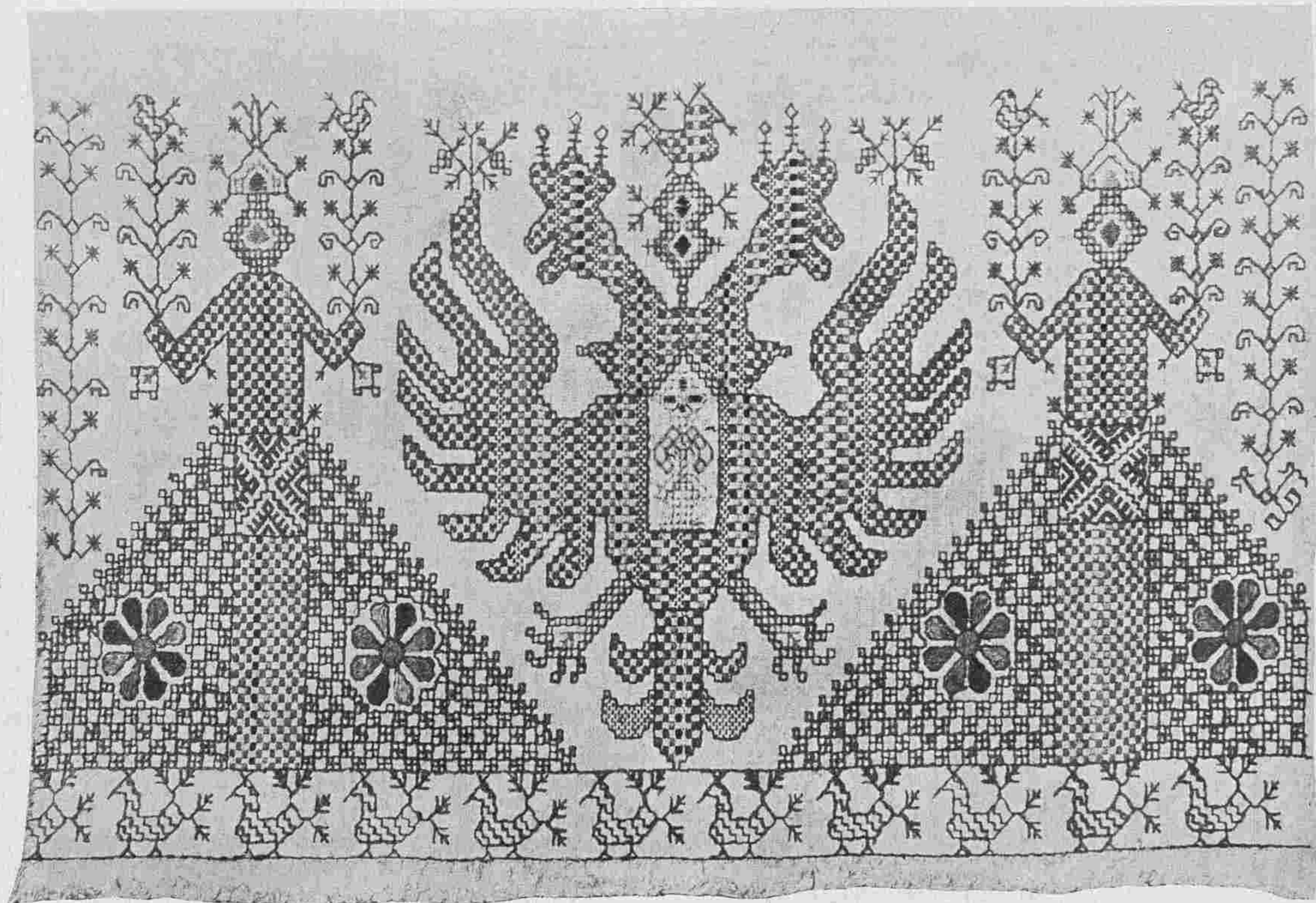
*„Ягодникъ“ (конецъ полотенца).
Bordure d'essuie-main.*

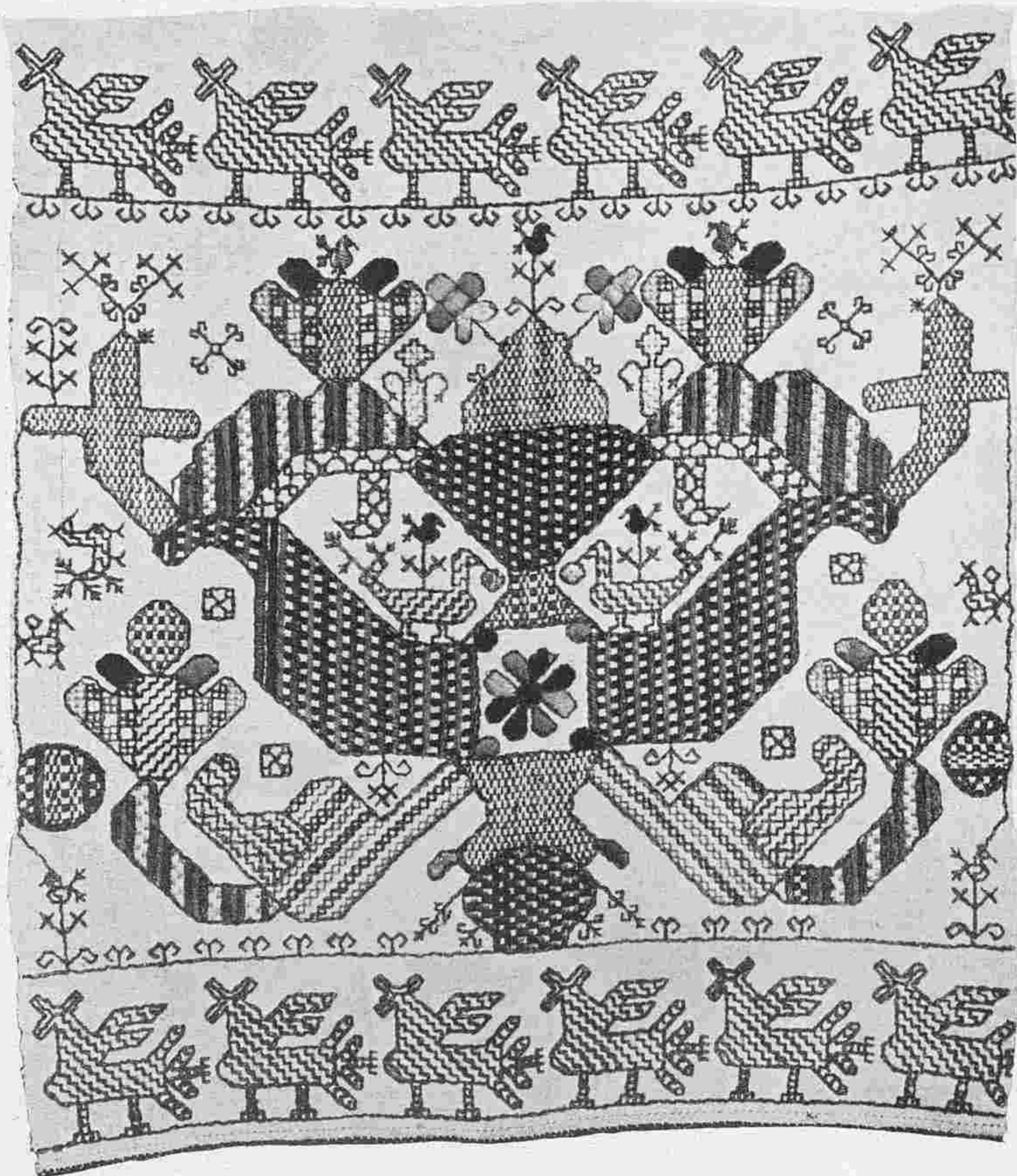
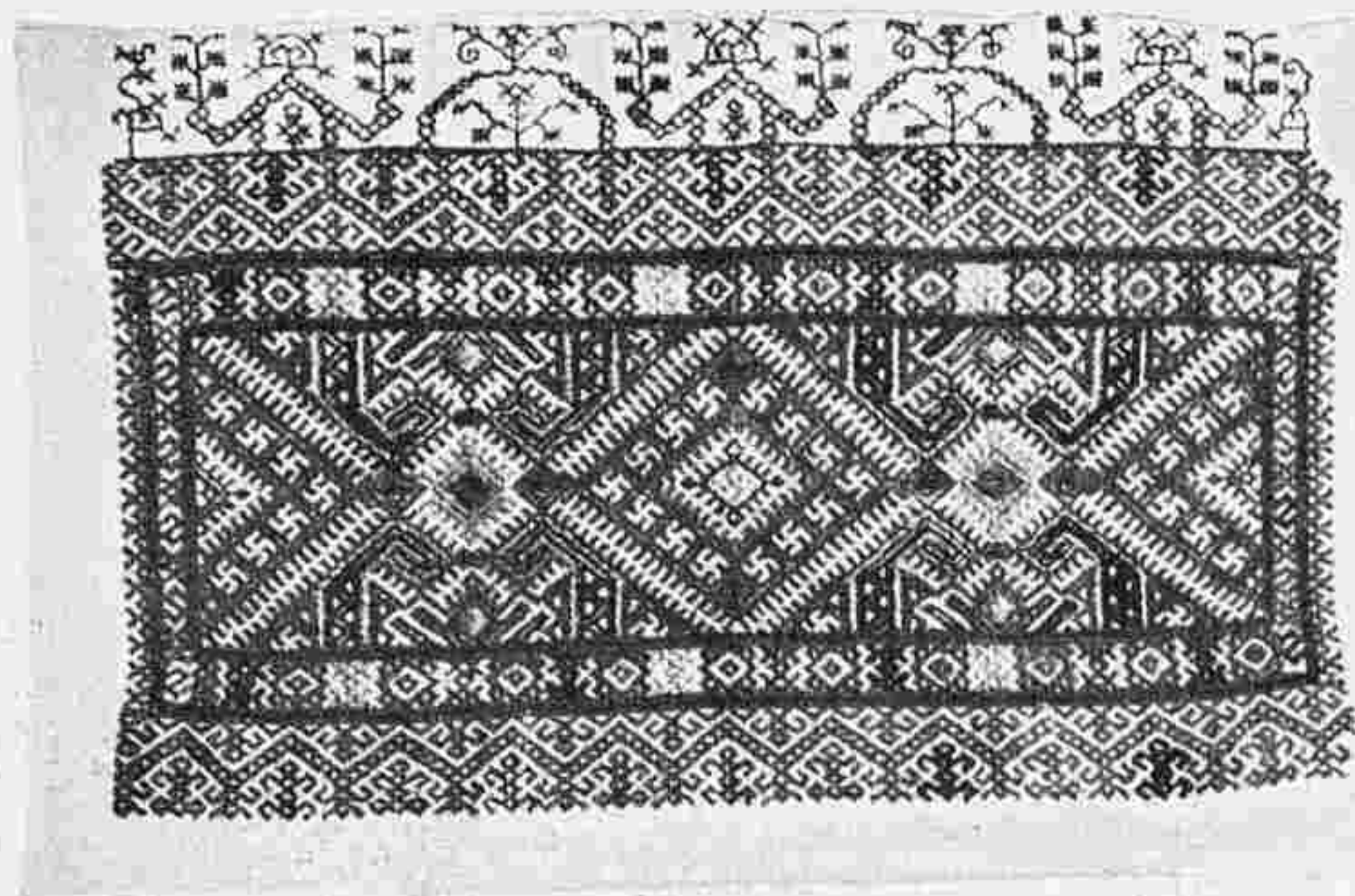
*Церковь въ Усть-Паденгъ (Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губ.).
Église à Oust-Padenga (district de Chenkoursk).*

*Конецъ полотенца.
Bordure d'essuie-main.*

Часть подола рубахи.
Bordure de chemise.

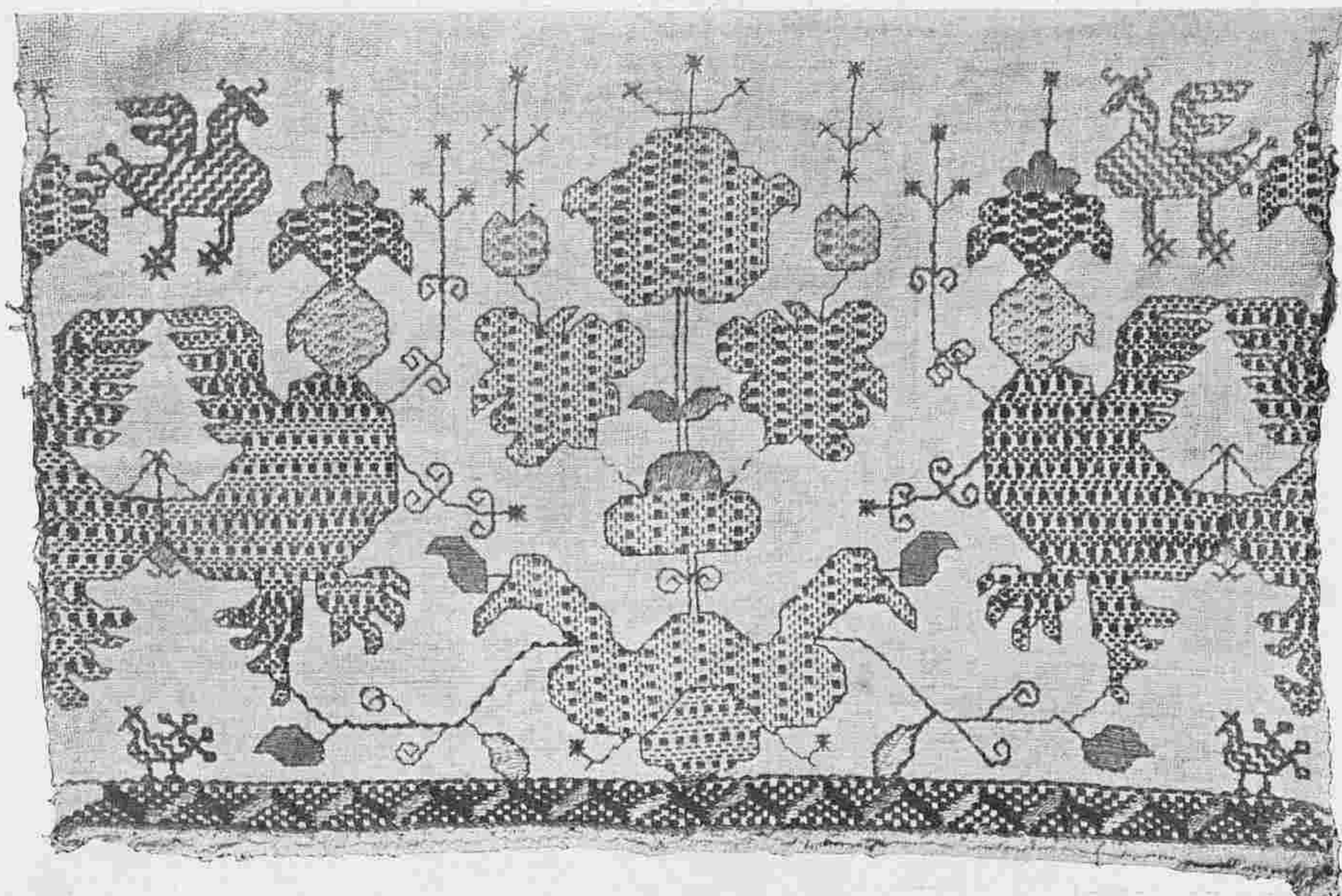
Наверху: намышники (левый с узором „мельничные перья“; правый — с узором „козыри“).

Внизу узор „корабельная пристань“.

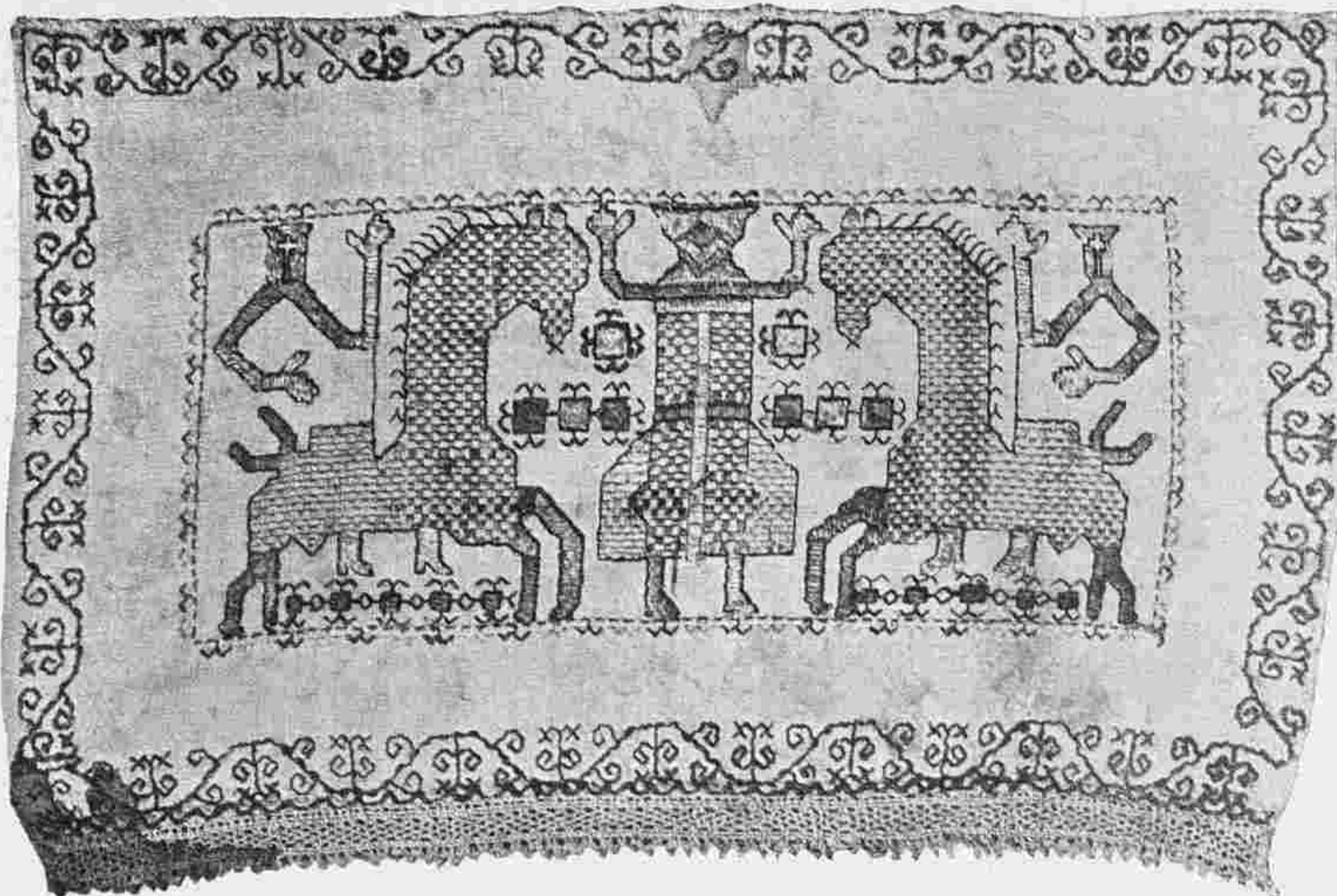
En haut broderies ornant les manches de chemises. — En bas bordure d'essuie-main.

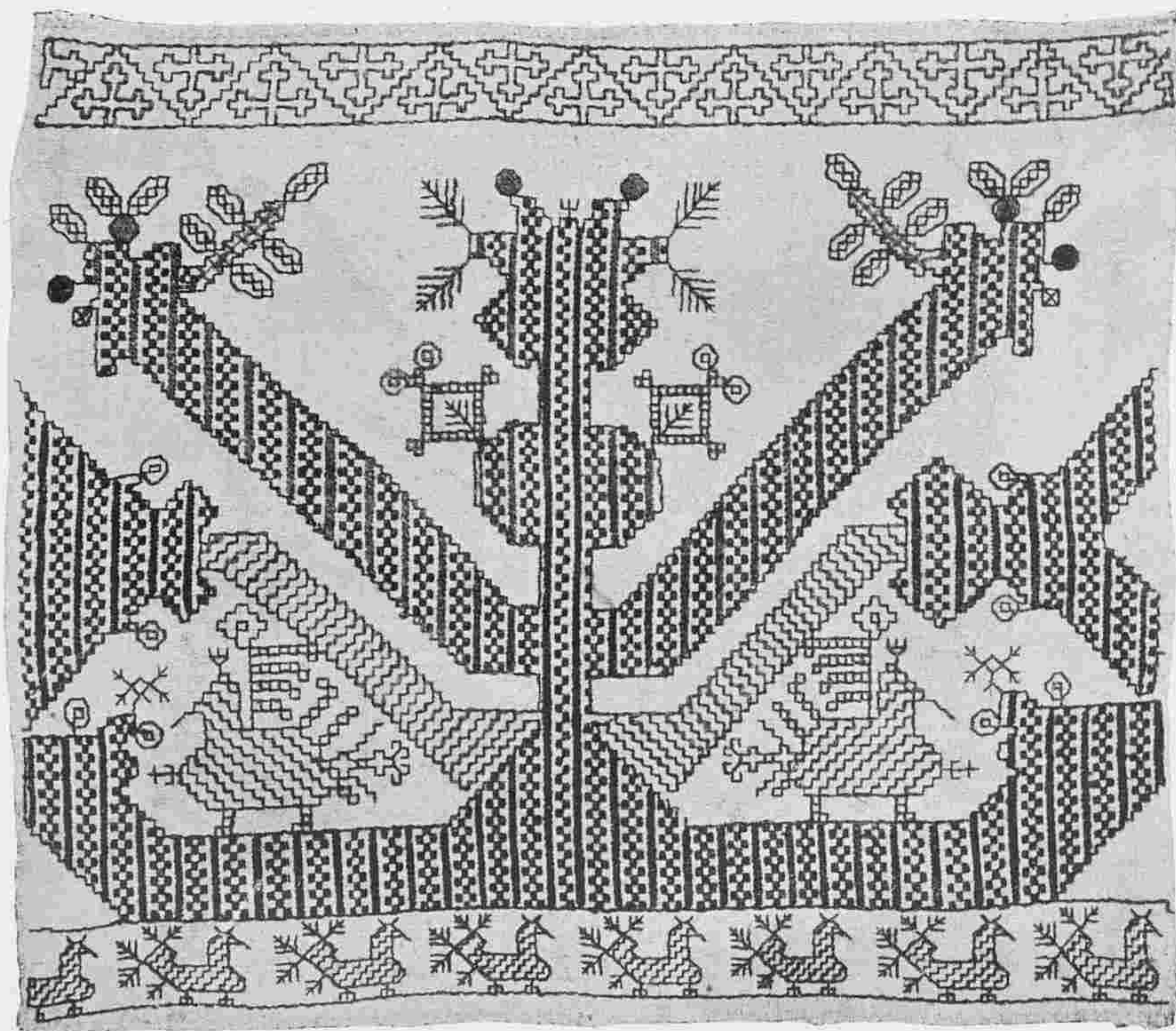
Ветхая часовенка въ Гансельгъ (Повънецкаго уѣзда, Олонецкой губ.).
 Chapelle à Gapselga (district de Povenets).

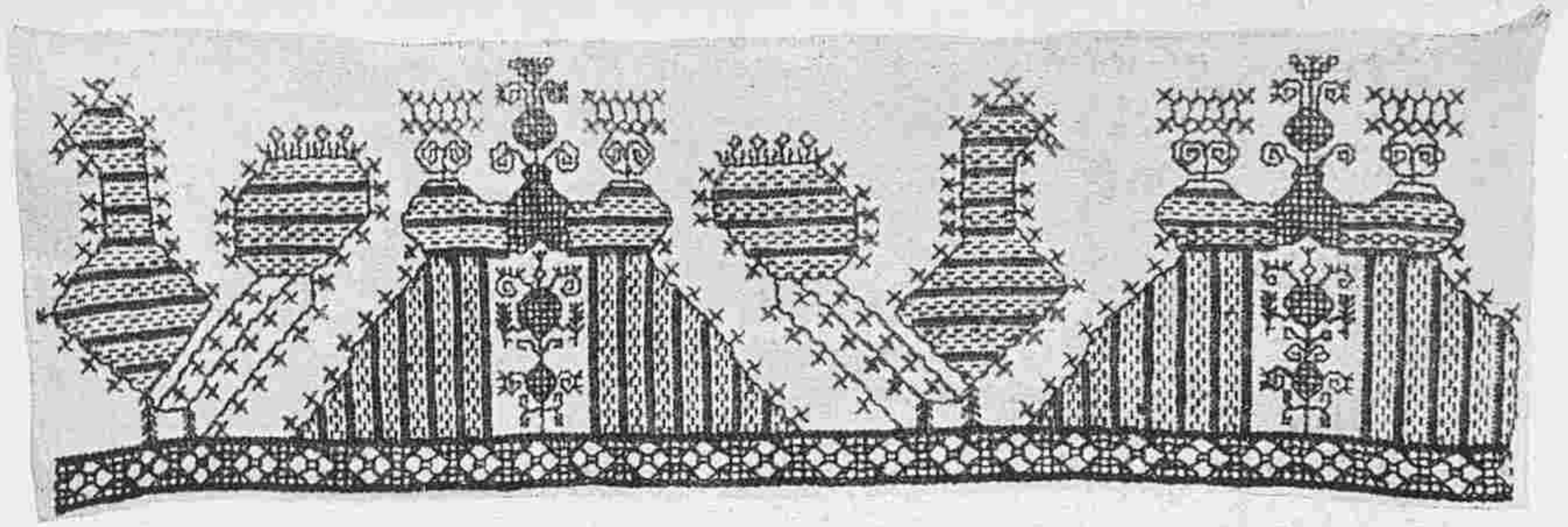
Узоръ съ рисункомъ сиреновъ.
 Broderie à dessin de sirènes.

Конецъ полотенца, шитаго шелками (болъе стараго образца).
Bordure d'essuie-main brodée de soie.

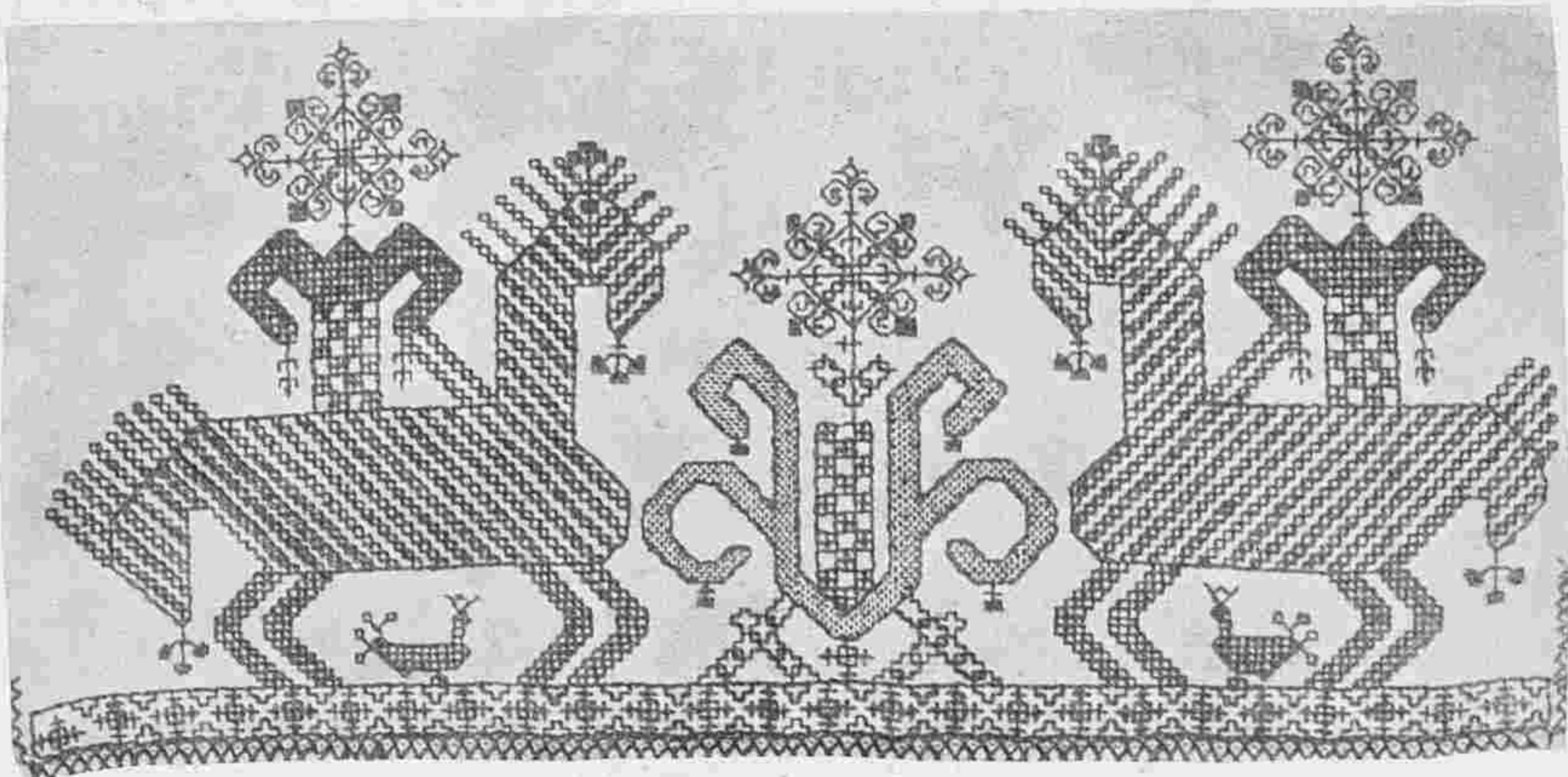
Узоръ на полотенцѣ.
Bordure d'essuie-main.

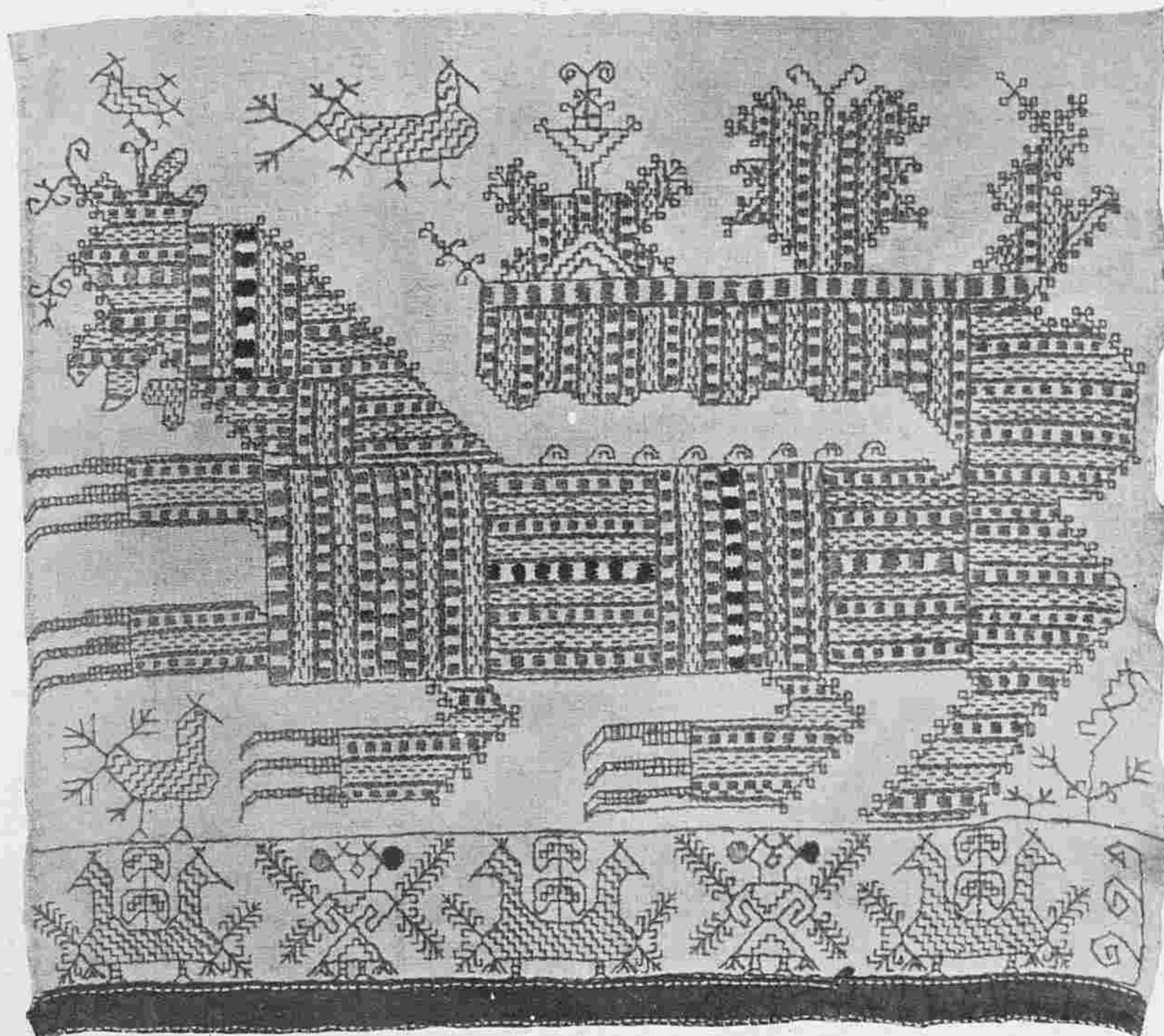
83

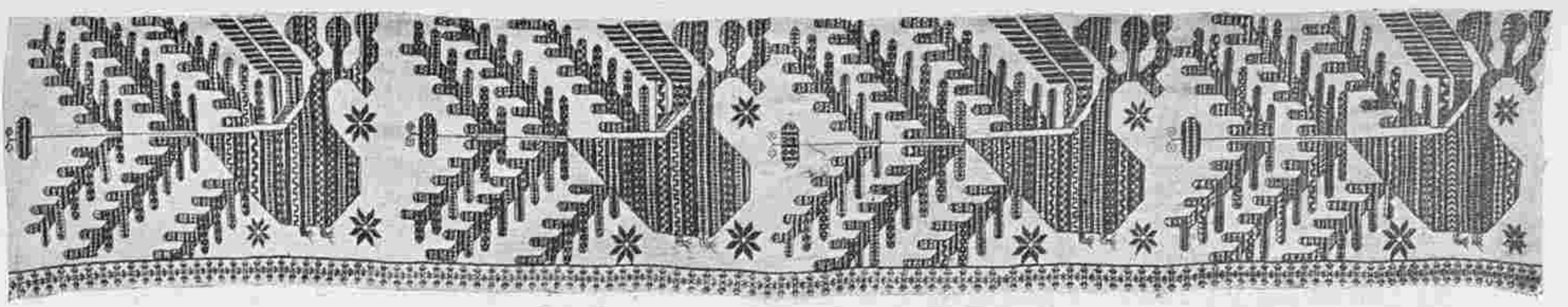
Церковь времени Екатерины II въ Кижяхъ (обезображенная обшивкой досками).—Наверху узоръ на полотенцѣ въ видѣ птицъ и бабъ.
Église du temps de Catherine II à Kiji.—Au dessus bordure d'essuie-main.

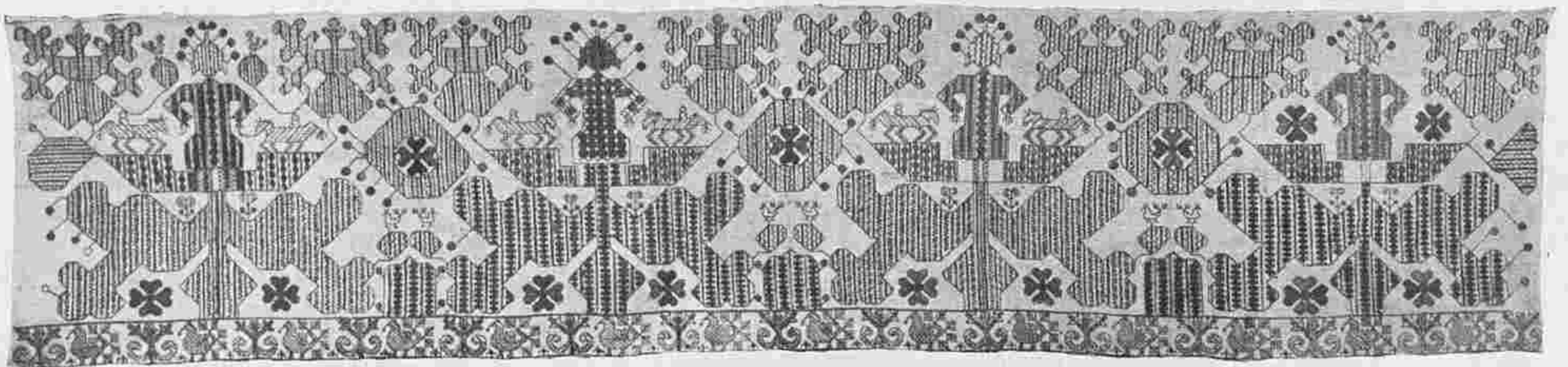
Узоръ „кони“.
Bordure d'essuie-main.

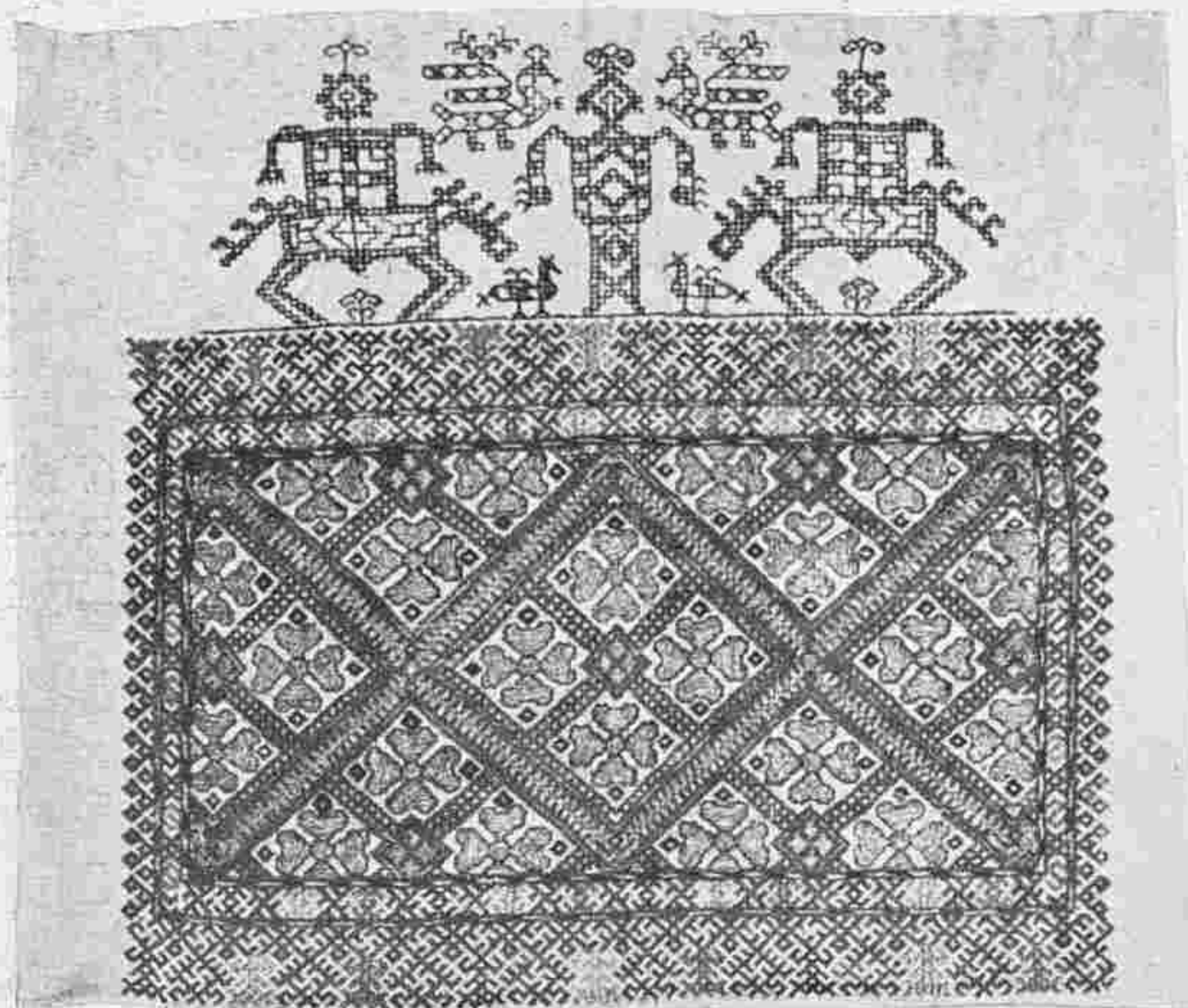
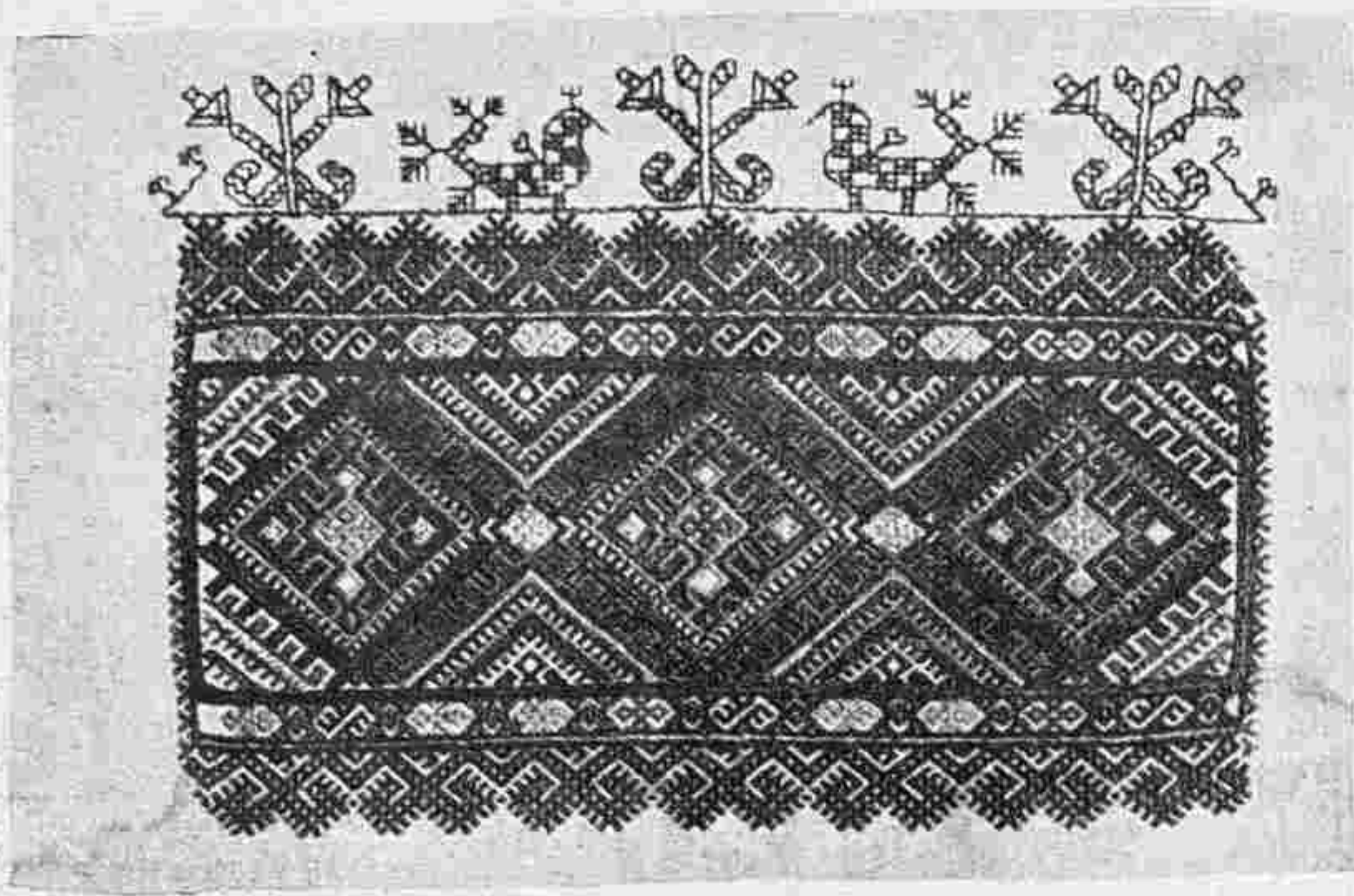
Узоръ, изображающій „лѣвъ-звѣря“.
Bordure d'essuie-main à dessin de lion.

Церковь Происхождения Честныхъ Древь, 1760 г., въ Почозерь (Пудожскаго уьзда).
Eglise à Potchozéro (district de Poudoje) très abimée par un revêtement moderne.

Наверху и внизу „тресты“.
Audeus et audessus des broderies de draps de lit.

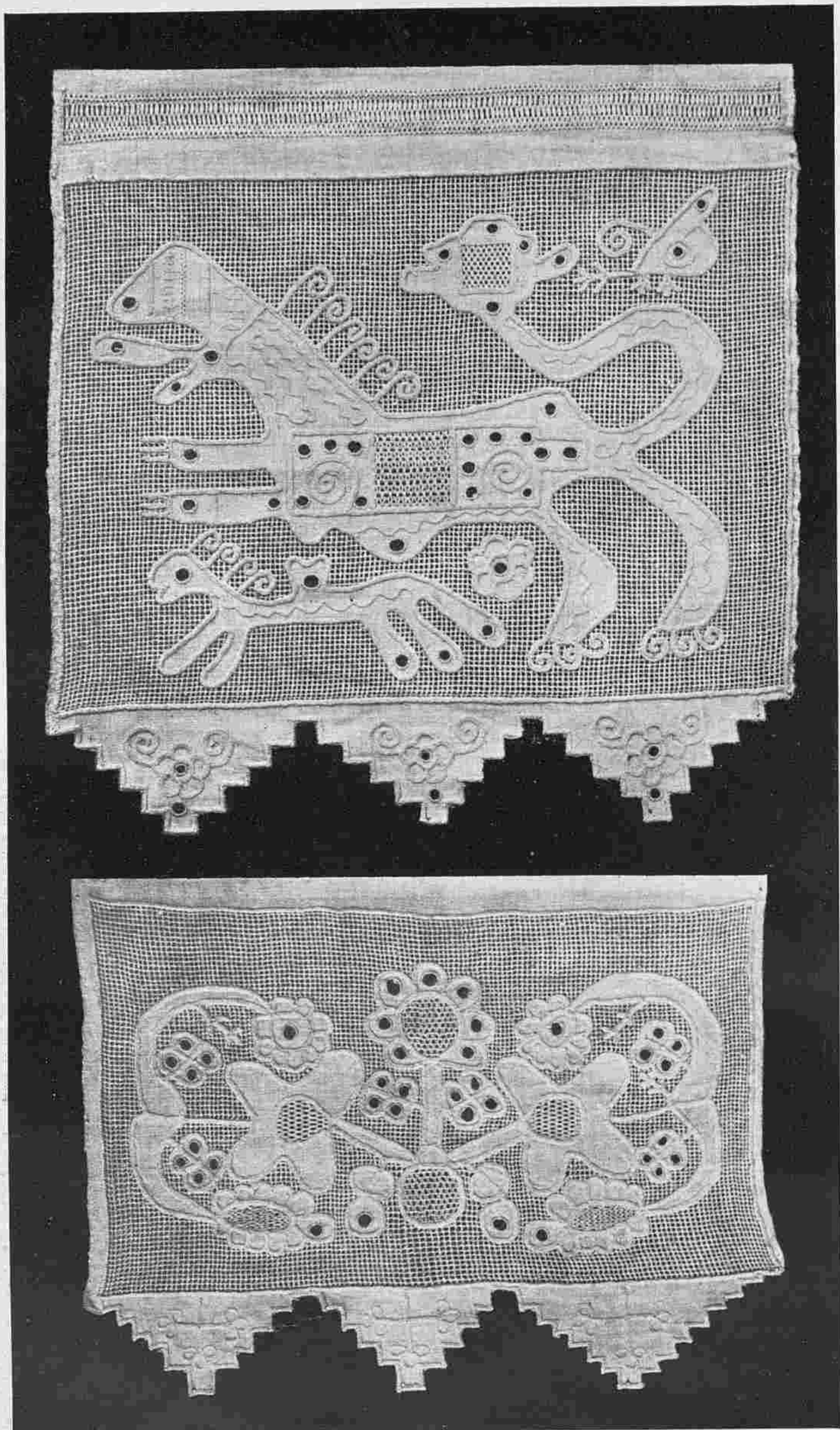
Намышники (средній узор „kozyри“, нижній — „шперы“).
Broderies des manches de chemises.

Церковь Верхняя Троица на Уфтюгъ (Сольвычегодскаго уѣзда), XVIII в.
 Прекрасно сохранилась безъ обшивки.
 Eglise de Verkhniaia Troïtza sur l'Ouftug (district de Solvytchégodsk).
 Conservée dans son état primitif.

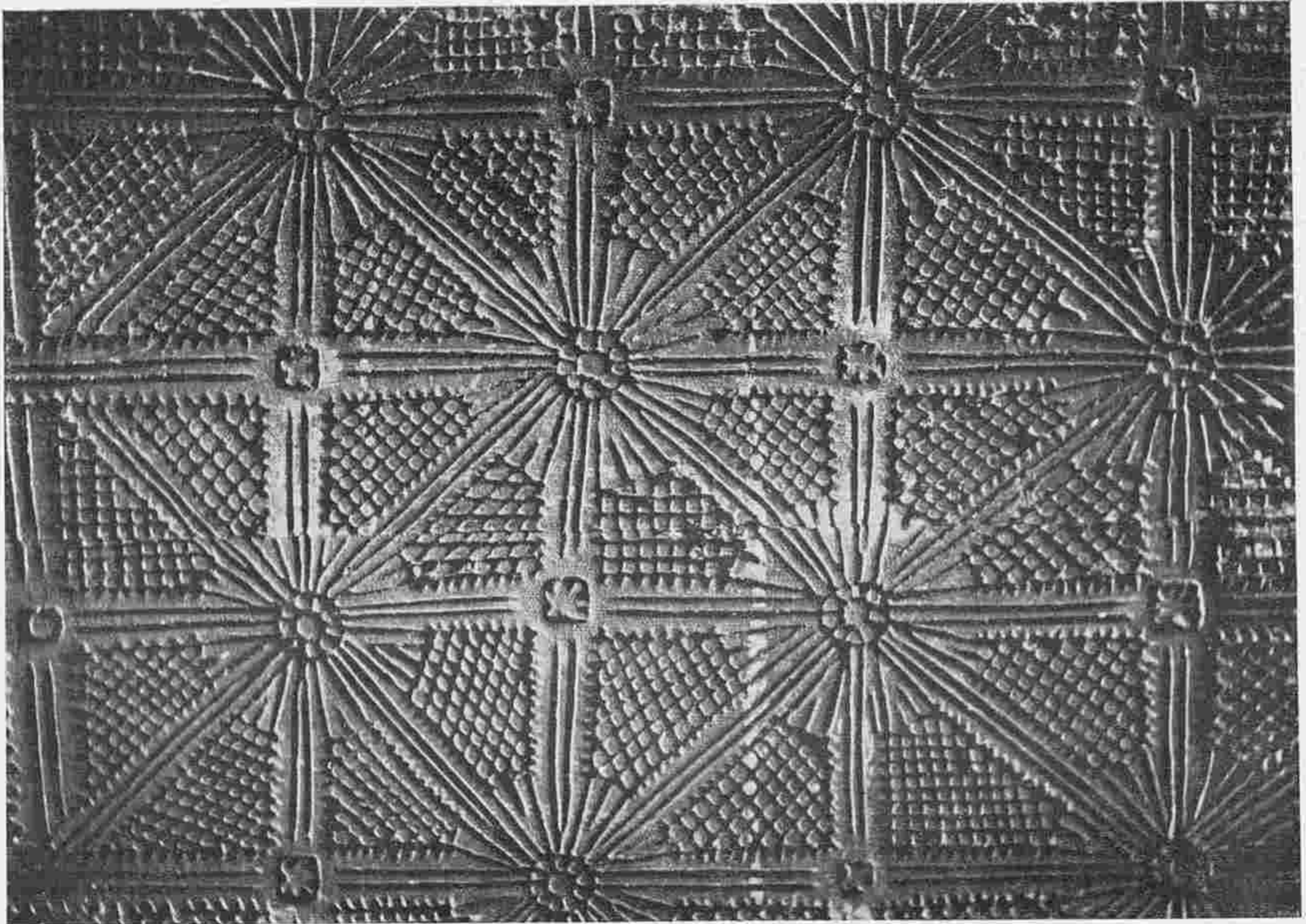
Деталь церкви въ Почозеръ.
 Détail de l'église à Potchozéro.

Концы полотенцеъ изъ Кижъ (шитье „по письму“).
Bordures d'essuie-main.

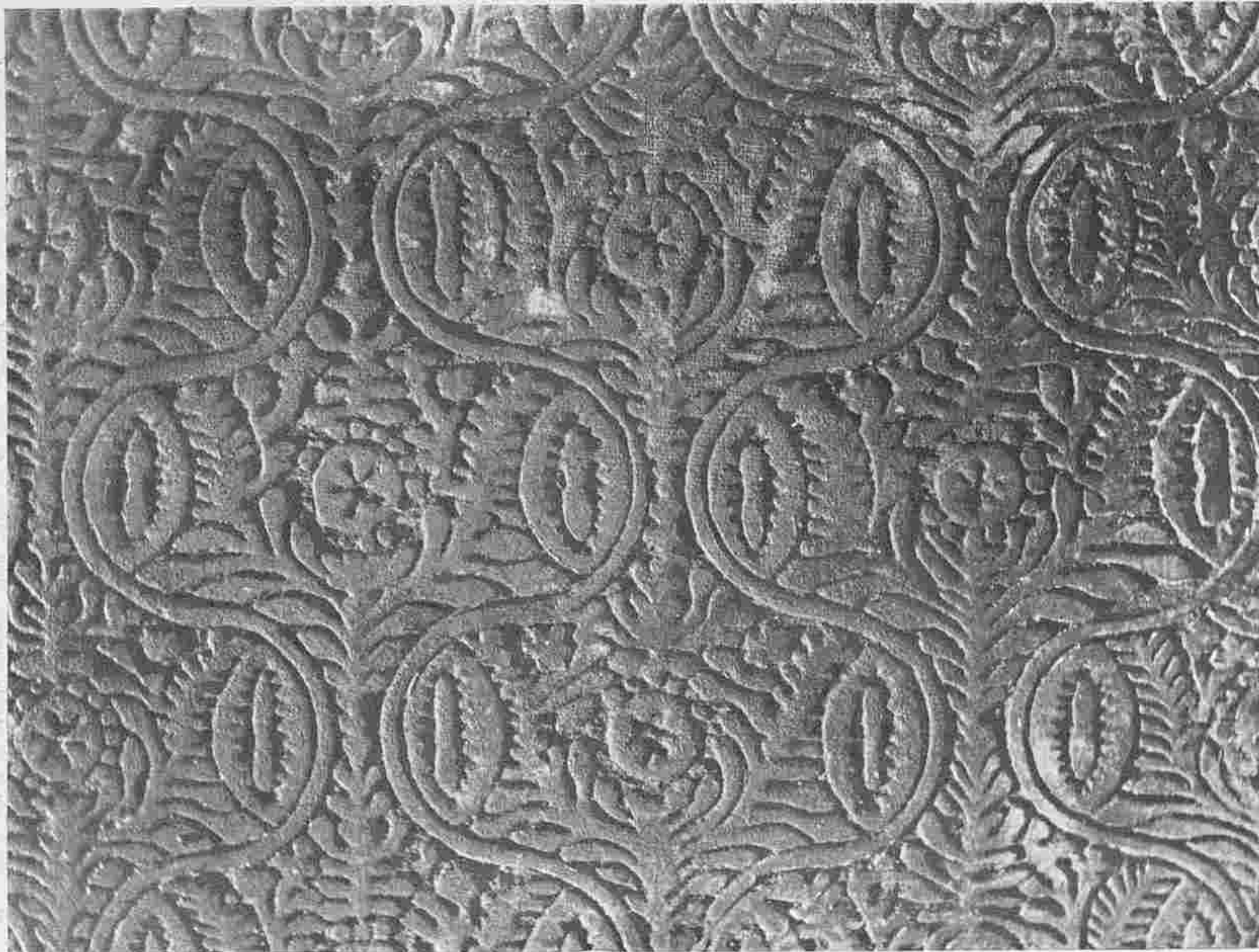

Конец полотенца съ рисункомъ „Орлы“.
 Bordure d'essuie-main à dessin d'aigles.

Доска для набойки.

Bois gravé pour imprimer sur toile.

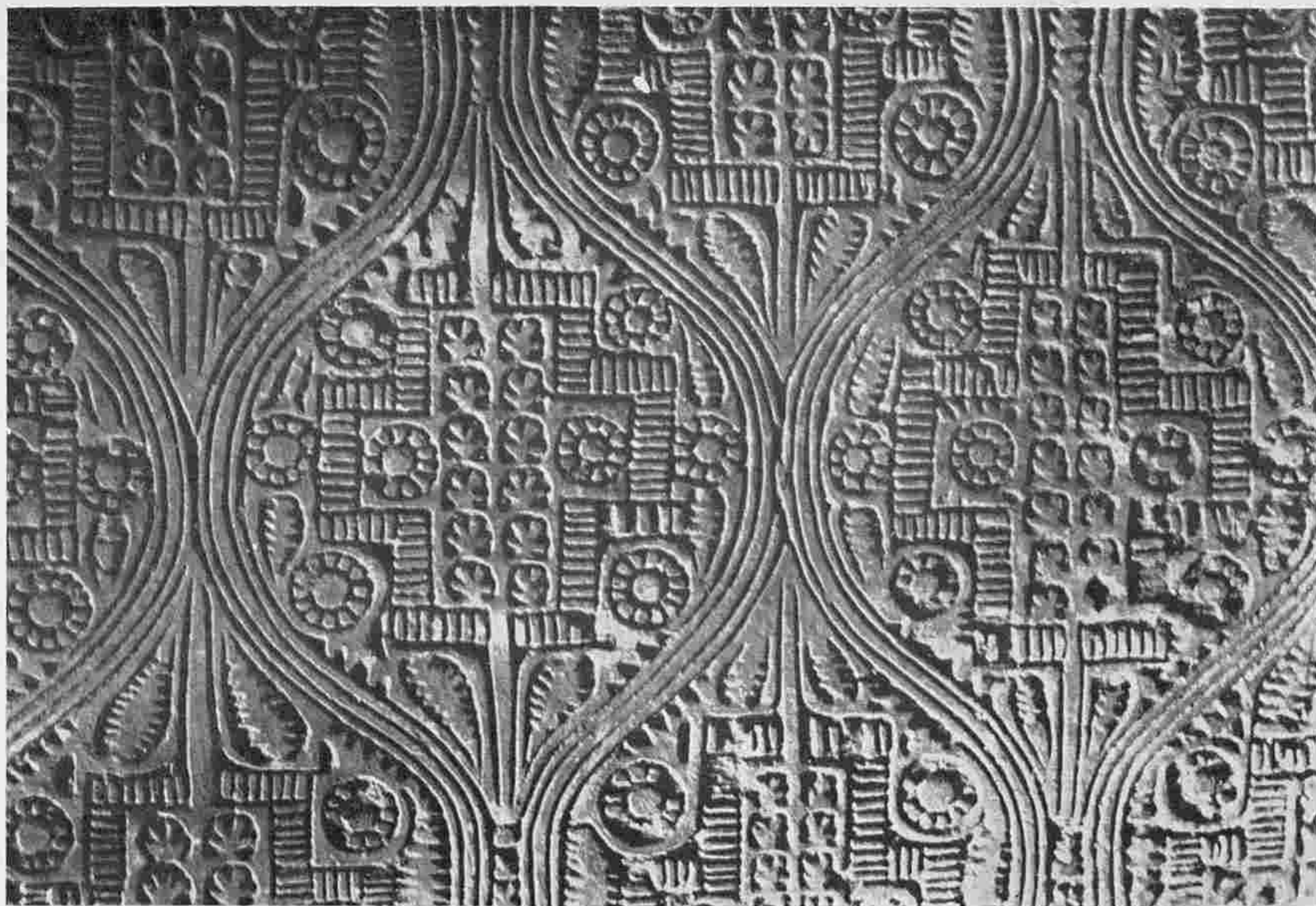

Доска для набойки (старого образца).

Bois gravé pour toile imprimée.

*Соборъ въ Кемѣ времени Петра I.
Cathédrale à Kem (époque de Pierre le Grand).*

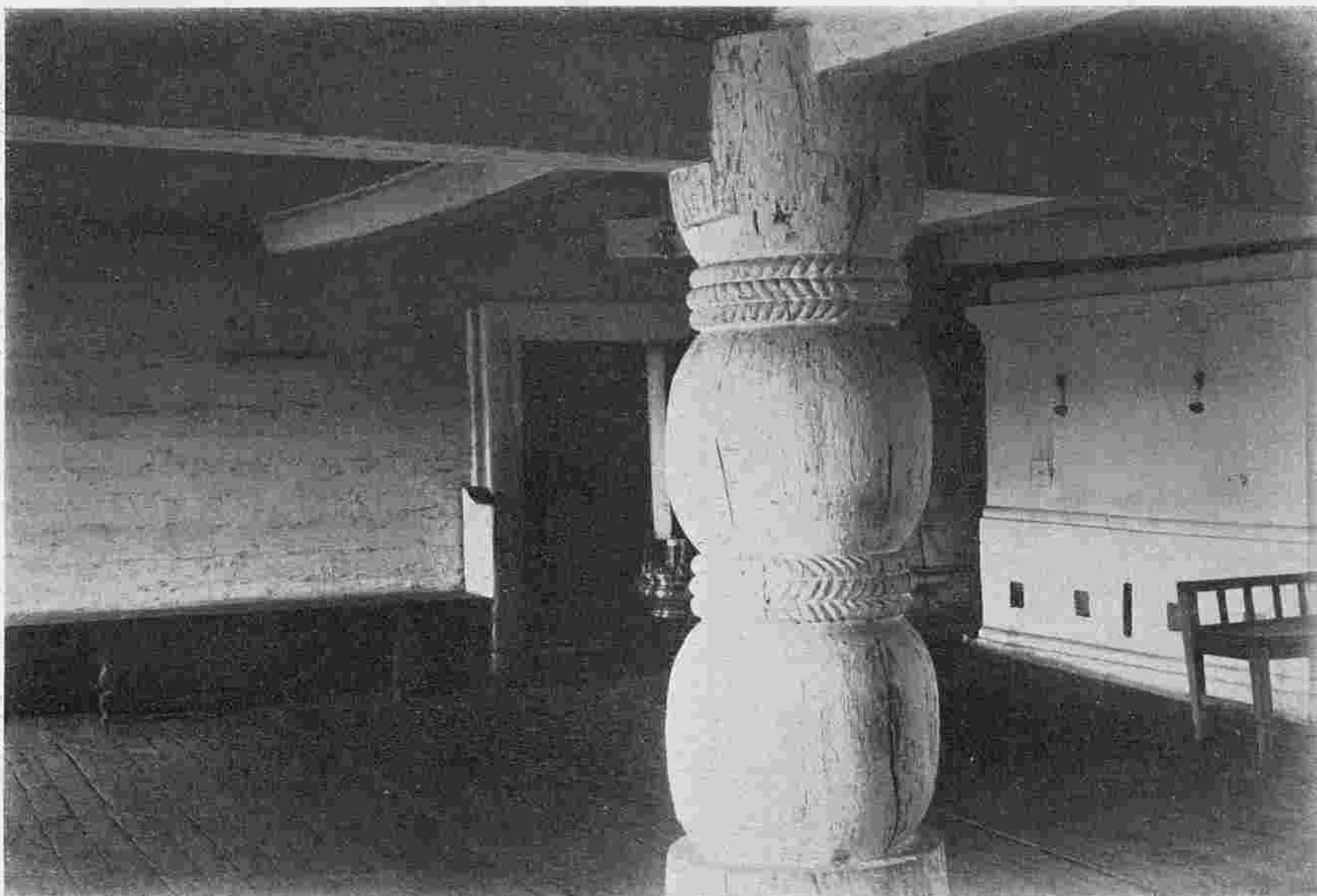
Доска для набойки.

Bois gravé pour toile imprimée.

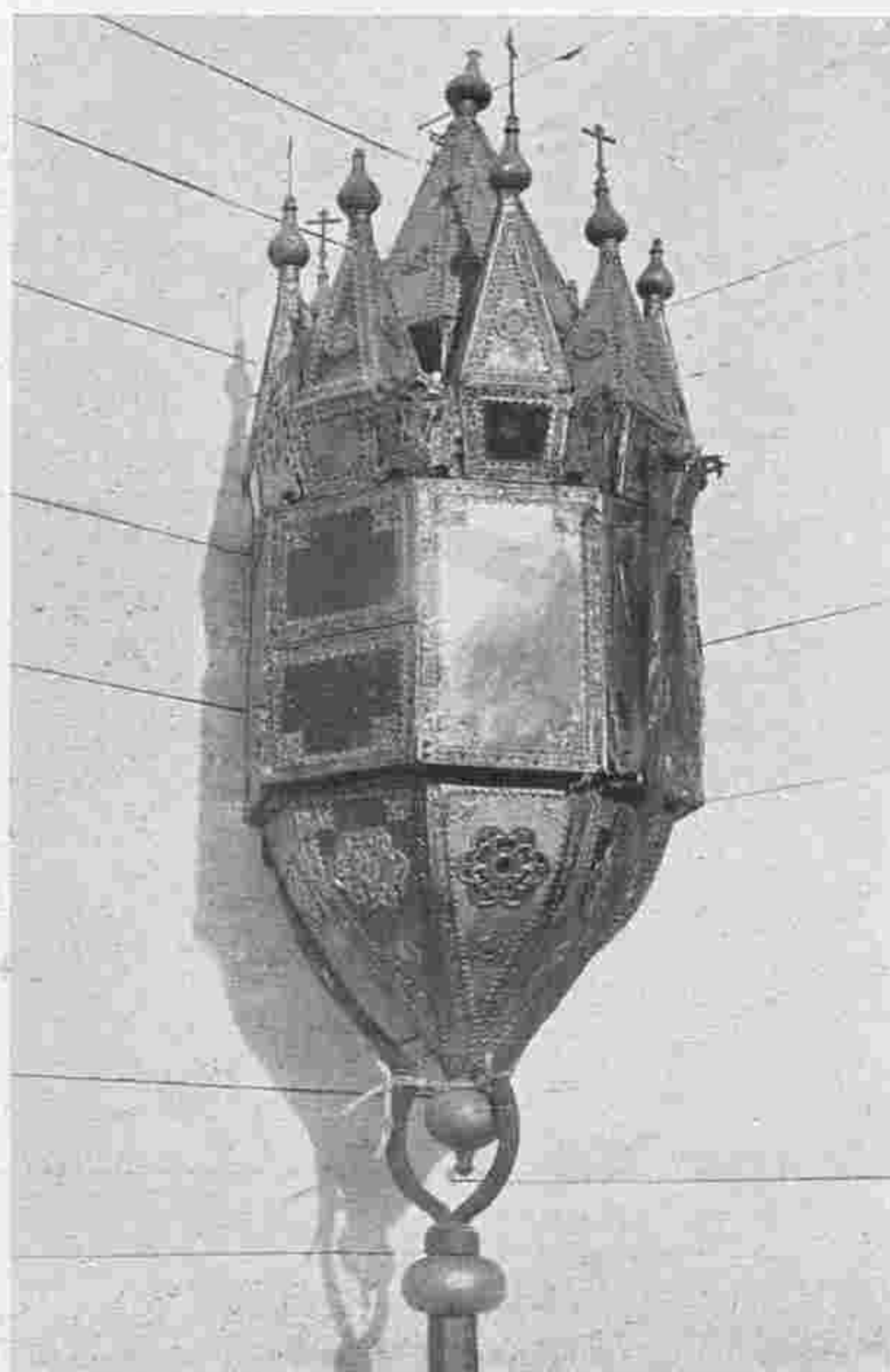

*Церковь въ селѣ Павловскомъ, близъ Каргополя,
обезображенная обшивкой.*

Eglise du bourg Pavlovskoé près Kargopol.

*Внутренность церкви въ Павловскомъ (обезображена бѣленіемъ).
Intérieur de l'église à Pavlovskoé (abimé par le badigeonnage).*

*Слюдяной выносной фонарь въ церкви
села Павловскаго близъ Каргополя.
Lanterne de procession en mica.*

Церковь 1605 г. въ Челмужахъ (Повънецкаго уѣзда).
Eglise de 1605 à Tchelmouji (district de Povénets).

Богородицкая церковь въ Верховьи.
Eglise de Notre Dame à Verkhovié.

*Типъ Олонецкой деревни (село Песчаное, Повънецкаго уѣзда).
Type d'un village du nord (bourg Pestchanoé, district de Povénets).*

*Церковь въ селѣ Подужемьѣ (Кемскаго уѣзда).
Eglise à Podoujemié (district de Kem).*

*Ларцы и бураки (XVIII—XIX в.). Музей Александра III.
Boîtes et coffrets du XVIII et XIX s. Musée Alexandre III.*

*Изба Олонецкой губернии (Петрозаводскаго уѣзда).
Type d'une isba du gouvernement d'Olonets.*

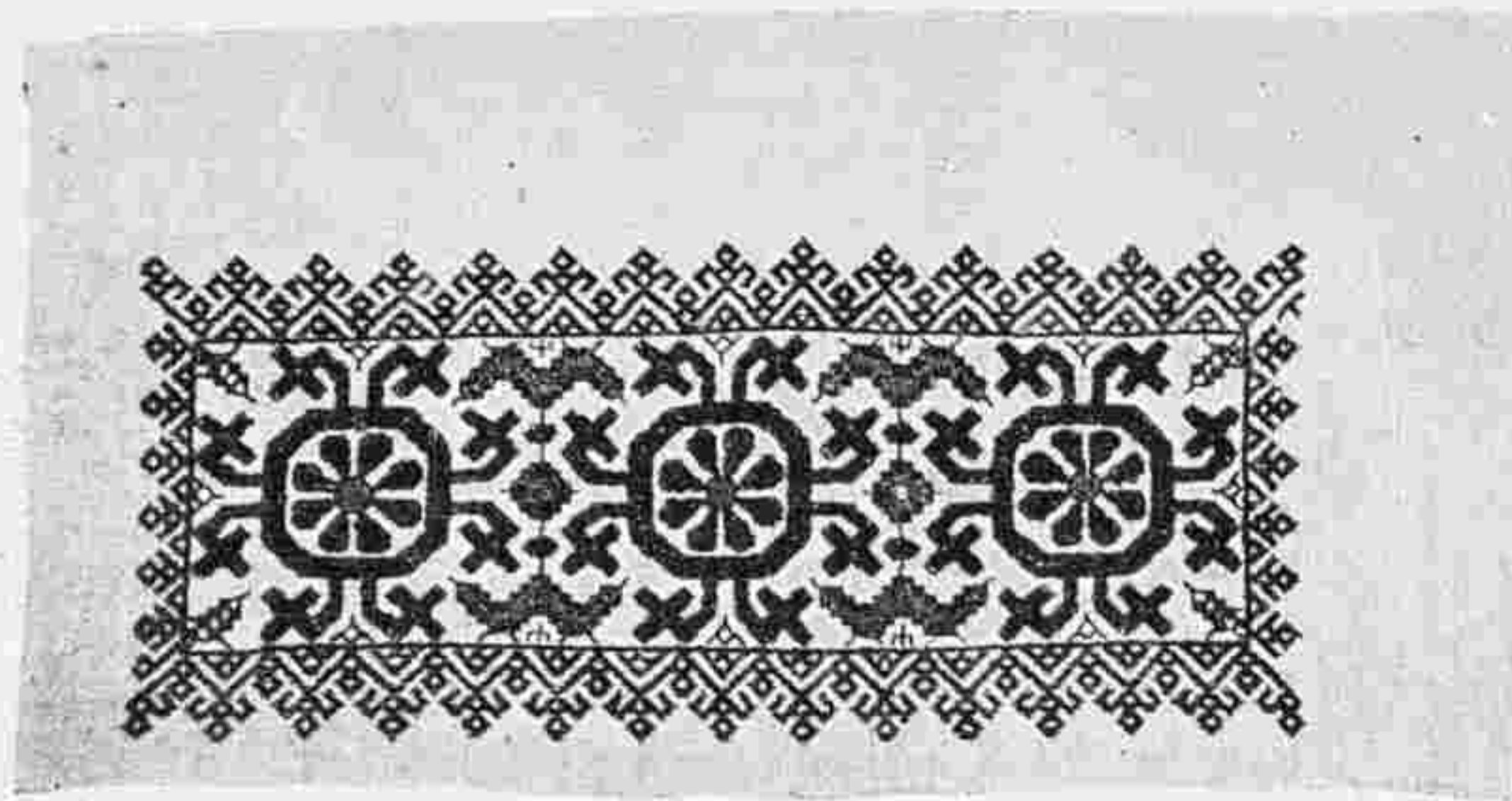
*Крыльцо избы въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.
Perron d'une isba du district de Povénets.*

*Доска для набойки (старого образца).
Bois gravé pour toile.*

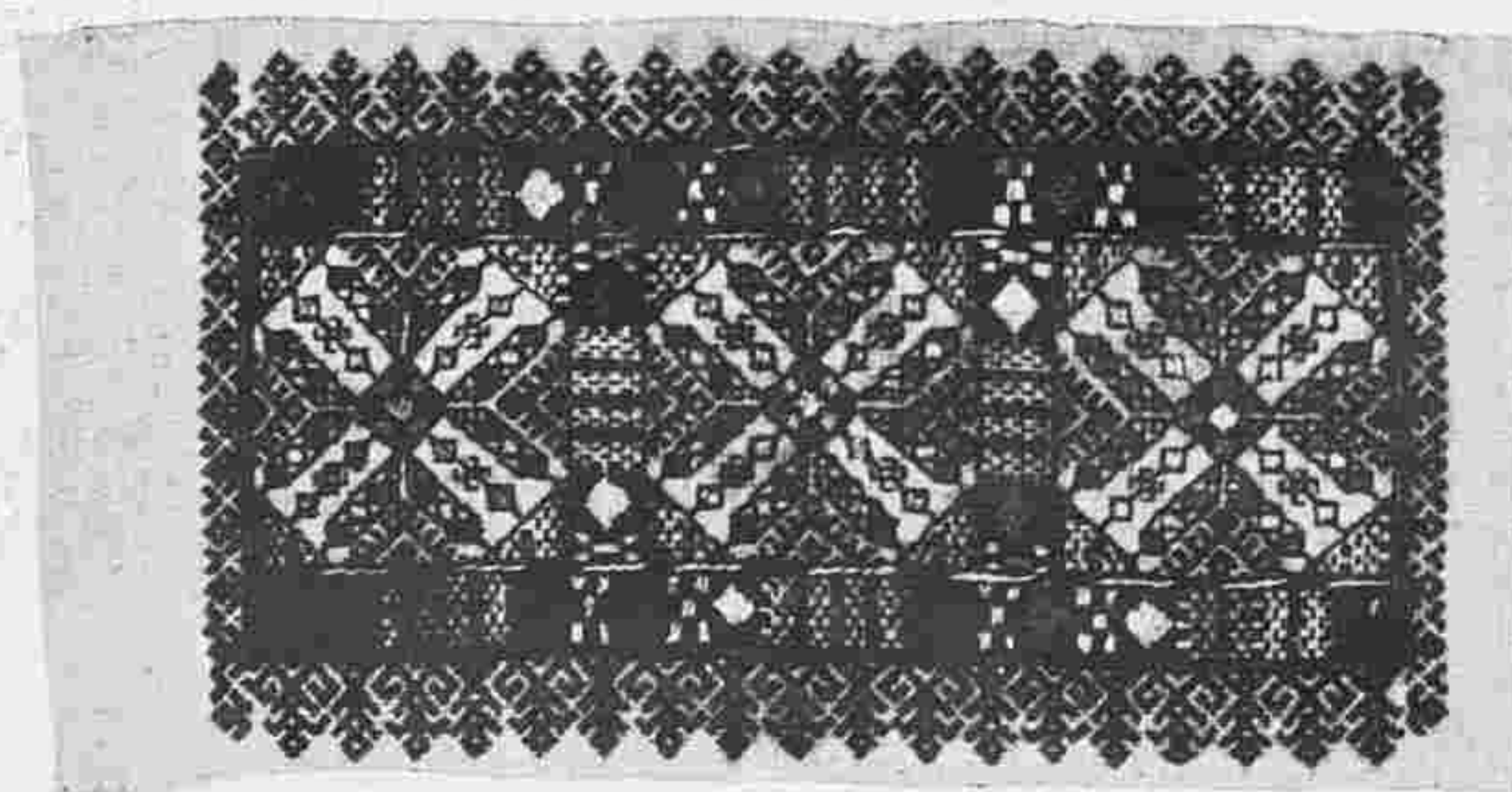

*Крыльцо избы въ Пудожскомъ уѣздѣ.
Perron d'une isba du district de Poudoje.*

Доска для набойки.

Bois gravé pour toile.

*„Намышники“ болъе старого шитья.
Broderies ornant les manches.*

Братины, ковши и солонки изъ Художественнаго Отдѣла Музея Имп. Александра III.
Salières et puisoirs populaires du XVIII—XIX s. Musée Alexandre III.

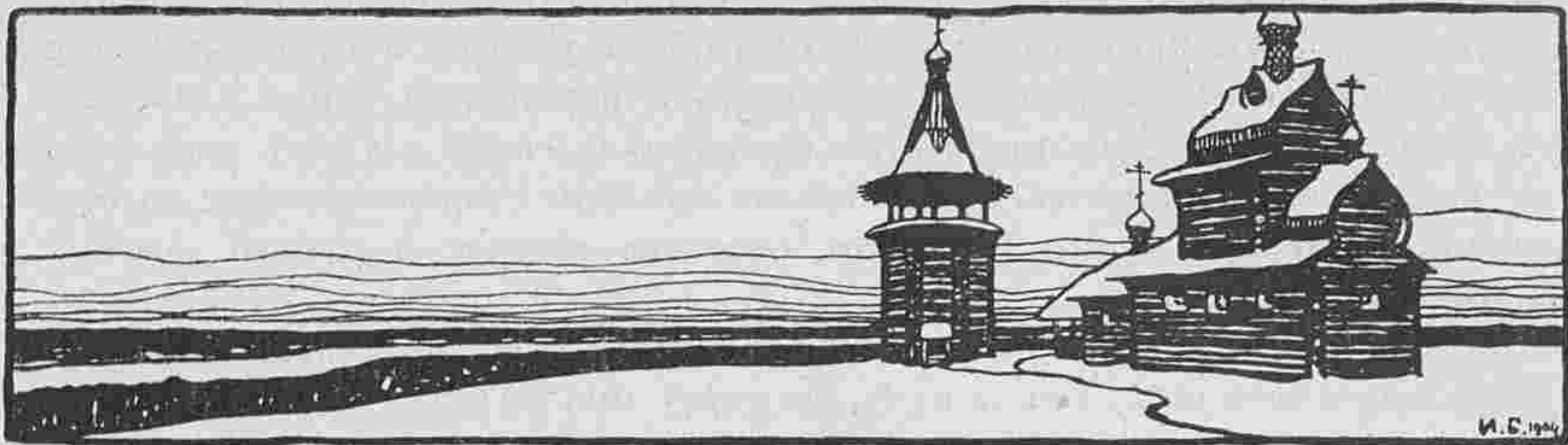

*Колокольня въ Ціозерь (Сольвычегодскаго уѣзда).
Clocher à Tsiozero (district de Solvutchégodsk).*

Доска для набойки стараго образа.

Bois gravé pour toile.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО СѢВЕРА

I.

Несомнѣнно, что русское народное творчество умираетъ, почти умерло. Струя новой жизни сметаешь его, и только кое-гдѣ, въ глуши, тлѣють его послѣднія, гаснушія искры.

Не надо плакать объ этомъ. Такъ и должно быть: это—прошло дѣтство, а оно не вѣчно. Но, если дѣтство было хорошее, если есть, что сохранить отъ него, то это и надо сдѣлать, чтобы всѣ интересныя черты выросшаго ребенка всесторонне развились въ молодомъ взросломъ.

Еще лѣтъ сорокъ тому назадъ Россія была полна отголосками XVII в., этого очаровательнаго сказочнаго времени въ отношеніи народнаго художественнаго творчества и кошмарно тяжелаго въ отношеніи политическомъ.

То обстоятельство, что еще почти вчера крестьянки бросили носить долгіе сарафаны и кики, вполне понятно: всякій человекъ склоненъ подражать тому, что у другихъ, по его мнѣнію, лучше и красивѣе; и когда состоятельные люди московскаго періода одѣвались въ богатые узорчатые наряды и обставляли себя предметами тогдашняго комфорта и тогдашней роскоши, то и низшая братія, стремясь, естественно, къ лучшему, подражала имъ. Народное творчество, какъ и жизнь, никогда не стояло на мѣстѣ; являлись всегда разныя новинки, которыя, примѣшиваясь къ старому, впитывались въ общее цѣлое, перерабатывались, переваривались, и получалось, хотя и родственное, но уже дальнѣйшее. И такъ далѣе. Новинки эти шли и отъ высшихъ классовъ, и отъ пришлыхъ иноземцевъ, и отъ завоевателей, и отъ завоеванныхъ, и все это сносилось въ общую казну народнаго творчества, смѣшивалось и жило дальше.

Но вотъ, нагрянули реформы Петра. Наверху все круто перемѣнилось; такъ круто, что народъ не могъ понять того, что свершилось, и отсталъ. То, что произошло тамъ наверху, было такъ діаметрально противоположно, чуждо и такъ непонятно, а, съ другой стороны, народная творческая казна была еще такъ полна преданіями XVII вѣка, что матеріала для раз-

витія народнаго творчества хватило еще на цѣлое столѣтіе; и вотъ получается двуглавый XVIII вѣкъ, гдѣ съ одной стороны центры и богатый классъ въ отношеніи обычаевъ, одежды, искусства и науки постепенно сливаются съ Западомъ, а народное творчество деревни и далекихъ глухихъ городковъ все еще двигается впередъ, разработывая наслѣдіе стараго времени: носятъ парчи, роскошные головные уборы, строятся шатровыя церкви, все еще живъ XVII вѣкъ!

Но XVIII вѣкъ прошелъ и начинаетъ не хватать пороха въ народныхъ пороховницахъ; а къ новому, богатому пробраться трудно, и нелегко оттуда позаимствовать, ибо тяжелы и крѣпки были цѣпи крѣпостнаго права.

Наконецъ, цѣпи спали, и, естественно, народъ стремится идти впередъ, смутно, опредѣленно не зная, куда, но, непременно, туда, гдѣ лучше и радостнѣй, а съ сарафанами и всѣмъ рукодѣльемъ у него связаны воспоминанія самыя тяжелыя и унижительныя. И неужели можно удержать эту прорвавшуюся лавину, когда забила ключемъ жизнь и когда явились другія, болѣе важныя, фундаментально новыя и неизмѣримо болѣе сильныя жизненныя потребности?!

И намъ, ревнителямъ искусства, остается только собрать бережно то, что осталось отъ прежняго народнаго творчества и доказать, что эти скинутые сарафаны и брошенное рукодѣлье ни въ чемъ не виноваты, что не отъ нихъ жилось такъ плохо, что народное творчество — душа народа и его сила и гордость, что оно не разъ спасало и объединяло народъ, когда, казалось, онъ бывалъ въ предсмертной агоніи, что оно не есть орудіе консерватизма, застоя и регресса и что будетъ время, когда народъ, не всей безсознательной массой, а въ лицѣ отдѣльныхъ сознательныхъ, свободныхъ и культурныхъ лицъ вернется и скажетъ: „верните намъ наши пѣсни, верните намъ наши узоры!“

Народное творчество кончилось. Это значитъ, что народъ пересталъ быть авторомъ дальнѣйшаго развитія своихъ узоровъ и рукодѣлій. Это творчество могло развиваться только на почвѣ замкнутости и значительной отрѣшенности отъ окружающаго. Но крестьяне въ свободные долгіе зимніе вечера и теперь занимаются рукодѣльемъ, но уже болѣе не творятъ. И тутъ-то и надо явиться къ нимъ на помощь, вырвать изъ ихъ рукъ пошлыя рукодѣльныя приложенія къ разнымъ „Нивамъ“, которыя бабы вымолили на поддержаніе у мѣстной матушки или лавочницы, и дать имъ ихъ же деревенскіе старыя образцы и дальнѣйшую художественную разработку ихъ, втолковавъ имъ, что это-то и красиво; но бабы, по большей части, не вѣрятъ и упорно вышиваютъ по канвѣ розы и попугаевъ.

Къ сожалѣнію, художники наши еще мало занимаются разработкой орнаментальныхъ и декоративныхъ мотивовъ. Такихъ помощниковъ под-

держанія правильного народнаго ручнаго труда очень мало; одинъ, два и обчелся. Изъ молодежи большинство черпаетъ свои историко-этнографическія познанія изъ мѣстъ, подобныхъ бутфорской въ академіи художествъ, стремясь писать громадныя никому ненужныя полотна на историческія темы.

Въ губернскихъ городахъ земская постановка художественной помощи крестьянскому рукодѣлю поставлена ниже всякой критики. Отношеніе часто бываетъ открыто недоброжелательное, такъ какъ и эти руководители думаютъ, что какой-нибудь великолѣпный *свой* старинный узоръ есть отсталость и регрессъ, а попугай изъ „Нивы“ культурность и прогрессъ, а не пошлость, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

Кое-гдѣ взгляды устроителей разныхъ земскихъ кустарныхъ музеевъ и т. п. начинаютъ проясняться. Въ Вологдѣ есть постоянная земская выставка кустарныхъ произведеній. Теперь, говорятъ, ею завѣдуетъ одна компетентная въ этомъ отношеніи особа; но лѣтомъ 1903 года, когда я посѣтилъ эту выставку, тамъ было, Богъ знаетъ, что такое! Тамъ была цѣлая партія мужицкихъ издѣлій, заготовленныхъ для выставки Сѣвернаго края въ Ярославлѣ. Вся комната была уставлена точнѣйшими копіями съ швейцарскихъ рѣзныхъ деревянныхъ издѣлій, т. е. тамъ были тщательно вырѣзанные изъ дерева горные козлы и серны, тирольскіе домики, разрѣзальные ножички съ копытцемъ козы вмѣсто ручки и т. д. и т. д. Лицо, находившееся при этой выставкѣ, сообщило мнѣ, что вся эта „Швейцарія“ сработана въ вологодской же губерніи, подъ верховнымъ руководствомъ „постоянной выставки“ и съ особой гордостью указало мнѣ деревяннаго рѣзнаго ангела-хранителя, взятаго прямо со страницъ „Нивы“. Я нашелъ тамъ всѣ кантоны Швейцаріи и ни одного уѣзда вологодской губерніи.

Архангельскій губернскій музей не содержитъ въ себѣ этихъ козловъ. Тамъ довольно полно представлена промысловая сторона Сѣвернаго края. Много моделей рыболовныхъ судовъ и сѣтей, большое количество боченковъ всѣхъ форматовъ для соленія рыбы; много чучелъ сѣверныхъ звѣрей и птицъ; видно, что надъ этимъ постарались. Тамъ же имѣются такіе курьезы, какъ старый мундиръ городничаго (sic) и скелеть монстра-теленка, родившагося о двухъ головахъ. Но меня, какъ художника, поразило нищенское количество костюмовъ, тканей и вышивокъ края, изобилующаго всѣмъ этимъ.

Эту статью я посвящаю тѣмъ моимъ впечатлѣніямъ о крестьянскомъ творествѣ, которыя я вынесъ изъ моихъ трехъ кратковременныхъ лѣтнихъ поѣздокъ по губерніямъ Вологодской, Олонецкой и, частью, Архангельской. Матеріаль слишкомъ обширенъ, чтобы охватить его одною статьей, а потому, оставивъ многое для другого раза, я даю нѣсколько

фотографій съ видѣнныхъ мною деревенскихъ деревянныхъ церквей, съ самыхъ простыхъ обыденныхъ деревенскихъ вышивокъ и набоекъ и нѣкоторыхъ предметовъ домашняго обихода. Такой обширнѣйшій отдѣлъ, какъ одежда и головные уборы, въ частности, здѣсь не будутъ затронуты вовсе.

Состояніе старинныхъ церквей самое плачевное. Находясь въ рукахъ некультурныхъ людей, онѣ вандаьски уничтожаются или искажаются „ремонтами“ до неузнаваемости. Къ нимъ дѣлаютъ пристройки самаго неподходящаго стила, ихъ грубо обшиваютъ тесомъ и затѣмъ окрашиваютъ въ ярко бѣлую краску, „чтобы походило на камень“, отламываютъ галлерейки, опоясывающія многія изъ нихъ, уничтожаютъ богатые высокія крыльца, а, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи есть милый обычай клеивать внутри старинныя церкви (изъ которыхъ многія относятся къ самому началу XVII в.) дешевыми дачными обоями.

Иногда, послѣ объѣзда извѣстной мѣстности архіереемъ, десятки старыхъ церквей приговариваются къ уничтоженію, какъ ненужный хламъ.

И отчего бы не отнять эти старинные драгоценные народные архитектурные памятники у духовенства? Пусть это не будутъ больше церкви, но пусть они останутся, какъ этнографическія реликвіи отъ прошлаго времени.

Я помѣщаю нѣсколько церквей, видѣнныхъ мною въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи въ мѣстности, называемой Кокшенгой, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ той-же губерніи, въ уѣздахъ Пудожскомъ, Каргопольскомъ и Петрозаводскомъ Олонецкой губерніи и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ сѣверныхъ губерній.

Самую интересную шатровую церковь изъ видѣнныхъ мною я нашелъ въ погостѣ Верховьѣ Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи. Тамъ три церкви—одна каменная, новѣйшая, другая—испорченная ремонтомъ деревянная церковь XVIII в. и третья—воспроизводимая здѣсь, старенькая, престаренькая, заброшенная деревянная шатровая церковь, неизвѣстно какого времени; называется она Богородицкой.

Теперь, можетъ быть, ея уже и нѣтъ. Я видалъ ее лѣтомъ 1903 г., и тогда еще мнѣ говорили, что ее хотятъ снести, а на мѣстѣ ея поставить новую, точно такую же. Воображаю, что это будетъ за копія!

Когда я увидалъ эту церковь, я пришелъ въ благоговѣйный трепетъ; я пожалѣлъ, что я не великанъ и не могу взять это милое архитектурное произведеніе и перенести куда-нибудь далеко, въ сохранное мѣсто.

Остовъ церкви имѣетъ форму креста; въ центрѣ его на восьмигранномъ срубѣ (восьмерикѣ) покоится высокая чрезвычайно граціозная шатровая крыша, крытая своеобразной деревянной чешуею, изрѣзанной зубчиками, называемой въ тѣхъ мѣстахъ „лемихомъ“. На концѣ каждаго изъ выступовъ крестообразнаго остова стоитъ по маленькому шатерчику, съ главкой, что придаетъ всей церкви особенно оригинальный видъ. На наружной стѣнѣ церкви видны слѣды бывшей прежде крытой галлерей и крыльца. Уже пятьдесятъ лѣтъ какъ въ этой церкви не служатъ. Она

покосилась на бокъ и вросла въ землю. Заколоченная досками дверь глубоко вошла въ почву и открыть ее не было никакой возможности. Я пробрался туда черезъ окно, прыгая съ значительной высоты внизъ. Внутри—гнилыя, танцующія подъ ногами половицы, заустѣвнїе и стаи вспугнутыхъ галокъ, съ гамомъ разлетѣвшихся въ разныя стороны.

Священникъ въ Верховѣ, молодой, и не могъ, поэтому, мнѣ дать точныхъ данныхъ по исторіи Богородицкой церкви. Старикъ псаломщикъ рассказывалъ, что прежде, еще на его памяти, церковь стояла на столбахъ и на такихъ высокихъ, что подъ нее подѣзжали на лошадяхъ, которыхъ привязывали къ чугуннымъ кольцамъ, вдѣланнымъ въ столбы.

Годъ постройки церкви неизвѣстенъ. Бумаги сгорѣли. Псаломщикъ рассказывалъ, что умершій діаконъ, занимавшійся исторіей этой церкви, говорилъ, что, по его изысканіямъ, церковь построена въ 1439 году. Во-первыхъ, псаломщикъ могъ не точно передавать слова покойнаго діакона, да и послѣдній могъ ошибаться: больно ужъ древняя цифра—1439 годъ. Надо, однако, замѣтить, что церковь очень ветха, и, тогда какъ многія церкви XVII вѣка стоятъ и по сіи дни совершенно крѣпкія и бодрыя, Богородицкая церковь сильно отстала отъ нихъ въ этомъ отношеніи.

Верстахъ въ трехъ, четырехъ отъ Верховья, въ погостѣ, называемымъ Поча, стоитъ другая рубленая шатровая церковь, но относящаяся уже къ XVIII в. Вообще, надо замѣтить, что на сѣверѣ существуетъ масса великолѣпныхъ шатровыхъ церквей, построенныхъ въ XVIII в. Какъ извѣстно, еще со временъ Никона, шатровая форма церкви была запрещена высшей духовной властью, но форма эта была до того излюбленной, что дожидая въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ даже до начала XIX в.

Въ Подкой церкви великолѣпное крыльцо: крытая лѣстница по воздуху спускается съ паперти и затѣмъ раздвояется на обѣ стороны. Форма получается необычайно богатая и красивая. Нельзя не обойти похвалою священника этой церкви, отца А. Певгова, тоже совершенно молодого человека, который, получивъ Подкій приходъ, нашелъ это крыльцо въ совершенно развалившемся видѣ и самъ опять поставилъ его совершенно такъ, какъ оно стояло прежде.

Какъ образецъ шатровыхъ церквей XVIII в., вполне сохранившихъ весь колоритъ церквей XVII в., я даю снимокъ съ церкви Верхней Троицы на Уфтыгѣ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи.

Въ томъ же уѣздѣ, недалеко отъ Сѣверной Двины, верстахъ, кажется, въ 12-ти отъ заштатнаго городка Красноборска находится массивная шатровая церковь 1642 г. въ погостѣ Бѣлая Слуда. Эта церковь хорошо извѣстна. Шатеръ ея недавно подновленъ. „Лемихъ“, сплошь покрывавшій его прежде, оставленъ только подъ самою кровлей, остальная же часть его покрыта тесомъ, и весь шатеръ окрашенъ въ ярко зеленую краску. Главки, къ громадному сожалѣнію, обшиты жестью, но, къ счастью, этимъ ремонтъ и ограничился. Восьмерикъ, срубленный изъ титаническихъ бревенъ, ставшихъ темнокоричневыми отъ времени, остался не-

тронутымъ. Я даю здѣсь снимокъ съ детали этой церкви, охватывающій входъ, крытый ходъ и часть сруба.

Дѣлая перечень снимковъ, помѣщенныхъ въ этой статьѣ, не по мѣстности, а по типу постройки, я долженъ отмѣтить интересную шатровую церковь въ Челмужахъ Олонецкой губ. Повѣнецкаго уѣзда, въ Почозерѣ Пудожскаго уѣзда и въ Павловскомъ—Каргопольскаго той-же губерніи.

Челмужи—одинъ изъ російскихъ курьезовъ. Это государственный архаизмъ. На берегу Онежскаго озера, въ медвѣжьемъ углу, стоитъ обыкновенная деревня, и вдругъ, оказывается, что живутъ въ ней не крестьяне, а бояре Ключаревы. Когда бояре, во время петровскихъ реформъ, перестали существовать, какъ бояре, то эти челмужскіе были, очевидно, забыты, и вотъ, теперь, въ XX в., на сѣверовосточномъ берегу Онежскаго озера, мы встрѣчаемъ горсть людей, которые причисляютъ себя къ сословію, упраздненному уже двѣсти лѣтъ тому назадъ. Съ виду они простые крестьяне.

Челмужская церковь (здѣсь дана деталь ея) построена въ 1605 году. Низъ ея обшитъ тесомъ, но, видимо, давно, такъ какъ онъ весь почернѣлъ, а верхъ (восьмерикъ) остался не обшитымъ. Церковь внутри оклеена дачными обоями. Кое-гдѣ обои эти отъ сырости отклеились и отвисли, и подъ ними видны толстенныя бревна такого лѣса, какой теперь уже не растетъ. Въ нѣсколько часовъ обои эти можно было-бы отодрать, и внутренняя сторона стѣнъ церкви предстала бы въ своемъ первоначальномъ видѣ. И священникъ, и приходъ жалуются на бѣдность и ветхость церкви. Говорятъ, что у другихъ церквей есть „благодѣтели“, а у этой нѣтъ. „Благодѣтелемъ“ же называется особый типъ варвара. Обыкновенно, это мѣстные разбогатѣвшіе крестьяне или торговцы, очень часто „питеряки“, полотерные мастера, разные мелкіе подрядчики, сплавщики лѣса и т. п. Накопивъ деньгу и нахватавшись верховъ питерской образованности, они начинаютъ думать о спасеніи души и берутъ подъ свое высокое покровительство какую-нибудь старую церковь и ремонтируютъ ее на самый питерскій ладъ, и, о Боже, что получается! Старого и не узнаешь. Снаружи эта обновленная церковь походитъ на пригородную дачу съ самыми нелѣпыми и невѣроятными украшеніями, но главный разгулъ ихъ вандализма проявляется внутри: все перекрашивается; стѣны либо бѣлятся, либо оклеиваются обоями, по верху старыхъ иконъ пишутся новыя въ стилѣ столичныхъ богомазовъ; и всѣ страшно рады: приходъ доволенъ и гордится, священникъ доволенъ и тоже гордится, духовное начальство хвалитъ „благодѣтеля“ и награждаетъ его разными печатными благодарностями, а, быть можетъ, и медалью, а самъ онъ, виновникъ торжества, чувствуетъ, что совершилъ религіозный подвигъ; церковь-же, искаженная и опошленная, можетъ быть, видала Смутное время!

Очень красива, хотя и обшитая тесомъ, церковь во имя Происхожденія Честныхъ Древъ Животворящаго Креста Господня въ Почозерѣ. Она состоитъ изъ шатровой колокольни, зимней и лѣтней церкви, причемъ всѣ эти три составныя части соединены переходами. Я даю, кромѣ общаго

вида церкви, деталь ея: шатеръ и главку, оставшіеся въ ихъ первоначальномъ видѣ. Это то милое покрытие главъ чешуею, которое теперь усиленно изгоняется и замѣняется желѣзными листами.

Приходъ мечтаетъ о „ремонтѣ“ церкви, о новой переобшивкѣ ея и объ окраскѣ въ ярко бѣлый цвѣтъ. Прежде, обшитыя церкви окрашивались охрой, что, съ теченіемъ времени, давало довольно пріятный блекло-желтый цвѣтъ. Теперь, какъ было сказано выше, ихъ окрашиваютъ въ ярко-бѣлый.

Церковь построена въ 1700 г.

Въ церкви въ селѣ Павловскомъ подъ г. Каргополомъ (Олонецк. губ.) обшитой и всячески искалѣченной снаружи (интересны двѣ кубическихъ надстройки надъ крышей), хороши массивные столбы внутри ея. Но варвары обмазали ихъ бѣлой известкой, равно какъ и стѣны. И все же и сквозь известку, сквозь всѣ проявленія ихъ дикаго неуваженія къ старинѣ, чувствуется то обаяніе ея, которое навѣваетъ мысли о наивныхъ берендеяхъ, о тридевятомъ царствѣ.

Вѣдь знаетъ же духовное начальство, когда оно совершаетъ свои помпезные объѣзды, значеніе этихъ милыхъ старыхъ ветерановъ; прекрасно знаетъ, и, точно на зло кому-то, даетъ свои приказы о томъ, чтобы все это сносилось и сносилось. Бываютъ исключенія. Мы говорили, что есть мѣста, гдѣ берегутъ эти памятники; но, къ сожалѣнію, больше мѣсть, гдѣ не берегутъ, и курьезно то, что эти противники всего новаго въ жизни являются злѣйшими врагами того, что уцѣлѣло лучшаго отъ стараго времени. Они, по странному стеченію обстоятельствъ, являются въ данномъ отношеніи какъ бы единомышленниками тѣхъ прогрессивныхъ провинціальныхъ людей, абсолютно чуждыхъ чувства малѣйшей художественности, которые, стремясь впередъ, готовы сжечь и вырвать съ корнемъ все то, что напомнило бы имъ о прошломъ.

Полно! Кому мѣшаетъ старая покосившаяся деревянная церквушка? Она безмолвна; своимъ звономъ она не будетъ призывать къ минувшему времени; колокола и тѣ съ нея сняты.

Какъ образецъ симпатичнѣйшихъ шатровыхъ колоколенъ, я даю небольшую, заброшенную колокольню въ Цюзерѣ, Сольвычегодскаго уѣзда Вологодской губ. Она доживаетъ свои послѣдніе дни: покосилась и дрожить отъ вѣтра. Колокола съ нея сняты.

Шатровыя церкви, считавшіяся среди народа въ прежнее время самыми красивыми, не были самыми простыми церквами. Шатровая церковь была болѣе изысканна, чѣмъ, на примѣръ, простая двускатная церковь, типъ самыхъ бѣдныхъ и простыхъ церквей, но бывшихъ, по своему происхожденію, и самыми древними.

Церквей послѣдняго типа еще довольно много. Онѣ состояли, обыкновенно, изъ нѣсколькихъ, примыкающихъ другъ къ другу прямоугольныхъ срубовъ, какъ-то: паперть, трапезная, мѣсто для молящихся и алтарь. Этотъ послѣдній былъ, обыкновенно, не прямоугольной, а многоугольной формы (см. Шольменскую церковь).

Внутри эти церкви даютъ особенно много стародавняго настроенія. Я даю снимокъ съ внутренняго вида подобной церкви въ Заячичьѣ, въ Кокшенгѣ Тотемскаго уѣзда Вологодской губ. Снимокъ сдѣланъ мною изъ трапезной. Трапезная уставлена по стѣнамъ скамьями. Въ ней всегда есть столъ. Назначеніе этой трапезной было характера страннопріимнаго: сюда заблаговременно стекались богомольцы изъ дальнихъ поселковъ; тутъ они располагались на ночь и совершали, въ буквальномъ смыслѣ, свою трапезу.

У многихъ двускатныхъ церквей ребро крыши очень острое и поднято очень высоко. Чувствуется близость скандинавовъ. По моему, эти церкви не менѣе красивы, чѣмъ шатровыя, и въ нихъ какъ-то особенно явственно подчеркивается сѣверъ.

Въ Усть-Паденьгѣ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи есть церковь, перенесенная сюда изъ другого мѣста. Ее разобрали и собрали снова на томъ мѣстѣ, гдѣ она стоитъ сейчасъ. Мнѣ говорили, что ее поставили въ прежнемъ видѣ. Вѣроятно, перемѣны есть, но, въ общемъ церковь эта даетъ очень пріятное впечатлѣніе, и общій ея характеръ остался.

Церковь въ Соденьгѣ Вельскаго уѣзда Вологодской губерніи построена въ концѣ XVIII в. Это—одна изъ излюбленныхъ формъ самобитнаго XVIII вѣка: на высокомъ четырехгранномъ срубѣ стоятъ другъ на другѣ небольшіе все уменьшающіеся восьмерики, заканчивающіеся главкой.

Но нигдѣ мнѣ не приходилось видѣть такого размаха строительной фантазіи, какъ въ Кижяхъ Олонецкой губерніи Петрозаводскаго уѣзда. Еще издалека, подплывая къ этой церкви съ Онежскаго озера, различаешь нѣчто необычайное по своимъ архитектурнымъ формамъ; и когда, подплывъ ближе, видишь всю эту пирамиду нагроможденныхъ одна на другую главъ, то невольно начинаетъ казаться, что тутъ, и на самомъ дѣлѣ, преддверіе какого-то тридесятаго государства.

Кижы—погостъ на самомъ берегу Онежскаго озера. Деревни вблизи нѣтъ. Только—церкви и домики причта. Церквей двѣ: одна — *двадцатидвухглавая*, построенная не то въ самомъ концѣ XVII в. не то въ самомъ началѣ XVIII-го, а другая, тоже очень интересная, девятиглавая — при Екатеринѣ Второй. Хотя обѣ церкви всячески подновлены, но болѣе поздняя сохранила еще чешую на своихъ главахъ. Къ сожалѣнію, у старшей всѣ купола обиты желѣзомъ и окрашены въ яркій свѣтлозеленый цвѣтъ, а сама она кажется бѣлѣе снѣга. Ремонтъ этотъ, говорятъ, совершился совершенно еще недавно.

Въ сумерки-же, особенно, въ позднія, силуэты этихъ церквей на фонѣ лѣтней негаснущей сѣверной зари даютъ чарующее зрѣлище. Что за зодчій былъ, который строилъ такіа церкви!

Такой-же архитектуры церковь, того же мастера, находится недалеко отъ города Вытегры.

И вотъ, глядя на остатки нѣкогда богатаго русскаго деревяннаго

зодчества, скорбишь о томъ, что все оно прошло какъ-то въ пустую и ни къ чему. Кто знаетъ у насъ этотъ настоящій старусскій стиль? Полтора человекъ. Но тѣмъ не менѣе существуетъ вполне опредѣленный, утвержденный „русскій стиль“, въ которомъ строятся дачи, станціи и небольшія деревянныя церкви. Что за проклятіе—всѣ эти постройки, и какими глубокими невѣждами кажутся господа авторы ихъ! Невольно, когда смотришь на все это станціонно-дачное строительное скудоуміе, приходятъ на умъ извѣстныя вычурныя зданья, снабженныя точнымъ указаніемъ, для какого пола назначена какая изъ дверей.

А что за ужасъ творятъ въ этомъ направленіи губернскіе архитекторы, эти представители зодчества въ провинціи. Я видѣлъ чертежи деревянныхъ церквей и колоколенъ въ „русскомъ стилѣ“, созданные ими для какой-нибудь деревни, гдѣ только что сломали шатровую церковь XVIII в., чтобы водрузить этотъ новый шедевръ. Масса какихъ-то ненужныхъ финтифлюшекъ украшаетъ все зданіе. Безсмысленные наличники съ какими-то рѣзными сосульками, какіе-то пѣтухи, смѣшеніе принциповъ деревяннаго зодчества съ каменнымъ и т. д.

Основной принципъ русскаго стариннаго деревяннаго зодчества тотъ, что въ немъ деталь никогда не загромождаетъ общаго. На первомъ мѣстѣ—общая форма. Если строеніе вычурно, то прежде всего оно вычурно по своему общему абрису, какъ на примѣръ, церковь въ Кижяхъ. Украшеніе только слегка, кое-гдѣ, какъ милая виньетка въ концѣ текста, подчеркиваетъ всю общую прелесть строенія. Украшеній, не имѣющихъ практическаго строительнаго значенія, нѣтъ. Благодаря этому какая-нибудь шатровая церковь обладаетъ классическою строгостью въ смыслѣ соотношенія общаго съ его деталями. Ея строитель чувствовалъ (не отдавая себѣ отчета), что можно безъ боязни возвести сплошную большую по площади бревенчатую стѣну и только кое-гдѣ украшалъ ее окошкомъ, опоясывалъ внизу галлерейкой съ точеными балясинами, придѣлывалъ богатое по формѣ крыльцо; онъ чувствовалъ, что бѣдноты впечатлѣнія не будетъ, что избытокъ ненужныхъ нагроможденій фальшивъ и непріятенъ; у него было то гармоничное чувство мѣры, которое сказывается въ каждомъ настоящемъ серьезномъ стилѣ.

Онъ не поступалъ такъ, какъ поступаютъ многіе изъ нынѣшнихъ архитекторовъ, которымъ удалось бѣгло просмотрѣть снимки со старыхъ памятниковъ: желая блеснуть знаніемъ, они заваливаютъ свою постройку тысячею деталей, и получается самая дешевая и неумѣлая поддѣлка.

Мало знать одни внѣшніе, легко осязаемые признаки стиля; нужно сумѣть понять его.

Про избу можно, въ общемъ, сказать то же, что и про деревянную церковь, потому что и та, и другая имѣетъ того-же автора: народъ. Одно только, что изба, „ровесницъ“ стариннымъ церквамъ, не существуетъ. Церковь, какъ достояніе общественное, несмотря на передѣлки, все-же пользуется нѣкоторой долей неприкосновенности, тогда какъ изба, будучи постройкой частной, могла перекраиваться каждымъ ея хозяиномъ. Нако-

нецъ, какъ помѣщеніе жилое, изба очень скоро снашивается, и одна старая церковь видала дѣлую вереницу смѣнившихся поколѣній избъ.

Мнѣ, во время моихъ странствій, не приходилось видѣть очень уже старинныхъ избъ. Иногда можно встрѣтить, хотя и рѣдко, избу начала XIX в.; такія избы стоятъ покосившіяся и, вообще, въ самомъ плачевномъ видѣ.

Если взять среднюю сѣверную деревню, то въ ней половина избъ совершенно новыхъ, а старыми можно назвать тѣ, которыя были построены въ промежутокъ отъ шестидесятыхъ до восьмидесятыхъ годовъ XIX в. Но и эти относительно старыя избы носятъ всѣ прелести инстинктивной народной постройки: занятые наличники, разнообразныя крыльца, иногда, украшенія на крышѣ и т. п.

Вообще, изба интимнѣе церкви. Она, не измѣняя закону соотношенія общаго съ деталями, обладаетъ, тѣмъ не менѣе, бѣльшимъ количествомъ этихъ послѣднихъ и тѣмъ вознаграждается за свою болѣе простую общую форму. Можно смѣло сказать, что, напримѣръ, наличникъ окна старой избы затѣйливѣе наличника старой церкви.

Сѣверныя избы очень богаты. Высокія, наполовину двухъэтажныя, онѣ кажутся теремами, если сравнить ихъ съ лачугами средней полосы Россіи.

Такъ какъ избы достойны не менѣе подробнаго разсмотрѣнія, чѣмъ церкви, а размѣры данной статьи не позволяютъ этого сдѣлать, то, отъ произведеній народнаго зодчества, перейдемъ прямо къ народному искусству узоровъ, находящемуся въ тѣсной связи съ костюмомъ.

Народныхъ костюмовъ больше не носятъ, т. е. тѣхъ костюмовъ, которые наиболѣе интересны для художника, т. е. праздничныхъ. Есть немногія глухія мѣста, гдѣ надѣваютъ еще изрѣдка, въ извѣстные случаи (свадьба, Петровъ день, Святая недѣля), старинные кокошники, долги сарафаны и душегрѣйки, но чаще всего вещи эти лежатъ въ сундукахъ у старухъ, измочаливаются до нитки на святкахъ деревенскими дѣвушками, одѣвающими ихъ какъ курьезъ, или же скупаются.

Разнообразные головные уборы, сарафаны, формы рубахъ, передниковъ, платки и т. п. все это—такой богатый матеріалъ, что опять-таки составляетъ содержаніе для отдѣльнаго подробнаго разсмотрѣнія; а конецъ данной статьи я посвящу спеціально деревенскому орнаменту, поскольку онъ выразился въ вышивкѣ и набойкѣ.

Народный узоръ былъ еще въ полномъ ходу лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ. Пожилыя бабы помнятъ, какъ онѣ вышивали дѣвицами все то, что теперь уже почти окончательно вымерло. Молодому поколѣнію, идеалъ котораго городъ и, главнымъ образомъ, мелкообывательскія роскоши, это старое рукодѣлье, безусловно, не нравится. Когда начинаешь говорить бабамъ, что эти заброшенныя вещи очень красивы, онѣ относятся либо

съ недовѣріемъ, либо прямо смѣются, думая, что имѣютъ дѣло съ какимъ-то чудакомъ.

Но мнѣ приходилось встрѣчать старухъ, не матерей, а бабушекъ, которыя, когда я начиналъ съ ними разговоры о ихъ старыхъ узорахъ, сперва не понимали, что отъ нихъ требуется, а послѣ, понявъ, что разговоромъ руководить одинъ только интересъ, увлекались и начинали съ любовью рассказывать, какъ эти „досельные“ *) узоры переходили отъ матери къ дочери, что вотъ этотъ узоръ назывался такъ-то, а тотъ — такъ-то, что та деревня вышивала на своихъ рукавахъ узоры такого-то образца, другая — другого, а третья — третьяго; что теперь уже такъ не сработать, потому что времена не тѣ; теперь все бы поскорѣе да поможете... и много еще о чемъ ворчали эти бабушки, вспоминая свои юные дни.

На этихъ страницахъ я помѣщаю нѣсколько образцовъ самыхъ обыкновенныхъ крестьянскихъ узоровъ, которые по техникѣ могутъ быть разбиты на три группы: во-первыхъ, шитье по холсту со счетомъ нитокъ красной бумагой, иногда, съ небольшими вставками шитья другого цвѣта ниткой, бумажной же или шелковой; во-вторыхъ, шитье „строчкой“ и, въ третьихъ, шитье, „по письму“.

Перваго рода техника — наиболѣе распространенная. Она захватываетъ большое количество губерній, не ограничиваясь однѣми сѣверными. Мѣстность отличается отъ мѣстности не столько техникой вышивки, какъ самимъ узоромъ, да и то нѣсколько отличаться другъ отъ друга будутъ какіе-нибудь узоры Вологодскіе и Владимірскіе, а тотъ же Вологодскій узоръ будетъ часто тождественъ съ узоромъ Тверскимъ или Новгородскимъ. Конечно, встрѣчаются и нѣкоторые специально мѣстные узоры. Къ узорамъ этого перваго рода техники относятся всѣ помѣщенные здѣсь снимки, подъ которыми не помѣчено названіе техники. Эта техника можетъ быть, въ свою очередь, разбита на два вида: шовъ односторонній, т. е. гдѣ существуетъ лицевая (правая) и обратная (лѣвая) сторона вышивки и шовъ двусторонній, т. е. такой, гдѣ вышивка не имѣетъ ни правой, ни лѣвой стороны, а обѣ стороны одинаковы. Всѣ концы полотенецъ вышиты двустороннимъ швомъ, а такіе предметы, какъ полосы, пришиваемыя съ выпускной стороны простыни, такъ называемыя „тресты“, концы подола въ рубахъ, „намышники“, иначе говоря, наплечники, пришивавшіеся въ верхней части рукава женской рубахи, — всѣ они вышиты швомъ одностороннимъ, ибо двусторонній не имѣлъ бы тутъ практическаго значенія.

Вся эта система вышиванія зиждется на томъ, что вышивальщица, для выполненія узора, руководится числомъ нитокъ холста, на которомъ вышиваетъ; и, тогда какъ современная канва является всегда чѣмъ-то отдѣльнымъ, органически не связаннымъ съ основой, данная техника всегда какъ бы влита въ самую ткань холста, что даетъ впечатлѣніе гармоніи и единства.

*) Т. е. старинные.

„Строчка“ имѣла тоже громадное распространіе. Здѣсь узоръ бѣлый по бѣлому. Изъ холста выдергиваются перпендикулярными другъ къ другу рядами, съ соблюденіемъ одинаковыхъ промежутковъ, извѣстное количество смежныхъ нитокъ. Оставшіяся нитки, въ свою очередь, окручиваются ниткой же; получается сѣтка; и вотъ, путемъ заполнения нѣкоторыхъ изъ отверстій шитьемъ разнаго рода, и получается узоръ.

Вышиваніе „по письму“ заключается въ томъ, что абрисъ узора намѣчается чѣмъ-нибудь на холстѣ и, такимъ образомъ, отдѣляется мѣсто будущаго узора отъ мѣста будущаго фона. Фонъ весь выдергивается сѣткой, какъ въ строчкѣ; контуръ же узора закрѣпляется тамбурнымъ швомъ, чаще бѣлымъ, но иногда и краснымъ. Самъ рисунокъ оставляется либо въ видѣ чистаго холста, либо холстъ этотъ зашивается еще сверху разнаго рода узорами.

Содержаніе самаго узора, исполняемаго всѣми упомянутыми видами вышиванія, бываетъ самое разнообразное. Наиболѣе распространенный узоръ—звѣриный и фигурный, потомъ бываетъ узоръ растительный и геометрическій.

Въ звѣриномъ и фигурномъ узорѣ самыя излюбленныя очертанія—птицы и всадники. Нѣсколько рѣже—разныя звѣри. Рыбъ, кажется, не встрѣчается.

Птицы все больше фантастическія, очень сильно орнаментированныя. Наиболѣе пышнымъ узоромъ считалась „пава-птица“, птица, иногда чрезмерно удлиненная, съ громаднымъ древовиднымъ хвостомъ. Потомъ встрѣчаются птицы съ короткими хвостами, разнаго рода „курушки“ и „ципушки“, какъ называютъ ихъ бабы.

Очень излюблена форма двуглаваго орла, который вышивался на всевозможныя варіаціи; этотъ орелъ часто терялъ свои опредѣленныя формы, принимая, въ своей переходной стадіи, видъ оригинальнаго узора съ элементами и животнаго и растительнаго орнамента. Сами бабы не усматривали этого перехода и уже не замѣчали больше орла, называя узоръ очень странными и непонятными названіями, напр. „корабельная пристань“—несомнѣнный видоизмѣненный двуглавый орелъ. Далѣе слѣды орла постепенно совершенно исчезаютъ, и получается уже узоръ „наводами“ скорѣе растительнаго характера.

Всадники тоже бываютъ самыя разнообразныя. Конь играетъ въ нихъ бѣольшую роль, чѣмъ подобіе человѣчка, сидящаго на немъ; поэтому и категорія этихъ узоровъ чаще всего носитъ названіе „кони“; иногда этотъ человѣчекъ постепенно превращается либо въ какой-то странный стоячій придатокъ, либо въ растеніе.

Звѣрье бываетъ тоже очень разнообразное: „лѣвъ-звирь“, „медвѣди“, „олени“ и др.; только былъ бы тщетный трудъ отыскивать въ этихъ узорахъ сходство съ упомянутымъ звѣремъ: всѣ звѣри характера самаго фантастическаго; на хвостахъ часто нанизаны птички, изъ спинъ растутъ цвѣты и т. д.

Нѣкоторые животныя узоры указываютъ на глубокую древность. Есть

часто встрѣчающееся существо: на одномъ длинномъ туловищѣ помѣщены съ двухъ сторонъ конскія головы; ногъ четыре, а иногда и больше. Въ курганныхъ раскопкахъ часто встрѣчается такая фигура.

Когда всѣ эти узоры были живы, то у каждого изъ нихъ было свое названіе. Теперь большинство названій забыто. Каждое названіе обнимало извѣстный типъ, имѣвшій безконечное количество вариантовъ.

Растительный орнаментъ такъ же далекъ отъ реализма, какъ и животный. Вообще, въ народномъ орнаментѣ не чувствуется ни малѣйшаго желанія изображенія того, что встрѣчается въ обыденной жизни. Народъ русскій, придавленный безотрадной сѣрой дѣйствительностью, искалъ утѣшенія въ сказочныхъ мечтахъ о далекихъ невѣдомыхъ царствахъ съ ихъ необычайными деревьями, птицами и звѣрьми, и прежде, когда простому народу не было видно никакого выхода въ лучшую жизнь, онъ всецѣло предавался народному творчеству, какъ душевному отдыху, а потомъ, когда мелькнула заря возможнаго улучшенія, передъ нимъ вознесся миражъ *города* и „пава-птица“ отлетѣла далеко и безвозвратно.

Набойка тоже почти вывелась. Узоръ измельчился и часто изъ народнаго превратился въ подражаніе ситцамъ. Самыя доски, на которыхъ печатались холсты, изъ большихъ, съ энергичнымъ крупнымъ рѣзнымъ узоромъ, превратились въ миниатюрныя съ узоромъ накладнымъ мѣднымъ. Эти доски стараго образца теперь догниваютъ въ деревняхъ, и бабы прикрываютъ ими горшки со сметаной.

Содержаніе набоечнаго узора подчасъ еще богаче, чѣмъ вышивочнаго, такъ какъ самый матеріалъ (рѣзьба по дереву) менѣе связываетъ творца его, чѣмъ ткань холста.

Наконецъ, относительно отличія набойки отъ вышивки (я говорю про старую крупную набойку) можно сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе, которое, можетъ быть, и ошибочно. Узоръ старыхъ набоечныхъ досокъ шире и общѣе узора вышивочнаго, и въ этомъ сказалось различіе творчества мужского отъ женскаго: вышивали бабы, а доски рѣзали мужики.

Къ данной статьѣ приложено слишкомъ мало снимковъ съ интересной народной домашней утвари, тоже совершенно вымершей, чтобы спеціально на ней останавливаться. Это можетъ послужить матеріаломъ для другого бесѣдованія.

Заканчивая статью, хочется еще разъ сказать, что было-бы преступленіемъ передъ будущимъ, если-бы утерялось хотя бы одно зерно изъ нивы русскаго народнаго творчества, возросшей вѣками.

Но все это творчество—зерна. Зерна должны дать ростки, а не плѣсневетъ въ провіантскихъ магазинахъ. И это зерно должно искать такого-же хода впередъ, какъ и всякое зерно.

Есть у насъ одно учрежденіе, именуемое Русскимъ Собраніемъ. Года три тому назадъ ко мнѣ пришелъ одинъ представитель его и сказалъ

мнѣ, что у него возникъ въ головѣ проектъ переодѣть всѣхъ чиновниковъ Россійской Имперіи въ охабни и кафтаны...

И вотъ, когда слышишь такую „удачную“ мысль, то становится больно за все національное и народное. Неужели-же нельзя придумать чего-нибудь иного, какъ переодѣвать въ національное платье гг. чиновниковъ и строить скверныя пародіи на Василія Блаженнаго тамъ, гдѣ это болѣе, чѣмъ не идетъ?

Неужели же они не понимаютъ, что если бы даже бороды русскихъ бояръ не были насильно обрѣзаны, то теперь все-же не носили бы больше ни горлатныхъ шапокъ, ни кафтановъ съ безконечно-длинными рукавами. Вѣдь при Рюрикѣ одѣвались такъ, а при Андреѣ Боголюбскомъ иначе; при Иванѣ Калитѣ не такъ, какъ при Иванѣ Грозномъ и такъ далѣе.

Когда года два тому назадъ въ одинъ изъ петербургскихъ ресторановъ не пустили одного такого любителя старины, одѣтаго въ старорусское платье, то, по моему, ресторанный швейцаръ поступилъ правильно.

Это все—балластъ русскаго стиля, ненужный и дѣланный, и нельзя же, вспоминая о чарахъ дѣтства, стараться самому вести себя, какъ ребенокъ.

Всѣ подобныя квасныя руссофильскія мѣропріятія, основанныя, по большей части, на ретрогадныхъ политическихъ упорствованіяхъ, только отвращаютъ отъ русскаго національнаго стиля, а не приближаютъ къ нему. Не надо забывать, что всѣ старинныя церкви, старинная утварь и старинныя вышивки — искусство, а, слѣдовательно, совершенно свободны отъ всякихъ государственныхъ тенденцій. Все это дѣлалось потому, что считалось красивымъ и только; и когда баба вышивала на полотенцѣ двуглаваго орла, то дѣлала она это, очевидно, только потому, что ей нравился этотъ узоръ.

Народное искусство не государственно, но національно; такъ же национально, какъ родная рѣчь, которой пользовались и Иванъ Грозный, и Пушкинъ.

Национализмъ есть мощь народа, но только, если понимать его такъ, что онъ основанъ на инстинктивной и бессознательной любви къ лучшимъ духовнымъ проявленіямъ націи, а не на приверженности къ ея случайной внѣшней политической оболочкѣ.

И совершенно такъ же, какъ и жизнь народа, которая неустанно стремится впередъ, стремится впередъ и національное искусство; поэтому то было бы нелѣпымъ абсурдомъ дѣлать скачекъ назадъ на двѣсти лѣтъ и стараться снова возродить эпоху Тишайшаго Царя.

Задача русскихъ художниковъ націоналистовъ крайне сложна, въ виду сложившихся историческихъ событій, которыя свершились и заняли свое строго опредѣленное мѣсто. Реформы XVIII вѣка и, далѣе, XIX вѣкъ прервали постепенное развитіе русскаго народнаго стиля. Онъ, по силѣ инерціи, продержавшись въ деревнѣ весь XVIII вѣкъ, сталъ явно чахнуть въ XIX вѣкѣ и нынѣ почти окончательно замеръ. Къ причинамъ вымиранія національнаго творчества относятся и измѣнившіяся экономическія условія, увеличеніе народонаселенія и уменьшеніе площади пользуемой

земли, отхожіе промыслы, фабрики, города и, наконецъ, смутные идеалы чего то болѣе существеннаго въ отношеніи улучшенія жизни.

Только совершенно недавно, точно Америку, открыли старую художественную Русь, вандальски искалѣченную, покрытую пылью и плѣсенью. Но и подъ пылью она была прекрасна; такъ прекрасна, что вполнѣ понятенъ первый минутный порывъ открывшихъ ее: вернуть! вернуть!

Но вернуть въ томъ видѣ нельзя, такъ какъ кости тѣхъ людей, которые носили старинныя парчи, давно истлѣли, и съ тѣхъ поръ успѣлъ вырости величавый Петербургъ съ его „каменными громадами“.

И вотъ, художникамъ-націоналистамъ предстоитъ колоссально трудная работа: они, пользуясь богатымъ старымъ наслѣдіемъ, должны создать новое серьезное, логически вытекающее изъ того, что уцѣлѣло. Страшно трудно найти вѣрный путь. Многія изъ исканій, казавшіяся очаровательными вчера, уже надобдаютъ сегодня и на нихъ не хочется смотреть. Много крупныхъ художниковъ, казавшіеся вчера создателями новой національной эры, сегодня кажутся только искателями и, можетъ быть, предтечами. Создалась, наконецъ, цѣлая полоса какого-то русскаго модерна, чисто западное вѣяніе, заимствовавшее отъ русскаго только нѣкоторыя внѣшнія формы. Многіе изъ узоровъ Полѣновой, Якунчиковой и Давыдовой очень красивы и декоративны, но это не русскій стиль.

Будемъ ждаты и, не теряя времени, собирать и собирать все, что еще осталось стараго въ избахъ, и изучать и изучать. Постараемся, чтобы ничто не ускользнуло отъ нашего вниманія; и, можетъ быть, подъ вліяніемъ увлеченія минувшей красотой и создастся, наконецъ, новый русскій стиль, вполнѣ индивидуальный и не мишурный. И чѣмъ сильнѣе будетъ это увлеченіе, тѣмъ больше данныхъ на рожденіе новаго русскаго стиля. Творцы стилей — художники. Абсурдъ говорить, что русскіе художники должны, непременно, любить русское, а нѣмецкіе—нѣмецкое. Настоящій націонализмъ художника сказывается не въ томъ, что онъ заранѣе говоритъ себѣ: буду работать въ русскомъ стилѣ, а въ томъ, что будучи, связанъ тысячью незамѣтныхъ, но несомнѣнныхъ нитей со своей страной, онъ совершенно безотчетно и инстинктивно имѣетъ тяготѣніе именно къ этой странѣ, а не къ другой; и когда онъ, знакомясь съ наслѣдіемъ національнаго прошлаго и изучая его, проникается все болѣе и болѣе любовью къ художественному прошлому родины, то его безплотное тяготѣніе получаетъ плоть и кровь и онъ, человекъ нынѣшняго времени, ушедшій слишкомъ на двѣсти лѣтъ отъ послѣднихъ годовъ Московской эпохи, явится прямымъ продолжателемъ русскаго національнаго творчества, но болѣе интереснымъ, культурнымъ и широкимъ, чѣмъ его отдаленные предшественники.

У насъ не изучаютъ русскаго орнамента. Собранія вышивокъ и другихъ узоровъ находятся пока закрытыми для большой публики. Масса молодыхъ людей, желающихъ быть художниками, изучаютъ этотъ русскій стиль по художникамъ же.

Пока самыми типичными представителями русскаго орнамента счита-

лись украшенія старыхъ церковныхъ книгъ, какъ-то: заглавные листы, заставки, концовки и заглавныя буквы,—въ сущности, наименѣе самостоятельныя и наиболѣе заимствованныя составныя части національнаго орнаментальнаго творчества. Да и тутъ художники, ничтоже сумняшася, на одинъ и тотъ же орнаментный рисунокъ ставятъ орнаментъ XII и XVII вѣковъ, будто бы все, что было до Петра, было что то общее „старорусское“.

Несомнѣнно, будущіе составители исторіи русскаго орнамента, если это не будутъ сухіе классификаторы и регистраторы, откроютъ цѣлыя законы народнаго узора, и какое упоеніе для русскаго орнаментиста будетъ видѣть собранный вмѣстѣ весь этотъ чудный садъ, наполненный невѣдомыми древами и самыми невѣроятными птицами и звѣрьемъ.

Задача будущихъ этнографическихъ музеевъ такова, чтобы ничто тамъ не было скрыто, чтобы легкіе и, сравнительно, небольшіе узоры не загромождались громоздкими ткацкими станками, валенками и лаптями и чтобы художники тамъ были первыми и желанными гостями, чтобы передъ ними распахивались настежь всѣ двери музейскихъ шкаповъ, такъ какъ художники являются толкователями скрытой красоты множества народныхъ произведеній, которыя не бросаются въ глаза публики съ ея перваго взгляда.

Необходима возможно широкая пропаганда народнаго узора во всѣхъ художественныхъ органахъ (которыхъ, кстати сказать, у насъ поразительно мало), какъ дорогихъ, такъ и дешевыхъ, чтобы и глухая провинція съ удивленіемъ увидала, что все брошенное старое, оказывается не смѣшно, а прекрасно, и что новые еще невиданные мотивы, суть дѣти тѣхъ же брошенныхъ старыхъ, дѣти, ушедшія еще далѣе впередъ, чѣмъ ихъ родители, но все же несомнѣнныя дѣти.

Сердечно жаль тѣхъ кустарей, которые, иногда смутно чуя нарождающуюся потребность въ вещахъ русскаго стиля, очевидно, работаютъ съ завязанными глазами, безъ серьезнаго художественнаго руководства, пользуясь какими-то случайными и крайне скудными сырыми матеріалами, а подчасъ, подражая другому предмету, сработанному въ „русскомъ стилѣ“.

Итакъ, будемте же копаться въ старыхъ тряпкахъ, на которыхъ истлѣвшими нитками начертаны старинные узоры, въ полусгнившихъ набоечныхъ доскахъ, во всемъ старомъ, обратившемся въ прахъ и пепелъ и попробуемъ повѣрить, что изъ этого пепла вылетитъ обновленная птица Фениксъ.

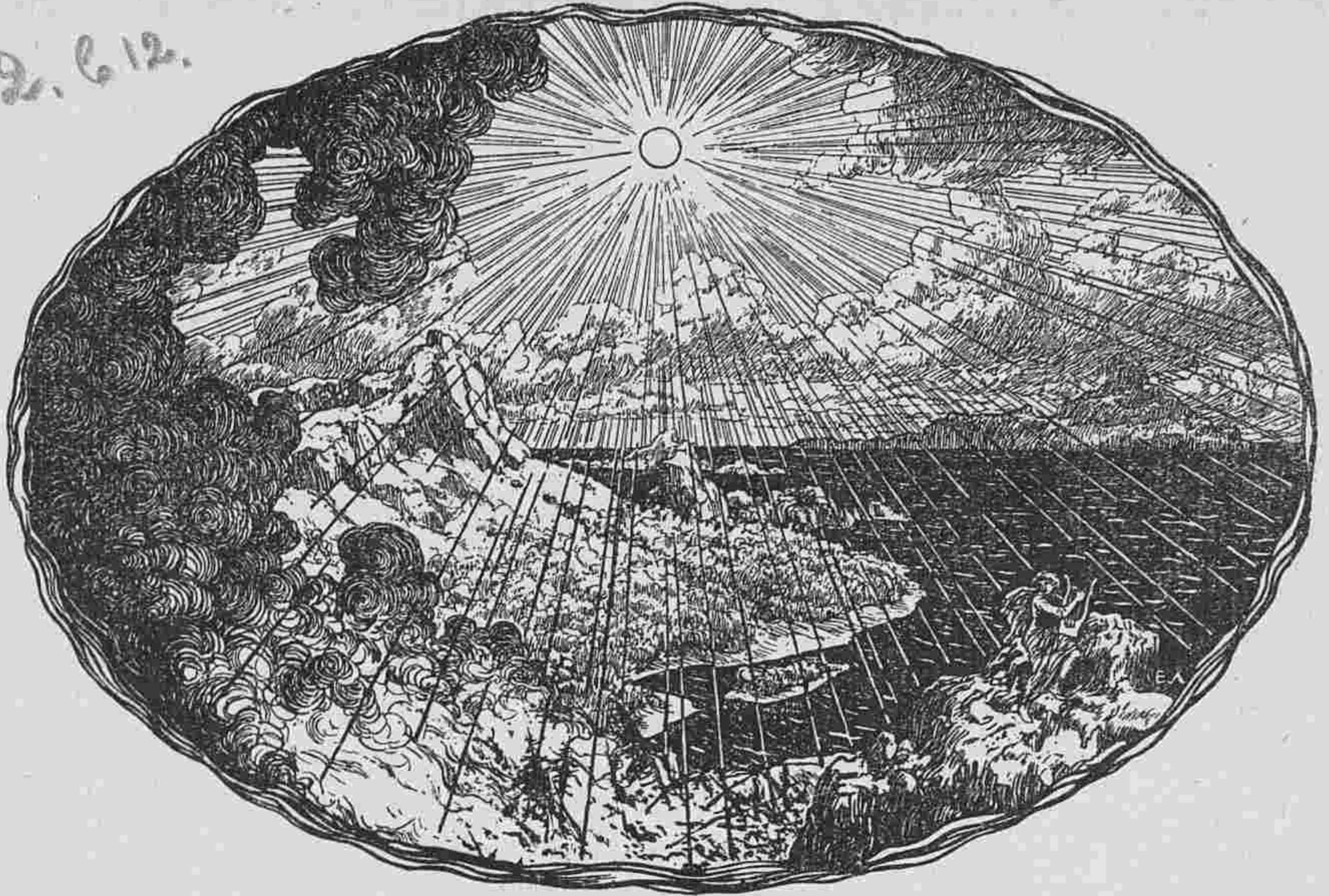
И. Вилибинъ.

Декабрь. 1904 г.

20042

ПОЭЗІЯ СТИХІЙ.

т 12. 6. 12.

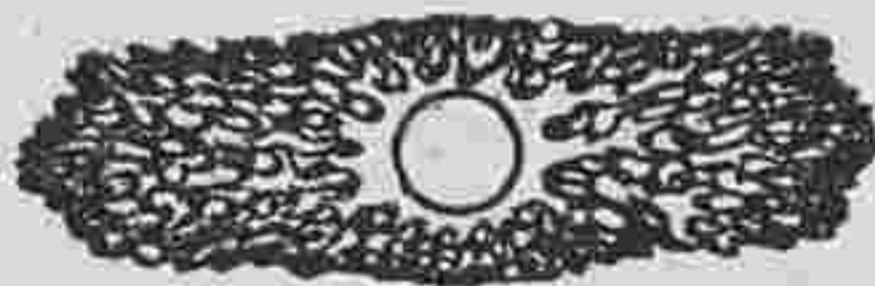

Гимнъ Солнцу.

I.

Жизни податель,
 Свѣтлый создатель,
 Солнце тебя я пою.
 Пусть хоть несчастной
 Сдѣлай, но страстной,
 Жаркой и властной
 Душу мою!

Жизни податель,
 Богъ и Создатель,
 Страшный сжигающій Свѣтъ.
 Дай мнѣ — на пиръ
 Звукомъ быть въ лирѣ,
 Лучшаго въ мѣрѣ
 Счастія нѣтъ!

2.

*О, какъ, должно быть, было это Утро
Единственно въ величїи своемъ,
Когда, въ рубинахъ, въ нѣгъ перламутра,
Зажглось ты первымъ творческимъ лучомъ.*

*Надъ Хаосомъ, гдѣ каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвѣтъ,
Во всемъ была живая полносложность,
Все было „Да“, не возникало „Нѣтъ“.*

*Въ ликующемъ и пьяномъ Океанѣ
Тьмы темъ очей глубокихъ ты зажгло,
И не было нигдѣ для счастья грани,
Любились всѣ, такъ жадно и свѣтло.*

*Дѣйствительность была равна съ мечтою,
И такъ же близъ была свѣтла, какъ даль.
Чтобъ пѣсни трепетали красотою,
Не надо было въ нихъ впадать печаль.*

*Все было многолико и едино,
Все нѣжило и чаровало взглядъ,
Когда изъ перламутра и рубина
Въ то Утро ты соткало свой нарядъ.*

*Потомъ, вспоивъ столѣтья, миллионы
Горячихъ, огнецветныхъ, страстныхъ дней,
Ты жизнь вело чрезъ выси и уклоны,
Но въ каждый взоръ вливало блескъ огней.*

*И много разъ ликъ міра измѣнялся,
И много протекло могучихъ рѣкъ,
Но громко голосъ Солнца раздавался,
И пѣсню крови слышалъ Человѣкъ.*

*„О, дѣти Солнца! Какъ они прекрасны!“
Тотъ возгласъ перешелъ изъ устъ въ уста.
Въ тѣ дни лобзанья вѣчно были страстны,
Въ лицѣ красива каждая черта.*

*То въ Мексикѣ, гдѣ въ таинствахъ жестокихъ
Цвѣли такъ страшно красные цвѣты, —
То въ Индіи, гдѣ въ душахъ свѣтлоокихъ
Сложился блескъ ума и красоты, —*

*То тамъ, гдѣ Аписъ, весь согрѣтый кровью,
Склонивъ чело, на немъ являлъ звѣзду,
И, съ нимъ любя безстрашною любовью,
Лобзались люди въ храмахъ, какъ въ бреду, —*

*То между сновъ пластической Эллады,
Гдѣ Діонисъ царилъ и Аполлонъ,—
Вездѣ ты лило блескъ въ людскіе взгляды,
И разумъ міра въ Солнце былъ влюбленъ.*

*Какъ не любить свѣтило золотое,
Надежду запредѣльную Земли!
О, вѣчное, высокое, святое,
Созвучью нѣжныхъ строкъ моихъ внемли.*

3.

*Я все въ тебѣ люблю. Ты намъ даешь цветы,
Гвоздики алыя, и губы розъ, и маки,
Изъ безразличья темноты
Выводишь міръ, томившійся во мракъ,
Къ красивой цѣльности отдѣльной красоты,—
И въ слитномъ Хаосѣ являются черты,
Во мгль, что предѣ тобой, вдругъ дрогнувъ, подается,
Встаютъ—они и мы, глядятъ—и я, и ты,
Ростетъ, поетъ, сверкаетъ, и смѣется,
Ликуетъ празднично все то,
Въ чемъ лучъ горячей кровью бьется,
Что ночью было какъ ничто.*

*Безъ Солнца были бы мы темными рабами,
Внѣ пониманія, что есть лучистый день,
Но самоцвѣтными камнями
Теперь мечты горятъ, намъ зримы свѣтъ и тѣнь.
Безъ Солнца облака—тяжелыя, густыя,
Недвижно-мрачныя, какъ тягостный утесъ,
Но только ты взойдешь,—воздушно-золотыя,
Они воздушный дѣтскихъ грезъ,
Нѣжный, чѣмъ мысли молодыя.*

*Еще ты не взойдешь, а міръ уже поетъ,
Надъ соснами гудитъ звенящій вѣтеръ Мая
И влагой синюю пошь ты небосводъ,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.*

*И вотъ твой яркій дискъ на небеса взошелъ,
Превыше вѣчныхъ горъ, горишь ты надъ богами,
И люди Солнце пьютъ, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глазъ, привыкшихъ видѣть долъ,
На Солнце лишь глядитъ орелъ,
Когда летитъ надъ облаками.*

Но, не глядя на ликъ, что ослѣпляетъ встѣхъ,
Мы чувствуемъ тебя въ громахъ, въ нѣмой былинкѣ,
Когда, желанный намъ, мы слышимъ звонкій смѣхъ,
Когда увидимъ лучъ, средь чащи, на тропинкѣ.

Мы чувствуемъ тебя въ рѣль полночныхъ звѣздъ,
И въ глыбахъ темныхъ тучъ, разорванныхъ грозою,
Когда межъ нихъ горитъ, манящей полосою,
Воздушный семицвѣтный мостъ.

Тебя мы чувствуемъ во всемъ, въ чемъ блескъ алмазный,
Въ чемъ блескъ коралловый, жемчужный, иль иной,
Безъ Солнца наша жизнь была бѣ однообразной,
Теперь же мы живемъ мечтою вѣчно-разной,
Но больше всего ласкаешь ты—весной.

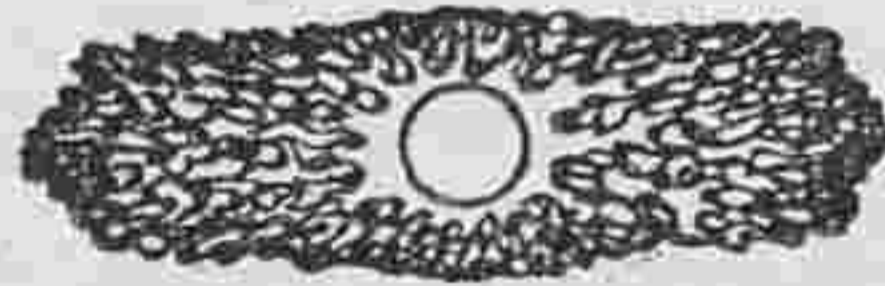

4.

Свѣжей весной
Все-озаряющее,
Насъ опьяняющее
Цвѣтомъ, тепломъ, новизной,
Слабые стебли для жизни прямой укрѣпляющее,
Ты, пребывающее
Съ нимъ, неизвѣстнымъ, съ тобою, любовь, и со мной!
Ты теплое въ радостно-грустномъ Апрельѣ,
Когда на зарѣ
Играютъ свирѣли;
Горячее въ лѣтней порѣ,
Въ палящемъ Юльѣ,
Родящемъ зернистый и сочный приливъ
Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ,
Что въ свѣтъ лучей потонули.
Ты жгучее въ Африкѣ; свѣтъ твой горитъ
Смертельно, въ часъ полдня, вблизи Пирамидъ,
И въ зыбяхъ песчанной Сахары.
Ты страшное въ нашей Россіи лѣсной,
Когда, воспринявши палящій твой зной,
Рокочутъ лѣсные пожары.
Ты въ отблескахъ мертвыхъ, въ предѣлахъ тѣхъ странъ,
Гдѣ бѣлою Смертью одѣтъ Океанъ,
Что люди зовутъ Ледовитымъ,
Гдѣ стелются версты и версты воды,
И вѣчно звенятъ и ломаются льды,
Бѣльня подъ вѣтромъ сердитымъ.

Въ Норвегіи блѣдной — полночное ты;
Сіянемъ полярнымъ глядишь съ высоты,
Горишь въ сочетаньяхъ нежданныхъ.
Ты тусклое тамъ, гдѣ взрастаютъ лишь мхи,
Цѣпляются въ тундрахъ, глядятъ какъ грѣхи,
Въ краяхъ, для тебя нежеланныхъ.
Но Солнцу и въ тундрахъ предѣльности нѣтъ,
Они получаютъ зловѣщій твой свѣтъ,
И если есть черныя страны,
Гдѣ люди въ бреду и въ видѣньяхъ весь годъ,
Тамъ день есть межъ днями, когда небосводъ
Мигъ правды даетъ за обманы.
И тотъ, кто томился весь годъ безъ лучей,
Въ мигъ Правды богаче избранниковъ дней.

5.

Я тебя воспѣваю, о, яркое, жаркое Солнце,
И хоть знаю, что я и красиво, и нѣжно пою,
И хоть струны Поэта звончій золотого червонца,
Я не въ силахъ исчерпать всю властность, всю чару твою.

Еслибъ я родился не пѣвцомъ, истомленнымъ тоскою,
Еслибъ былъ я звенящей блестящей свободной волной,
Я украсилъ бы берегъ жемчужиной — искрой морской —
Но не зналъ бы я, сколько сокрыто ихъ въсьхъ глубиной.

Еслибъ я родился не стремящимся жаднымъ Поэтомъ,
Я расцвѣлъ бы какъ ландышъ, какъ бѣлый влюбленный цвѣтокъ,
Но не зналъ бы я, сколько цвѣтовъ раскрывается лѣтомъ,
И душистые сны сосчитать я никакъ бы не могъ.

Такъ тебя воспѣвая, о, Счастье, о, Солнце святое,
Я лишь частію слышу ликующій жизненный смѣхъ,
Все люблю я въ тебѣ, ты во всемъ и всегда молодое,
Но сильнѣе всего то, что въ жизни горишь ты — для всѣхъ.

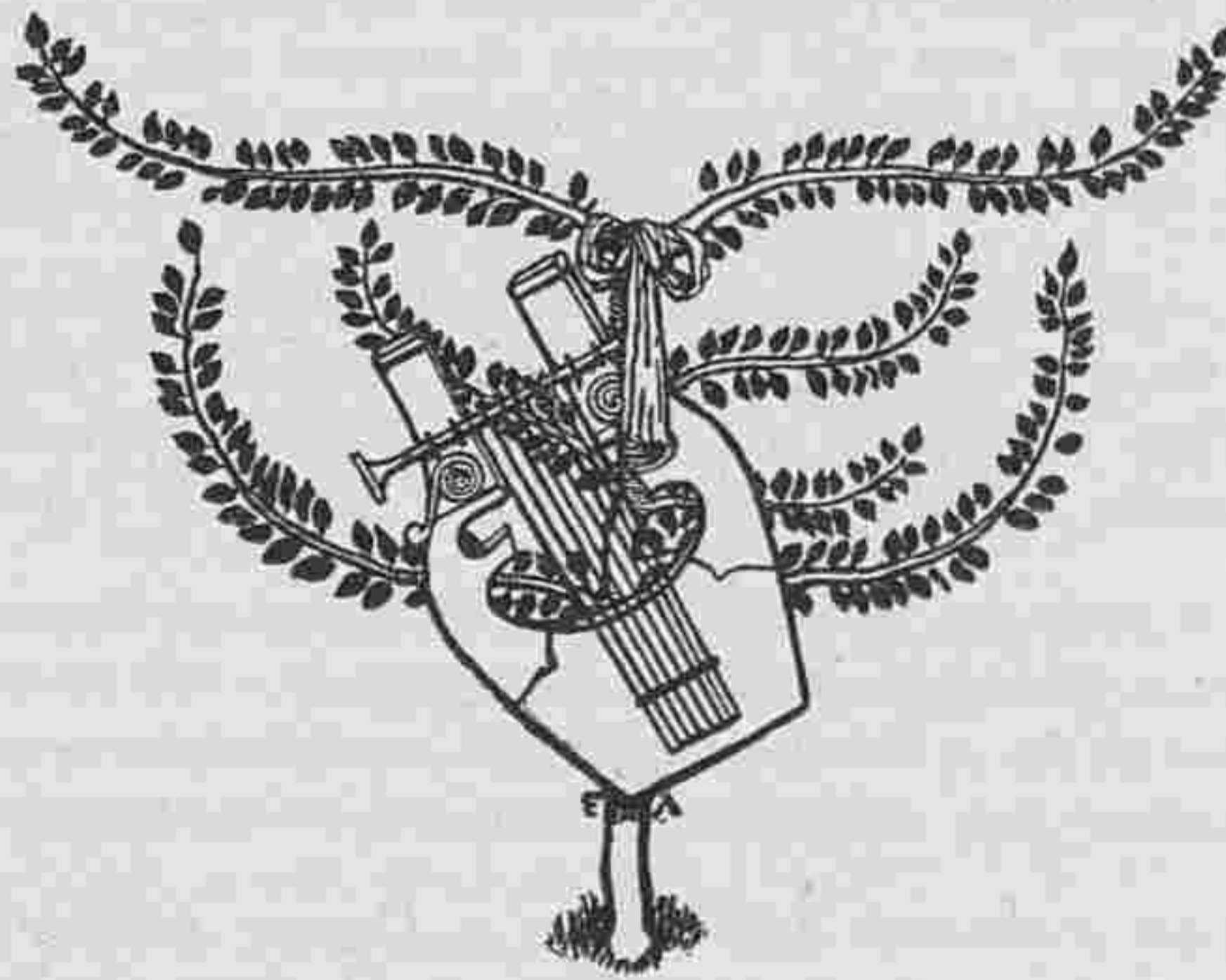

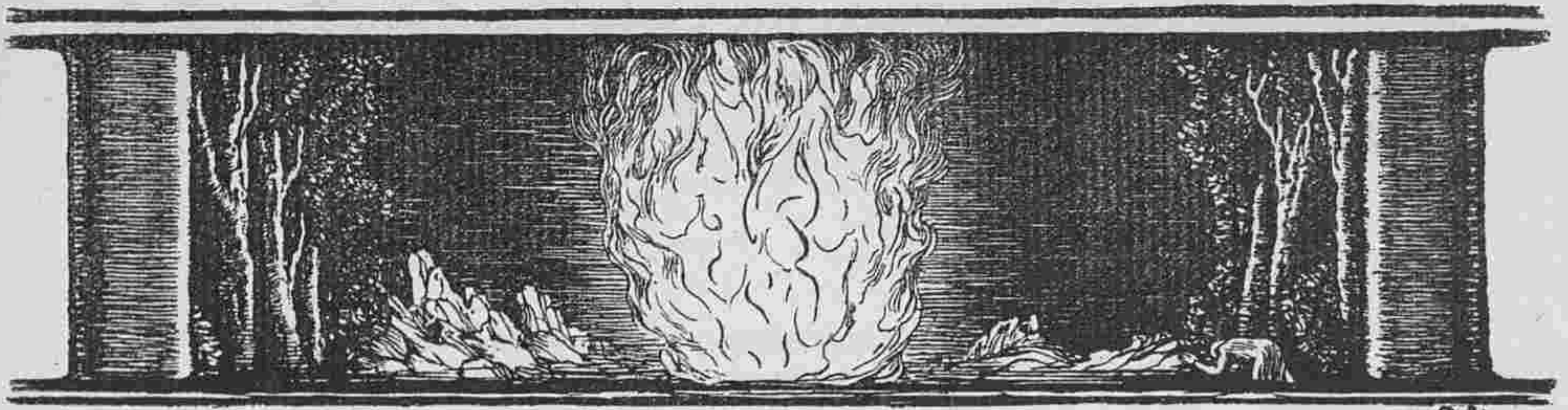
7.

О, Міроздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты въ полногласной
Сказкѣ прекрасной
Сдѣлало страстной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и Создатель,
Мудро сжигающій—Свѣтъ!
Радъ я на пирь
Звукомъ быть въ лирь,
Лучшаго въ мірь
Счастія нѣтъ!

К. Бальмонтъ.

80

Ш О Г О Н Ь Т

Огнепоклонникомъ я прежде былъ когда-то,
Огнепоклонникомъ останусь я всегда.
Мое индійское мышленіе богато
Разнообразіемъ разсвѣта и заката,
Я между смертными—падучая звѣзда.

Средь человѣческихъ безцвѣтныхъ привидѣній,
Межъ этихъ будничныхъ безжизненныхъ тѣней,
Я вспышка яркая, блаженство изступленій,
Игрою красочной свѣтло вѣнчанный геній,
Я праздникъ радости, расцвѣта и огней.

Какъ обольстительна въ провалахъ тьмы комета!
Она пугаетъ мысль и радуется мечту.
На всемъ моемъ пути есть свѣтлая примѣта,
Мой взоръ—блестящій кругъ, за мною—вихри свѣта,
Изъ тьмы и пламени узоры я плету.

При разрѣшенности стихійнаго мечтанья,
Въ начальномъ Хаосѣ, еще не знавшемъ дня,
Не гномомъ роющимъ я былъ средь мірозданья,
И не ундиною морского трепетанья,
А саламандрою творящаго огня.

Подъ Гималаями, чьи выси—въ блескахъ Рая,
Я понялъ яркость думъ, среди долинной мглы,
Горѣла въ темнотѣ моя душа живая,
И людямъ я свѣтилъ, костры имъ зажигаю,
И Агни свѣтлому слагалъ свои хвалы.

Съ тѣхъ поръ, какъ мигъ одинъ, прошли тысячелѣтья,
Смѣшались языки, содвинулись моря.
Но все еще на Свѣтъ не въ силахъ не глядѣть я,
И знаю явственно, пройдутъ еще столѣтья,
Я буду все свѣтить, сжигая и горя.

О, да, мнѣ нравится, что было такъ и ало
Горьнѣе вѣчное земныхъ и горнихъ странъ.
Молиться пламени сознанье не устало,
И для блестящаго мнѣ служатъ ритуала
Уста горячія, и Солнце, и вулканъ.

Какъ убѣдительно лучей растущихъ чара,
Когда намъ Солнце вновь бросаетъ жаркій взглядъ,
Неисчерпаемость блистательнаго дара!
И въ красномъ заревѣ побѣднаго пожара
Какъ убѣдительно, въ оправѣ тьмы, закатъ!

И въ страшныхъ кратерахъ—молитвенные взрывы:
Качаясь въ пропастяхъ, рождаются на днѣ
Колосья пламени, чудовищно-красивы,
И вдругъ взмечтаются пылающія нивы,
Уставъ скрывать свой блескъ въ могучей глубинѣ.

Бѣгутъ колосья ввысь изъ творческаго горна,
И шелестѣнья ихъ слагаются въ напѣвъ,
И стебли жгучіе сплетаются узорно,
И съ свистомъ падаютъ пурпуровыя зерна,
Для сна отдѣльности въ той слитности созрѣвъ.

Не то же ль творчество, не то же ли горьнѣе,
Не тѣ же ль ужасы, и та же красота
Кидаютъ любящихъ въ безумное сплетенье,
И заставляютъ ихъ кричать отъ наслажденья,
И замыкаютъ имъ безмолвіемъ уста!

*Въ порывъ бѣшенства въ себя принявши Вѣчность,
Въ истомѣ сладостной—блаженной слѣпоты,
Они вдругъ чувствуютъ, какъ дышетъ Безконечность,
И въ ихъ сокрытностяхъ, сквозь ласковую млечность,
Молніеносные рождаются цветы.*

*Огнепоклонникомъ Судьба мнѣ быть велѣла,
Мечть молитвенной ни въ чемъ преграды нѣтъ.
Единымъ пламенемъ горятъ душа и тѣло,
Глядимъ въ бездонность мы въ узорностяхъ предѣла,
На вѣчный праздникъ снова зоветъ безбрежный, Свѣтъ.*

К. Бальмонтъ.

1.

*Вода, стихія сладострастія,
Вода, зеркальність наших думъ,
Бездонность сновъ, безбрежность счастья,
Часовъ бѣгущихъ легкой шумъ.*

*То недвижимо-безглагольная,
То съ неудержною волной,
Но вѣчно-легкая и вольная,
И вѣчно дружная съ Луной.*

*И съ Солнцемъ творческимъ сліянная,
То—гуль, то—плескъ, то—блестки струй.
Стихія страстная и странная,
Твой голосъ—влажный поцѣлуй.*

2.

*Отъ капли росы, что трепещетъ, играя
Огнемъ драгоценныхъ камней,
До блѣдныхъ просторовъ, гдѣ, вдаль убѣгая,
Вьнчается пѣною влага морская
На глади бездонныхъ морей,
Ты всюду, всегда, неизмѣнно-живая,
И то изумрудная, то голубая,
То полная красныхъ и желтыхъ лучей,
Оранжевыхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ, и синихъ,
И тѣхъ, что рождаются только въ пустыняхъ,
Въ волненьи и пѣни безмѣрныхъ зыбей,
Оттѣнковъ, что видны лишь избраннымъ взорамъ,
Дрожаній, сверканій, мельканій, которымъ
Нельзя подыскать отражающихъ словъ,
Хоть въ словъ бездонность оттѣнковъ блистаетъ,
Хоть въ словъ красивомъ всегда расцвѣтаетъ
Весна многоцвѣтныхъ цвѣтовъ.*

*Вода безконечные лики вмещаетъ
Въ безмѣрность своей глубины,
Мечтанье на зыбяхъ различныхъ качаетъ,
Молчаньемъ и пѣньемъ душу отвѣчаетъ,
Уводитъ сознание въ сны.*

*Богатыми были, богаты и нынѣ
Просторы лазурно-зеленой пустыни,
Рождающей миръ островной.
И море—все море, но, въ вольномъ просторѣ,
Различно оно въ человѣческомъ взорѣ
Качается грезой—волной.*

*Въ различныхъ скитаньяхъ,
Въ иныхъ сочетаньяхъ
Я слышалъ сказанія бурь,
И знаю, есть разность въ мечтаньяхъ.*

*Я видѣлъ Индійское море, лазурь,
Въ немъ волнѣ голубые извивы;
И Красное море, гдѣ ласковъ коралль,
Гдѣ розовой краскою зыбится валь;
И Желтое, водныя нивы;
Зеленое море, Персидскій заливъ;
И Черное море, гдѣ буенъ приливъ;
И Бѣлое, призракъ красивый.*

*И всюду я думалъ, что всюду, всегда,
Различно-прекрасна Вода.*

3.

Безмолвно она подь землю таится,
Ей Солнце и Небо, тамъ въ сумракъ, снится,
И нѣжная къ Солнцу сумѣтъ прорыться,
Пещеры сплотитъ въ города;
Застынетъ и дремлетъ надъ горной вершиной,
И дрогнетъ, услышавши возгласъ звѣриный,
Отъ крика проснется, сорвется лавиной,
И вихремъ несется Бѣда;
Беззвучна въ колодцахъ, въ прозрачныхъ озерахъ,
Безгласна во влажныхъ ласкающихъ взорахъ,
Но въ снѣжныхъ узорахъ таится въ ней шорохъ
И звонкое вскрытіе льда.

Превратившись въ снѣга, заключившись въ усладу молчанья,
Разстилаясь застывшей студеной нѣмой пеленой,
Отъ зеленой Луны принимая въ снѣжинки мерцанья.
Въ первозданность Вода возвращается теплой весной.

И играетъ волной,
И бѣжитъ, и поетъ,
И горитъ бѣлизной
Уплывающій ледъ.
Наростаніемъ водъ
Затопляетъ луга.
Все побѣдно возьметъ,
Всѣ зальетъ берега.

Какъ раздольна игра
Водопольной волны.
Но шепнули „Пора!“
Уходящія сны.
И рѣчной глубины
Установленъ размѣръ.
Всѣ цвѣты зажжены,
Пышенъ праздникъ весны,
Въ немъ лучи сплетены
Отдаленнѣйшихъ сферъ.

Все приняло свой вѣчный видъ,
Ликъ озера зеркально спитъ,
Безгласно дремлетъ гладь затона;
О безконечности усладъ
Поетъ безсмертный водопадъ,
Ключи бѣгутъ по скатамъ склона.

И рѣкъ причудливый узоръ
Лелѣйной сказкой нѣжитъ взоръ,
Ихъ видъ спокоенъ и беззвученъ;
И тотъ узоръ свѣтло сплетенъ
Въ серебряный, въ хрустальный сонъ,
Среди уклончивыхъ излучинъ.

И безъ конца поютъ ручьи,
И нѣжатъ душу въ забытыи
Воздушно-сладкою тоскою.
Какъ разность ярко здѣсь видна,
Какъ ясно, что вода одна:
Ручей различно—схожъ съ рѣкою.

И намъ преданья говорятъ:
Ручей съ рѣкой — сестра и братъ.

Ручей ласкаетъ слухъ, влечетъ насъ въ отдаленье,
Ручей журчитъ, звучитъ, баюкаетъ, поетъ.
Рѣка лелѣетъ глазъ, даетъ успокоенье
Движеньемъ медленнымъ безмолвствующихъ водъ.

Ручей, какъ чаровникъ, дремотно шепчетъ, манитъ,
Ручей гадаетъ намъ, и вкрадчиво зоветъ.
Рѣка нашъ зыбкій духъ яснитъ, а не туманитъ
Успокоительнымъ теченьемъ свѣтлыхъ водъ.

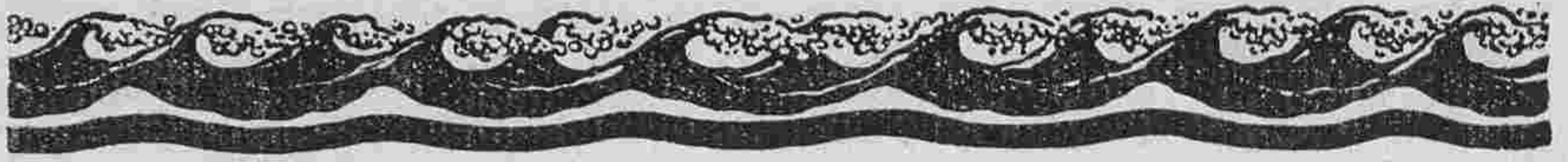
Ручей намъ говоритъ: „Люби! Люби! Люби же!“
Но въ немъ не отраженъ глубокий небосводъ.
Кто въ рѣку заглянулъ, тотъ Небо видитъ ближе,
Лазури хочется безмолвствующихъ водъ.

4.

Но переменная Вода
Быть хочетъ разною всегда,
Восторгъ рождаетъ полногласный.
Къ преображеніямъ бѣжитъ,
Мѣняетъ видъ, и жить спѣшитъ,
Не уставая быть прекрасной.

Вонъ бьется Гейзеръ голубой,
Весь очарованный собой,
Съ водою бѣшено-кипящей.
Какъ ослѣпительно-свѣтла
Она выходитъ изъ жерла,
Кругомъ бросая паръ свистящій.

Столбами пляшет влажный прахъ,
Несчетность радугъ въ тѣхъ столбахъ,
Паденіе дождей алмазныхъ,
Сліянье свѣтовъ и тѣней,
Переплетеніе огней,
Всегда—однихъ и вѣчно—разныхъ.

Тамъ дальше море—Океанъ,
Неизмѣримъ и неогляденъ;
На днѣ утесы, пасти впадинъ,
Подводныхъ силъ военный станъ.

Проходятъ быстрыя акулы,
Домамъ подобныя киты;
Въ прорывахъ влажной темноты
Спиральныя родятся гулы.

Въ круговращеніи своемъ
Чудовищной змѣй подобный,
Гудитъ, и плещетъ съчкой дробной,
Воронка адская, Мальстремъ.

Совсѣмъ другого Океана
Другія области встаютъ;
Существъ невидимыхъ приютъ,
Затишье въ кругъ урагана.

Кораллы межъ морскихъ валовъ,
Водой рожденныя картины;
Червеобразныя плотины
Кольцеобразныхъ острововъ.

Людскихъ строеній первотипы,
Оазисы пустынь морскихъ;
Не люди создавали ихъ,
А кругодумныя полипы.

Имъ свѣта хочется—и вотъ,
Ростутъ узорныя сплетенья,
Осуществляются хотѣнья,
Оазисъ круговой живетъ.

Изъ влаги возстаютъ кораллы,
И волны бѣшено кругомъ
Несутся въ строй боевомъ.
Какъ викинги въ предѣль Валгаллы.

О, да, я знаю, что всегда
Полна безмѣрныхъ чаръ Вода
Но понялъ это я не сразу.
Все въ мѣрѣ нужно различать,
На всемъ лежитъ своя печать,
И аметистъ—не братъ алмазу.

5.

Я помню, въ далекіе дѣтскіе дни
Привидѣлся странный мнѣ сонъ.
Мнѣ снилось, что бѣлые въ Небѣ огни,
И ими нашъ садъ озаренъ.

Сверкаютъ далеко холодныя льды,
Струится безжизненный свѣтъ.
Звѣзда отражаетъ сіянье звѣзды,
Сплетаются гроздья планетъ.

Сплетаются тысячи крупныхъ планетъ,
Блестятъ, возростають, растутъ.
Но въ этомъ сіяньи мнѣ радости нѣтъ,
Цвѣты предо мной не цвѣтутъ.

Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ лепестка,—
Иначе зажжется ли взглядъ.
Но нѣтъ предо мною въ саду ни цвѣтка,
Весь бѣлый безжизненный садъ.

И сталъ я тихонько молиться въ бреду,
И звѣзды дрожали въ отвѣтъ.
И что-то какъ будто мѣнялось во льду,
И таяли гроздья планетъ.

И, въ свѣтлой по новому, въ той полумгль
Возникли потоки дождя.
Они прикоснулись къ далекой земль,
Съ высокаго Неба идя.

Поль-міра окуталъ блистающій мостъ,
Въ немъ разные были цвѣта.
Въ немъ не было блѣдности мертвенныхъ звѣздъ,
Живая была красота.

О, чудо. О, радость. Вблизи предо мной,
Вдругъ ожилъ мой сказочный садъ.
Цвѣты расцвѣтали живою пеленой,
Былъ свѣтель младенческой взглядъ.

Раздвинулись полосы ровныхъ аллей,
Свѣтло заигралъ изумрудъ.
Подъ частую чащей зеленыхъ вѣтвей
Цвѣты голубые цвѣтутъ.

Багряныхъ, и алыхъ, и желтыхъ цвѣтовъ
Росла золотая семья.
Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ лепестковъ,
И это такъ чувствовалъ я.

*И въ ландышахъ бѣлыхъ, отъ капель дождя
Иначе зажглась бѣлизна.*

*И дождь прекратился. И, съ Неба идя,
Струилась лишь музыка сна.*

*Мы видимъ въ младенчествѣ вѣщiе сны.
Такъ близко мы къ Небу тогда.*

*И этого сна, и цвѣтовъ пелены,
Не могъ я забыть никогда.*

*Съ звездою, блистая, сплеталась звезда,
Тянулась звезда до звезды.*

*Я помню, я понялъ впервые тогда
Зиждительность свѣтлой Воды.*

6.

*Но минули дѣтскiе годы,
Много хотѣла мечта.
Хоть все же я въ царствѣ Природы
Любилъ и цвѣты, и цвѣта.*

*Блаженно, всегда и повсюду,
Мнѣ чудились рокоты струнъ.
Я шелъ къ неизвѣстному чуду,
Мечтателенъ, нѣженъ, и юнъ.*

*И ночью плѣнительной Мая,
Да, въ первую четверть Луны,
Мнѣ что-то сверкнуло, мелькая,
И вновь я увѣровалъ въ сны.*

*Я помню баяканья бала,
Весь ожилъ старинный нашъ домъ.
И музыка сладко звучала
Въ мечтательномъ сердцѣ моемъ.*

*Улыбки, мельканья, узоры,
Желанныя сердцу черты.
Мгновенно-слiянныя взоры,
Цвѣты и мечты Красоты.*

Все было вотъ здѣсь, въ настоящемъ,
Въ волнѣ нарастающихъ силъ.
Съ желанною, въ залъ блестящемъ,
Я въ вальсъ старинномъ скользилъ.

И чудилось мнѣ, что столѣтій
Надъ нами качался полетъ.
Но мы проносились, какъ дѣти,
И полъ озарялся, какъ ледъ.

И близкое тѣло скользило,
Я нѣжно объятіе длю.
„Ты любишь?“ душа говорила.
Глаза говорили: „Люблю“.

Другъ другу сказали мы взоромъ,
Что тотчасъ мы спустимся въ садъ.
И связаны тѣмъ договоромъ,
Скользили, какъ тѣни скользятъ.

Лишь нѣсколько быстрыхъ мгновений,
И мы отошли отъ огней.
Мы въ сумракъ цвѣтущихъ сиреней
Съ знакомыхъ сошли ступеней.

И стройная музыка бала,
И вальса стариннаго звонъ,
Какъ дальняя сказка звучала,
И душу качала, какъ сонъ.

Но ближе другое вліянье
Слагало свой властный напѣвъ.
Всѣ думы сожгло ожиданье,
И сердце блеснуло сгорѣвъ.

Въ саду, въ томъ старинномъ, пустынномъ,
Гдѣ праздникъ цвѣтовъ былъ мнѣ данъ,
Подъ свѣтомъ планетъ паутиннымъ
Журчалъ неумолчно фонтанъ.

О, какъ былъ узывчивъ тотъ сонный
И вѣчно-живой водоемъ.
Онъ полонъ былъ мысли бездонной
Въ журчаньи безсмертномъ своемъ.

Изъ раковинъ звонкихъ сбѣгая,
И влагу въ лобзаньяхъ дробя,
Вода трепетала, сверкая,
Онъ лился въ себя-изъ себя.

И снова, какъ въ дѣтствѣ, свѣтили
Созвѣзды съ нѣмой высоты.
И въ сладостно-дышущей силѣ
Цвѣли многоцвѣтно цвѣты.

Но пряности ихъ аромата
Сказали намъ, съ пѣніемъ водъ,
Что къ прошлому нѣтъ намъ возврата,
Что новое новымъ живетъ.

И пѣли такъ сладко свирѣли
Въ себя убѣгающихъ струй,
Что мы колебаться не смѣли,
И влажный возникъ поцѣлуй.

И радостныхъ звѣздъ чарованье,
Свѣтилось такъ странно въ тотъ часъ,
Что влажное это сліянье
Навѣкъ пересоздало насъ.

Я видѣлъ такъ ясно узоры,
Сплетенья, гирлянды планетъ.
И чьи-то безсмертные взоры
Хранили немеркнущій свѣтъ.

Лелѣя цвѣты міровые,
Межъ звѣздъ проходила Весна.
Въ той ночи прозрачной, впервые
Я понялъ, какъ влага нѣжна.

7.

Боль, какъ бы ни пришла, приходитъ слишкомъ рано.
Прошли въ теченьи лѣтъ еще, еще года,
На шепчущемъ пескѣ ночного Океана
Я въ полночь былъ одинъ, и пѣнилась вода.

Вставалъ и упадалъ прибой живой пустыни,
Рожидала отклики на сушь глубина.
Былъ тотъ же Океанъ, отъ вѣка и донинѣ,
Но я не зналъ, о чемъ поетъ его волна.

Въ моемъ сознаниі иныя волны плли,
Припоминанія всего, что видѣлъ я.
И чудилась мнѣ мать у дѣтской колыбели,
И чудился мнѣ гробъ, любовь и смерть моя.

Въ предѣльность точную замкнутыя стремленья,
Паденье, высота, разорванный узоръ.
Все тѣхъ же вѣчныхъ силъ все новыя сцѣпленья.
Моей души ночной качанье и просторъ.

Но за разорванной и многоцвѣтной тканью
Я чувствовалъ мою—иль не мою—мечту.
Въ конць-концовъ я радъ—всему, я радъ страданью,
Я нити яркія въ живой узоръ плету.

Но мнѣ хотѣлось знать все содержанье смысла.
Куда же я иду? Куда мы всѣ идемъ?
Скажите, звѣзды, мнѣ, вы, замыслы и числа,
Вы, волны вѣчныя, чьихъ влажныхъ ласкъ мы ждемъ.

На Небѣ облака, нѣжныи мечтаній лѣтомъ,
Въ холодной ясности ночного Сентября,
Дышали призрачнымъ неуловимымъ свѣтомъ,
Какъ бы сознаниемъ прошедшаго горя.

Отъ водъ вставала мгла волнистаго тумана,
И долго я смотрѣлъ на синій небосклонъ.
И вотъ въ мои зрачки—отъ зыбей Океана
И отъ высотъ Небесъ—вошелъ безсмертный сонъ.

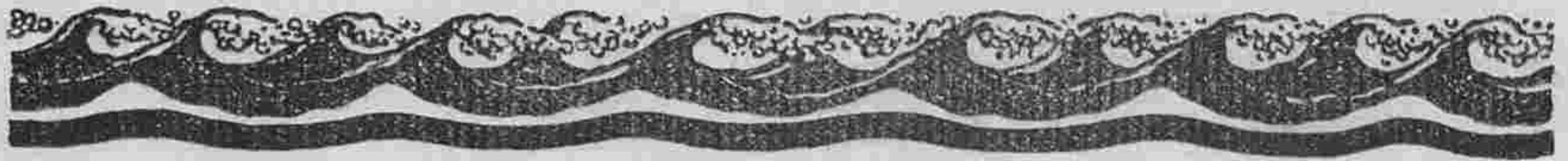
Такъ глубока Вода, подъ Небомъ безъ предѣла,
Такая тайна въ двухъ живетъ, всегда дыша,
Что можетъ утонуть въ ихъ снахъ не только тѣло,
Но и глубокая, всезрящая душа.

Изъ легкой водной мглы и изъ сіяній звѣздныхъ,
Изъ нѣжно-зыбкаго, воздушнаго руна,
Межъ двухъ бездонностей, и въ двухъ зеркальныхъ безднахъ,
Возникла призрачно-блаженная страна.

Міръ, гдѣ ни мукъ, ни тьмы, ни страха, ни обиды,
Гдѣ всѣ, плетя узоръ, въ узорность сплетены.
Какъ будто города погибшей Атлантиды,
Преображенные, возстали съ глубины.

Домовъ прекраснѣйшихъ возникли мириады,
Среди невиданныхъ фонтановъ и садовъ.
Я зналъ, что въ тѣхъ стѣнахъ всегда лучисты взгляды,
И могутъ все сказать глаза живыхъ—безъ словъ.

И-1-2-6926

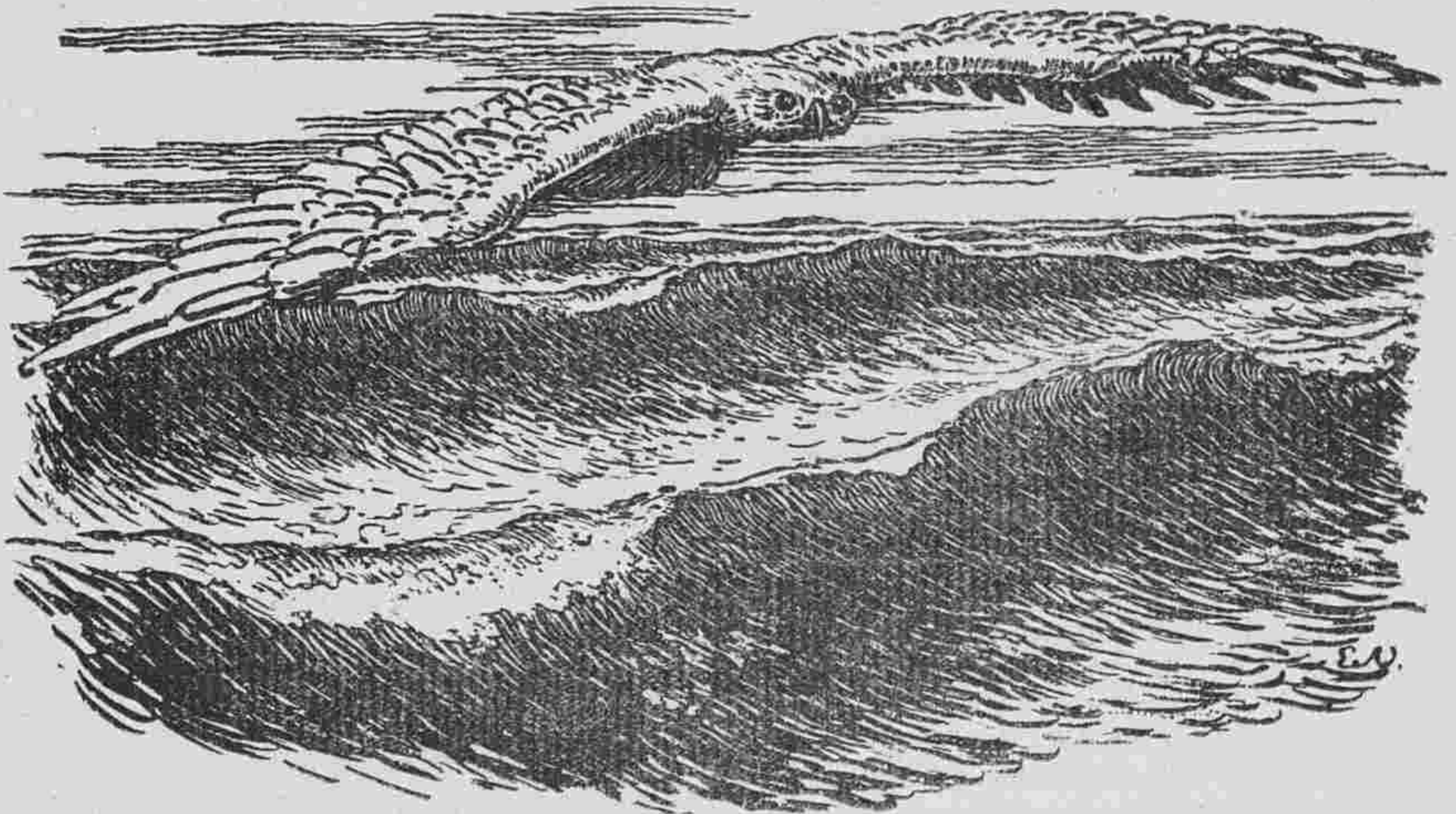

Здѣсь каждый новый день былъ сказкой, какъ вчерашній,
Созданій мысленныхъ, дрожа, росли лѣса.
Здѣсь каждый стройный домъ кончался легкой башней,
И все, что на земль, всходило въ Небеса.

Весь блѣдный Океанъ сліялся съ небосклономъ,
Нѣтъ нежеланнаго ни въ чемъ, ни гдѣ-нибудь.
Весь міръ наполнился однимъ воздушнымъ звономъ,
Вселенная была—единый Млечный Путь.

И этихъ блѣдныхъ звѣздъ мерцающія рѣки
Сказали молча мнѣ, какой удѣлъ намъ данъ.
И въ тотъ полночный часъ я сталъ инымъ навѣки,
И понялъ я, о чемъ поетъ намъ Океанъ.

К. Бальмонтъ.

ш-1-0-6926

G. Giulio III.

R.

Внѣшній видъ церкви (Арх. Симонсонъ).

Eglise Alexandre-Nevski à Abas-Touman (Arch. Simonson).

Дворцовая, во имя Св. Александра Невского, церковь въ Абась-Туманѣ сооружена по волѣ и на средства почившаго Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича.

Закладка происходила въ іюнѣ 1896 г., освященіе въ сентябрѣ 1898 г., въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича.

Строителемъ церкви былъ даровитый кавказскій архитекторъ академикъ Симонсонъ. Стиль церкви древне-грузинскій. Построена она изъ мѣстнаго камня, красиво подобраннаго по цвѣтамъ.

*М. В. Нестеровъ (M. Nesteroff).
Стѣнопись въ Абасъ-Туманской церкви.*

Въ годъ освященія церкви для ея росписи былъ приглашенъ М. В. Нестеровъ, по желанію Наслѣдника Цесаревича. Эскизы частью были утверждены самимъ Наслѣдникомъ, остальные, по его кончинѣ, были одобрены Ихъ Величествами.

Общее вѣдѣніе работами было Высочайше возложено на Великаго Князя Георгія Михайловича.

Къ росписи приступлено на мѣстѣ въ 1902 году. До пятидесяти живописныхъ композицій на стѣнахъ и въ иконостасѣ были исполнены М. В. Нестеровымъ лично. Подготовительныя и орнаментныя работы (въ композиціяхъ и копіяхъ съ древне-грузинскихъ образцовъ) велись подъ непосредственнымъ руководствомъ М. В. Нестерова художниками: Замирайло, Сафонымъ и Ярошенко.

*М. В. Нестеровъ (M. Nesteroff).
Стѣнопись въ Абасъ-Туманской церкви.*

Всѣ художественныя работы заняли около 3-хъ лѣтъ и были закончены къ сентябрю 1904 года.

Впечатлѣніе храмъ производитъ свѣтлое и нарядное. По бѣлому фону идетъ, какъ бы инкрустированный, золотой орнаментъ, который служитъ рамой для многочисленныхъ Евангельскихъ и церковно-историческихъ композицій.

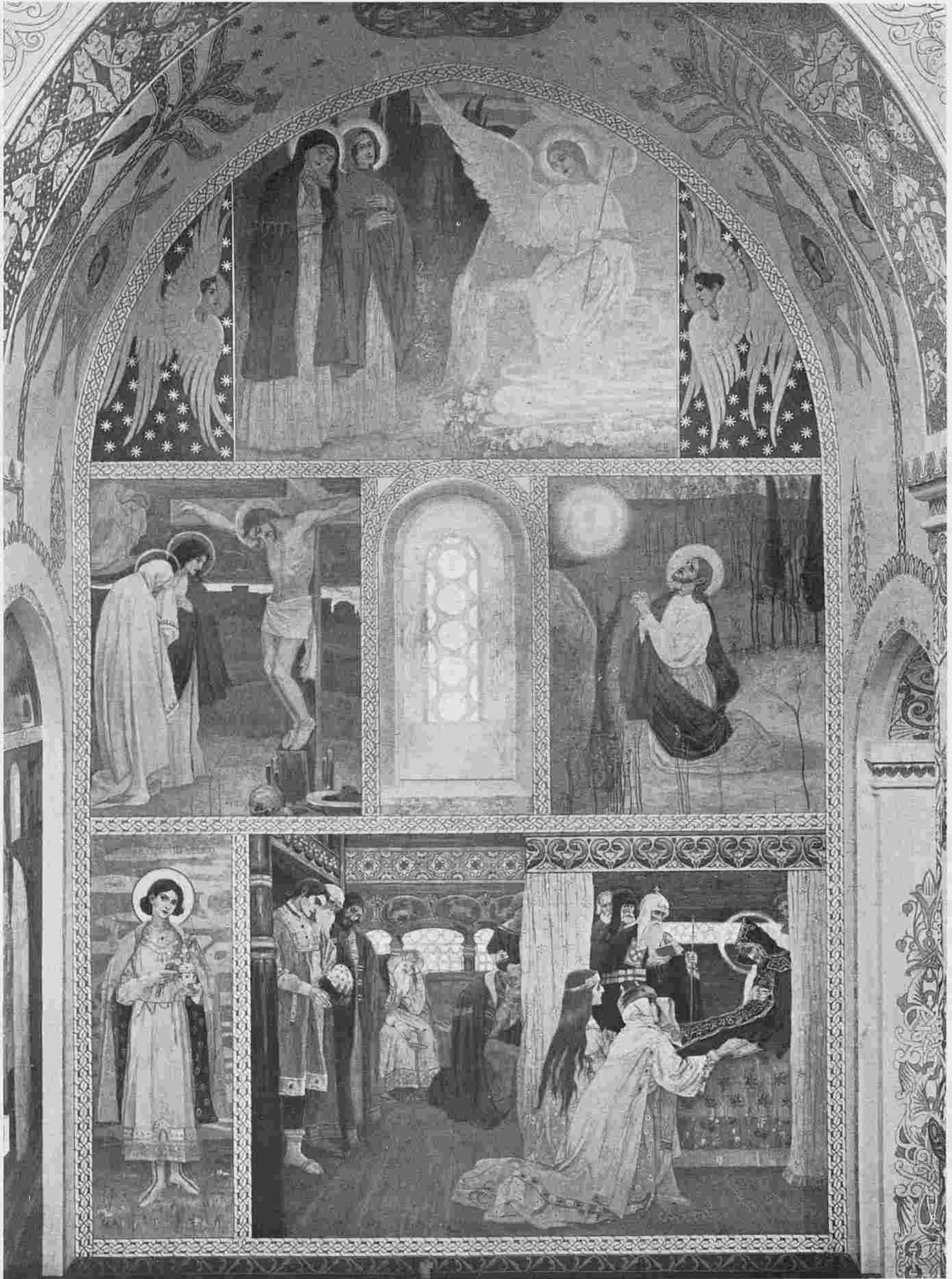
*М. В. Нестеровъ (M. Nesteroff).
Стѣнопись въ Абасъ-Туманской церкви.*

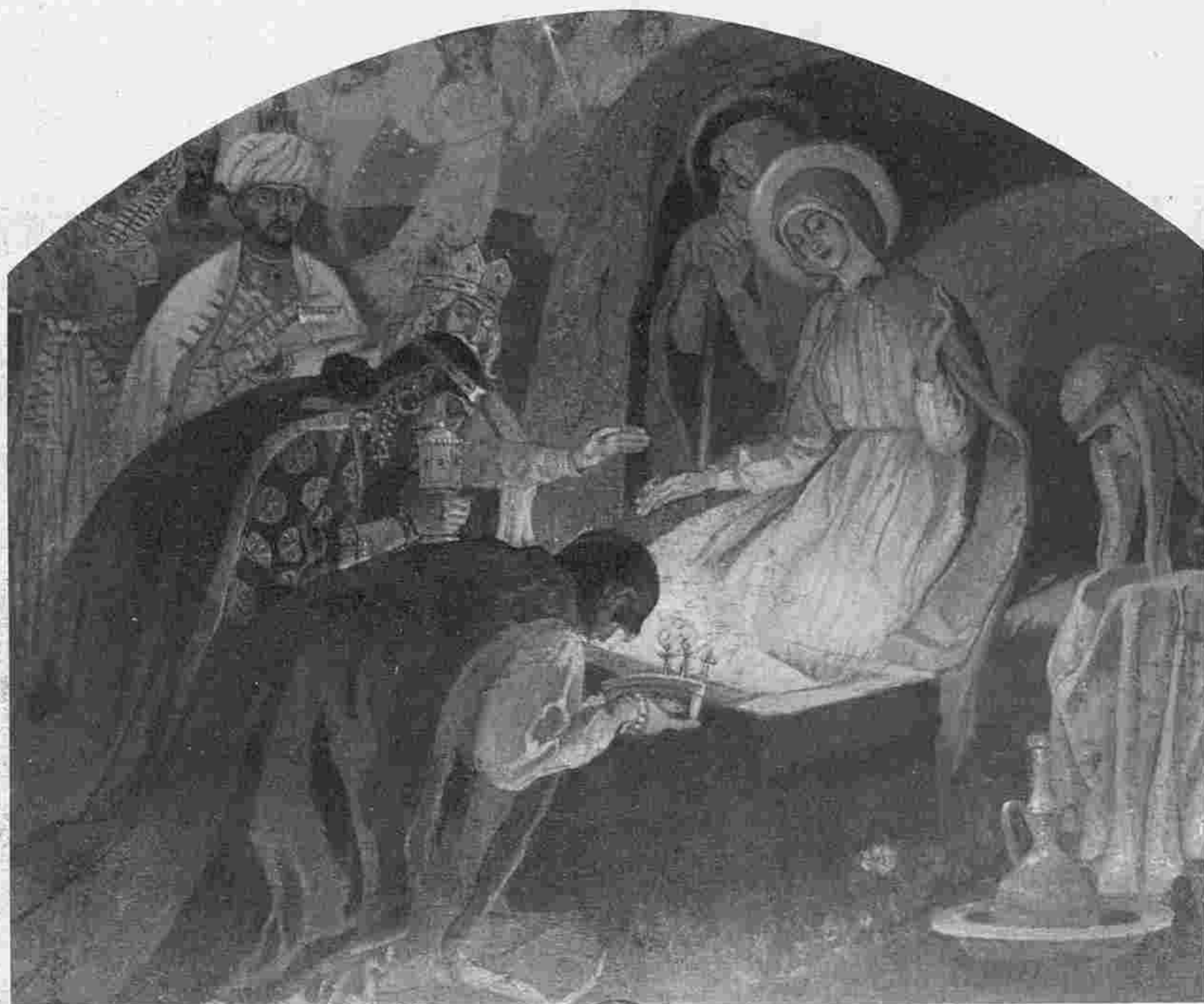
М. В. Нестеровъ (M. Nesteroff).
 Стѣнопись въ Абасъ-Туманской церкви.

*М. В. Нестеровъ (M. Nesteroff).
Стѣнопись въ Абасъ-Туманской церкви.*

М. В. Нестеровъ (M. Nesteroff).
Стѣнопись въ Абасъ-Туманской церкви.

*М. В. Нестеровъ (M. Nesteroff).
Стьнопись въ Абасъ-Туманской церкви.*

МЮНХЕНСКІЙ СЕЦЕССИОНЪ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТЪ ЧЕТВЕРТАГО ГОДА.

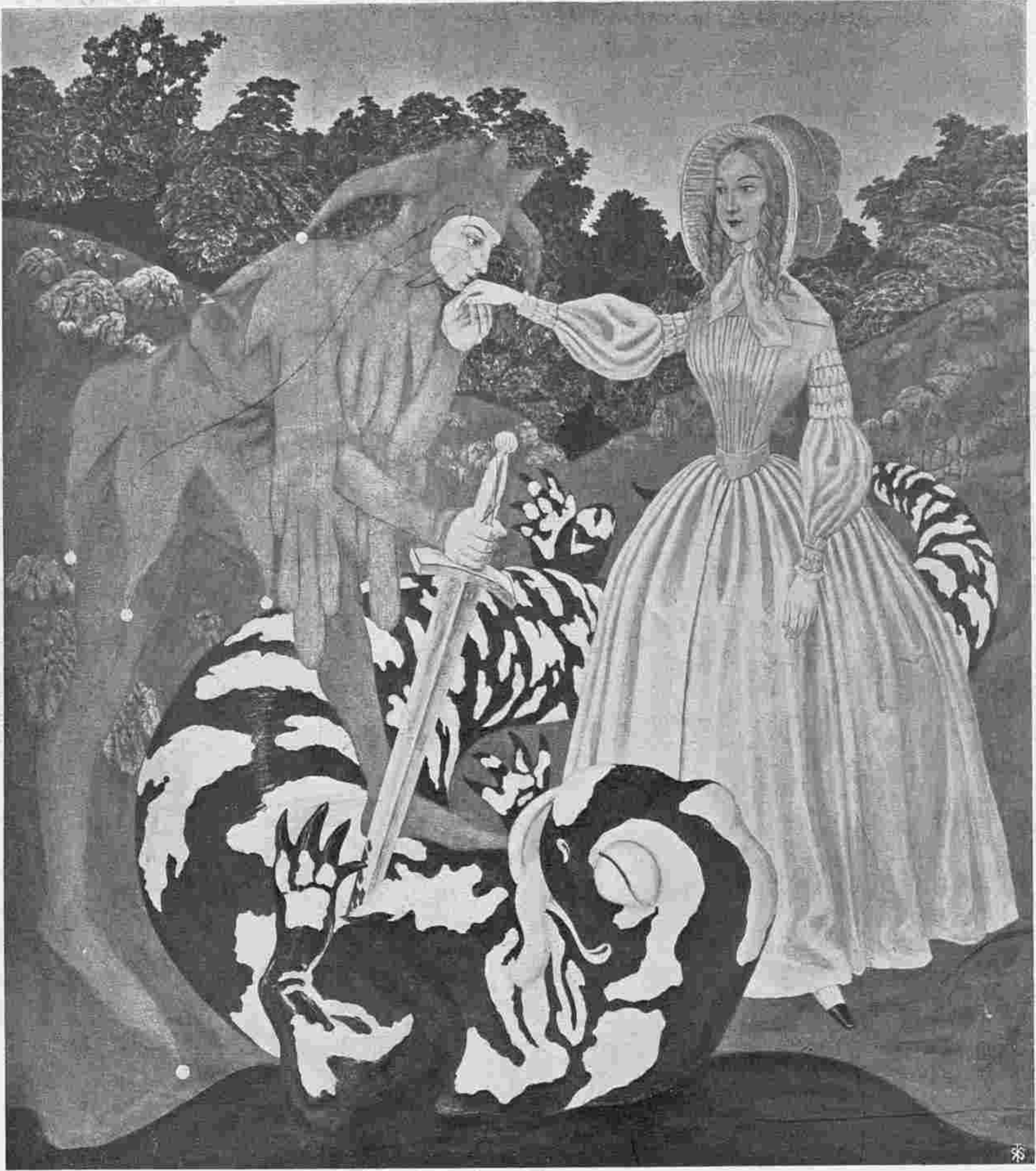
Г. Климтъ (G. Klimt).
Дамскій портретъ.

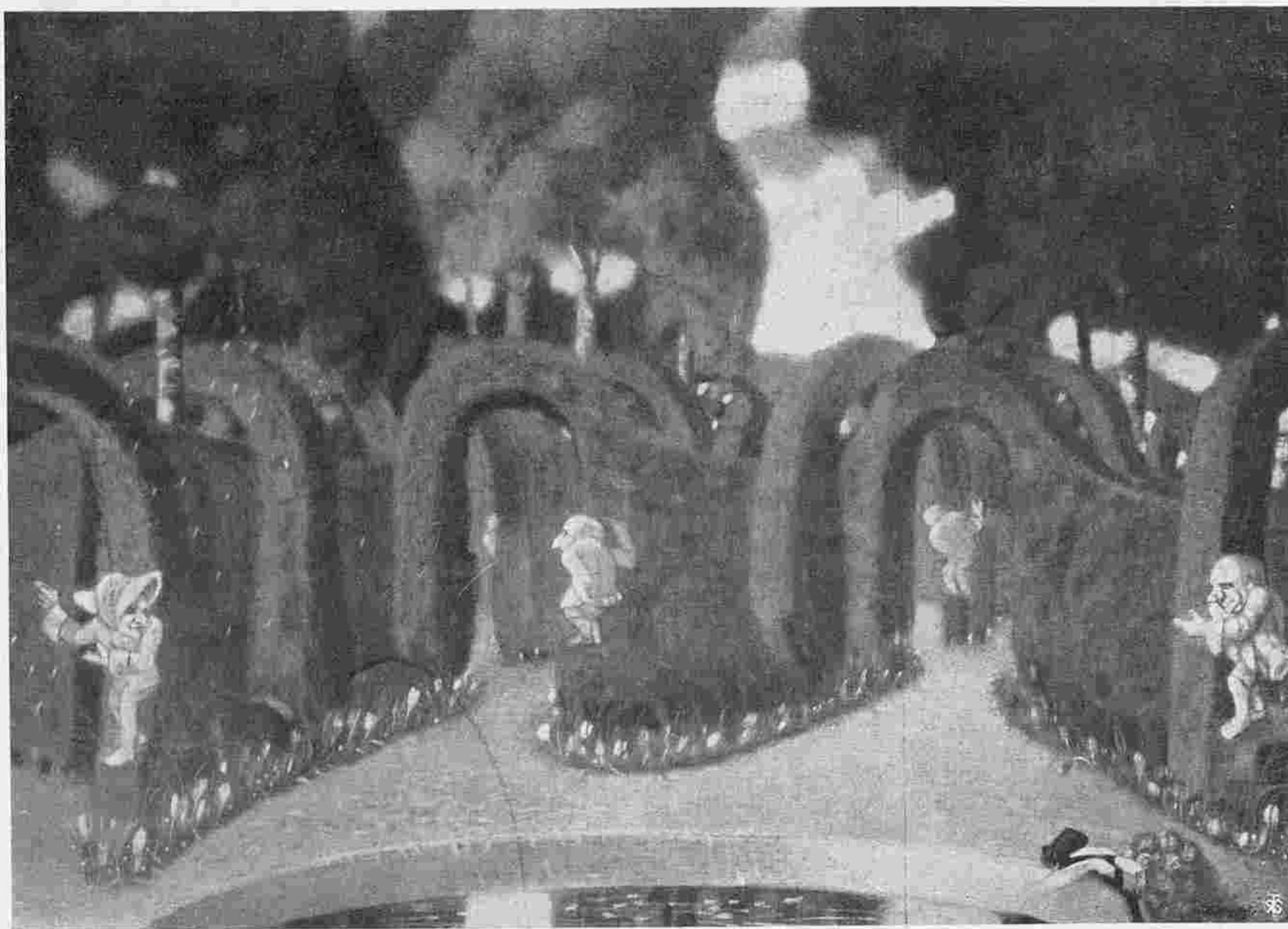
*М. Либерманъ (M. Liebermann).
Въ Зоологическомъ саду.*

Ю. Дицъ (J. Diez).
Соблазнитель.

*Т. Т. Гейне (T. Th. Heine).
Освободитель.*

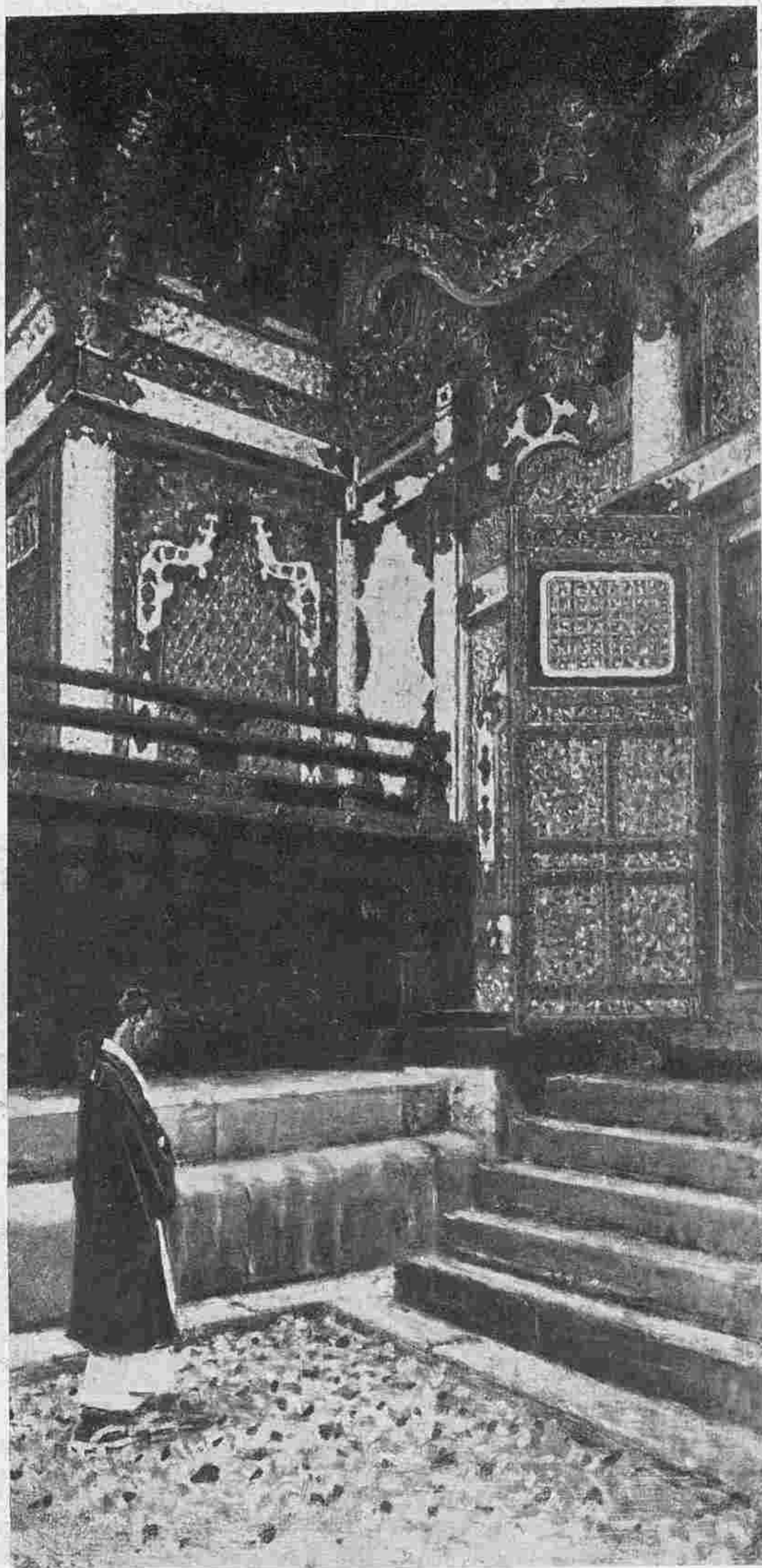

Ю. Дицъ (J. Diez).
Таинственный садъ.

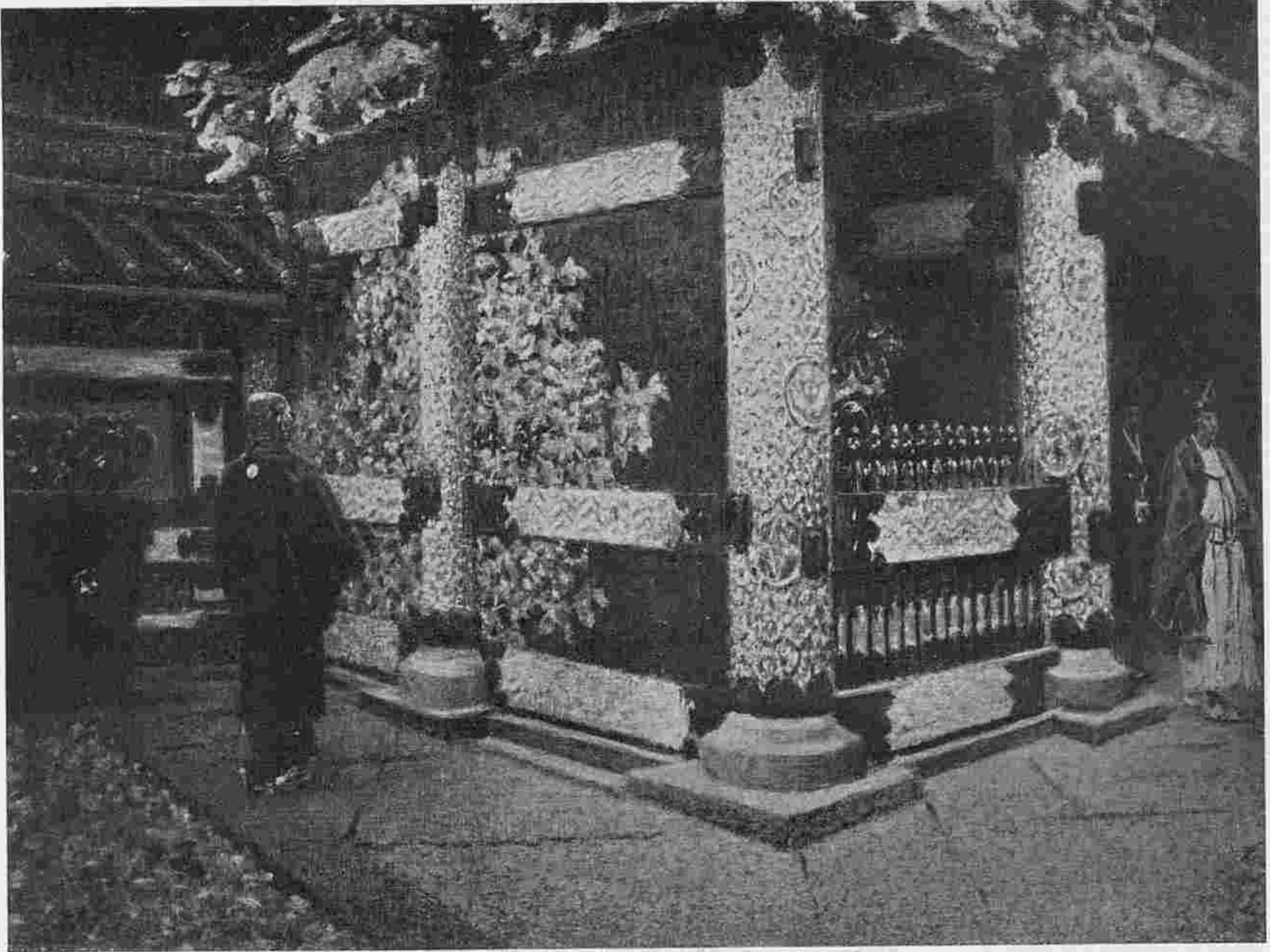

Т. Т. Гейне (Т. Th. Heine).
Чортъ. Скульптура изъ дерева.

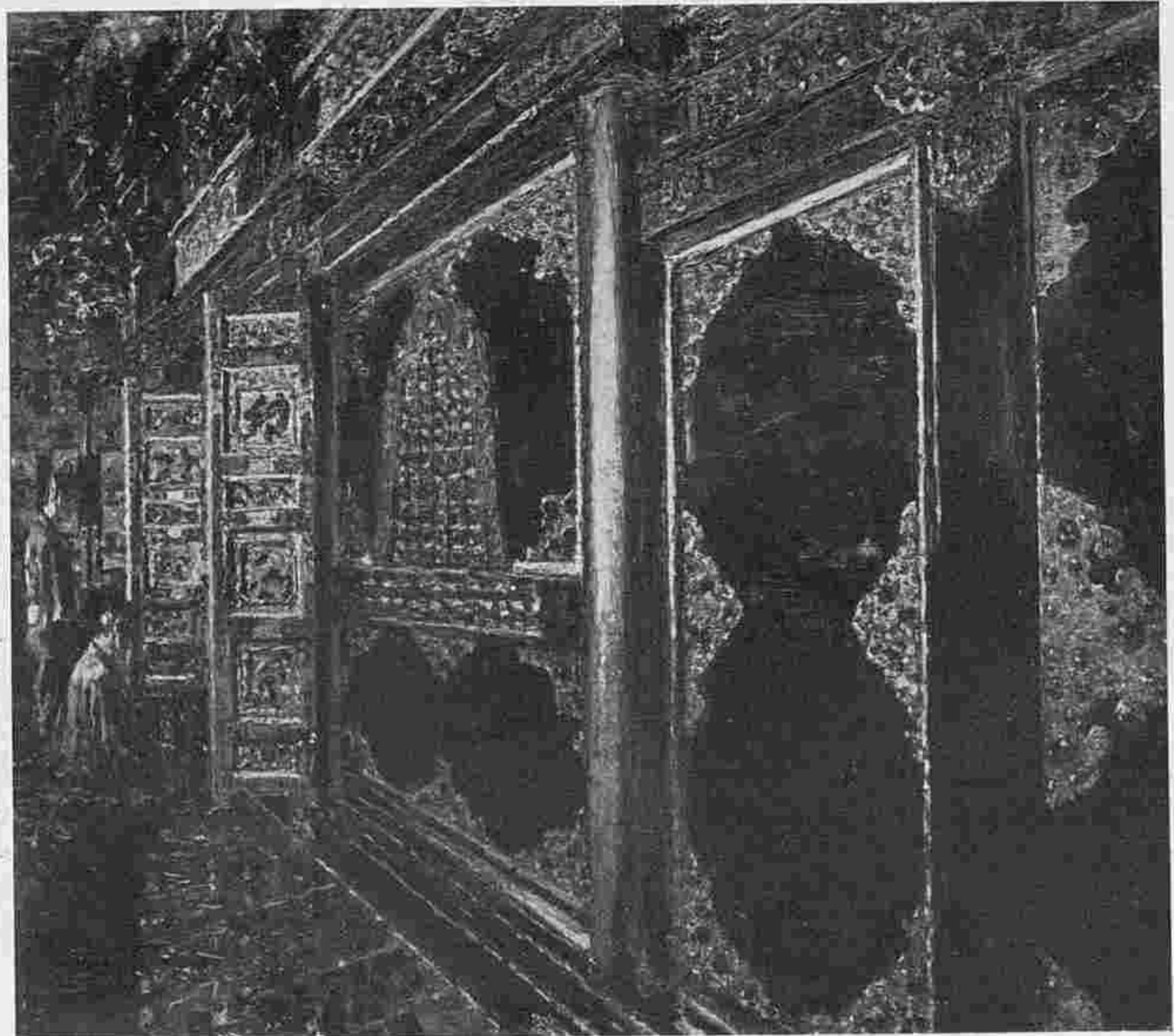
В. В. ВЕРЕЩАГИНЪ.
ШЕСТЬ ЯПОНСКИХЪ
ЭТЮДОВЪ (1903 года)
СЪ ПОСМЕРТНОЙ
ВЫСТАВКИ 1904 года.

В. В. Верецагинъ (В. Werestchaguine).

*В. В. Верещагинъ.
(B. Werestchaguine).*

*В. В. Верещагинъ (В. Werestchaguine).
Японскіе этюды 1903 г.*

и-1-Д-6926.

2

1904

1 а

258

нкз

т.12

у/ф

№7-12

ВЫДАВАТЬ В
ФОНДЕ

ВЫДАВАТЬ
В
ФОНДЕ